

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

МАКАРІЯ,
АРХІЕПИСКОПА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО.

ТОМЪ VIII.

~~182~~
35 В 3/71
ИСТОРИЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ ПЕРЮДЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ЕЯ НА ДВѢ МИТРОПОЛИИ.

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Юлія Андр. Бокрама.
Большая Московская, № 4.

1877.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать позволяется.
С.-Петербургъ, 14 Января 1876 года.

Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.

2007087042

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА VI.

БОГОСЛУЖЕНИЕ.

	Стр.
<i>I. Св. храмы, иконы, кресты, колокола.</i>	
Замѣчательнѣйшіе храмы:	
Въ Москвѣ	1
Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи	4
Число храмовъ въ разныхъ городахъ Россіи	6
Храмы обѣтныя и теплыя	7
Храмы соборныя и число ихъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ.	9
Извѣстные иконописцы, состояніе иконописанія и распоряже- нія церковной власти относительно иконописанія	12
Древнія иконы, приносившіяся въ Москву для обновленія .	17
Иконы чудотворныя и новоявленные	19
Принесеніе иконъ въ Москву изъ покоренныхъ городовъ .	20
Рѣзные иконы и кресты	21
Форма или виды крестовъ	23
Болокола	25
<i>II. Новые праздники въ Россіи, новые церковныя службы и обряды и измѣненія въ церковномъ плъни.</i>	
Число новыхъ праздниковъ	27
Праздники въ честь русскихъ Святыхъ, установленные:	
До митрополита Макарія	29
При митрополитѣ Макаріѣ на соборахъ 1547—1549 г.	43
Послѣ означенныхъ соборовъ до конца періода	45
Праздники въ честь св. иконъ и въ память отечественныхъ событій	48
День всеобщей панихиды	50

Церковныя службы и пѣснопѣнія, составленныя:

Во второй половинѣ XV в. и, въ частности, пѣснопѣнія сербя Пахомія Логовета	51
Съ начала XVI в. до соборовъ 1547—1549 г.	57
По поводу этихъ соборовъ и послѣ нихъ до конца періода.	59
Достоинство этихъ службъ и пѣснопѣній	61
Новые обряды:	
Обрядъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ митрополитовъ	63
Обрядъ шествія на ослати въ недѣлю Ваий	66
Обрядъ пещнаго дѣйствія	68
Новые крестные ходы въ Москвѣ, установленные Стоглавымъ соборомъ	70
Въ чемъ состояли измѣненія въ церковномъ пѣніи	71

III. Церковно-богослужебныя книги и священнодѣйствія:

Разности въ богослужебныхъ книгахъ	75
Погрѣшности въ нихъ	78
Попытки къ исправленію и предотвращенію такихъ погрѣш- ностей:	
Попытка Максима грека	80
Постановленіе Стоглаваго собора	—
Исправленія, сдѣланныя самимъ Стоглавымъ соборомъ.	82
Печатаніе богослужебныхъ книгъ	84
Погрѣшности и неисправности при совершеніи священнодѣйствій.	86
Мѣры противъ этого Стоглаваго собора	87
Разности въ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ	89

IV. Двуперстіе для крестнаго знаменія и благословенія и
сугубая аллилуія.

Постановленіе Стоглаваго собора о двуперстіи для крестнаго знаменія и благословенія	91
Дѣйствительно ли это постановленіе принадлежитъ Стогла- вому собору ?	93

Когда появилось у насъ такое перстосложеніе для крестнаго знаменія и благословенія?	96
Два предварительныя замѣчанія	—
Въ первой половинѣ XV в. у насъ употреблялись два различныхъ перстосложенія: одно для крестнаго знаменія, другое для благословенія	99
Какое перстосложеніе употреблялось въ предшествовавшіе вѣка для крестнаго знаменія?	101
Какое—для благословенія?	108
Какъ изъ двухъ различныхъ перстосложеній могло составитьcя одно—двуперстное и для крестнаго знаменія и для благословенія?	114
Появленіе у насъ ученія объ этомъ перстосложеніи во второй половинѣ XV в. и основанія, для него тогда придуманныя	116
Слѣды ученія о двуперстїи и употребленія его въ первой половинѣ XVI в.	122
Возведеніе ученія о двуперстїи на степень догмата Стоглавымъ соборомъ	124
Распространеніе этого ученія послѣ Стоглаваго собора и свѣдѣтельства объ употребленіи тогда русскими троеперстїа для крестнаго знаменія	126
Первые слѣды у насъ сугубой аллилуїи въ XIV—XV в. и первыя обличенія противъ нея; посланіе митрополита Фотїа въ Псковъ объ аллилуїи	129
Ревнованіе преп. Евфросина псковскаго о сугубой аллилуїи, его споры объ ней съ псковскимъ духовенствомъ и посланіе неизвѣстнаго противъ нея во второй половинѣ XV в.	131
Посланіе къ архіепископу новгородскому Геннадію Димитрія толмача объ аллилуїи и новый ревнитель сугубой аллилуїи — безымянный писатель житія преп. Евфросина въ нач. XVI в.	137
Мнѣніе Максима грека о сугубой аллилуїи; житіе преп. Ев-	

фросина, составленное пресвитеромъ Васи́лемъ въ 1547 г.; служба преп. Евфросину съ восхвалениемъ сугубой алли- луйи и возведение ея на степень догмата Стоглавымъ со- боромъ	139

ГЛАВА VII.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

I. Законы, которыми руководствовалась Церковь.

Кормчая книга: въ какомъ видѣ она у насъ употреблялась?	
Кормчія, по номоканону Схоластикова и Фотіеву, съ изложениемъ однихъ правилъ безъ толкованій . . .	143
Кормчія, по номоканону Фотіеву, съ изложениемъ пра- вилъ съ толкованіями, фамиліи рязанской и софійской.	145
Кормчія, по номоканону Фотіеву, съ изложениемъ пра- вилъ съ толкованіями по гл҃вамъ и главамъ этого номоканона.	149
Кормчая князя - старца Вассіана Косаго	150
Кормчая такъ-называемая сводная	159
Другіе каноническіе сборники, греческіе и русскіе.	165
Правила и узаконенія русскихъ соборовъ, іерарховъ и князей.	167

II. Церковное управление и судъ.

Вѣдомство церковнаго управленія и суда	169
Высшая, правительственная и судебная, власть въ церкви— Соборы	171
Пространство власти митрополита	176
Власть епархіальныхъ архіереевъ	181
Епархіальное управленіе:	
Священники приходскіе	182
Священники безприходные или безмѣстные	186
Священники пришлые	188
Священники вдовы	190

	Стр.
Причетники и просвиры	193
Служебныя лица по епархіальному управленію: архіерейскіе намѣстники, поповскіе старосты и другіе. —	—
Способы надзора за епархіальнымъ духовенствомъ . .	197
Епархіальные соборы	201
Епархіальный судъ:	
Судъ по дѣламъ духовнымъ, его устройство и кругъ вѣдомства	202
Суды по дѣламъ недуховнымъ, устройство этихъ судовъ и кругъ вѣдомства	204
Порядокъ судопроизводства во всѣхъ судахъ епархіи .	206
Судъ смѣстный или общій.	211
Пошлины по епархіальному управленію и суду:	
Съ отдѣльныхъ лицъ епархіальнаго духовенства . .	212
Съ цѣлыхъ церковныхъ причтовъ и монастырей . .	214
Съ мірянъ	221
Церковныя причты и монастыри, освобождавшіеся отъ епархіальнаго суда и пошлинъ.	223
Міряне, освобождавшіеся отъ церковныхъ пошлинъ . . .	225
III. Церковныя владѣнія: недвижимыя имуществы и крестьяне.	
Кому принадлежали эти владѣнія, ихъ разные виды и способы пріобрѣтенія	226
Пространство этихъ владѣній	229
Владѣнія архіерейскихъ каѳедръ	230
Владѣнія монастырей	235
Владѣнія бѣлаго духовенства	240
Попытки къ отобранію и ограниченію церковныхъ владѣній:	
Въ началѣ періода	242
Съ послѣдней четверти XV в., при Иванѣ III, Василіѣ Ивановичѣ и правительницѣ Еленѣ	243
При Иванѣ Васильевичѣ IV	247
Какъ владѣла церковь своими имѣніями и крестьянами, осо-	

	Стр.
бенности этого владѣнія и служебныя лица, которымъ по- ручалось завѣдываніе церковными имѣніями и крестьянами.	255
Управленіе церковными имѣніями и крестьянами	260
Судъ надъ церковными крестьянами и по тяжбамъ о церков- ныхъ имѣніяхъ	263
Какъ пользовались духовные владѣльцы своими владѣніями .	266
Личныя повинности и оброки церковныхъ крестьянъ духов- нымъ землевладѣльцамъ и ихъ прикащикамъ	270
Ограниченіе власти духовныхъ землевладѣльцевъ надъ ихъ имѣніями и крестьянами; повинности и оброки этихъ крестьянъ государству	276

IV. *Содержаніе духовенства.*

Источники для содержанія и доходы:

Архіереевъ	280
Монастырей	281
Блага духовенства	289

Употребленіе духовными лицами своихъ доходовъ:

На собственныя потребности	296
На вспомошествованіе бѣднымъ и нищимъ	297
На отбываніе государственныхъ повинностей	299
На пожертвованія для временно-открывавшихся нуждъ церкви и государства	302
На «помины» или подарки	304

ГЛАВА VIII.

ВѢРА И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

I. Приверженность русскихъ къ своей вѣрѣ и слабыя о ней по- знанія; примѣры обширныхъ познаній о вѣрѣ и недостат- ки этихъ познаній	309

Вредное вліяніе подложныхъ сочиненій и отреченныхъ книгъ

	Стр.
на религиозное сознание,—господство всякаго рода суевѣрій въ народѣ и духовенствѣ	312
Увлеченіе лицъ духовныхъ и мірянъ ересью жидовствующихъ и другими	315
II. Приверженность русскихъ къ <i>обрядовой сторонѣ своей вѣры</i> , ихъ почтеніе, уваженіе, любовь:	
Къ св. храмамъ	317
Къ св. иконамъ и другимъ свящ. предметамъ . . .	319
Къ молитвѣ и употребленію крестнаго знаменія . .	320
Къ постамъ и иноческимъ подвигамъ, въ особенностяхъ, къ юродству Христа ради.	322
Къ благословенному хлѣбу и св. водѣ	325
Крайности, до какихъ простиралась эта привязанность къ обрядамъ, и вредныя отъ нея послѣдствія въ области вѣры.	327
III. Вредныя послѣдствія отъ излишней привязанности къ обрядамъ въ области нравственности; примѣры истиннаго благо- честія и господство благочестія внѣшняго, фарисейскаго. .	331
Состояніе нравственности:	
Въ высшемъ сословіи общества	333
Въ духовенствѣ	336
Во всѣхъ прочихъ сословіяхъ	339

ГЛАВА IX.

ОТНОШЕНІЕ ВОСТОЧНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ И ИСПОВѢДАНІЯМЪ.

I. Отношеніе къ православнымъ церквамъ востока и юго- славянскимъ.

Особенное положеніе восточно-русской церкви въ кругу этихъ церквей и въ чемъ состояли ея сношенія съ ними . . .	345
Непрерывныя пособія этимъ церквамъ изъ Россіи:	
Въ княженіе Василя Васильевича Темнаго	347

	Стр.
— Ивана Васильевича III , . . .	349
— Василя Ивановича	353
— Ивана Васильевича IV	357
— Оедора Ивановича до конца настоящаго періода. . .	365
Замѣчаніе о приходившихъ къ намъ за этими пособіями, ихъ поминки нашимъ вел. князьямъ и посылка русскихъ въ Царьградъ для изученія греческаго языка	367
<i>II. Отношеніе къ церкви римской.</i>	
Какъ смотрѣли у насъ на латинянъ и ихъ вѣру. . . .	370
Попытки папъ и ревнителей папства къ совращенію русскихъ:	
При вел. кн. Василю Васильевичѣ и Иванѣ III . . .	373
При Василю Ивановичѣ.	382
При Иванѣ IV, —его бесѣда о вѣрѣ съ Антоніемъ Пос- севиномъ	386
<i>III. Отношеніе къ лютеранамъ и другимъ протестантскимъ обществамъ.</i>	
Когда и какъ начали проникать къ намъ лютеранскія идеи и какъ смотрѣли у насъ вообще на протестантовъ. . .	402
Бесѣда царя Ивана Васильевича о вѣрѣ съ пасторомъ Рокитою	405
Сочиненіе тогоже государя противъ Рокиты и въ защиту православія	408
Общее замѣчаніе объ отношеніи русскихъ къ протестантамъ и другимъ иновѣрцамъ и переходъ къ слѣдующей части. .	411

ГЛАВА VI.

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

I.

Давно уже Москва, какъ столичный городъ великаго князя и особенно какъ мѣстопробываніе первосвятителя всей Россіи, считалась главнымъ въ ряду городовъ русскихъ. Но, по своимъ храмамъ, она все еще уступала нѣкоторымъ изъ этихъ городовъ, болѣе древнимъ, каковы Новгородъ и Псковъ: почти всѣ храмы въ Москвѣ были деревянные, за исключеніемъ пяти-шести каменныхъ ⁽¹⁾. Въ настоящій періодъ, когда, съ окончательнымъ паденіемъ у насъ системы удѣловъ, московскіе князья сдѣлались государями всей Россіи и, вступивъ въ сношенія съ болѣе просвѣщенными странами Европы, начали вызывать оттуда разныхъ художниковъ и украшать свою столицу, она прежде всего украсилась новыми храмами, такъ что и въ этомъ отношеніи, если не по числу, то по благолѣпію ихъ, заняла въ нашемъ отечествѣ первое мѣсто. Вел. кн. Іоаннъ III вновь соорудилъ почти всѣ важнѣйшіе храмы Кремля. Успенскій соборъ, заложенный еще святителемъ Петромъ и оконченный Іоанномъ Давидовичемъ Калитою (1327), при-

(1) Нашей Истор. Русск. Церкви IV, 229.

шелъ въ крайнюю ветхость; своды его треснули и поддерживались деревянными подпорами, а одинъ изъ придѣловъ, послѣ пожара 1471 г., совсѣмъ разрушился. Митрополитъ Филиппъ I, задумавъ перестроить этотъ храмъ, собралъ много серебра съ монастырей и церквей, которыя обложилъ для того тяжкою данью, а также отъ бояръ и торговыхъ людей, принесшихъ добровольныя пожертвованія. Работы поручилъ (1472 г.) двумъ русскимъ мастерамъ Кривцову и Мышкину, съ тѣмъ чтобы они построили новый соборъ по образцу собора владимірскаго, только шире и длиннѣе и выше на полторы сажени. Но черезъ годъ самъ святитель скончался, а еще черезъ годъ (21 мая) и храмъ, складенный уже до сводовъ, обрушился. Тогда вел. кн. Іоаннъ вызвалъ изъ Венеціи славнаго зодчаго Фіоравенти, котораго «хитрости ради Аристотелемъ зваху». Этотъ Аристотель Фрязинъ, разрушивъ павшій храмъ до основанія, заложилъ новый и спустя пять лѣтъ, въ Москвѣ явилась церковь соборная, «чудная вельми величествомъ, и высотой, и свѣтлостію, и пространствомъ», какой «прежде того не бывало въ Руси, опрічь владимірскія церкви». Торжественное освященіе новаго успенскаго собора совершено 12 авг. 1479 г. митрополитомъ Геронтіемъ⁽²⁾. Такимъ же образомъ, по повелѣнію Іоанна, разобраны и созданы вновь еще три древніе обветшавшіе храма Кремля: соборъ благовѣщенскій на великокняжескомъ дворѣ, соборъ архангельскій и церковь св. Іоанна лѣствичника (Иванъ великій). Надъ построеніемъ перваго трудились теперь (1484—1489)

(²) Собр. Р. Лѣтоп. VI, 15. 19. 34. 194. 198. 199; VIII, 170. 179—181. 201; Никои. Лѣт. VI, 37. 56. 60. 69. 108; VII, 70.

псковскіе мастера; архангельскій соборъ, по образцу успенскаго и въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, соорудилъ (1505 — 1508) миланецъ Алевизъ Новый; а церковь св. Іоанна лѣствичника воздвигъ (1505—1508) зодчій Фрязинъ Цебонъ ⁽³⁾. Вообще же число церквей въ Москвѣ при Іоаннѣ III было уже довольно значительно: такъ въ 1472 г. сгорѣло, не въ самомъ городѣ или Кремлѣ, а только въ посадѣ 25 церквей; въ 1475 г. сгорѣло въ самомъ Кремлѣ 12 деревянныхъ церквей и 11 каменныхъ обгорѣло; въ 1488 г. опять только въ посадѣ сгорѣли еще 42 церкви ⁽⁴⁾. Сыпъ и преемникъ Іоанна, в. к. Василій съ усердіемъ украшалъ прежнія церкви въ Москвѣ: онъ велѣлъ (1508) расписать по золоту свой придворный благовѣщенскій соборъ, обложилъ въ немъ всѣ иконы серебромъ, золотомъ и жемчугомъ, и позолотилъ самый верхъ церкви, отчего она начала именоваться златоверхою; а чрезъ нѣсколько лѣтъ (1515) велѣлъ расписать внутри весь успенскій соборъ, и это расписание было столь «чудно и всякія лѣноты исполнено», что всѣ, входившіе во храмъ, поражались и какбы переносились на небо. Не съ меньшимъ усердіемъ вел. князь сооружалъ въ Москвѣ новыя церкви: въ 1514 г. онъ повелѣлъ заложить и воздвигнуть разомъ десять каменныхъ церквей, въ томъ числѣ — Рождества Пресв. Богородицы на своемъ дворѣ, св. Владимира въ Садѣхъ, св. Леонтія ростовскаго и св. Петра митрополита московскаго за Негливною, поручивъ всѣ эти работы

⁽³⁾ Собр. Р. Лѣт. VI, 37. 50. 198. 235; Никон. Лѣт. VI, 119. 124. 172. 180. 184; VII, 41. 274; *Снегирев*. Памятн. Моск. древн. 62. 83. 110.

⁽⁴⁾ Собр. Р. Лѣт. VIII, 173. 181. 217; Ник. Лѣт. VI, 45. 61. 122.

одному и тому же мастеру Алевизу Фрязину; а въ 1527 г. поставилъ разомъ еще три каменные церкви, въ томъ числѣ Преображенія Господня на своемъ дворѣ (*). Царь Іоаннъ Васильевичъ IV не уступалъ двумъ своимъ предшественникамъ въ украшеніи своей столицы св. храмами. Послѣ страшнаго пожара 1547 г., истребившаго или разрушившаго, болѣе или менѣе, почти всѣ зданія въ Москвѣ, Іоаннъ возобновилъ, между прочимъ, три главные кремлевскіе собора: успенскій, благовѣщенскій и архангельскій, и при этомъ верхи двухъ первыхъ позолотилъ. Изъ церквей же, созданныхъ самимъ Іоанномъ, наиболѣе замѣчательная есть церковь Покрова Пресв. Богородицы (Василій блаженный), каменная о девяти верхахъ, которую въ 1555 г. заложилъ царь въ Китай-городѣ на память взятія Казани (*).

Въ другихъ городахъ и вообще мѣстностяхъ Россіи какихъ либо замѣчательныхъ храмовъ, вновь сооруженныхъ, или только обновленныхъ и богато украшенныхъ, почти не встрѣчаемъ въ продолженіе пастоящаго періода, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ, наприм. въ Новгородѣ и Псковѣ, храмы сооружались тогда довольно часто, иногда по два, по три, даже по четыре разомъ (†). Какъ на болѣе замѣчательные въ этомъ

(*) Собр. Р. Лѣт. VI, 247. 254. 280; VIII, 249. 254. 255. 272; Ник. Лѣт. VI, 182. 217. 233.

(*) Ник. Лѣт. VII, 70. 71. 232—234. 238. 239; *Снегирев*. Памятн. Моск. древн. 62. 84.

(†) Собр. Р. Лѣт. III, 153. 157. 241. 248. 250. 253; IV, 266. 291. 303. 305. Въ лѣтописяхъ иногда упоминаются строители церквей и подрядчики: Сырковъ (III, 247; VI, 287. 290. 298. 303), Таракановъ (VI, 281), мастера тверской земли—Ермола и др. (VI, 296). За построеніе каменной церкви мастера брали по 20 ти и по 30 ти рублей (Собр. Р. Лѣт. IV, 231. 235), потомъ по 50-ти и по 70-ти (—III, 296. 300), а къ концу періода и по 90 рублей (А. до юрид. быта Россіи, II, № 254).

отношеніи случаи можно указать на слѣдующіе: въ Новгородѣ архіепископъ Макарій устроилъ (1528 г.) въ софійскомъ соборѣ — новыя царскія врата, чудно изукрашенныя, шестьдесятъ шесть иконъ для иконостаса, обложенныхъ серебромъ и золотомъ, и какой-то особый, позлащенный амвонъ съ тридцатью иконами, который поддерживали на себѣ двѣнадцать деревянныхъ, одѣтыхъ фигуръ въ образѣ человѣческомъ; а совнѣ, надъ западными дверями собора приказалъ написать настѣнныя изображенія Пресв. Троицы, Софій-Премудрости Божіей и нерукотворенный образъ Спасителя, остающіеся доселѣ. Въ любимомъ селѣ своемъ Коломенскомъ в. кн. Василій Ивановичъ соорудилъ (1532) каменную церковь Вознесенія Господня, которая, по словамъ лѣтописи, была «вельми чудна выотою, и красотою, и свѣтлостію», и какой «не бывало прежде сего въ Русіи»; и снабдилъ эту церковь драгоценными сосудами и иконами, обложенными золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Въ Хутынскомъ монастырѣ построена (1535 г.) каменная церковь во имя св. Григорія, просвѣтителя великой Арменіи, такъ же, по свидѣтельству лѣтописи, вельми чудная, какой не бывало въ новгородской области: церковь была круглая и весьма высокая, имѣла восемь угловъ, пять дверей и одинъ верхъ, на которомъ повѣшены были колокола. Въ Твери мѣстный епископъ Акакій, послѣ страшнаго пожара, истребившаго (1537 г.) весь городъ и соборную церковь, вновь соорудилъ ее въ прежнемъ видѣ и украсилъ ее множествомъ иконъ, искусно написанныхъ и обложенныхъ серебромъ и золотомъ. Въ Троицко-сергіевой лаврѣ царь Иванъ Васильевичъ позолотилъ (1556 г.) верхъ троицкаго собора, построеннаго еще

въ 1477 г. псковскими мастерами, тѣми самыми, которые тогда же соорудили придворный благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ ^(*).

О числѣ церквей въ нѣкоторыхъ городахъ можемъ заключать на основаніи лѣтописныхъ замѣтокъ при описаніи происходившихъ тогда пожаровъ. Такъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, который въ 1491 г. выгорѣлъ весь съ посадами, сгорѣло 9 церквей въ городѣ и 13 въ посадѣ; въ Угличѣ, такъ же выгорѣвшемъ въ то время, сгорѣло церквей 15. Въ Псковѣ сгорѣло: 1466 г.—12 церквей, въ 1539 г.—12, въ 1550 г. обгорѣли или поразсѣдались 36 каменныхъ церквей и сгорѣли 15 деревянныхъ; въ 1562 — сгорѣли или обгорѣли 52 деревянныхъ и каменныхъ церкви, и остались неповрежденными отъ огня только 8; слѣд. всего въ Псковѣ до этого пожара было 60 церквей. Въ Новгородѣ въ 1476 г. сгорѣло 15 церквей, а три каменные разсыпались; въ 1541 г. обгорѣли 22 церкви и двѣ разсыпались, а вскорѣ обгорѣли еще 6; въ 1555 г. — обгорѣло 15 церквей. Впрочемъ, относительно Новгорода сохранилась особая записъ, составленная, какъ догадываются, къ концу XV или въ началѣ XVI вѣка и свидѣтельствующая, что всѣхъ церквей въ Новгородѣ, за исключеніемъ загородныхъ монастырей, было тогда 89, и что въ 44 изъ нихъ совершались ежедневныя службы ^(*).

(*) Собр. Р. Лѣт. VI, 206. 283. 291. 296. 303; Ник. Лѣт. VI, 248. 249; VII, 270; *Максим. грек.* Сочин. II, 293. 294.

(*) Собр. Р. Лѣт. III, 150. 250. 252; IV, 231. 303. 308. 313; VIII, 221. 222; Ник. Лѣт. VI, 128; *Карамз.* VI, прим. 629, стр. 94; Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 41. Въ 1545 г. при новгородскихъ церквахъ, кромѣ софійскаго собора, насчитывалось 158 священниковъ, которые, съ своими причтами, обязаны были; по государеву приказу, выставить извѣстное число ратныхъ людей (А. Э. I,

Вообще въ храмахъ у насъ тогда недостатка не было, напротивъ чувствовался даже избытокъ. Случалось, какъ свидѣтельствуя отцы Стоглаваго собора, что міряне, оставляя въ пренебреженіи свои прежнія церкви, строили новыя; многіе создали церкви не ради Бога, а по тщеславію и гордости и ради своихъ женъ; нѣкоторые, увлекаясь сновидѣніями, давали обѣты воздвигать церкви и молитвенные дома, но, соорудивъ церковь, не имѣли средствъ снабдить ее иконами, книгами и содержать при ней причтъ, или если въ началѣ кое-какъ и дѣлали все это, то вскорѣ, совсѣмъ оскудѣвъ, оставляли церковь безъ всякой поддержки и пустою; еще нѣкоторые строили церкви самовольно безъ благословенія епископа. Потому-то соборъ и опредѣлилъ, чтобы впредь епархіальные архіереи отнюдь не допускали, безъ благословенія ихъ, строить церкви и вообще дѣйствовали при этомъ, какъ требуютъ каноны, и чтобы, собравъ свѣдѣнія о всѣхъ церквяхъ, какія по городамъ и селамъ стояли пусты и безъ пѣнія, освободили ихъ, своими тарханскими грамотами, отъ всякихъ церковныхъ пошлинъ на пятнадцать лѣтъ, и предоставили мѣстнымъ прихожанамъ собирать тѣ пошлины и употреблять на устроение ихъ запустѣлыхъ церквей (Стогл. гл. 70 и 84).

Обычай строить обѣтныя церкви болѣе и болѣе усиливался. Ему слѣдовали сами великіе князья: Іоаннъ III поставилъ (1468 г.) въ Москвѣ обѣтную церковь св. Симеона Дивно-

стр. 184. 186). А еще гораздо прежде, именно въ 1437 г., во время свирѣпствовавшего мора, въ Новгородѣ „на посадѣ по градскимъ церквамъ не стало поповъ 300, а діаконовъ 21, а которые овдовѣли и стриглись—19 поповъ, а діаконовъ 6“, какъ гласитъ запись, сдѣланная на доскѣ и доселѣ сохраняющаяся въ новгородскомъ Звѣринѣ монастырѣ на стѣнѣ обѣтнаго храма (напеч. въ Ист. Росс. іерарх. IV, 151—153).

горца, а Василій Іоанновичъ, по случаю рожденія отъ него сына Іоанна IV, поставилъ (1531) такую же церковь на старомъ Ваганьковѣ во имя св. Іоанна Крестителя съ двумя придѣлами ⁽¹⁰⁾. Церкви обѣтныя всегда строились изъ дерева и въ одинъ день, отъ чего и назывались обыденными; въ тотъ же день онѣ и освящались, и въ нихъ совершалось богослуженіе. Поводомъ къ сооруженію ихъ, большею частію, служили общественныя бѣдствія, особенно моровая язва: церкви строились тогда, по обѣту и при участіи всего народа, съ цѣлію умилостивить Бога и отвратить Его гнѣвъ. Иногда создавалась только одна обыденная церковь, а чрезъ нѣсколько времени, если моръ не прекращался, то создавалась и другая; иногда же строились разомъ двѣ обыденныя церкви ⁽¹¹⁾. Впослѣдствіи случалось, что на мѣстахъ этихъ деревянныхъ обыденныхъ церквей воздвигаемы были каменные во имя тѣхъ же Святыхъ, какбы по завѣту отъ предковъ, и назывались завѣтными. Такъ въ 1537 г. сооружена новгородцами въ Кремлѣ каменная церковь Похвалы Пресв. Богородицы, «завѣтная отъ мору», на мѣстѣ деревянной обыденной, построенной еще въ 1508 г. и сгорѣвшей; а черезъ три года новгородскій архіепископъ Макарій въ Кремлѣ же поставилъ каменную церковь св. муч. Анастасіи, «отъ мору завѣтную», на мѣстѣ деревянной обыденной, построенной еще въ 1417 г. по случаю такъ - называемаго Анастасіинскаго мора ⁽¹²⁾. Не такъ скоро установился у насъ другой обычай, которому начало

⁽¹⁰⁾ Собр. Р. Лѣт. VIII, 154 278; Ник. Лѣт. VI, 7. 246.

⁽¹¹⁾ Собр. Р. Лѣт. III, 244. 248. 249. 251; IV, 127. 230. 267. 294. 295. 298; VI, 35. 281. 290.

⁽¹²⁾ Собр. Р. Лѣт. III, 249, снес. 107; VI, 295.

положилъ новгородскій архіепископъ Евѣимій въ 1439 г.,—обычай созидать теплыя церкви или, по крайней мѣрѣ, теплыя придѣлы къ нимъ. Впродолженіе цѣлаго столѣтія такія церкви устроились только въ нашихъ монастыряхъ, а изъ приходскихъ церквей въ Новгородѣ первая была церковъ муроносицкая, у которой устроенъ былъ теплый каменный придѣлъ во имя Срѣтенія Господня въ 1538 г. ⁽¹³⁾. За то въ послѣдней половинѣ XVI вѣка обычай этотъ былъ уже довольно распространенъ по всей новгородской области, и теплыя церкви встрѣчаемъ не только въ монастыряхъ, но и во многихъ небольшихъ селахъ и погостахъ ⁽¹⁴⁾.

О церквахъ соборныхъ мы упоминали еще въ предшествовавшій періодъ; но не имѣли возможности объяснить тогда самое значеніе ихъ. Теперь открывается эта возможность. *Соборною* церковію называлась та, къ которой причислялось нѣсколько другихъ приходскихъ церквей и при которой учреждался *соборъ* изъ священнослужителей всѣхъ этихъ церквей, представлявшій собою особую корпорацію изъ мѣстнаго духовенства, особое церковное общество или братство. Число священнослужителей, составлявшихъ соборъ при избранной церкви, по имени которой онъ и назывался, простиралось иногда до ста и болѣе. Хотя каждая соборная церковъ находилась въ городѣ, но въ составъ собора, при ней существовавшего, входили не одни городскіе священники съ своими

⁽¹³⁾ Нашей Ист. Р. Церк. IV, 235; Собр. Р. Лѣт. VI, 303.

⁽¹⁴⁾ *Несомн.* О пятин. новг. (въ Записк. Географ. Общ. кн. VIII), Приложен. стр. 250. 251. 253. 254. 256. 260. 262. 286—288. 292. 293. 300. 302. 304. 309. 312. 319. 337. 341. Снес. Собр. Р. Лѣт. III, 151. 153; IV, 293.

церквами, но и пригородніе, и сельскіе: такъ было, по крайней мѣрѣ, въ псковской области. Всѣ они обязывались собираться въ свою соборную церковь для разсужденій и совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ, для совершенія въ ней соборныхъ богослуженій въ опредѣленные дни; всѣ обязывались отправлять въ ней ежедневно очередную службу по недѣли. Во главѣ каждаго собора священнослужителей находился одинъ соборскій или поновскій староста, котораго избирали они сами изъ среды своей и который имѣлъ наблюденіе какъ надъ всѣми ими, такъ и надъ ихъ приходскими церквами и заправлялъ дѣлами собора. Такихъ соборовъ и соборныхъ церквей въ Новгородѣ было семь, вѣроятно, по числу седми вселенскихъ соборовъ, еще въ прошлый періодъ, и болѣе теперь уже не появлялось. Но въ Псковѣ къ тремъ прежнимъ прибавилось теперь четыре новыхъ собора, такъ что общее число ихъ возросло, какъ и въ Новгородѣ, до семи. Въ 1453 г., когда владыка Евѣимій посѣтилъ Псковъ, попы невкупные, т. е. непринадлежавшіе къ существовавшимъ соборамъ, били челомъ намѣстнику вел. князя и посадникамъ чтобъ быть въ Псковѣ четвертому собору; намѣстникъ и посадники били челомъ владыкѣ, и владыка благословилъ невкупныхъ поповъ держать четвертый соборъ и всенедельную службу у св. Спаса всемилостиваго на Торгу (по имени этой церкви четвертый соборъ и назывался) да у св. Христова мученика Димитрія въ Домоптовой стѣнѣ. Въ 1466 г. другіе невкупные попы били челомъ Пскову, чтобы быть въ Псковѣ пятому собору, и псковичи повелѣли быть пятому собору у Похвалы Св. Богородицы (по имени этой церкви пятый соборъ и назывался), да у Покрова Св. Богородицы, да у Св. Духа за Домон-

товою стѣною. Въ 1471 г. еще невкупные попы били челомъ Пскову, чтобы ходатайствовалъ объ открытіи шестаго собора. Посадники за тѣмъ били челомъ митр. Филиппу отъ всей псковской земли и представили ему грамоты отъ всѣхъ пяти соборовъ псковскихъ съ просьбою объ учрежденіи въ Псковѣ шестаго собора при церкви Входа во Іерусалимъ, объясняя, что для новаго собора у нихъ набралось уже сто два *служителя церковныхъ*—священниковъ и священноинокъ (тутъ, очевидно, разумѣются не монастыри, — не тѣ священноиноки или іеромонахи, которые жили въ монастыряхъ, а тѣ, которые, по тогдашнему обычаю, нерѣдко состояли при приходскихъ церквахъ, завѣдывали приходами, вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, и назывались *черными попами*). И митрополитъ благословилъ открыть этотъ шестой соборъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. учрежденъ былъ въ Псковѣ и седмый соборъ, хотя неизвѣстно при какой церкви, какъ можно заключать изъ того, что въ 1544 г., когда Псковъ посѣтилъ владыка Θεодосій, сельскіе попы и пригородскіе «откололись отъ всѣхъ *седми* соборовъ», въ составъ которыхъ они входили дотолѣ, и владыка далъ имъ особаго старосту. Въ Москвѣ, по волѣ царя и опредѣленію Стоглаваго собора, учреждено разомъ семь соборовъ, съ расчисленіемъ между ними всѣхъ церквей собственно столицы: первый соборъ всесвятскій въ Черторыи, второй — борисоглѣбскій, третій—никитскій на Никитинѣ улицѣ, четвертый—введенскій во Псковичахъ, пятый—покровскій на Площадкѣ, шестой—ивановскій за Болотомъ, седмой — варваровскій въ Новомъ городѣ и Старомъ. Каѳедральная соборная церковь Успенія Пр. Богородицы не входила въ число семи москов-

скихъ соборовъ и считалась надъ ними большею и вышею (¹⁵).

Церкви, какъ и прежде, украшались иконописью, а иногда и стѣнописью. Тѣмъ и другимъ искусствомъ занимались у насъ многіе, особенно изъ лицъ монашествующаго и блага духовенства. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтали въ свое время пзвѣстность, даже славу. Во дни Іоанна III болѣе всѣхъ славились иконописцы Митрофанъ-инокъ и Діонисій, расписавшіе въ 1466 г. главный храмъ въ монастырѣ преп. Пафнутія боровскаго (¹⁶). Черезъ пятнадцать лѣтъ этотъ самый Діонисій, а съ нимъ попъ Тимоѳей, Ярецъ и Коня, написали «чудно вельми» три яруса въ иконостасѣ (деисусъ, праздники и пророки) новаго московскаго успенскаго собора, получивъ за труды сто рублей отъ Вассіана, архіепископа ростовскаго. Еще черезъ пять лѣтъ тотъ же Діонисій, вмѣстѣ съ двумя сынами своими Владиміромъ и Θεодосіемъ, старцемъ Паисіемъ

(¹⁵) Собр. Р. Лѣт. IV, 215. 221. 243. 306; Акт. Истор. I, № 283; Акт. Эксп. I, № 232; Стогл. гл. 6. 35. Снес. нашей Ист. Р. Церкви IV, 236. Въ Псковѣ, вѣроятно, съ того времени, какъ сельскіе и пригородскіе попы откололись отъ городскихъ соборовъ и получили особаго старосту, слѣд. составили особый соборъ, осталось только *шесть* соборовъ: по крайней мѣрѣ, въ 1555 и 1556 г. существовало именно *шесть* (Древн. Росс. Вивл. XV, стр. 15, изд. 2; Опис. рукоп. Хлудова, стр. 215). Въ одномъ спискѣ лѣтописи упоминается о семи соборахъ въ Москвѣ еще въ 1479 г.; но въ другомъ спискѣ, вмѣсто семи *соборовъ*, сказано: *семь дней* (VIII, 201). Да и приговоръ Стоглаваго собора объ учрежденіи церковныхъ старостъ въ Москвѣ ясно выражается: „достоитъ убо *семь* соборовъ *учинити* и *семь* старостъ устроити“ (Акт. Эксп. I, стр. 227). А что въ Псковѣ и псковской области нерѣдко состояли тогда при приходскихъ церквяхъ, вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, не только священноиноки, но даже игумены, это видно изъ грамоты самаго новгородскаго владыки, 1528 года (Евген. Истор. Княж. Псковск. II, 84—85).

(¹⁶) Въ Вассіановомъ житіи преп. Пафнутія сказано: „къ симъ же сугубыми труды церкви та съвершеное украшеніе пріемлетъ, еже отъ живописцевъ Митрофана инока и Діонисія и ихъ пособниковъ, пресловущихъ тогда паче всѣхъ въ таковѣмъ дѣлѣ“ (Сборн. нашей библ. № 100).

и двумя племянниками преп. Іосифа волоколамскаго—старцем Досифеемъ и старцемъ Вассіаномъ (который впоследствии былъ епископомъ коломенскимъ) расписали новый каменный храмъ въ Іосифо-волоколамскомъ монастырѣ (¹⁷). При Василиѣ Іоанновичѣ извѣстны были своимъ искусствомъ иконописцы: а) въ Москвѣ—сынъ Діонисія Θεодосій и Θεодоръ Едикеевъ, расписавшіе въ 1508 г. придворный благовѣщенскій соборъ, а такъ же митрополиты Симонъ и Варлаамъ: отъ перваго доселѣ сохранилась икона Божіей Матери владимірской, имъ писанная; а послѣдній въ 1518 г. поновилъ собственными руками двѣ старыя иконы—Спасителя и Богоматери, принесенныя изъ Владиміра; б) въ Новгородѣ и его области — Андрей Лаврентьевъ и Иванъ Дермоярцевъ, дописавшіе въ 1509 г. деисусъ и праздники въ иконостасѣ софійскаго собора; іеромонахъ Автоміева монастыря Апанія, писавшій «дивныя иконы многихъ св. чудотворцевъ» († 1521), и преп. Антоній Сійскій, писавшій также «многія св. иконы»; в) въ Псковѣ — Алексѣй малый, «мужъ благочестивый житіемъ и богобоязливый», написавшій въ 1521 г. образъ Успенія Богородицы для Псково-печерскаго монастыря (¹⁸). При царѣ грозномъ въ числѣ иконописцевъ встрѣчаются два митрополита: Макарій, неразъ поновлявшій св. иконы, которыя приносились были для того въ Москву изъ другихъ мѣстъ, и Ава-

(¹⁷) Собр. Р. Лѣт. VI, 233; *Саввы* Житіе преп. Іосифа, стр. 23. Въ 1485 г. упоминается еще иконникъ Далмать (Собр. Р. Лѣт. VI, 237).

(¹⁸) Собр. Р. Лѣт. IV, 136; Ник. Лѣт. VI, 214. 215; *Снегир.* Памятн. Моск. древн., о соборѣ успенск. стр. 17; *Ровинск.* Истор. русск. школь иконоп. (въ т. VIII Запис. Археол. Общ.), стр. 4. 7. 127. 130. 133. 140. 143. 158. 181; *Макар.* Археол. Опис. Новг. церк. древн. II, 21; *Сахаров.* О русск. иконоп. II, прилож. стр. 14.

насій, писавшій многія иконы; протоіерей Андрей, сотрудникъ Макарія при поновленіи иконъ; преп. Адріанъ, игуменъ пошехонскій, писавшій многія иконы; псковскіе иконники — Останя, да Яковъ, да Михайла, да Якушка, да Семенъ, высокій Глаголь, съ товарищами, участвовавшіе въ расписаніи благовѣщенскаго собора въ Москвѣ послѣ пожара 1547 г.; московскіе иконники — Ларіонъ, да Третьякъ, да Федоръ Никитины, родомъ ярославцы, расписавшіе въ 1564 г. спасскій соборъ въ Ярославлѣ; діаконъ Николай Грабленой въ Новгородѣ, написавшій въ 1568 г. образъ живоначальной Троицы для Клопскаго монастыря (¹⁹).

Впрочемъ, хотя и не переводились тогда у насъ иконописцы, болѣе или менѣе искусные, но вообще состояніе иконописанія было очень неудовлетворительно. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ выразилъ желаніе, чтобы иконы писались «по божественнымъ правиламъ, по образу и по подобію и по существу», т. е. согласно съ древними образцами и соотвѣтствовали самимъ своимъ первообразамъ, и чтобы иконописцы жили благочестиво и учили учениковъ своихъ писать иконы «по существу» (Стогл. гл. 5, вопр. 3). Кроме того, въ частности, царь обратилъ вниманіе отцевъ собора на то, во первыхъ, что на иконахъ, изображающихъ Св. Троицу, иконописцы пишутъ «перекрестіе», одни только у средняго Лица, другіе у всѣхъ трехъ, надписывая надъ среднимъ: *Исусъ Христосъ, Святая Троица*, чего на древнихъ иконахъ и на греческихъ не видно (гл. 41, вопр. 1), а во

(¹⁹) Собр. Р. Лѣт. III, 161; Ник. Лѣт. VII, 238. 269; *Ровинск. Ист. русск. школ. икон.* 129. 131. 160. 166. 169; *Сахар. О русск. икон.* II, прилож. 14; *Авт. Эксп. I*, стр. 247.

вторыхъ — на то, что на нѣкоторыхъ иконахъ, наприм., на тихвинской иконѣ Богоматери, иконописцы, кромѣ Святыхъ, изображаютъ въ нижнемъ ряду и другихъ людей молящихся, какъ живыхъ еще, царей, святителей, вообще народъ, такъ и умершихъ (гл. 41, вопр. 7). Въ отвѣтъ на эти царскіе вопросы соборъ постановилъ: 1) иконописцамъ писать иконы Господа Бога, Богоматери и всѣхъ Святыхъ по образу, и по подобію, и по существу, съ древнихъ образцовъ, а не отъ своего «самосмышленія» и не по своимъ догадкамъ. 2) Иконописцамъ быть смиренными, кроткими, благоговѣйными, трезвыми, цѣломудренными, вообще благочестивыми, и «съ превеликимъ тщаніемъ» писать св. иконы. 3) Такихъ иконописцевъ царю жаловать, святителямъ беречь и уважать «паче простыхъ чловѣкъ», а вельможамъ и простымъ людямъ во всемъ почитать. 4) Такимъ живописцамъ принимать къ себѣ учениковъ, обучать ихъ своему искуству и вмѣстѣ благочестію и не скрывать отъ нихъ своего таланта, а по окончаніи обученія приводить успѣвшихъ учениковъ къ мѣстному святителю, чтобы онъ благословилъ ихъ на дѣло иконописавія; при чемъ мастеръ-иконникъ долженъ дѣлать отзывы о своихъ ученикахъ со всею справедливостію и безпристрастіемъ, и если онъ назоветъ искуснымъ и по всему достойнымъ такого ученика, который начнетъ писать худо и жить безчинно, или изъ зависти похулитъ ученика дѣйствительно искуснаго и достойнаго по жизни, то святитель полагаетъ мастера подъ запрещеніе. 5) Если кто изъ мастеровъ-живописцевъ или ихъ учениковъ начнетъ жить не по правиламъ, въ пьянствѣ, нечистотѣ и всякомъ безчинствѣ, то святители полагаютъ таковыхъ подъ запрещеніемъ и отлучаютъ отъ

иконнаго дѣла. 6) Тѣмъ, которые дотолѣ писали иконы, «неучася и самовольно», и промѣнивали простымъ людямъ, поселянамъ, запретить это, пока не научатся «отъ добрыхъ мастеровъ»; кто научится писать иконы правильно, пусть пишетъ; а кто не научится, пусть навсегда оставить это занятіе; иначе подвергнется царскому гнѣву и суду. 7) Архіереи, каждый въ своемъ предѣлѣ, должны избрать нарочитыхъ мастеровъ - иконописцевъ и черезъ нихъ имѣть постоянное наблюденіе за всѣми иконописцами, чтобы между ними не было худыхъ и безчинныхъ и чтобы они писали съ древнихъ образцовъ (гл. 43). 8) Иконы Пресв. Троицы (на которыхъ нѣкоторые иконописцы писали «перекрестіе» то у одного, то у всѣхъ трехъ Лицъ) писать съ древнихъ образовъ, какъ писали греческіе живописцы и какъ писалъ Андрей Рублевъ и другіе славные иконописцы, и дѣлать на этихъ иконахъ только одну надпись: *Святая Троица* (гл. 41, вопр. 1). 9) Можно изображать на иконахъ, кромѣ Святыхъ, и другихъ людей, живыхъ и умершихъ, по примѣру древнихъ иконописцевъ, греческихъ и русскихъ, которые, напримѣръ, на иконѣ Воздвиженія честнаго креста и на иконѣ Покрова Пресв. Богородицы, писали и князей и святителей и множество народа, а на иконахъ страшнаго суда изображали даже «различные лики невѣрныхъ отъ всѣхъ языкъ» (гл. 41, вопр. 7). Вскорѣ послѣ Стоглаваго собора вопросъ объ иконахъ, какъ извѣстно, былъ обсуждаемъ на новомъ соборѣ (1553—1554), по поводу недоумѣній дьяка Висковатова, который, соблазнившись иконами, написанными въ придворномъ благовѣщенскомъ соборѣ послѣ пожара 1547 года новгородскими и псковскими мастерами, втеченіе трехъ лѣтъ смущалъ народъ тѣмъ, будто ико-

ны эти написаны не по образу и существу, а по мудрованію и умышленію попа Сильвестра. Митрополитъ Макарій разрѣшилъ на соборѣ Висковатову всѣ его недоумѣнія, а попъ Сильвестръ въ своей челобитной собору объяснилъ, что иконы тѣ писаны всѣ «отъ древняго преданія, со старыхъ образцовъ», и что онъ не приложилъ ни единой черты отъ своего разума. Тогда же митрополитъ сказалъ царю, что въ Москвѣ уже поставлены четыре старосты — иконника надъ всѣми иковниками, чтобы наблюдать за ними по уложенію Стоглаваго собора (^{2°}).

До какой степени дѣло иконописанія считалось важнымъ, можно заключать изъ того, что нѣкоторыя древнія иконы, когда открывалась нужда обновить ихъ, были переносимы изъ дальнихъ мѣстъ въ Москву съ особенною торжественностію, и здѣсь надъ обновленіемъ ихъ иногда трудились сами митрополиты. Въ 1518 г., по повелѣнію вел. князя и митрополита, принесены были въ Москву двѣ обветшавшія иконы изъ Владиміра, икона Спасителя и икона Божіей Матери. Предъ Москвою онѣ встрѣчены были крутицкимъ епископомъ Досифеемъ съ соборомъ духовенства и множествомъ народа, а у срътенскаго монастыря — самимъ митрополитомъ Варлаамомъ и безчисленными толпами жителей столицы. Послѣ молебныхъ пѣній и по совершеніи литургіи въ успенскомъ соборѣ, гдѣ иконы первоначально были поставлены, митрополитъ велѣлъ поновлять ихъ въ своихъ палатахъ, и «самъ многожды своими руками» касался ихъ и трудился надъ обновленіемъ ихъ; затѣмъ обложилъ ихъ серебромъ и золотомъ.

(^{2°}) Подробнѣе — см. нашей Ист. Р. церкви VI, 262—268; Акт. Эксп. I, № 238.

Въ слѣдующемъ году, отпуская эти иконы во Владиміръ, митрополитъ съ архіереями и прочимъ духовенствомъ и великій князь съ князьями, боярами и множествомъ народа провожали иконы за городъ и за посады, и на мѣстѣ, до котораго провожали, поставили церковь во имя срѣтенія Пресв. Богородицы ⁽²¹⁾. Съ такою же торжественностію въ 1531 г., по повелѣнію вел. князя, были принесены въ Москву изъ Ржевы двѣ обветшавшія иконы — препод. Параскевы и св. великомученицы Параскевы, именуемой Пятницею. Князь приказалъ эти иконы обновить, обложить серебромъ и золотомъ и снять съ нихъ вѣрныя копіи; поставилъ во имя ихъ новую прекрасную церковь на Новомъ, близъ Покрова Пресв. Богородицы, — и, по освященіи церкви, оставивъ въ ней копіи, отпустилъ самыя иконы обратно въ Ржеву ⁽²²⁾. Извѣстенъ и третій подобный случай. Въ 1555 г. приходили къ царю священники и лучшіе земскіе люди съ Вятки и били челомъ, чтобы онъ велѣлъ обновить находящійся въ ихъ краѣ чудотворный образъ Николы великорѣцкаго, крайне обветшавшій. Царь приказалъ священникамъ привезти этотъ образъ водянымъ путемъ въ Москву, и здѣсь встрѣтили его — у Николы на Угрѣши братъ царя Юрій Васильевичъ, у Симонова — самъ царь, а у Фроловскихъ воротъ митрополитъ, со множествомъ народа. Надъ обновленіемъ образа потрудились самъ митрополитъ Макарій и протопопъ благовѣщенскій Андрей «со многымъ желаніемъ и вѣрою, постомъ и молитвою». Царь приказалъ соорудить у Покрова Пресв. Богородицы надо рвомъ

⁽²¹⁾ Собр. Р. Лѣт. VI, 261. 262; Ник. Лѣт. VI, 214. 225.

⁽²²⁾ Собр. Р. Лѣт. VIII, 278. 279; Ник. Лѣт. VI, 244.

деревянную церковь во имя св. чудотворца Николы вятскаго и въ ней поставить вѣрную копию съ чудотворнаго образа, принесеннаго съ Вятки, самый же образъ, украшенный золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями отпустить обратно (*).

Особенное уваженіе, какъ и всегда, было оказываемо иконамъ чудотворнымъ и новоявленнымъ. Когда въ 1540 г. принесены были изъ Ржевы въ Москву двѣ чудотворныя иконы: икона преч. Богородицы-Одигитріи и другая, изображавшая честный крестъ, онѣ встрѣчены были самимъ митрополитомъ Іоасафомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а такъ же самимъ государемъ съ князьями, боярами и множествомъ народа, и на мѣстѣ срѣтенія вел. князь повелѣлъ поставить церковь во имя Пречистыя. Когда въ 1551 г. воеводы, ставившіе новый городъ Михайловъ на рѣкѣ Прони, донесли царю, что при расчищеніи мѣста для соборной церкви, они обрѣли образъ архангела Михаила, древняго письма; то царь и митрополитъ Макарій посылали священниковъ для принесенія этого явленнаго образа въ Москву, совершали предъ нимъ молебныя пѣнія и съ торжествомъ отпустили его на мѣсто, гдѣ онъ явился. Когда псковскій намѣстникъ, князь Токмановъ донесъ царю о явленіи двухъ иконъ Божіей Матери—*Умиленія* и *Одигитріи* на Синичей горѣ (въ 40 верстахъ отъ Опочки) и о совершающихся чудесахъ отъ этихъ иконъ,—царь приказалъ основать (1569 г.) на мѣстѣ явленія ихъ монастырь и каменный храмъ во имя Успенія Богородицы. Съ того времени эта гора начала называться святою, монастырь—святогорскимъ успенскимъ, а новоявленные иконы — чудотворными *святогорскими*. Черезъ де-

(*) Собр. Р. Лѣт. IV, 309; Ник. Лѣт. VII, 237—239. 269.

сять лѣтъ совершилось въ Казани явленіе иконы Божіей Матери, извѣстной, подъ именемъ *Казанской*,—и царь Иванъ Васильевичъ приказалъ построить на мѣстѣ явленія ея церковь во имя Пресв. Богородицы и основать женскій монастырь, сдѣлавъ для того значительное пожертвованіе изъ собственной казны и назначивъ отпускать деньги на содержаніе священнослужителей, игуменъ и сорока сестеръ ⁽²⁴⁾.

При такомъ уваженіи къ древнимъ и чудотворнымъ иконамъ очень естественно то, что вел. князья московскіе, покоривъ какой либо городъ своей власти, иногда брали изъ него въ Москву древнія и чудотворныя иконы на время или навсегда. Вел. кн. Василій Ивановичъ, покоривъ Смоленскъ (1514 г.), велѣлъ перенести отсюда въ Москву чудотворную икону Смоленской Божіей Матери; но вскорѣ, по просьбѣ жителей Смоленска, возвратилъ ее имъ, оставивъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ только вѣрный съ нея списокъ. Когда царю Іоанну IV было донесено, что войска его взяли (1558 г.) городъ Нарву, во время случившагося тамъ пожара, и по окончаніи пожара нашли на пожарищѣ четыре, совершенно удѣлѣвшія, иконы, именно: Божіей Матери, Николая чудотворца, св. Владисія и св. Космы и Даміана,—царь приказалъ новгородскому архіепископу, чтобы эти иконы съ подобающею честію были перевезены сперва въ Новгородъ и затѣмъ въ Москву ⁽²⁵⁾. Въ 1561 г. тотъ же государь взялъ изъ Новгорода въ

⁽²⁴⁾ Собр. Р. Лѣт. VIII, прим. 295; Ник. Лѣт. VII, 19. 85; *Карамз.* VIII, прим. 246, стр. 41; Истор. княж. Псков. III, 81. 107—109; Сказаніе о явленіи иконы Божіей Матери, Казанской, въ рукоп. Собрн. нашей библ. № 7, л. 83—85.

⁽²⁵⁾ *Снегир.* Памятн. Моск. древн., о соб. Успен. стр. 14—15; *Сахаров.* О русск. иконоп. II, 34; Собр. Р. Лѣт. III, 159; IV, 310; Ник. Лѣт. VII, 307.

Москву три древнія корсунскія иконы: изъ софійскаго собора—икону Всемилостиваго Спаса, писанную, по преданію, греческимъ императоромъ Мануиломъ, и икону св. апостоловъ Петра и Павла, и изъ Юрьева монастыря—икону Благовѣщенія Пресв. Богородицы; но чрезъ одинадцать лѣтъ двѣ изъ этихъ иконъ возвратилъ, одну—св. апостоловъ Петра и Павла въ подлинникъ, а другую — Всемилостиваго Спаса только въ копіи, оставивъ подлинникъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ. А въ 1570 г., когда грозный царь совершалъ свои страшныя казни надъ новгородцами за ихъ мнимую измѣну, онъ повелѣлъ забрать въ Москву всѣ вообще древнія и чудотворныя иконы не только изъ софійскаго собора, но и изъ прочихъ церквей и монастырей, городскихъ и пригородныхъ, вмѣстѣ съ другими церковными драгоценностями. Тогда-то, вѣроятно, взяты были изъ софійскаго собора въ московскій успенскій соборъ и двѣ извѣстныя, донынѣ находящіяся въ немъ, запрестольныя иконы—Всемилостиваго Спаса и Божіей Матери, которыя, по преданію, принесены изъ Корсуни еще св. Владиміромъ ⁽²⁶⁾.

Относительно рѣзныхъ иконъ любопытный рассказъ встрѣчаемъ въ одной псковской лѣтописи. Въ 1540 г. какіе-то прохожіе старцы изъ чужой земли привезли въ Псковъ ко дню Успенія Пресв. Богородицы рѣзныя иконы въ небольшихъ хранилищахъ, или кіотахъ: двѣ иконы святителя Николая и икону св. Параскевы-Пятницы. Псковичи пришли въ

⁽²⁶⁾ Собр. Р. Лѣт. III, 160. 172. 257. 259. 262; *Снегирь*. Памятн. Моск. древн., пояснит. примѣч. къ опис. Успенск. собора—Б; *Макаръ*. Археол. Опис. новг. церк. древн. II, 98. 100.

недоумѣніе: такъ какъ подобныхъ иконъ на рѣзи въ Псковѣ не бывало. Многіе стали говорить, что поклоненіе такимъ иконамъ тоже, что поклоненіе идоламъ, и въ народѣ произошли великая молва и смятеніе. Обратились къ священникамъ, а священники донесли о народномъ смятеніи царскимъ намѣстникамъ и дьякамъ. Старцы съ иконами были взяты и самыя иконы отправлены въ Новгородъ къ архіепископу Макарію. Макарій приложился къ этимъ св. иконамъ, пѣлъ предъ ними соборнѣ молебень, воздалъ имъ честь, и велѣлъ псковичамъ, отпуская иконы обратно, встрѣтить ихъ такъ же соборнѣ и съ честію и вымѣнять у старцевъ. Псковичи, дѣйствительно, встрѣтили иконы честно, всѣмъ городомъ, пѣли предъ ними молебень и, вымѣнявъ, поставили одну икону святителя Николая—у Николы на Гребли, другую у Николы въ Пескахъ, а икону св. Параскевы—Пятницы—у св. Пятницы на Бродѣхъ (2'). Разсказъ этотъ свидѣтельствуетъ, что рѣзныя иконы у насъ не были въ употребленіи, согласно съ уставомъ церкви. А если владыка Макарій дозволилъ чествованіе трехъ рѣзныхъ иконъ, принесенныхъ въ Псковъ изъ чужой земли, то дозволилъ, можетъ быть, только въ видѣ исключенія, желая тѣмъ успокоить волненіе псковичей и вразумить ихъ, что иконы христіанскихъ Святыхъ, даже рѣзныя, не суть въ строгомъ смыслѣ идолы и поклоненіе такимъ иконамъ—отнюдь не идолопоклонство. Вѣроятно же Макарій поступилъ такъ потому, что употребленіе рѣзныхъ иконъ, неизвѣстное въ Псковѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, было допу-

(2') Собр. Р. Лѣт. IV, 303—304.

скаемо въ Новгородѣ. Антоній Поссевиный собственными глазами видѣлъ въ одномъ монастырѣ неподалеку отъ Новгорода скульптурное изображеніе св. Николая чудотворца, находившееся въ величайшемъ уваженіи, и доселѣ еще на лѣвомъ берегу Волхова, у самаго волховскаго моста въ Новгородѣ, стоитъ такъ-называемый *Чудный крестъ* въ каменной часовнѣ (вышиною 3 арш. и 6 верш.), поставленный, какъ гласитъ вырѣзанная внизу его надпись, въ 1547 году, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и новгородскомъ архіепископѣ Феодосіѣ. Крестъ этотъ, особенно чтимый въ народѣ, и самъ рѣзный, и имѣетъ рѣзныя изображенія—распятаго Спасителя и по правую сторону Его—Богоматери и Маріи Магдалины, а по лѣвую — Іоанна богослова и Логгина сотника. Подобный же деревянный крестъ (вышиною 2 арш. и 8 верш.), вырѣзанный, по свидѣтельству находящейся на немъ надписи, еще въ 1532 г. при вел. кн. Василиѣ Ивановичѣ и митрополитѣ Даниилѣ, можно видѣть въ новгородской Спасо-преображенской церкви, на торговой сторонѣ: на крестѣ вырѣзаны распятіе и 16-ть господскихъ и богородичныхъ праздниковъ въ кружкахъ ⁽²⁸⁾.

Въ церквахъ нашихъ, какъ и въ предшествовавшіе періоды, равно употреблялись и читались кресты всѣхъ видовъ: и четвероконечные, и шестиконечные, и осмиконечные ⁽²⁹⁾. Но на Стоглавомъ соборѣ возбужденъ былъ вопросъ, какого вида кресты ставить на церквахъ. Царь Иванъ Васильевичъ, обно-

(28) Anton. Possevin. De rebus Moscovit., apud Starczew. II, 280. 323; *Макар.* Археол. Опис. новг. церк. древн. II, 125—133.

(29) *Макар.* Тамъ же II, 172—191. Снес. нашей Ист. Р. Церкв. I, 81; II. 225; III, 97; IV, 248.

вивъ, послѣ пожара 1547 г., успенскую соборную церковь и позолотивъ верхъ ея, водрузилъ на ней «воздвизальный крестъ, имъже благословляютъ», т. е. крестъ, по виду, сходный съ тѣмъ, какимъ въ церквахъ тогда осѣняли народъ и благословляли. Этотъ крестъ, вѣрно, былъ отличенъ отъ тѣхъ, какіе прежде ставились на церквахъ и какой прежде былъ на соборной церкви Успенія Пресв. Богородицы. Потому-то царь, указывая на этотъ новопоставленный крестъ, и предложилъ отцамъ собора разсудить и уложить, какого вида кресты впредь должно ставить на церквахъ. Отцы собора опредѣлили, что кресты, искони водруженные на церквахъ и на нихъ пребывающіе, должны оставаться неприкосновенными; но и крестъ воздвизальный, поставленный царемъ на соборной церкви, достойно поставленъ во славу Божию, и «таковые св. кресты на церквахъ и впредь да поставляются». По достовѣрному свидѣтельству, новый крестъ, поставленный царемъ на соборной церкви, былъ осмиконечный, а прежде кресты на церквахъ были четвероконечные (³⁰). Слѣд. Стоглавый соборъ, своимъ рѣшеніемъ вопроса, безразлично и съ одинакимъ уваженіемъ отнесся къ крестамъ того и другого рода, хотя и заповѣдалъ впредь ставить на церквахъ кресты по образцу поставленнаго царемъ на соборной успенской церкви. Излагая свой отвѣтъ, отцы обратили вниманіе и на то обстоятельство, что на многихъ крестахъ, стоявшихъ дотошъ на церквахъ, были придѣланы кузнецами, по всѣмъ концамъ,

(³⁰) Такъ утверждалъ предъ раскольниками (ок. 1682 г.) патріархъ Іоакимъ, указывая на старія московскія церкви. Увѣтъ Духовн. л. 93 об.—94, Москв. 1753.

другіе, меньшіе кресты, по два и по три вмѣстѣ, которые отъ бури и сильнаго вѣтра часто ломались, а потому опредѣлили, чтобы впредь кузнецы устроили кресты на церквахъ по древнимъ образцамъ, а не отъ своего замышленія, и по концамъ этихъ крестовъ придѣлывали, для крѣпости, только по одному небольшому кресту и, какъ можно, тверже (гл. 41, вопр. 8).

О колоколахъ, особенно во второй половинѣ XV в., сохранилось весьма мало извѣстій. Въ 1450 г. привезли въ Москву великій колоколъ изъ Городка съ Низу. Въ 1460 г. псковичи, во время набѣга своего въ нѣмецкую землю, разорили тамъ какую-то божницу и сняли съ нея четыре колокола, которые и привезли въ Псковъ. Въ 1478 г. вел. князь Иванъ Васильевичъ, уничтожая вольность Новгорода, взявъ оттуда въ Москву вѣчевой колоколъ и велѣлъ повѣсить на колокольнѣ успенскаго собора для церковнаго звона вмѣстѣ съ другими колоколами. Въ 1481 г., когда войска московскія, вмѣстѣ съ новгородцами и псковичами, овладѣли городомъ Веліядомъ (Феллиномъ), псковичи привезли вел. князю «нѣмецкаго полону восемь колоколовъ веліядскихъ». Знаменитый Аристотель, соорудившій московскій успенскій соборъ, былъ такъ же искусенъ и въ литьи колоколовъ; но о вылитыхъ имъ колоколахъ не упоминають лѣтописи ⁽³¹⁾. Въ самомъ почти началѣ XVI столѣтія вылить въ Москвѣ колоколъ въ 350 пудовъ: мастеромъ былъ иностранецъ Петръ Фрязинъ. Въ 1510 г. вел. князь Василій Ивановичъ велѣлъ перевезти

⁽³¹⁾ Собр. Р. Лѣт. V, 270; IV, 219; VIII, 181. 199; Ник. Лѣт. VI, 116.

изъ Пскова въ Москву вѣчевой колоколъ, а съ нимъ и другой; но, въ замѣнъ ихъ, чрезъ восемь лѣтъ прислалъ изъ Москвы въ Псковъ два другихъ колокола для троицкаго собора. Въ 1532 — 1533 г. слиты въ Москвѣ два большихъ колокола, одинъ въ 500 п. Николаемъ Фрязнымъ, а другой благовѣстникъ—въ 1000 п. Николаемъ Нѣмчиномъ, хотя оба эти Николая, вѣроятно, одно лицо ⁽³²⁾. Тогда же лились колокола и въ Новгородѣ. Въ 1530 г., въ ту самую ночь и даже въ тотъ самый часъ, когда родился царь Иванъ Васильевичъ IV, отлитъ для софійскаго собора, повелѣніемъ архіепископа Макарія, колоколъ въ 250 п., удивлявшій своимъ звукомъ всѣхъ, такъ какъ подобной величины колокола ни въ Новгородѣ, ни во всей новгородской области дотолѣ не бывало. Затѣмъ, въ 1531 — 1542 г., благословеніемъ архіепископа Макарія, вылиты еще нѣсколько колоколовъ для монастырей Хутынскаго и другихъ: четыре изъ этихъ колоколовъ сохранились донинѣ, и на одномъ изъ нихъ, въ 120 п., показанъ мастеръ Андреевъ, сынъ Михайловъ псковитинъ, а на двухъ — мастеръ Иванъ. Еще пять колоколовъ новгородскаго литья, уцѣлѣвшихъ доселѣ, относятся уже ко второй половинѣ XVI в., когда вылитъ былъ архіепископомъ Пименомъ для софійскаго собора и самый большой новгородскій колоколъ, благовѣстникъ, въ 500 пудовъ. Недолго, однакожъ, пришлось новгородцамъ услаждаться звукомъ этого благовѣстника: въ 1570 г., по приказанію грознаго царя, онъ былъ перевезенъ въ слободу Александровскую, а въ замѣнъ его,

⁽³²⁾ Карамз. VI, примѣч., стр. 104; VII, примѣч., стр. 63. 64; Собр. Р. Лѣт. IV, 286. 286. 291. 292; VIII, 284; Ник. Лѣт. VI, 258.

черезъ два года, вылить въ слободѣ для Новгорода другой колоколъ мастеромъ Иваномъ Аѳанасьевымъ. Въ томъ же 1570 г., по волѣ царя, совершавшаго свои страшныя казни надъ новгородцами, взяты были въ Москву изъ новгородскихъ церквей и, монастырей и многіе другіе колокола ⁽³³⁾.

II.

Число праздниковъ въ русской церкви чрезвычайно увеличилось въ продолженіе настоящаго періода: ихъ учреждено теперь, въ полтора ста лѣтъ, болѣе пятидесяти, тогда какъ во всѣхъ предшествовавшіе четыре съ половиною вѣка, отъ самаго основанія русской церкви, мы едва можемъ насчитать десять русскихъ Святыхъ, въ честь которыхъ установлены были празднованія, не мѣстныхъ, а по всей Россіи. И это преимущественно объясняется обстоятельствами. Прежде церковь наша находилась въ зависимости отъ цареградскаго патріарха; почти всѣ ея митрополиты были греки; въ Греціи она видѣла главную представительницу православія, и во всемъ старалась ей слѣдовать, а на себя смотрѣла весьма скромно и лишь изрѣдка позволяла себѣ нѣкоторую степень самостоятельной дѣятельности, ка-

⁽³³⁾ Собр. Р. Лѣт. III, 148. 168. 248. 254. 257. 259; VI, 296; *Макар.* Археол. Опис. новгор. церк. древн. II, 279—283. Въ Памятникахъ Моск. древностей — *Снегирева* на Ивановской колокольнѣ показанъ колоколъ — Медвѣдь, въ 450 п., вылитый, какъ значится на немъ, въ Новгородѣ мастеромъ Иваномъ Аѳанасьевымъ въ 7009 (1501) году (—стр. 114). Но въ означеніи года на этомъ колоколѣ — ошибка, происшедшая, вѣроятно, при перелитіи его въ 1775 году: ибо мастеръ Иванъ Аѳанасьевъ лилъ колокола не въ началѣ, а уже въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія (Собр. Р. Лѣт. III, 168), и въ Новгородѣ до 1530 г. не было колокола даже въ 230 п. (тамъ же 148). Не вылить ли Медвѣдь изъ того Пименовскаго колокола, въ 500 п., который въ 1570 г. взятъ былъ царемъ изъ Новгорода въ Александровскую слободу?

кая требуется при учрежденіи новыхъ праздниковъ. Теперь, послѣ Флорентійской уніи, когда въ Россіи пронеслась вѣсть объ измѣнѣ православію даже на каедрѣ цареградскихъ патріарховъ и на престолѣ греческихъ императоровъ, и послѣ паденія Константинополя, когда вся Греція подпала владычеству невѣрныхъ, и православная вѣра въ ней подверглась крайнимъ притѣсненіямъ, русскіе, прежде всего, увидѣли необходимость имѣть у себя первосвятителя не изъ Царьграда, и дѣйствительно стали избирать себѣ митрополита изъ среды собственного духовенства, который, оставаясь зависимымъ отъ патріарха только номинально, дѣйствовалъ совершенно самостоятельно въ управленіи отечественною церковію. А затѣмъ начали болѣе и болѣе проникаться мыслию, что Россія есть единственное во всемъ мірѣ государство, гдѣ православная вѣра сохраняется во всей чистотѣ и пользуется совершенною свободою исповѣданія и покровительствомъ православнаго государя; начали высоко цѣнить отечественную церковь, какъ главную представительницу православія, и естественно обратились къ прославленію отечественныхъ Святыхъ и установленію, въ честь ихъ, праздниковъ. Прежде Россія раздѣлена была на нѣсколько княжествъ, и это раздѣленіе, несмотря на то, что вся церковь русская находилась подъ властію одного митрополита, немало отражалось и на дѣлахъ церковныхъ: почти каждая страна, Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Ростовъ, кромѣ немногихъ отечественныхъ Святыхъ, чтившихся по всей Россіи, имѣла и чтила еще своихъ особенныхъ, мѣстныхъ Святыхъ, и Святые, чтившіеся, напримѣръ, въ Новгородѣ или Псковѣ, вовсе не читались и были даже неизвѣстными въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Теперь, съ паденіемъ удѣльныхъ княжествъ и со-

единеніемъ ихъ подѣ властію одного князя московскаго, естественно должны были сглаживаться и эти церковныя особенности, и въ Москвѣ, напимѣрь, начали чтить тѣхъ, кого чтили прежде только въ Новгородѣ, а въ Новгородѣ тѣхъ, кого чтили въ Москвѣ: въ честь многихъ Святыхъ отечественныхъ, которымъ существовали только мѣстныя празднества, установлены теперь праздники общіе для всей русской церкви. Наконецъ, руководясь мыслию, что русская церковь сдѣлалась главною представительницею и блюстительницею православія, и во имя сочувствія къ православнымъ и другихъ странъ и единенія съ ними по вѣрѣ, наши іерархи не отказывались учреждать празднества и въ честь нѣкоторыхъ Святыхъ сербскихъ и литовскихъ.

Въ одномъ изъ житій, написанныхъ во дни митрополита Макарія, сохранилось сказаніе, въ честь какихъ Святыхъ русскихъ церковь праздновала еще до Макарія и въ честь какихъ установила праздновать при Макаріѣ. О послѣднихъ праздникахъ авторъ сказанія могъ, безъ сомнѣнія, знать съ точностію, какъ современникъ, и слова его отчасти подтверждаются, какъ увидимъ, даже официальнымъ документомъ; а о праздникахъ, существовавшихъ въ церкви отъ прежняго времени, могъ знать изъ современной практики церковной, и слова его такъ же подтверждаются, хотя и отрывочными, свидѣтельствами вѣковъ предшествовавшихъ⁽³⁴⁾. Въ этомъ сказаніи пере-

⁽³⁴⁾ *Ключевск.* Древне-русс. Житія, 225. 241. Тамъ же, въ видѣ приложенія, напечатано цѣликомъ и самое это сказаніе (стр. 460 — 463). Авторъ сказанія сначала говоритъ о соборахъ 1547 — 1549 г., которые онъ признаетъ, по ихъ внутренней связи, за одинъ соборъ, и пользуется при этомъ словами Стоглава (гл. 3, стр. 41, изд. Казан.); слѣд. писалъ уже послѣ 1551 года. А въ концѣ сказанія, послѣ перечня Святыхъ, выражается: „и сихъ всѣхъ святыхъ памяти

числяются слѣдующіе русскіе чудотворцы, въ честь которыхъ церковь праздновала еще до митрополита Макарія: равноапостольная княгиня Ольга и князя — Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ черниговскій съ бояриномъ Θεодоромъ и Θεодоръ ярославскій съ чадами Давидомъ и Константиномъ; святители—Петръ и Алексій московскіе, Леонтій, Исаія и Игнатій ростовскіе; преподобные—Антоній и Θεодосій печерскіе, Никита переяславскій, Варлаамъ новгородскій, Сергій радонежскій, Кирилъ бѣлозерскій, Дмитрій прилудкій и Авраамій ростовскій. Всѣ перечисленные угодники Божіи могутъ быть раздѣлены на три класса.

Одни изъ нихъ, несомнѣнно были чествуемы русскою церковію не только до Макарія или до половины XVI вѣка, но еще до начала настоящаго періода, именно—Ольга, Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ черниговскій съ бояриномъ Θεодоромъ, святитель Петръ, преп. Антоній и Θεодосій печерскіе и Сергій радонежскій: объ нихъ, слѣдовательно, здѣсь не должно быть и рѣчи⁽³⁵⁾. Но нельзя не упомянуть, что въ

празднуемъ и ликовствуемъ по настоящаго мѣсяца, дне и числу, коегождо преставленія и обрѣтенія честныхъ мощей ихъ“ . . . ; т. е. говоритъ, какъ непосредственный свидѣтель. Въ перечнѣ Святыхъ могли быть допущены переписчиками пропуски именъ и другія погрѣшности, какъ и оказалось при сличеніи двухъ, доселѣ извѣстныхъ, списковъ (*Ключев.* тамъ же 460).

(35) Объ установленіи праздниковъ повсемѣстныхъ въ честь св. Ольги, Владиміра, Бориса и Глѣба, преп. Θεодосія, святителя Петра и преп. Сергія мы сказали въ свое время (I, 85—97; II, 234; IV, 251. 254). О черниговскихъ мученикахъ такъ же сказали, что хотя въ началѣ имъ праздновали, вѣроятно, только мѣстно, но въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV в. они чтятся уже со Святими и въ Новгородѣ и въ Москвѣ (IV, 258—260). А о преп. Антоніи печерскомъ, которому такъ же въ началѣ праздновали, вѣроятно, лишь мѣстно, можемъ сказать, что въ первой четверти XV в. его признавалъ въ числѣ Святыхъ, наравнѣ съ преп. Θεодосіемъ печерскимъ, самъ первосвятитель русской церкви—Фотій, называя ихъ, въ своемъ посланіи въ Кіево-печерскій монастырь, божествен-

честь трехъ изъ нихъ, святителя Петра и князя Михаила черниговскаго съ его бояриномъ Теодоромъ, въ настоящій періодъ установлены еще новые праздники. Въ 1472 г. совершилось въ Москвѣ перенесеніе мощей святителя Петра въ новую соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы, сооружавшуюся попеченіемъ митрополита Филиппа, и вскорѣ затѣмъ обрушившуюся. Перенесеніе было весьма торжественное, и тогда же «повелѣ князь великій по всей землѣ праздновати перенесеніе мощемъ чудотворца мѣсяца іюля въ 1-й день» (³⁶). А въ 1479 г., когда оконченъ былъ и освященъ новый успенскій соборъ, воздвигнутый Іоанномъ III, послѣдовало 24-го августа второе и еще болѣе торжественное перенесеніе тѣхъ же мощей въ этотъ соборъ изъ церкви св. Іоанна лѣстничника, гдѣ онѣ временно стояли, и въ настоящій разъ установлено праздновать навсегда перенесеніе мощей чудотворца въ 24 день августа, прежній же праздникъ 1-го іюля отмѣнить (³⁷). Въ 1578 г., по молитвенному желанію царя, митрополита Антонія и всего освященнаго собора, перенесе-

ными отцами, великими, предстоящими во славу Владыкъ—Христу (Дополн. въ Акт. Истор. I, № 180), и что житіе преп. Антонія печерскаго встрѣчается еще въ началѣ XV в., именно въ Прологѣ 1406 г. московскаго успенскаго собора (*Снежир.* Памятн. Моск. древн., Успенск. соб., стр. 43). Въ томъ же XV в. преп. Антоній былъ прославляемъ и въ церковныхъ поученіяхъ на ряду съ древними греческими Святими (Опис. Рум. Музеум. 611). Въ минеи служебн., за іюль, Тр.-Сергіев. лавры, XV в., № 577, въ заглавіи, подъ 10-мъ числомъ мѣсяца, замѣчено: „въ той же день преставленіе преп. отца нашего Антонія печерскаго; служба его вся писана въ минеи мѣс. Мая въ 7 день“.

(³⁶) Собр. Р. Лѣт. VI, 195. 196. Весьма любопытны высказанія здѣсь лѣтописцемъ замѣчанія о мощахъ, особенно по тому времени.

(³⁷) Собр. Р. Лѣт. VIII, 201—203. Замѣчательно, что, при перенесеніи, въ это же время, мощей другихъ митрополитовъ—Евлогіа, Кипріяна, Фотія, Іоны и Филиппа, по нимъ пѣли еще панихиды, а молебновъ имъ не пѣли.

ны мощи св. мучениковъ черниговскихъ, князя Михаила и боярина его Θεодора, изъ Чернигова въ Москву, и въ память этого событія установленъ праздникъ 14-го февраля и соруженъ въ Москвѣ, подъ боромъ за рѣкою, церковь срътенія мощей вел. князя черниговскаго Михаила (³⁸).

Другіе изъ перечисленныхъ выше русскихъ Святыхъ, хотя чествовались и до настоящаго періода, но чествовались лишь мѣстно, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каждый подвизался и покоился по смерти, а когда началось чествованіе ихъ всею рускою церковію, до настоящаго ли періода или уже въ настоящій, только прежде половины XVI в., объ этомъ возможны однѣ догадки. Такъ, въ честь св. *Леонтія ростовскаго* установленъ былъ, по случаю открытія мощей его, мѣстный праздникъ еще въ 1190 г. ростовскимъ епископомъ Іоанномъ, который написалъ новоявленному чудотворцу и службу (³⁹). Но съ XIV вѣка, когда въ Москву переселился рускій митрополитъ и Ростовъ сдѣлался собственностію великаго князя московскаго, чествованіе Леонтія, вѣроятно, перешло изъ Ростова и въ Москву, а оттуда распространилось мало-по-малу и по другимъ предѣламъ: по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XIV вѣка и затѣмъ въ первой XV-го имя Леонтія встрѣчается уже между именами Святыхъ по церковнымъ книгамъ, изъ которыхъ одна несомнѣнно принадлежала

(³⁸) *Снегурев*. Памятн. Москов. древн. XXXIII и 67. Сохранилось самое посланіе царя и собора, писанное ими по этому случаю къ черниговскимъ чудотворцамъ: оно напечатано въ означенной книгѣ, въ пояснител. примѣчаніяхъ къ опис. архангел. собора, стр. 4—5. О праздникѣ этомъ въ Москвѣ упоминается въ 1585 г. и въ нач. XVII в. (Доп. А. И. I, № 131, стр. 199; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 360).

(³⁹) Нашей Ист. Р. Церкви, III, 103.

новгородскому владыкѣ ⁽⁴⁰⁾. Во второй же половинѣ XV-го вѣка Леонтій упоминается въ числѣ великихъ святителей русскихъ и чудотворцевъ самими митрополитами нашими Іоною и Филиппомъ и цѣлымъ соборомъ русскихъ архипастырей, и въ 1493 г., по свидѣтельству мѣстной лѣтописи, канонъ св. Леонтію пѣли въ Новгородѣ ⁽⁴¹⁾. *Св. Исаію ростовскаго*, мощи котораго открыты вмѣстѣ съ мощами св. Леонтія, хотя, по всей вѣроятности, начали мѣстно чтить съ того же времени, но объ учрежденіи Исаіи тогда церковнаго праздника не сохранилось никакихъ извѣстій, и имя Исаіи не встрѣчаемъ между именами Святыхъ въ книгахъ церковныхъ не только XIV-го, но и первой половины XV-го столѣтій. Да и самъ біографъ святителя свидѣтельствуешь, что хотя «всѣ почитали образъ его и поклонялись ему», но гробъ его, стоявшій въ притворѣ соборной церкви, много лѣтъ оставался «въ великомъ небреженіи», что «никогда и свѣчи не горѣло у гроба святаго, и священникъ не приходилъ ко гробу съ кадиломъ», пока въ 1474 г. мѣстный архіепископъ не совершилъ перенесенія св. мощей угодника Божія, съ великою торженственностію, изъ прежняго въ новый гробъ, поставленный въ

⁽⁴⁰⁾ Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, 1, 271. 298. 419. 584. Сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Леонтія встрѣчается въ Сборникѣ Тр.-Сергіев. лавры, исх. XIV в., № 745, л. 94. Это обрѣтеніе помѣщено, въ мѣсяцесловѣ подъ 23 мая, въ Уставѣ церкви. тойже лавры, первой полов. XV в., № 239.

⁽⁴¹⁾ Акт. Ист. I, № 43, стр. 87; № 51, стр. 99; № 282, стр. 519; № 90, стр. 138; Собр. Р. Лѣт. III, 146. Св. Леонтій упоминается подъ 23 числ. мая, по мѣсяцесловамъ, въ Рукопис. Тр.-Серг. лавры, XV в., №№ 314. 761. Службы ему подъ 23 мая — въ Рукопис. тойже лавры, XV в., №№ 313. 558. 617. 762. Въ первой рукописи, именно въ Слѣдов. Псалтыри за № 313, надъ канонѣмъ св. Леонтію замѣчено: „твореніе Іоанна епископа“ (л. 407 об.). Житіе Леонтія — въ Рукоп. тойже лавры XV в., № 712, л. 458.

тойже церкви (⁴²). Съ этого-то времени и могло начаться церковное празднованіе святителю Исаіи не только въ Ростовѣ, но и въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, и св. Исаія упоминается между Святыми, напримѣръ, въ Сборникѣ Кпирилло-бѣлозерскаго монастыря, 1476—1482 г., гдѣ помѣщены ему тропарь и порядокъ всей службы; въ Сборникѣ, писанномъ въ Ростовѣ въ 1487 г. при архіепископѣ Іоасафѣ, и именно въ мѣсяцесловѣ подъ 15 ч. мая; въ служебникѣ нач. XVI в., употреблявшемся въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ и потомъ въ Новгородѣ, а вся служба св. Исаіи помѣщена подъ 15 ч. мая въ Трефологахъ XV и нач. XVI в. тогоже Троицко-Сергіева монастыря (⁴³). Мѣстное чествованіе св. *Игнатія ростовскаго*, начавшееся еще съ самой его кончины (28 мая 1288 г.), когда мощи его, вслѣдствіе множества совершавшихся отъ нихъ чудесъ, даже не были преданы землѣ, а открыто поставлены въ церкви, вѣроятно, съ XIV в. перешло въ Москву и другія мѣста, одновременно съ чествованіемъ св. Леонтія ростовскаго: св. Игнатій уже числится со Святыми въ церковныхъ книгахъ XIV, XV и первой половины

(⁴²) Прежде мы сказали объ установленіи мѣстнаго праздника въ честь св. Исаіи только гадательно (III, 103) и, вслѣдъ за издателями житія его въ Православномъ Собесѣдникѣ (1858, I, 432—439), ошибочно отнесли перенесеніе мощей святителя къ 6782 (1274) году, а самое житіе къ концу XIII в. (V, 146—148), между тѣмъ какъ, по всѣмъ спискамъ этого житія, годъ перенесенія мощей значится 6982 (1474) (*Ключев. Древне-русс. жит.* 24).

(⁴³) Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 50; Сборн. Кирил.-бѣлоз. монастыря, нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1083, л. 194 об. (а чтò этотъ Сборникъ писанъ именно въ 1476—1482 г., — видно изъ замѣтокъ писца на л. 78 об. и 218); Сборн. Тр.-Сергіев. лавры, пис. въ 1487 г., № 761; Трефолог. тойже лавры, XV в., № 617; нач. XVI в., № 648. Въ 1552 г. св. Исаія упоминается въ числѣ великихъ русскихъ чудотворцевъ самимъ митр. Макаріемъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 309).

XVI столѣтій; сказаніе о немъ или похвала ему сохранилась въ рукописи исх. XIV в., житіе его—въ рукописи 1497 г., служба ему—въ рукописи нач. XVI в.; а въ лѣтописи конца XV в. онъ называется «великимъ чудотворцемъ» ⁽⁴⁴⁾. Имя преп. Авраамія ростовскаго, котораго мѣстно чтить начали, естественно, еще съ открытія мощей его, совершившагося при вел. кн. Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212), не встрѣчается по церковнымъ книгамъ между именами Святыхъ ни въ XIII, ни въ XIV вѣкѣ. А службу преподобному находимъ въ Трефологахъ XV и нач. XVI в., принадлежащихъ Троицко-Сергіевой лаврѣ,—откуда можемъ заключать, что, по крайней мѣрѣ, не позже XV в. чествованіе Авраамія проникло и въ предѣлы московской, т. е. митрополичей, епархіи, служившей примѣромъ и для другихъ. Не раньше XV столѣтія составлено и житіе Авраамія ⁽⁴⁵⁾. Равнымъ образомъ ни въ XIII, ни въ XIV в. не встрѣчаемъ по церковнымъ книгамъ между именами Святыхъ имени преп. Никиты переяславскаго, прославившагося чудесами еще при жизни и мѣстно чтившагося, вѣроятно, со времени смерти его († 1193). Но съ XV столѣтія уже встрѣчаемъ списки житія этого преподобнаго, слѣды празднованія ему, церковной службы и похвальнаго слова ⁽⁴⁶⁾.

(44) Нашей Истор. Р. Ц. IV, 258. 260; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 279. 317. 429; Опис. рукоп. Румянц. Муз. 457; Собр. Р. Лѣт. V, 201. Сказаніе (начин. словами: „прославимъ убо, братье, всемилостиваго Бога“. . .) — въ Сборн., исх. XIV в., Тр.-Серг. лавр., № 745, л. 208. Житіе—въ Рукоп. тойже лавры, 1497 г. № 712 л. 487. Служба—въ Трефол. тойже лавр., нач. XVI в., № 618, подъ 28 числ. мая.

(45) Нашей Истор. Р. Ц. III, 101. Служба преподобному подъ 29 ч. окт.—въ Трефолог. Тр.-Серг. лавры, XV в., № 617; нач. XVI в., № 618. О житіи его — *Ключев.* стр. 35.

(46) Нашей Истор. Р. Ц. III, 56—58. Списки житія: XV в.—въ Сборн. Тр.-Серг. лавры, 1487 г., № 761, л. 232; въ Синод. Сбор. № 637, л. 120; нач.

Какимъ образомъ чествованіе каждаго изъ этихъ угодниковъ Божіихъ, сперва мѣстное, дѣлалось потомъ общимъ въ русской церкви, — распространялось ли оно постепенно и незамѣтно изъ одной мѣстности въ другую, безъ всякаго распоряженія высшей церковной власти, или введено было разомъ постановленіемъ какого либо собора или митрополита, — извѣстій не сохранилось.

Къ третьему, наконецъ, классу относятся тѣ изъ перечисленныхъ выше русскихъ Святыхъ, которыхъ церковь начала повсемѣстно чтить, несомнѣнно, только въ настоящій періодъ до митрополита Макарія. Моцѣ *святителя московскаго Алексія* († 1378), по свидѣтельству современника, открыты въ шестьдесятое лѣто послѣ его кончины, слѣд. въ 1438 году; но, по обстоятельствамъ времени (то было время митрополита Исидора, измѣнника православію, и флорентійской уніи), въ честь новоявленного угодника Божія тогда не было учреждено никакого праздника. И не прежде, какъ въ 1448 году, которымъ начался настоящій періодъ, и на томъ самомъ соборѣ, который возвелъ на митрополию святителя Іону, постановлено было праздновать св. Алексію — въ день его кончины, 12-го февр., и въ день открытія мощей его, 20-го мая ⁽⁴⁷⁾. Слѣды чествованія *преп. Варлаама хутынскаго*

XVI в. — въ Синод. Сбор. № 639, л. 21, и Сборн. бывшей библ. Царскаго № 368, л. 317 (Опис. стр. 378). Въ Сборникѣ Кирилло-бѣлоз. библ., вынѣ С. п. б. дух. акад., 1476—1482 г., № 1083, л. 195, написано: „Мѣсяца мая 24 святаго Никиты переяславскаго. Есть ему и стихиры, канонъ гласъ 4, тропарь же общій“. И затѣмъ помѣщены сѣдаленъ и кондакъ преподобному. Полныя службы ему — въ Трефол. Тр.—Серг. лавр. XV в., № 617; нач. XVI в., № 618, подъ 24 ч. мая. Похвал. слово преподобному, вмѣстѣ съ житіемъ его, — въ Рукоп. Тр.—Серг. лавры, 1497 г., № 712, л. 489. 500.

⁽⁴⁷⁾ Въ житіи св. Алексія, по одной изъ редакцій, сказано, что службу на

(† 1193) въ Новгородѣ и вообще въ новгородской епархіи находимъ еще къ концу XIII и въ началѣ XIV вѣка, а не позже половины XV-го уваженіе къ памяти преподобнаго про- никло и въ Москву. Но церковное празднованіе въ честь его (6-го ноября) началось въ Москвѣ и затѣмъ по всей Россіи только съ 1461 г., послѣ того какъ Новгородъ посѣтилъ вел. князь Василій Васильевичъ и надъ однимъ изъ отроковъ его совершилось великое чудо у мощей преп. Варлаама; тогда же самъ вел. князь соорудилъ въ Москвѣ и первую при- дѣльную церковь во имя преп. Варлаама. А въ 1471 и 1480 годахъ преп. Варлаамъ числится въ ряду чудотворцевъ рус- скихъ въ посланіяхъ самага митрополита и собора русскихъ іерарховъ. Канонъ преподобному извѣстенъ по рукописи 1462 — 1490 г. (⁴⁸). Въ 1463 г. совершилось открытіе мощей князя

обрѣтеніе мощей его составилъ епископъ пермскій Питиримъ, „времени уже не малу мимошедшу“ послѣ этого событія, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву и про- живалъ въ чудовомъ монастырѣ, и что потомъ службу эту Питиримъ представилъ митрополиту Іонѣ, который, по рассмотрѣніи ея съ соборомъ епископовъ, и уста- новилъ въ честь св. Алексія два означенные праздника (*Ключев.* 134). А Пти- римъ пріѣзжалъ въ Москву именно въ 1448 г. для участія въ соборѣ (Собр. Р. Лѣт. VIII, 122). Кромѣ того въ одной Псалтири съ возслѣдованіемъ, XVI в., о праздникѣ 12-го февр. въ честь святителя Алексія замѣчено: „сѣставижеся по благословенію господина преосвященнаго архіепископа святѣйшаго и всея Руси Іоны и проразсужденіемъ еже о немъ честнаго собора святительска, волею же христіюлюбиваго и вседержавнаго государя великаго князя Василія Василіевича всея Руси и при благородѣмъ и благочестивомъ сыну его великомъ князи Іоаннѣ Васильевичѣ всея Руси“ (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 442 — 443). По этому мы должны исправить сказанное нами прежде, будтобы тотчасъ по обрѣтеніи мощей св. Алексія (въ 1438 г.) и праздникъ ему установленъ и напи- сана ему служба Питиримомъ (IV, 255). Но, съ другой стороны, не можемъ не замѣтить, что помѣщенное Питиримомъ въ самой службѣ свидѣтельство объ обрѣ- теніи мощей св. Алексія именно въ *шестидесятое лѣто* послѣ его смерти полу- чаетъ теперь новую силу, если служба эта была рассмотрѣна митрополитомъ Іоною съ соборомъ епископовъ, которые, какъ современники, не могли не знать съ точностію этого событія.

(⁴⁸) Собр. Р. Лѣт. VI, 184; Акт. Истор. I, № 90. 282, стр. 138. 519.

ярославскаго и смоленскаго *Теодора Ростиславича Чернаго* (+ 1298) и сыновъ его *Константина и Давида*. Всѣ они до-толѣ покоились вмѣстѣ поверхъ земли въ склепѣ подѣ церк-вию Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ. Игуменъ и священ-ники ярославскихъ церквей, по взаимномъ совѣщаніи, рѣши-ли-было положить мощи князей, съ честію, въ землю на томъ же мѣстѣ и дали знать о своемъ намѣреніи старѣйшинѣ го-рода, князю Александру ярославскому. Князь изъявилъ свое согласіе и хотѣлъ устроить каменную гробницу, покрыть ее дорогимъ покровомъ и поставить у гробницы свѣчи. Но ког-да собрались священники, иноки, міряне и князь, и подняли мощи, отъ нихъ тутъ же совершилось нѣсколько чудесъ, которыя поразили всѣхъ. Велѣли звонить въ колокола, стек-лось множество народа, начали покланяться мощамъ и лобы-зать ихъ, и уже не опустили ихъ въ землю, а оставили въ прежнемъ гробѣ на поклоненіе и лобызаніе всѣмъ. Возвѣсти-ли о случившемся епархіальному владыкѣ Трифону ростовско-му; но онъ не повѣрилъ. А между тѣмъ чудеса продолжали совершаться болѣе и болѣе, и, слыша объ нихъ, Трифону нашелся, наконецъ, вынужденнымъ послать въ 1467 г. ростов-скаго протоіерея Константина для обслѣдованія дѣла. Прото-іерей такъже былъ одержимъ невѣріемъ и съ дерзостію при-ступилъ къ освидѣтельствованію мощей; но былъ пораженъ

Отрокъ, исцѣленный въ 1461 г., имѣлъ у себя еще прежде того и житіе преп. Варлаама и канонъ ему (Собр. Р. Лѣт. VI, 321). Древнѣйшій списокъ житія преп. Варлаама находится въ Прологѣ Синод. библ., XIII—XIV в., № 839, л. 54—55, который писанъ въ Псковѣ и въ 1425 г. былъ проданъ въ Сироткинъ монастырь (тамъ же л. 171). Канонъ преп. Варлааму, соч. Пахоміемъ сербомъ, — въ Слѣд. Псалтыр. Тр.-Серг. лавры, 1462—1490 г., № 308, л. 234 об.

невидимою силою, поверженъ на землю и овѣмѣлъ. Архіепископъ Трифонъ, какъ только получилъ вѣсть объ этомъ, содрогнулся всѣмъ тѣломъ и впалъ въ разслабленіе; оставилъ свою кафедру и поселился въ келліи Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, чтобы у мощей св. угодниковъ оплакивать свое невѣріе въ нихъ до конца своей жизни (⁴⁹). Такія событія, особенно касавшіяся непосредственно ростовскаго владыки, не могли остаться неизвѣстными митрополиту и вел. князю и не огласиться далеко. И вотъ самъ вел. кн. Иванъ Васильевичъ и митрополитъ Филиппъ († 1473) поручили написать житіе св. князя ярославскаго Θεодора и чадъ его іеромонаху Спасскаго ярославскаго монастыря Антоію, а въ Сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, 1476—1482 г., находимъ уже тропари и кондаки, какъ на успеніе князя Θεодора, такъ и на перенесеніе мощей его и чадъ — сентября 19, — изъ чего можемъ заключать, что въ то время, по волѣ вел. князя и митрополита, установлено и празднованіе въ честь ново-явленныхъ чудотворцевъ не только въ Ярославлѣ, но и въ Москвѣ и по всей Россіи. По рукописямъ XV и нач. XVI в. встрѣчается, подъ 19 ч. сентября, и служба этимъ чудотворцамъ (⁵⁰). *Преп. Кириллъ бѣлозерскій* скончался въ 1427 г., а въ 1448 г. митрополитъ Іона уже упоминаетъ Кирилла въ числѣ чудотворцевъ русскихъ, наравнѣ съ преп. Сергіемъ и

(⁴⁹) Собр. Р. Лѣт. V, 274; VI, 185—187; VIII, 150; Ник. Лѣт. VI, 1—2; Степ. Кн. I, 392—397.

(⁵⁰) *Макар.* Велик. Миней-четін, Септ. 19, столб. 1261; *Ундольск.* Слав.-русс. рукоп. № 383 (Опис. 230); *Сборн. Кирил.-бѣлоз. библ.*, нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1083, л. 190—192. Служба чудотворцамъ этимъ — въ Рукоп. Тр.-Серг. лавры, XV в., № 617; исх. XV в., № 643; 1505 г., № 466; нач. XVI в., № 618.

другими. Чрезъ нѣсколько лѣтъ преемникъ Іоны, митрополитъ Θεодосій и вел. князь Василій Васильевичъ († 1462) посылали извѣстнаго серба Пахомія въ бѣлозерскую обитель, чтобы онъ собралъ тамъ свѣдѣнія о преп. Кириллѣ и написалъ житіе его. Въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ, въ своемъ посланіи къ вел. князю, призывалъ на него молитвы св. преподобныхъ чудотворцевъ Сергія, Варлаама и Кирилла; а въ 1480 г. митрополитъ Геронтій и цѣлый соборъ русскихъ святителей также призывали на вел. князя св. молитвы, между прочимъ, и преп. Кирилла. Все это заставляетъ предположить, что преп. Кириллъ причтенъ къ лику Святыхъ и въ честь его установленъ праздникъ (9-го іюня) въ началѣ второй половины XV вѣка и, всего вѣроятнѣе, при митрополитѣ Θεодосіѣ, когда написано и житіе преподобнаго. Служба преподобному извѣстна, подъ 9 ч. іюня, по рукописямъ XV и нач. XVI в. (*). Преп. Димитрій прилуцкій скончался въ 1391 г.; но вскорѣ отъ мощей его начали совершаться чудеса, и нѣкоторыя— во дни общественныхъ бѣдствій: одно во время моровой язвы (1409 г.), когда многіе жители Вологды получали исцѣленіе при

(*) Акт. Ист. I, №№ 43. 90. 282. Въ Слѣдованной Псалтыри Кирило-бѣлозер. монастыря, принадлежащей нынѣ С. п. б. дух. академіи, № 259, и написанной въ 1481 г., по благословенію кириловскаго игумена Нифонта, монахомъ Корниліемъ (л. 173 об. и 232 об.), помѣщенъ полный мѣсяцесловъ (л. 59—109), — и въ этомъ мѣсяцесловѣ подъ 9-мъ числомъ іюня стоитъ уже имя преп. Кирилла бѣлозерскаго (л. 98 об.), хотя во всемъ мѣсяцесловѣ изъ русскихъ Святыхъ записаны, въ самомъ текстѣ, только слѣдующіе: Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Θεодосій печерскій, Леонтій ростовскій, митроп. Петръ и пр. Сергій радонежскій, а всѣ прочіе, числомъ до 25-ти, приписаны по сторонамъ, многіе—позднѣйшею рукою. Служба преп. Кириллу—въ Трефологѣ Тр.-Серг. лавр., XV в., № 613; въ Сборн. тойже лавры, 1511 г., № 597; въ Миней служеб. тойже лавры, 1514 г., № 568. Служба и житіе, составл. Пахоміемъ сербомъ,—въ Сборн. тойже лавр., XV—XVI в., № 764, л. 2 и 327. Снес. Опис. рукоп. Царск., стр. 362—363.

гробъ преподобнаго; другое — при нападеніи вятчанъ на Вологду и прилуцкій монастырь (1417 г.), когда одинъ непріятельскій вои́нъ, дерзнувши обдирать гробъ преподобнаго, внезапно палъ мертвымъ, что и заставило вятскихъ вождей поспѣшно удалиться отъ Вологды и отпустить плѣнныхъ; третье — при нападеніи князя Дмитрія Шемяки на Вологду (1450 г.), когда, помощію преп. Дмитрія, — о чемъ было тогда видѣніе, — жители Вологды отразили своего врага, который былъ вмѣстѣ и заклѣтымъ врагомъ вел. князя московскаго Василія Васильевича (*). Извѣстія о всѣхъ этихъ чудесахъ, особенно о послѣднемъ, не могли не дойти до слуха вел. князя и митрополита и не возбудить въ нихъ вѣры въ сильное ходатайство преп. Дмитрія предъ престоломъ Божиимъ о благѣ Россіи. И очень вѣроятно, что вскорѣ послѣ 1450 г., т. е. послѣ отраженія Шемяки отъ Вологды, установлено было церковное празднованіе Дмитрію (11-го февр.) по всей Россіи: такъ какъ въ это же время написано и житіе Дмитрія однимъ изъ преемниковъ его по управленію обителію, игуменомъ Макаріемъ, который, при описаніи чудесъ его, представляется самовидцемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и рядъ этихъ чудесъ окончилъ именно чудомъ, совершившимся при отраженіи Шемяки отъ Вологды (**). По церковнымъ книгамъ во второй половинѣ XV-го вѣка и въ первой XVI-го преп. Дмитрій прилуцкій встрѣчается уже въ числѣ Святыхъ, и

(*) О чудесахъ этихъ говорится въ житіи преп. Дмитрія, а о времени событій, при которыхъ совершились они, упоминають лѣтописи (Степ. Кн. I, 569. 570; Собр. Р. Лѣт. III, 106. 107; V, 260; VI, 141; VIII, 123).

(**) Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. III, отд. III, 5; *Ключев.* 270.

служба ему, подъ 11 ч. февраля, извѣстна по рукописямъ тогоже времени (⁸⁴).

Надобно, однакожъ, замѣтить, что внесеніе русскихъ Святыхъ въ церковныя книги и мѣсяцесловы не было подчинено какому либо правилу; что въ книгахъ, писанныхъ въ одномъ и томъ же вѣкѣ, наприм., XIV, XV, находимъ имена не однихъ и тѣхъ же Святыхъ, но и различныхъ, и въ однихъ книгахъ меньше, въ другихъ больше (⁸⁵); что въ этихъ книгахъ наряду со Святими, чтившимися во всей русской церкви, помѣщались, безъ всякаго различія, и Святые, чтившіеся только мѣстно, и иногда не помѣщались нѣкоторыя Святые перваго рода, между тѣмъ какъ помѣщались Святые мѣстные (⁸⁶), и что число русскихъ Святыхъ въ церковныхъ кни-

(⁸⁴) Нашей Ист. Р. Церкви, IV, 260; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 50. 317. 428. 466. 468. Служба преп. Димитрію—въ рукописяхъ Тр.-Серг. лавры: XV в.—№№ 528. 617. 642; нач. XVI в.—№№ 525. 618.

(⁸⁵) Сравн. книги XIV в.—Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 271. 279. 286. 298; книги XV в.—тамъ же 274. 304. 309. 418. 419.

(⁸⁶) См., напримѣръ, нашей Ист. Р. Церкви IV, 260, примѣч. 370; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 309. 428. 429. Въ мѣсяцесловѣ, помѣщенномъ въ Сборникѣ Тр.-Серг. лавры, писан. 1487 г. въ Ростовѣ при архіепископѣ Іоасафѣ, читаемъ: 16 сент. *преставленіе Кипріяна* митрополита кіевскаго и всея Руси (л. 256), 20 сент. убіеніе кн. Михаила чернигов. и его боярина Θεодора, 25 сент. преп. Сергія, 6 ноябр. преп. Варлаама хутын., 21 дек. Петра митрополита моск., 12 февр. Алексія митр. моск., 26 апр. *Стефана пермскаго* (л. 276), 2 мая Бориса и Глѣба, 3 мая пр. Θεодосія печер., 14 мая *Исидора юродив. ростов.*, 15 мая Исаи ростов., 20 мая Алексія митр., 25 мая Леонтія ростов. и Никиты переясл., 28 мая Игнатія ростов., 9 іюня Кирилла бѣлозерск., 15 іюля св. кн. Владиміра, 24 іюля Бориса и Глѣба, 26 авг. Срѣтеніе иконы Владимір. Богоматери. Въ мѣсяцесловѣ, при рукописномъ Требникѣ нашей библ., нач. XVI в., № 89, находятся всѣ русскіе Святые, дотоѣ признанные русскою церковію, кромѣ, однакожъ, двухъ—Исаи и Авраамія ростовскихъ; но находятся такъ же и чтившіеся пока мѣстно: митр. моск. Кипріанъ, Максимъ юродивый, три виленскіе мученика и Стефанъ пермскій (—стр. 1203—1240). Въ Уставѣ нашей бібліотеки, первой половины XVI в., № 88, изъ числа Святыхъ русскихъ, прежде прославленныхъ во всей русской церкви, нѣтъ въ мѣсяцесловѣ одного только св. Исаи ростов.

гахъ и мѣсяцесловахъ, особенно со второй половины XV-го вѣка, постепенно возрастало, а въ нѣкоторыхъ книгахъ первой половины XVI-го возрасло до того, что упоминаются уже почти всѣ даже изъ тѣхъ Святыхъ, которымъ установлены праздники лишь впоследствии, при митрополитѣ Макаріѣ и позднѣе (⁵⁷). Эта-то безпорядочность и произволь, вѣроятно, и послужили для Макарія однимъ изъ главныхъ побужденій созвать соборы 1547 и 1549 г., чтобы соборнѣ обсудить и опредѣлять, какимъ Святымъ слѣдуетъ праздновать, по всей ли Россіи, или только мѣстно.

Авторъ упомянутого нами выше сказанія о русскихъ Святыхъ, перечисливъ тѣхъ изъ нихъ, которымъ церковь наша праздновала повсемѣстно еще до митрополита Макарія, представляетъ перечень и новопрославленныхъ чудотворцевъ, которымъ она установила праздновать уже при Макаріѣ на соборахъ 1547—1549 г., составляющихъ, по единству ихъ предмета и по внутренней связи ихъ между собою, какбы одинъ соборъ,—при чемъ подраздѣляетъ этихъ чудотворцевъ на пять классовъ. Къ первому классу отнесены святители: митрополитъ Іона, архіепископы новгородскіе Іоаннъ, Никита, Нифонтъ, Евѣимій и Іона, епископы — Стефанъ пермскій, Арсеній тверскій, Іаковъ ростовскій и сербскій архіепископъ Арсеній. Ко второму—праведные: князь Александръ невскій, князь Все-

скаго, имя котораго приписано внизу послѣ; а изъ мѣстно-чтимыхъ Святыхъ помѣщены въ самомъ текстѣ мѣсяцеслова: три виленскихъ мученика, Стефанъ пермскій, Исидоръ юрливый-ростовскій и Максимъ юродивый московскій, упоминаемый здѣсь подъ 21-мъ числомъ генваря, а не подъ 13-мъ августа, когда положено ему праздновать соборомъ 1547 года.

(⁵⁷) Опис. рукоп. Румянц. Муз. 455. 466—468. 713, а особенно Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, 1, 314. 317.

володь псковскій, князь Петръ и княгиня Февронія муромскіе, князь Константинъ и чада его Михаилъ и Феодоръ муромскіе и Михаилъ клопскій. Къ третьему—мученики: вел. князь Михаилъ тверскій, Іоаннъ сочавскій, пострадавшій въ Бѣлѣ-градѣ, и Антоній, Іоаннъ и Евстафій, пострадавшіе въ Литвѣ. Къ четвертому—преподобные: Пафнутій боровскій, Никонъ радонежскій, ученикъ Сергіевъ, Савва сторожевскій, Макарій колязинскій, Діонисій Глушицкій, Павелъ комельскій, Савватій и Зосима соловецкіе, Александръ свирскій, Евѣмій суздальскій, Авраамій смоленскій, Савва вышерскій, Евфросинъ псковскій, Ефремъ перекомскій и Григорій пельшемскій. Къ пятому—юродивые Христа ради: Максимъ московскій, Іоаннъ и Прокопій устюжскіе. Какимъ изъ этихъ Святыхъ установлено праздновать, въ частности, на соборѣ 1547 г., мы уже знаемъ изъ офиціального документа—окружной грамоты митрополита Макарія, равно какъ знаемъ и то, что двѣнадцати изъ нихъ установлено праздновать повсюду въ русской церкви, а девяти только мѣстно^(*). Теперь, имѣя въ виду представленный перечень Святыхъ, легко можемъ указать въ немъ и тѣхъ чудотворцевъ, въ честь которыхъ установилъ праздники соборъ 1549 года: это святители—Никита, Нифонтъ, Евѣмій и Іона новгородскіе, Стефанъ пермскій, Іаковъ ростовскій и Арсеній сербскій; праведный Всеволодь псковскій; мученики—Михаилъ тверскій, Іоаннъ сочавскій и Антоній, Іоаннъ и Евстафій литовскіе; преподобные—Савва сторожевскій, Евѣмій суздальскій, Авраамій смоленскій, Савва вышерскій, Евфросинъ псковскій, Ефремъ перекомскій и Григорій пельшемскій.

(*) Объ этомъ соборѣ мы сказали прежде (VI, 215—216).

Не станемъ повторять, какъ собирались, по предложенію самаго государя, епархіальными владыками предварительныя свѣдѣнія и документы о всѣхъ новопрославленныхъ теперь чудотворцахъ, и въ чемъ состояло соборное ихъ свидѣтельствоваіе (⁸⁹); но замѣтимъ, что если нѣкоторымъ Святымъ на соборѣ 1547 г. установлено праздновать только мѣстно (сдѣлано ли тоже и на соборѣ 1549 г., не знаемъ), то это не значить, будто они прежде мѣстно не чествовались, а значить только, что соборъ, по разсмотрѣніи представленныхъ ему документовъ, утвердилъ тѣ мѣстные праздники, которые совершались въ честь нѣкоторыхъ чудотворцевъ и прежде, но лишь съ разрѣшенія мѣстныхъ архіереевъ или даже помимо всякаго распоряженія епархіальной власти. Слѣдуетъ такъ же замѣтить, что праздникъ тремъ литовскимъ или виленскимъ мученикамъ, установленный еще митрополитомъ Алексіемъ, по сношенію съ самимъ патріархомъ, былъ, вѣрно, только праздникомъ мѣстнымъ (⁹⁰): иначе не нужно, да и незаконно, было бы теперь устанавливать его вновь для всей церкви.

Многимъ русскимъ чудотворцамъ установили праздники со-

(⁸⁹) И о соборѣ 1549 г. нами сказано прежде (тамъ же 217. 218). Но тогда мы пытались указать Святыхъ, прославленныхъ на этомъ соборѣ, только гадательно и не избѣгли ошибокъ. О житіяхъ всѣхъ этихъ Святыхъ такъ же сказано нами прежде въ главѣ—о духовной литературѣ.

(⁹⁰) Нашей Ист. Русск. Церкви, IV, 26. Достойно замѣчанія, что новопрославленные соборами 1547—1549 г. Святые не вдругъ вносились въ наши богослужебныя книги. Наприм., въ Слѣдованной Псалтыри Импер. публичн. библ., in Q., № 91, писанной въ 1567 г., помѣщены въ мѣсяцесловѣ только — а) изъ новопрославленныхъ: Евѣимій новгор., три вилен. мученика, Стефанъ пермскій и Пафнуцій боровскій; б) изъ прежде прославленныхъ: кн. Θεодоръ, Давидъ и Константинъ яросл., Сергій радон., Варлаамъ хутын., митр. Петръ и Алексій, Борисъ и Глѣбъ, Антоній и Θεодосій печер., Леонтій ростов., Кириллъ бѣлоз. и княгиня Ольга, и в) одинъ еще непрославленный — Николай Качановъ (— л. 333—438).

боры 1547—1549 г., но далеко еще не всѣмъ. Это могло зависѣть или отъ того, что о нѣкоторыхъ Святыхъ епархіальные архіереи не успѣли представить на послѣдній соборъ необходимыхъ свѣдѣній, какъ требовалось, или отъ того, что нѣкоторыя представленныя свѣдѣнія, и документы призваны были почему либо неудовлетворительными. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но установленіе новыхъ праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ продолжалось и въ послѣдующее время, хотя уже не въ такомъ размѣрѣ. Еще вскорѣ послѣ собора 1547 г. игумень Оерапонтова бѣлозерскаго монастыря представилъ митрополиту Макарію житіе *преп. Оерапонта*, основателя этой обители, и *Мартиніана*, его преемника, и по волѣ митрополита, на новомъ соборѣ были прочитаны «книги тыя, житія святыхъ и чудеса», и положено праздновать Оерапонту и Мартиніану. А какъ именъ ихъ нѣтъ въ извѣстномъ перечнѣ Святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 г., то, если не предположить случайнаго пропуска въ перечнѣ, здѣсь придется разумѣть какой либо изъ послѣдующихъ соборовъ, ближайшихъ по времени. Въ 1554 г. обрѣтены мощи *преп. Саввы крыпецкаго*, и соборъ опредѣлилъ праздновать память его, а по просьбѣ братіи крыпецкаго монастыря, написаны житіе новопрославленнаго чудотворца и канонъ ему. Въ 1560 г., по порученію митрополита Макарія, пермскій епископъ Іоасафъ и махрицкій игумень Варлаамъ собирали свѣдѣнія въ авнежскомъ монастырѣ о чудесахъ авнежскихъ подвижниковъ — *преп. Григорія и Кассіана*, и на основаніи этихъ свѣдѣній соборъ опредѣлилъ праздновать Григорію и Кассіану и поручилъ, чрезъ митрополита Макарія, составить житіе ихъ. Вскорѣ затѣмъ тотъ же махрицкій игумень Варлаамъ явился

къ царю и митрополиту Макарію съ сказаніемъ о чудесахъ основателя обители—*преп. Стефана махрицкаго*, а царь и митрополитъ поручили написать житіе преподобнаго, «да на память его прочитается», чѣмъ уже предполагается установленіе и празднованія этой памяти (⁶¹). Въ 1578 г. игуменъ сійскаго монастыря Питиримъ представилъ царю житіе *преп. Антонія сійскаго*: митрополитъ Антоній, вмѣстѣ съ соборомъ, уложилъ праздновать этому чудотворцу, а царевичъ Иванъ, сынъ грознаго, съ благословенія митрополита, написалъ въ слѣдующемъ году новое житіе преп. Антонія съ похвальнымъ словомъ и службою ему. Въ 1579 г., по повелѣнію царя и благословенію митрополита Антонія и собора всѣхъ русскихъ іерарховъ, узаконено праздновать и пѣть «въ обители Пречистые Богородицы начальнику св. обители сея», преп. Іосифу волоколамскому, «доколѣ и монастырь Пречистые стоятъ» (⁶²). Были ли учреждены у насъ до конца настоящаго періода и другіе такіе же праздники, прямыхъ свидѣтельствъ не знаемъ; но въ церковныхъ книгахъ нашихъ XVI и даже XV в. встрѣчаемъ имена, службы, житія еще нѣсколькихъ русскихъ Святыхъ, которыхъ память, какъ слѣдуетъ заключать, чтилась тогда, по крайней мѣрѣ, мѣстно, если не съ утвержденія высшей церковной власти, то съ разрѣшенія епархіальныхъ владыкъ, или даже только въ силу укоренившагося обычая. Таковы напримѣръ: архіепископъ Феодоръ ростовскій, царевичъ

(⁶¹) Нашей Ист. Р. Церкви, VII, примѣч. 357. 359. 373, и самый текстъ, къ которому они относятся, а также *Ключевск.* 251. 273. 279. 280. О службахъ всѣмъ этимъ преподобнымъ, написаннымъ ок. тогоже времени, см. далѣе въ примѣч. 86.

(⁶²) *Карамз.* IX, примѣч. 612; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 394.

ордынскій Петръ, чудотворецъ ростовскій, княжна Евфросинія суздальская, князья Василій и Константинъ ярославскіе, епископъ Пителимъ пермскій, преподобные — Ефремъ новоторжскій, Евфросинія полоцкая, Александръ ошевенскій и Александръ куштскій, праведные — Іаковъ боровицкій, Меркурій смоленскій, юродивые Христа ради — Василій московскій, Исидоръ ростовскій и др. (⁶³). Въ частности, извѣстно, что мощи св. Іакова боровицкаго были свидѣтельствованы въ 1572 г., по порученію новгородскаго архіепископа Леонида, особою комиссіею, которая и донесла о множествѣ совершавшихся отъ нихъ чудесъ; что преп. Евфросиніи суздальской дѣйствительно установлено было мѣстное празднованіе во второй половинѣ XVI вѣка, а царевича Петра и Исидора ростовскихъ упоминаетъ самъ царь Иванъ Васильевичъ въ числѣ великихъ чудотворцевъ русскихъ, приписывая молитвамъ ихъ совершившееся тогда (1563 г.) покореніе Полоцка (⁶⁴).

Кромѣ множества праздниковъ въ честь новопрославленныхъ чудотворцевъ русскихъ, установлено тогда нѣсколько праздниковъ въ честь св. иконъ и въ память отечественныхъ событій. По случаю перенесенія двухъ иконъ — всемилостиваго Спаса и Богородицы изъ Владиміра въ Москву и изъ Москвы во Владиміръ, по обновленіи этихъ иконъ (1518—1519), положено было праздновать въ Москвѣ ежегодно 15-го сентября

(⁶³) Опис. рукоп. *Царск.* 632—635; Опис. рукоп. Румянц. Муз. 592—604; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 66. 317. 323. 328. 436. 446. Ѳеодоръ архіепископъ ростовскій чтился еще въ XV в. (нашей Ист. Р. Ц. IV, 260); тропарь и кондакъ этому святителю помѣщены въ Сборникѣ, 1476—1482 г., Кирилло-бѣлоз. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., № 1083 л. 211. Равно и Исидоръ ростовскій еще въ XV в. (см. выше примѣч. 56).

(⁶⁴) Собр. Р. Лѣт. III, 168; *Ключев.* 285; Акт. Ист. I, № 168.

и совершать крестный ходъ въ церковь Срѣтенія Богородицы, тогда же построенную; а по случаю перенесенія двухъ иконъ — пр. Параскевы и великом. Параскевы, именуемой Пятницею, изъ Ржевы въ Москву и обратно (1531) положено было ежегодно праздновать въ Москвѣ 29-го ноября и совершать крестный ходъ въ церковь пятницкую, тогда же построенную. Въ память принесенія въ Москву изъ Ржевы чудотворныхъ иконъ — Богородицы и честнаго креста (1540 г.) установленъ праздникъ 11-го іюля съ крестнымъ ходомъ «ко Пречистой, нарицаемой Ржевской», т. е. въ церковь, поставленную тогда на мѣстѣ срѣтенія этихъ иконъ. Явленіе новыхъ чудотворныхъ иконъ Богоматери—*святогорскихъ* (1569) на Синичей или святой горѣ въ псковскомъ краѣ и *казанской* (1579) въ городѣ Казани—послужило поводомъ къ установленію мѣстныхъ праздниковъ: *святогорскія* иконы, каждый годъ, торжественно приносятся въ Псковъ въ пятницу второй недѣли Петрова поста; а въ память явленія *казанской* совершается праздникъ 8 іюля ⁽⁶⁵⁾. Праздникъ 27-го ноября въ воспоминаніе знаменія отъ иконы Божіей Матери, совершавшейся въ Новгородѣ еще со второй половины XII вѣка, принять въ 1584 г. и въ Москвѣ, по волѣ царя и опредѣленію собора, и началъ совершаться по всей Россіи ⁽⁶⁶⁾. Въ 1480 г., въ благодарность за избавленіе Москвы и другихъ

(⁶⁵) Сбор. Р. Лѣт. VI, 261. 262; VIII, 277. 278; Ник. Лѣт. 214. 225. 244; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 358. 362. 363; Ист. княж. Псков. III, 81. 107—109; Пролог., іюля 8.

(⁶⁶) Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 367. Снес. нашей Ист. III, 102. 103. Еще въ XVI в. упоминаются, по рукописямъ, праздники въ честь иконъ Божіей Матери чудотворныхъ: *мирожской*, *чирской*, *полоцкой* (Опис. рукоп. Румянц. Муз. 592 и дал.; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 317).

городовъ отъ нашествія царя большой орды Ахмата, и вмѣстѣ за окончательное избавленіе всей Россіи отъ татарскаго ига, установлено было праздновать въ 23-й день іюня Срѣтению Божіей Матери и совершать большой ходъ съ крестами и чудотворными иконами въ срѣтенскій монастырь; а въ 1521 г., въ благодарность за избавленіе Москвы и Россіи отъ нашествия крымскаго хана Магмедъ-гирей, установленъ такой же праздникъ Срѣтению Богоматери въ 21 день мая съ большимъ крестнымъ ходомъ въ тотъ же монастырь ⁽⁶⁷⁾.

Во дни митрополита Макарія, въ промежуткѣ тѣхъ двухъ соборовъ, которые узаконили столько праздниковъ новопрославленнымъ чудотворцамъ русскимъ, узаконенъ своего рода праздникъ и ради всѣхъ вообще русскихъ, скончавшихся въ вѣрѣ, но еще непрославленныхъ и имѣющихъ нужду въ помощи церкви. Въ 1548 г., въ 21 день іюня, царь Иванъ Васильевичъ, по благословенію митрополита, уставилъ общую память благовѣрнымъ князьямъ, боярамъ, христіанскому воинству, священническому и иноческому чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ частности всѣмъ, убитымъ на войнѣ и погибшимъ въ огнѣ, водѣ, такъ же отъ голода, жажды, мороза и всякихъ другихъ нуждъ. Въ этотъ день въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ, и посадахъ, по всѣмъ церквамъ должны были отправляться заупокойныя литургіи и панихиды, и «сію общую память по всѣхъ православныхъ христіанѣхъ» велѣлъ царь совершать и въ прочіе годы до скончанія міра ⁽⁶⁸⁾.

Если много явилось у насъ церковныхъ праздниковъ въ настоя-

⁽⁶⁷⁾ Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 361. 362. Снес. Собр. Р. Лѣт. VI, 232. 263.

⁽⁶⁸⁾ Акт. Эксп. I, № 219.

цій періодъ, то едвали еще не болѣе составлено церковныхъ службъ или разнаго рода пѣснопѣній. Въ числѣ ихъ находятся службы не только новопрославленнымъ теперь въ русской церкви Святимъ, но и прежде прославленнымъ, и даже еще непрославленнымъ, а только мѣстно чтимымъ, равно встрѣчаются двѣ-три службы или пѣснопѣнія и въ честь тѣхъ, кого издревле чтила и прославляла вся православная церковь.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи вторая половина XV вѣка. Изъ русскихъ церковныхъ пѣснописцевъ мы можемъ указать тогда только на—а) пермского епископа Питирима, составившаго службу на обрѣтеніе мощей святителя московскаго Алексія (20 мая), рассмотрѣнную соборомъ 1448 года и принятую въ употребленіе; б) митрополита Θεодосія, написавшаго кондаки и икосы на Успеніе Пресв. Богородицы; в) инока тверскаго Желтикова монастыря Θεодосія, составившаго въ 1483 г., по благословенію епархіальнаго владыки Вассіана, службу святителю тверскому Арсенію, еще только мѣстно чтившемуся, и—г) на неизвѣстныхъ авторовъ, написавшихъ службы: св. Исаѣ ростоскому, преп. Авраамію ростовскому, преп. Никитѣ переяславскому и св. кн. Θεодору ярославскому съ его чадами: по крайней мѣрѣ, всѣ эти службы уже встрѣчаются въ рукописяхъ XV в., а прежде не встрѣчаются (⁶⁹). Но съ самаго начала настоящаго періода,

(⁶⁹) Служба на открытіе мощей святит. Алексія (20 мая) находится въ Слѣдов. Псалтыри Тр.-Серг. лавр. исх. XV в., № 313, л. 393, съ надписью надъ канономъ: „твореніе Питирима епископа прѣмьскаго“ (Снес. примѣч. 47). Кондаки и икосы Θεодосія помѣщены въ Соловецк. Сборн. XVI в., № 916, и озаглавлены: „твореніе Θεодосія, митрополита кіевскаго и всея Руси“. О службѣ Арсенію—въ Опис. рукоп. Рум. Муз. 594. О службахъ прочимъ Святимъ см. выше примѣч. 43. 45. 46. 50.

впродолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, если не болѣе, непрерывно трудился у насъ извѣстный уже намъ, по своимъ житіямъ, сербъ Пахомій Логоѣтъ, и одинъ написалъ не менѣе 18-ти церковныхъ службъ и вообще пѣснопѣній.

Три церковныхъ пѣснопѣнія написаны Пахоміемъ въ честь издревле-чтимыхъ всею православною церковію, именно: а) канонъ Пресв. Дѣвѣ Богородицѣ, доселѣ помѣщаемый въ службѣ на 25 день сентября преп. Сергію чудотворцу; б) канонъ св. Іоанну Крестителю и в) служба преп. Онуфрію великому. Два послѣднія пѣснопѣнія составлены (въ 1460—1461 г.) по просьбѣ новгородскаго архіепископа Іоны: онъ желалъ этимъ выразить особенное свое уваженіе къ св. Іоанну Крестителю, какъ своему ангелу, по имени котораго былъ названъ при крещеніи и которому создалъ храмъ въ своей любимой Отенской обители, гдѣ постриженъ и былъ игуменомъ, и къ великому Онуфрію, которому такъ же посвященъ былъ храмъ въ названной обители (⁷⁰).

Пять церковныхъ пѣснопѣній написалъ Пахомій въ честь русскихъ Святыхъ, прославленныхъ еще до настоящаго періода: а) канонъ равноапостольной вел. княгинѣ Ольгѣ, которой прежде существовали, вѣроятно, только нѣсколько стихирь; б) канонъ св. Борису и Глѣбу (⁷¹); в) службу преп. Анто-

(⁷⁰) Житіе архіеп. Іоны, напеч. въ Памятн. стар. русск. литер. IV, 27. Канонъ преп. Онуфрію помѣщенъ въ печатной Миней, но безъ имени автора (12 июня). А канонъ Крестителю, подъ названіемъ: „правило молебнo къ святѣйшему во пророцѣхъ, предтечи, крестителю Христову, Іоанну“, встрѣчающійся въ рукописяхъ (Соловецк. библ. № 755), приписывается Пахомію только по догадкамъ (Историч. изслѣд. о древн. русск. церковн. пѣснопѣн., въ Руковод. для сельск. пастырей, 1867, I, 343—344).

(⁷¹) См. тоже житіе архіеп. Іоны. Канонъ св. Ольгѣ, но безъ имени автора, находится и въ рукопис. XVI в. (Опис. рукоп. Рум. Муз. 597) и въ печ. Миней,

нію печерскому съ двумя канонами (⁷²); г) службу св. мученикамъ черниговскимъ—князю Михаилу и боярину его Феодору съ двумя канонами, и д) службу преп. Сергію радонежскому, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ и упомянутый нами выше канонъ Пахоміевъ Пресв. Богородицѣ (⁷³). Канонъ св. Ольгѣ написанъ въ Новгородѣ (1460 — 1461 г.), по просьбѣ или порученію архіепископа Іоны; а служба преп. Сергію, сохранившаяся въ спискѣ 1459 г., явилась, всего вѣроятнѣе, въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ до того времени постоянно проживалъ авторъ въ числѣ братства.

Четыре, если даже не пять пѣснопѣній составилъ Пахомій въ честь тѣхъ Святыхъ русскихъ, которые прославлены въ его время, или на тѣ праздники, которые тогда установлены. Сюда относятся: а) служба на преставленіе святителя москов-

подъ 14 ч. іюля (снес. нашей Истор. I, 103). Канонъ Борису и Глѣбу, съ именемъ автора, помѣщенъ въ Сборн. Троице-Серг. лавр., XV в. № 116 и XVI в. № 646.

(⁷²) Въ рукописной службѣ преп. Антонію, XV в. (Трефолог. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617, л. 147)—и XVI в. (Новг. Соф. библ., ннѣ С. п. б. дух. ак., № 1451, л. 155 об.) сдѣлана замѣтка: „святому два канона; аще хоцещи увѣдати творца и повелителя всѣмъ гранесъсловіемъ, смотри у 7 и 9 пѣсни у червленыхъ словъ, кромѣ богор.“ А изъ этихъ червленыхъ, т. е. начинающихся красными буквами, словъ тропарей 7-й и 9-й пѣсни, за исключеніемъ богородичныхъ, составляется слѣдующая рѣчь: „повелѣніемъ святѣйшаго архіепископа великаго Новаго-града, Антонію печерскому, рукою многогрѣшнаго Пахомья, иже отъ святыхъ горъ“. Акrostихъ этотъ сохранился и въ печ. Миней, куда служба преп. Антонію внесена безъ перемены (іюля 10).

(⁷³) Каноны черниг. чудотворцамъ помѣщены, съ именемъ автора, въ печати. Миней (сент. 20), а по рукописямъ встрѣчаются, подъ тѣмъ же 20 ч. сент., въ спискахъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. № № 617. 642. 643) и въ спискѣ 1505 г., гдѣ озаглавлены: „святыхъ два канона—твореніе таха ермонаха св. горы Пахомія“ (Тр.-Серг. лавр. № 466, л. 219). Служба преп. Сергію также помѣщена въ печ. Миней (сент. 25) и встрѣчается еще въ рукоп. Сборн. 1459 г. (Синод. библ. № 637, л. 56), а затѣмъ и въ другихъ рукописяхъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. № № 312. 313. 579. 617. 762. См. также Славяно-русс. рукоп. Ундольск. № 51, л. 329 и № 101, л. 29).

скаго Алексія (12-го февр.), написанная по благословенію митрополита Іоны и собора (1448 г.) и по волѣ вел. кн. Василя Васильевича (⁷⁴); б) канонъ преп. Варлааму хутынскому, написанный (1460 г.) по порученію новгородскаго владыки Іоны; в) служба преп. Кириллу бѣлозерскому, написанная, вѣроятно, одновременно съ житіемъ преподобнаго (ок. 1462 г.), по порученію вел. кн. Василя Васильевича и митрополита Θεодосія; г) служба съ двумя канонами на перенесеніе мощей святителя московскаго Петра, написанная въ 1472 г. по повелѣнію вел. кн. Іоанна III и по благословенію митрополита Филиппа; тогда же установившихъ и праздникъ въ память этого событія (⁷⁵); д) наконецъ, служба преп. Димитрію прилуцкому. Последняя, впрочемъ, нигдѣ не надписывается именемъ Пахомія и можетъ быть усвояема ему только гадательно: въ ней тотъ же слогъ, тѣже любимыя выраженія, что и въ прочихъ службахъ Пахоміевыхъ, и встрѣчаются цѣлыя стихиры, буквально взятыя изъ службъ Пахомія преп. Сергію и св. митрополиту Іонѣ. Съ достовѣрностію

(⁷⁴) Все это означено въ самомъ заглавіи службы по рукописямъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. № № 528. 617), 1500 г. (тамъ же № 609), 1511 г. (— № 597). Въ печатной Минеи служба эта сокращена и измѣнена (февр. 12).

(⁷⁵) О канонахъ преп. Варлааму хут. и Кириллу бѣлоз. см. выше примѣч. 48. 51. Первый канонъ находится еще, безъ имени автора, — въ Трефолог. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617, а съ именемъ автора — въ Псалтыр. Ундольск. XVI в., № 51, л. 316 об.; помещенъ и въ печатной Минеи (ноябр. 6). А канонъ препод. Кириллу бѣлоз. безъ имени автора — въ Слѣдов. Псалтыри Кирил. бѣлоз. монастыря, писанной въ 1481 г. и принадл. нынѣ С. п. б. дух. акад. (№ 259, л. 196 об.); въ печ. же Минеи прямо называется „твореніемъ Пахомія, іеромонаха св. горы“ (іюня 9). Служба на перенесеніе мощей св. Петра, съ двумя канонами, и въ печатной Минеи (авг. 24) и по рукописямъ (Минея Служ. за Авг., Тр.-Серг. лавры, 1509 г., № 590) ясно усвояется Пахомію помещеннымъ въ ней акростихомъ. Снес. Собор. Р. Лѣт. VI, 196.

же о ней можно сказать лишь то, что она написана не прежде Пахомія и въ XV вѣкѣ, такъ какъ сохранилась въ спискѣ этого вѣка; но могла быть написана и не самимъ Пахоміемъ, а кѣмъ либо другимъ, по подражанію Пахомію, наприм., тѣмъ же игуменомъ Макаріемъ, который составилъ тогда житіе преп. Дмитрія прилудскаго ⁽⁷⁶⁾.

Наконецъ, не менѣе шести церковныхъ пѣснопѣвій сложилъ Пахомій въ честь Святыхъ русскихъ, которые въ его время чтились только мѣстно, или даже еще не чтились, а прославлены уже соборами 1547 — 1548 г., и на одинъ мѣстный праздникъ, сдѣлавшійся общимъ только въ 1584 году. Табъ, вѣроятно, еще въ Сергіевомъ монастырѣ, вслѣдъ за службою преп. Сергію, Пахомій написалъ и службу ученику его, преп. Никону. По порученію новгородскаго владыки, написалъ (1560—1561) каноны митрополиту московскому Іонѣ († 1461), новгородскому архіепископу Евфимію († 1458) и преп. Саввѣ вышерскому († 1461), вскорѣ послѣ ихъ кончины, когда едвали успѣло установиться и мѣстное имъ празднованіе. Можетъ быть, по порученію тогоже новгородскаго владыки, или по просьбѣ другихъ новгородцевъ, написалъ Пахомій два канона, помѣщаемые въ службѣ на праздникъ Знаменія новгородской иконы Богородицы. По порученію же пермскаго епископа Филовея (1472 — 1501), написанъ канонъ просвѣтителю Зырянъ, св. Стефану пермскому ⁽⁷⁷⁾.

⁽⁷⁶⁾ О службѣ преподобному см. выше примѣч. 54.

⁽⁷⁷⁾ Всѣ эти службы и каноны — въ Сборн. Румянц. Муз. 4^о 397 (Опис стр. 592—595) и въ печатныхъ Минеяхъ: преп. Никону — ноябрь 17, митр. Іонѣ — іюня 15, арх. Евфимію — март. 11, преп. Саввѣ — окт. 1, Знаменію Богородицы — ноябр. 27, Стефану перм. — апр. 26. Тѣ же службы встрѣчаются въ рукописяхъ

Пахомія должно назвать плодovitѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ церковныхъ пѣснописцевъ, когда либо бывшихъ. Онъ слагалъ свои пѣсни по готовымъ образцамъ греческимъ, существовавшимъ въ славянскомъ переводѣ, но слагалъ довольно искусно и безъ рабскаго подражанія. Догматическія и вообще отвлеченныя истины выражалъ точно и сжато и, кромѣ общихъ мыслей, обыкновенно излагаемыхъ въ церковныхъ службахъ, умѣлъ указывать въ каждой и тѣ особенности, какія свойственны прославляемому въ ней Святому. Въ нѣкоторыхъ своихъ службахъ, однородныхъ по предмету, Пахомій какбы повторяется, — что могло зависѣть и отъ спѣшности его работъ: напримѣръ, въ службѣ преп. Никону радонежскому немало пѣсней, почти тождественныхъ, по мыслямъ и оборотамъ рѣчи, съ пѣснями службы преп. Сергію; а въ службѣ святителю пермскому Стефану встрѣчаются пѣсни, почти цѣликомъ взятые изъ службы московскому святителю Іонѣ. Въ доказательство сравнительнаго достоинства церковныхъ пѣснопѣній Пахомія можно указать на то, что его, какъ пѣснописца, высоко цѣнили современники; ему старались, какъ увидимъ, подражать послѣдующіе наши пѣснописцы, и наконецъ, почти всѣ его пѣсни и службы приняты въ наши печатныя Минеи и доселѣ употребляются церковію,

Тр. Серг. лавры: преп. Никону (XV в., № 762; XVI в., № 623), митроп. Іонѣ (XVI в., №№ 539. 542. 623), архіеп. Евѣимію (XVI в., №№ 542. 620." 623), Саввѣ вышерск. съ именемъ автора (XVI в., №№ 623. 624), Стефану пермск. (XV в., № 617; XVI в., №№ 623. 624; въ послѣдней рукописи съ именемъ автора), Знаменію Богородицы (нач. XVI в., № 496). См. такъ же каноны съ именемъ Пахомія: Никону радонеж., Евѣимію новгород., Саввѣ вышерск. — въ Слав.-русс. рукоп. *Ундольск.* № 101 (Опис. 114—115) и Знаменію Пресв. Богородицы—тамъ же № 51 (Опис.—70).

однѣ съ нѣкоторыми измѣненіями (служба святителю Алексію), а другія даже безъ измѣненій (службы преп. Антонію печерскому, пр. Сергію, пр. Варлааму и митр. Іонѣ). Немало написалъ Пахомій и житій Святыхъ, но въ составленіи церковныхъ службъ онъ показалъ болѣе таланта.

Съ начала XVI в. до соборовъ 1547—1549 г. мы встрѣчаемъ у себя весьма мало церковныхъ пѣснописцевъ, извѣстныхъ по имени, и притомъ весьма небогатыхъ количествомъ своихъ произведеній. Трое изъ этихъ пѣснописцевъ составили только по одному канону. Ближайшій ученикъ преп. Пафнутія боровскаго, инокъ Иннокентій написалъ канонъ своему учителю, и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ несомнѣнно воспользовался готовыми выраженіями изъ службъ серба Пахомія: канонъ этотъ съ 1531 г., по благословенію митрополита Данила и всего свящ. собора, пѣлся только въ обители преп. Пафнутія на день его кончины, а потомъ, по прославленіи Пафнутія въ 1547 г., вошелъ въ общее употребленіе и безъ перемѣны занесенъ въ печатныя Минеи (⁷⁸). Какой-то монахъ Пахомій, можетъ быть, тотъ самый, который, по благословенію ростовскаго владыки Кирилла, сложилъ повѣсть о ярославскихъ князьяхъ Василіѣ и Константинѣ (между 1526 и 1533 г.), написалъ канонъ князю Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ (Муромъ

(⁷⁸) Въ Сборн. Тр. Серг. лавры № 791, л. 16, надъ этимъ канономъ сдѣлана замѣтка: „Канонъ преп. Пафнутію, твореніе ученика его Иннокентія, инока тойже обители. Въ державу благовѣрнаго и христіюлюбиваго православнаго царя вел. кн. Василя Ивановича, господиномъ преосвящ. архіепископомъ Данииломъ, митрополитомъ всея Русіи, съ всѣмъ. свящ. его съборомъ, при игуменѣ Пафнотіи, благословенъ пѣти канонъ и житіе чести въ лѣто 7039, мѣс. маія въ 1 день“. Канонъ этотъ находится и въ другихъ рукописяхъ тойже лавры (XVI в., №№ 611. 623. 624). Въ печатной Минее (мая 1) помѣщенъ съ именемъ автора.

находился въ ростовской же епархіи), занесенный такъже въ печатную Минею ⁽⁷⁹⁾. Мнихъ и пресвитеръ домової архіерейской церкви въ Новгородѣ Ілія, по благословенію своего архіепископа Макарія (слѣд. до 1542 г.), составилъ канонъ преп. Михаилу клопскому ⁽⁸⁰⁾. Еще пѣснописецъ, пресвитеръ Филовей, вѣроятно, извѣстный старецъ Елеазарова монастыря, писавшій посланія къ псковскому намѣстнику Мисюру Мунехину (1510—1528), составилъ два канона, впрочемъ не вошедшіе въ печатныя Минеи: канонъ на обрѣтеніе мощей князя Всеволода псковскаго, представляющій ясныя слѣды подражанія приёмамъ Пахомія Логоѣта, и канонъ Пресв. Богородицѣ по случаю знаменія отъ чирской Ея иконы въ псковской области ⁽⁸¹⁾. Наконецъ, еще одинъ пѣснописецъ, котораго литературную дѣятельность, съ наибольшею вѣроятностію, можно относить ко второй четверти XVI в., инокъ суздальскаго Спасо-евѣиміева монастыря Григорій написалъ даже четыре службы, но крайне слабыя и неискусныя: службу преп. Евѣимію суздальскому, вошедшую въ печатныя Минеи (апр. 1), только съ значительными исправленіями и передѣлками; службу преп. Евфросиніи суздальской, службу св. Іоанну епископу суздальскому, и службу новымъ русскимъ чудотворцамъ, вовсе не вошедшія въ печатныя Минеи ⁽⁸²⁾. Послѣдняя служба, вѣроятно, вызвана соборомъ 1547 года.

⁽⁷⁹⁾ И въ рукописяхъ (Тр.-Серг. лавр. №№ 618, 619; Опис. Рум. Муз. 596) и въ печатной Минее 25 іюня канонъ названъ „твореніемъ господина Пахомія мниха“.

⁽⁸⁰⁾ Это ясно указано въ самомъ канонѣ (Опис. рукоп. Рум. Муз. 593—594). Находится и въ рукоп. Тр.-Серг. лавры XVI в., №№ 623, 624.

⁽⁸¹⁾ Оба канона—въ Сборн. Рум. Муз. № 397 (Опис., стр. 593, 597). Последній—и въ Минее служебн. Тр.-Серг. лавр., XVI в., № 570.

⁽⁸²⁾ Всѣ эти службы Григорія находятся въ Сборн. Тр.-Серг. лавры, нач.

Предъ соборами и особенно послѣ соборовъ 1547—1549 г. естественно было появиться у насъ множеству церковныхъ службъ и каноновъ. Ибо, съ одной стороны, требовалось, чтобы на самые соборы, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о мѣстныхъ Святыхъ, были представлены и житія ихъ, и службы имъ или каноны, для соборнаго разсмотрѣнія и свидѣтельствванія; а съ другой, становилось уже необходимостію, когда установлены были соборами праздники тѣмъ или другимъ Святымъ, составить въ честь ихъ, или только исправить, службы и каноны для церковнаго прославленія новыхъ чудотворцевъ въ эти праздники. И мы дѣйствительно видимъ, во второй половинѣ XVI в., службы и каноны всѣмъ, сорока слишкомъ Святымъ, признаннымъ соборами 1547—1549 г. Значительное число этихъ каноновъ и службъ Святымъ написано еще до названныхъ соборовъ извѣстными уже намъ лицами ⁽⁸³⁾. Другіе составлены во время или послѣ соборовъ и такъ же извѣстными, по именамъ, пѣснописцами. Таковы—а) три канона инока владимірскаго рождественскаго монастыря, Михаила: св. кн. Александру невскому, св. князю Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ, и св. князю Константину и дѣтямъ его Михаилу и Θεодору муромскимъ; б) два канона псковскаго пресвитера Василя, въ монашествѣ Варлаама, пресловутаго ревнителя сугубой аллилуйи: преп. Евфросину псков-

XVII в., № 337, л. 483. 538. 557. 593. Служба Григоріева всѣмъ русскимъ чудотворцамъ есть и въ Сборн. нашей библ., № 32, л. 25—45.

(⁸³) Именно: инокомъ *Теодосіемъ*—Арсенію тверскому; *Пахоміемъ Логоветомъ*—митр. Іонѣ, архіеп. Евѣимію, еп. Стефану перм., преп. Никону и Саввѣ вышерскому; инокомъ *Иннокентіемъ*—Пафнугію боровскому; монахомъ *Пахоміемъ*—Петру и Февроніи муром.; пресвит. *Илію*—Михаилу влопскому; пресвит. *Филовеемъ*—Всеволоду псковскому; инокомъ *Григоріемъ*—Евѣимію суздальскому.

скому и св. великомученику Георгію болгарскому; в) два канона бывшаго игумена хутынскаго монастыря, Маркелла Безбородаго—св. Никитѣ епископу новгородскому, и г) одинъ канонъ—«твореніе Θεодора» какого-то св. Максиму юродивому московскому (⁸⁴). Послѣдній классъ службъ и каноновъ Святыхъ, прославленнымъ соборами 1547—1549 и г., составляютъ тѣ, которыя написаны, прежде ли, во время или послѣ соборовъ, только неизвѣстными лицами, и сохранились въ рукописяхъ XVI в. (⁸⁵). Если перечислимъ еще каноны и службы Святыхъ, прославленнымъ послѣдующими соборами, какъ то: Мартиніану бѣлозерскому—какого-то Матѳея инока, Саввѣ крыпецкому — пресвитера псковскаго Василія, Григорію и

(⁸⁴) Четыре изъ этихъ каноновъ — Александру невск., Петру и Февроніи муром., Евфросину псков. и Георгію болгар., съ именами авторовъ, находятся въ Сборн. Рум. Муз. № 397 (Опис. 593. 596). Кромѣ того канонъ св. Александру невск., съ надписью: „сътворено смиреннымъ инокомъ Михаиломъ тойже обители, идѣже блаженнаго тѣло лежитъ“, — находится въ Трефол. Тр.-Серг. лавр., исх. XVI в., № 624; канонъ св. Петру и Февроніи муром., съ надписью: „твореніе господина Михаила мниха“, — въ Трефолог. тойже лавры XVI в., №№ 618. 619. Канонъ Константину муром. и его дѣтямъ, съ надписью: „твореніе и послѣдованіе господина Михаила мниха“, — въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XVI в., № 619, равно какъ и въ печатной Минее (мая 21). Каноны Никитѣ новгор. — въ Слав.-русск. рукоп. *Ундольск.* № 103, л. 65, и въ печат. Минее, гдѣ въ началѣ каноновъ замѣчено: „пѣніе молебнo, сложено по азбукѣ, совершенно же (т. е. окончено) именемъ списавшаго“, а въ концѣ и именно по начальнымъ буквамъ стиховъ послѣдней (9-й) пѣсни можно прочесть имя Маркелла (генв. 31). Канонъ Максиму юрод., съ надписью: „твореніе Θεодора“, — въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XVI в., № 619, и въ волокол. Сборн. моск. дух. акад. № 381, л. 44.

(⁸⁵) Разумѣемъ каноны и службы: Авраамію смоленскому, Ефрему перекомскому, Григорію пельшемскому, Арсенію сербскому, Іоанну сочавскому, Михаилу тверскому, Іакову ростовскому, Іоанну и Іонѣ новгородск., Діонисію глушицк., Зосимѣ и Савватію солов., Александру свирск., Макарію коляз., Павлу обнорск., Саввѣ сторожев., Іоанну и Прокопію устюжскимъ и тремъ мученикамъ литовскимъ (Рукоп. Тр.-Серг. лавр., XVI в., №№ 603. 611. 619. 623. 624; Сборн. Рум. Муз. № 397, Опис. стр. 592—597; Сборн. библиот. Царск. XVI в., № 563, Опис. стр. 632—635; Трефол. *Ундольск.* XVI в., №№ 101. 103, Опис. 113—117).

Кассіану авнежскимъ — игумена Данилова монастыря Іоасафа, Стефану махрицкому — тогоже игумена, Антонію сійскому — царевича Івана и Іосифу волоколамскому — старца Фотія ⁽⁸⁶⁾; если прибавимъ къ этому нѣсколько каноновъ и службъ Святымъ мѣстно чтившимся, написанныхъ неизвѣстными лицами и дошедшихъ до насъ въ спискахъ XVI-го вѣка ⁽⁸⁷⁾: то мы въ состояніи будемъ составить себѣ довольно приблизительное понятіе о количествѣ службъ церковныхъ, появившихся у насъ до конца настоящаго періода.

Каковы же эти службы? Всѣ вообще очень невысокаго достоинства, а нѣкоторыя крайне убоги и по содержанію и по внѣшней обработкѣ. Видно, что наши церковные пѣснописцы были только люди грамотные, безъ всякаго научнаго образованія, иногда же и недовольно грамотные. Клади они предъ собою существовавшіе каноны и службы и пользовались ими не только какъ образцами, но отчасти и какъ источниками; заимствовали изъ нихъ и мысли, и выраженія, и цѣлыя обороты рѣчи, нерѣдко даже цѣлыя пѣсни и цѣлые отдѣлы; составляли кое-какъ и собственныя пѣсни; все это соединяли, какъ могли, — и выходили новые каноны, новыя службы но-

(⁸⁶) Каноны Мартиніану — Трефол. Тр.-Серг. лавр. № 628, л. 33; Саввъ крыпецъ. — Сборн. Рум. Муз. № 397, Опис. стр. 597; Григорію и Кассіану авнеж. — Сборн. Тр.-Серг. лавр. № 624, л. 483; Стефану махр. и Антонію сійск. — Сборн. библи. Царск. № 563, Опис. 634; Іосифу волок. — Синод. Сборн. № 927, л. 160.

(⁸⁷) Именно: Исидору ростовскому (Рукоп. Тр.-Серг. лавр., XVI в., №№ 611. 618. 623. 624), Николѣ Кочанову юродив. (тамъ же № 624), Петру царевичу ордынскому, Іакову боровицкоу, Александру ошевенскому, Александру куштскому, князьямъ Василию и Константину ярославскимъ, Меркурію смоленскому и Василию юродивому московскому (Сборн. Царск. XVI в., № 563, Опис. 632—635; Трефол. Ундольск. XVI—XVII в., № 104, Опис. 118).

вымъ Святѣмъ. Есть службы, которыя писались, кажется, подъ вліяніемъ одного какого либо образа: напримѣръ, служба свят. Іоанну юродивому устюжскому представляетъ сборъ пѣснопѣній изъ разныхъ службъ Пахомія Логовита съ нѣкоторыми дополненіями отъ автора; въ службахъ св. Саввъ сторожевскому и св. Іакову боровицкому повторяются, то съ буквальною точностію, то съ небольшими измѣненіями, тропари и другія пѣсни изъ каноновъ игумена Маркелла св. Никитѣ новгородскому и замѣчается во всемъ такое сходство съ этими канонами, что какбудто онѣ вышли изъ-подъ пера самаго Маркела ⁽⁸⁸⁾. Есть службы, составившіяся подъ вліяніемъ двухъ и нѣсколькихъ образцовъ: такъ въ службѣ преп. Діонисію глушицкому встрѣчаются заимствованія изъ Пахоміевой службы преп. Кириллу бѣлозерскому и изъ службы преп. Ѳеодосію печерскому; а въ службѣ Максиму юродивому московскому — многія заимствованія и изъ Пахоміевыхъ службъ преп. Сергію и преп. Кириллу, и изъ службы Іоанну юродивому устюжскому, и изъ службъ греческимъ юродивымъ ⁽⁸⁹⁾. Есть даже службы и каноны, которые слѣдуетъ назвать просто списками и копіями съ другихъ службъ и каноновъ: служба преп. Ефрему перекомскому — копія съ службы пресвитера Василя преп. Саввъ вышерскому почти безъ перемѣнъ; канонъ св. Прокопію юродивому устюжскому — списокъ съ канона князю Всеволоду псковскому, съ пропусками только тѣхъ тропарей и стиховъ, которые явно неприложимы

(88) Слич., по печ. Минеемъ, службы Саввъ сторож. — дек. 3, Іакову боров. — окт. 23 и Никитѣ новг. — генв. 31.

(89) Слич., по печ. Минеемъ, службы Діонисію — іюня 1, Кириллу бѣлоз. — іюня 9, Ѳеодосію печер. — мая 3; такъ же Максиму юрод. — ноябр. 11, Сергію радон. — сент. 25, Іоанну юрод. — мая 29, Симеону юрод. и Іоанну — іюля 21.

къ лицу Прокопія; а канонъ св. Іоанну юродивому устюжскому цѣликомъ взятъ изъ службы греческимъ святымъ—Симеоу юродивому и Іоанну спостнику его, составленной греческимъ же цѣснописцемъ Теофаномъ начертаннымъ, и прямо названъ твореніемъ Теофана (⁹⁰).

Изъ новыхъ обрядовъ церковныхъ замѣчательны, прежде всего, обрядъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ митрополитовъ, которые въ прежнія времена ставились не у насъ, а въ Царьградѣ. Это избраніе происходило въ московскомъ успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Похвалы Богородицы. Епископы, подъ предсѣдательствомъ архіепископа новгородскаго или, въ случаѣ его отсутствія, другаго архіепископа, избирали трехъ кандидатовъ, записывали имена ихъ и, запечатавъ, передавали предсѣдателю; а онъ, «довольно помолившись», отверзалъ запечатанное и произносилъ имя одного изъ трехъ записанныхъ, который и признавался избраннымъ. Нареченіе избраннаго въ митрополита происходило въ томъ же придѣлѣ успенскаго собора по церковному чину, и потомъ всѣ святители вели нареченнаго прямо изъ собора къ государю. Государь ипогда самъ, съ своими боярами, съ святителями и съ нареченнымъ, котораго вели предъ нимъ подъ руки два епископа, отправлялся сперва въ успенскій соборъ, чтобы, вмѣстѣ со всѣми, знаменоваться у св. иконъ и у гробовъ угодниковъ Божіихъ, а потомъ въ палаты митрополита, гдѣ архіепископъ и епископы посаждали нареченнаго на уготован-

(⁹⁰) Слич., по печ. Минеймъ, службы Ефрему переком. — мая 16 и Саввъ вышер. — окт. 1; также службы Прокопію юрод. — іюля 8 и Всеволоду псков. — февр. 11; также каноны—Іоанну юрод. — мая 29 и Симеоу юрод. — іюля 21.

ное мѣсто. А иногда государь, отпустивъ отъ себя нареченнаго съ святителями, которые вели его въ соборъ и затѣмъ въ митрополичьи палаты и сажали на митрополичьемъ мѣстѣ, самъ съ боярами отправлялся въ соборъ, спустя нѣсколько времени, и затѣмъ въ палаты къ нареченному, который и встрѣчалъ его съ подобающею честію. Въ день, назначенный для поставленія митрополита, устроили въ успенскомъ соборѣ впереди амвона особое возвышеніе и на немъ ставили два сѣдалища, съ правой стороны—для государя, съ лѣвой для архіепископа, и по обѣ стороны нѣсколько пониже ставили длинныя сѣдалища для епископовъ, а предъ возвышеніемъ на полу начертывали большого орла съ распростертыми крыльями. Предъ литургією выводили нареченнаго изъ алтаря въ полномъ облаченіи и ставили на орла; здѣсь читалъ онъ свое исповѣданіе вѣры и совершалось все прочее, что положено. Потомъ, если онъ еще не имѣлъ епископскаго сана, то отводимъ былъ опять въ алтарь; святители начинали литургію и, по окончаніи трисвятой пѣсни, рукополагали его во епископа-митрополита, и онъ уже самъ продолжалъ и оканчивалъ литургію. А если онъ и прежде имѣлъ санъ епископа, то, по прочтеніи имъ исповѣданія вѣры среди церкви предъ соборомъ святителей, архіепископъ вставалъ съ своего сѣдалища и велегласно произносилъ: «благодать Пресв. Духа, нашимъ смиреніемъ, имѣетъ тя митрополитомъ всея Руси». Затѣмъ государь и архіепископъ оставляли возвышеніе и на него возводимъ былъ святителями новый митрополитъ; вподіаконы снимали съ первосвященителя епископскія одежды—фелонъ и омофоръ и облачали его въ митрополичьи — саккосъ и омофоръ. И новый митрополитъ самъ и начиналъ и совер-

шаль божественную литургію. По окончаніи литургіи, святители брали новаго первосвятителя подъ руки, вели на возвышеніе среди церкви и тамъ три раза сажали его на мѣсто, произнося: «исъ полла эти, деспота»,—послѣ чего митрополитъ разоблачался, и на него возлагали святители панагію, мантию съ источниками и бѣлый клобукъ, и отводили его на его митрополичье мѣсто каменное. Тогда приближался къ митрополиту государь и вручалъ ему архипастырскій посохъ, произнося краткую рѣчь, на которую митрополитъ отвѣчалъ такъ же рѣчью. По выходѣ изъ храма, митрополитъ, облаченный въ мантию, принималъ отъ протоіерея воздвизальный крестъ животворящаго древа, садился на приготовленное осли и ѣхалъ во дворъ государя великаго князя, чтобы преподать ему благословеніе; а ослиа подѣ митрополитомъ вели конюшій великаго князя и бояринъ митрополичій; предѣ ними шли два хора пѣвчихъ—пѣвчіе государевы и митрополичьи и пѣли стихи, предѣ пѣвчими же шли четыре свѣщеносца съ пальмами. Отъ государя, точно такимъ же образомъ, ѣхалъ митрополитъ въ собственный дворъ, гдѣ благословлялъ святителей и духовенство, потомъ ѣхалъ вокругъ кремля и благословлялъ народъ и весь городъ, снова заѣзжалъ къ государю и возвращался въ свои палаты, гдѣ и предлагалъ трапезу всѣмъ участникамъ торжества; иногда же трапеза эта предлагалась самимъ государемъ въ его собственныхъ палатахъ ⁽⁹⁴⁾.

⁽⁹⁴⁾ Акт. Эксп. I, №№ 184. 264; Собр. Р. Лѣт. VI, 39; VIII, 230; Ник. Лѣт. VI, 144. Вручая митрополиту жезлъ, государь произносилъ слѣдующее: „Всемогушая и животворящая Св. Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій св. великій престолъ архіерейства, митрополию всея Руси, руковозложеніемъ и освященіемъ св. отецъ архіепископовъ и епископовъ русскаго

По существу, ни избраніе, ни нареченіе, ни даже поставленіе нашего митрополита, если онъ не носилъ еще епископскаго сана, ничѣмъ не отличались отъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ епископовъ ⁽⁹²⁾; но митрополитъ имѣлъ при этомъ три важныя преимущества, видимо возвышавшія его: послѣ нареченія онъ удостоивался особеннаго вниманія со стороны государя; послѣ поставленія принималъ пастырскій жезлъ изъ рукъ самаго государя и, наконецъ, совершалъ торжественное шествіе на ослати для преподанія всѣмъ своего архишастырскаго благословенія.

Другой, отчасти подобный, обрядъ, который становится извѣстнымъ только со времени Іоанна IV, хотя, быть можетъ, былъ введенъ у насъ гораздо прежде, совершался въ недѣлю Ваий. Предъ литургіею, изъ успенскаго собора въ Москвѣ, выносили большое дерево (вербу), увѣшанное плодами, утверждали его на саняхъ или на колесницѣ и везли медленно. Подъ деревомъ стояли пять малыхъ пѣвчихъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли свящ. пѣсни. За деревомъ слѣдовали—многіе юноши съ зажженными свѣчами, потомъ хоругви и иконы, да-

царства: и жезлъ пастырства, отче, воспріими, и на спланище старѣйшинства во имя Господа І. Христа и преч. Е.о Матери *взыди*, и моли Бога и преч. Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтияхъ и о всемъ православіи, и подастъ ти Господь Богъ здравіе и долголѣтство во вѣкъ вѣка“. Митрополитъ отвѣчалъ государю такъ: „Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранить поставленное твое царство, самодержавный государю и владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство, и побѣдно, со всѣми повинующимися тебѣ христолюбивыми воинствомъ и съ прочими народы, да пребываетъ вовеки; во вся дни живота твоего здравъ, здравъ, здравъ буди, добротворя, владыко самодержецъ, на многія лѣта“.

(92) См. Чинъ поставленія епископа—въ Акт. Эксп. I, № 375. Замѣчательно, что и при поставленіи нашихъ епископовъ государь лично присутствовалъ и возсѣдалъ на возвышеніи посреди церкви на своемъ столѣ подлѣ митрополита, по правую его сторону, пока поставляемые читали свое исповѣданіе (тамъ же стр. 469).

лѣе священники, числомъ болѣе ста, еще далѣе бояре и савновники, наконецъ митрополить и государь. Митрополить ѣхалъ верхомъ на ослѣ, а государь шелъ подлѣ и, держа въ одной рукѣ вербу, другою велъ, за конецъ повода, осла, котораго держалъ подъ узцы бояринъ. Митрополить, сидя на ослѣ, лѣвою рукою поддерживалъ на своихъ колѣнахъ евангеліе, а въ правой имѣлъ св. крестъ, которымъ осѣнялъ на обѣ стороны. Несмѣтныя толпы народа спѣшили разстилать на пути митрополита свои одежды, сопровождая эту церковную процессію, которая тихо двигалась вокругъ всѣхъ главныхъ церквей кремля и, наконецъ, возвращалась въ успенскій соборъ. Здѣсь митрополить совершалъ литургію, а по окончаніи ея предлагалъ въ своихъ палатахъ для государя и другихъ знатныхъ лицъ обильную трапезу и подносилъ государю дорогой денежный поминокъ. Такая же церемонія въ недѣлю Ваій происходила въ Новгородѣ и, вѣроятно, въ другихъ городахъ, гдѣ находились архіерейскія кафедръ. Въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 1548 г., осля, на которомъ сидѣлъ архіепископъ съ крестомъ и евангеліемъ, вели новгородскіе намѣстники государя, князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій, да князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ. Шествіе совершалось изъ софійскаго собора до церкви Входа во Іерусалимъ и обратно. Затѣмъ владыка литургисалъ въ соборѣ и угощалъ въ своихъ палатахъ какъ обоихъ намѣстниковъ государевыхъ, такъ и прочія власти города и настоятелей монастырей, и одарилъ обоихъ намѣстниковъ богато-украшенными иконами и серебряными ковшами (⁹³).

(⁹³) Гаклюйтъ у Карамз. IX, 275, изд. Эйнерл.; Флетчеръ—О государствѣ

Въ тоже время, т. е. около половины XVI в., уже употреблялся у насъ и обрядъ такъ-называвшагося *пещнаго дѣйствія*. Совершалось оно предъ праздникомъ Рождества Христова въ недѣлю праотецъ или въ недѣлю св. отецъ. Для этого въ соборномъ храмѣ снимали нѣкоторые паникадила и архіерейскій амвонъ, и на мѣстѣ послѣдняго ставили большую деревянную круглую печь; избирали трехъ мальчиковъ и двухъ взрослыхъ людей, чтобы первые представляли собою трехъ св. отроковъ Ананію, Азарія и Мисаила, а взрослые—двухъ халдеевъ; дѣтей облачали въ стихари и украшали вѣнцами, взрослыхъ одѣвали въ халдейское платье, и всѣмъ давали въ руки пальмы. Предъ вечернею, наканунѣ пещнаго дѣйствія, всѣ они являлись къ архіерею и сопровождали его въ церковь. А на утрени въ слѣдующій день, когда начиналось пѣніе стиха 7-й пѣсни: «Тричисленные отроки состави Св. Троица»..., архипастырь благословлялъ начинать и самое пещное дѣйствіе. Халдеев выводили изъ алтаря трехъ отроковъ связанныхъ, по шеямъ, полотенцемъ, и, поставивъ среди церкви предъ печью, говорили имъ: «дѣти царевы! Видите ли сію печь, уготованную вамъ на мученіе?» Дѣти отвѣчали: «видимъ, но не ужасаемся ея, ибо есть на небеси Богъ нашъ, емуже мы служимъ; той силенъ изъяти насъ отъ пещи сей и отъ рукъ вашихъ избавити насъ, и сія печь бу-

Русск., гл. 25, стр. 94 (гдѣ именно и сказано, что въ этотъ день царю платилъ первосвященникъ положенную дань—200 рублей); *Курпианов*. Отрывки изъ расходныхъ книгъ новгор. соф. дома за 1548 г., въ Изв. Археолог. Общ. III, вып. I, 48. Въ слѣдующемъ столѣтіи на московскомъ соборѣ 1678 г., сколько ни старались розыскать, когда и отъ кого начался у насъ обрядъ, совершавшійся въ Вербное воскресенье, но ни въ лѣтописяхъ, ни въ церковныхъ книгахъ, ни въ устныхъ преданіяхъ ничего объ этомъ не нашли (Акт. Эксп. IV, № 223).

детъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе». Съ дѣтей снималось связывавшее ихъ полотенце, архіерей давалъ имъ благословеніе и вручалъ витыя свѣчи, а халдеи вводили отроковъ, одного за другимъ, въ печь, запирали въ ней и подъ печью ставили горнъ съ горящими угольями. Тогда прото-діаконъ велегласно запѣвалъ: «благословенъ еси Боже отецъ»..., и отроки въ печи продолжали эту пѣснь до конца, между тѣмъ какъ халдеи старались усиливать пламень въ горнѣ, подбрасывая туда удобосгораемые вещества. Въ эти минуты въ церкви раздавался громъ, и ангелъ Господень сверху спу-скался въ печь къ отрокамъ. Халдеи падали ницъ, опаяясь собственнымъ огнемъ, и чрезъ нѣсколько времени вставъ, снимали свои халдейскія шапки, клали ихъ на свои пальмы и съ поникшими головами стояли въ молчаніи. А отроки, при видѣ ангела, трижды покланялись ему, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ, и вмѣстѣ съ ангеломъ, придерживаясь его, три раза обходили печь. По выходѣ отроковъ изъ печи, печное дѣйствіе оканчивалось; затѣмъ возглашалось многолѣтіе государю и его семейству, и прерванная на время утрени продолжалась своимъ порядкомъ. Отроки и халдеи въ своихъ одеждахъ сопровождали потомъ святителя, въ наступившій день, къ литургіи и къ вечерни въ соборъ и обратно ⁽³⁴⁾.

⁽³⁴⁾ Въ расходн. книгахъ новг. соф. дома за 1548 г. сказано, что 12-го декабря „дано *халдеемъ* Новіку да Киршѣ на сапоги да на рукавицы восемь алтынъ“, что потомъ въ навечеріе Рождества Христова приходили къ архіепископу славить Христа софійскій протопопъ съ соборянами и, въ числѣ ихъ, два *халдеи*, и что, при раздатѣ поздравителямъ наградъ, „халдеемъ двѣма дано гривна московская“. Далѣе записано о покупкѣ „халдейскихъ шапокъ“ и шести аршинъ червчатого сукна, которое и отдано „халдею Новіку на юпу“. Откуда взялись эти халдеи въ новгородѣ при соф. причтѣ? Безъ сомнѣнія, это тѣ самыя два *халдея*, которые предъ праздникомъ Рождества Христова участвовали въ печномъ дѣйствіи,

Упомянемъ еще о новыхъ крестныхъ ходахъ въ Москвѣ, которые установилъ Стоглавый соборъ. Эти ходы были троякаго рода: одни совершались изъ мѣстныхъ семи московскихъ соборовъ въ главный—каедральный успенскій соборъ; другіе изъ мѣстныхъ соборовъ въ приходскія церкви, къ нимъ причисленныя; третьи изъ приходскихъ церквей въ другія, причисленныя къ одному съ ними собору. Ходы перваго рода совершались только три раза въ годъ: въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, въ понедѣльникъ Свѣтлыя седмицы и въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ. Во всѣ эти три дня священники приходскихъ церквей, причисленныхъ къ тому или другому изъ мѣстныхъ московскихъ соборовъ, отпѣвъ, каждый, вечерню въ своей церкви, шли, вмѣстѣ съ прихожанами, въ свой соборъ, гдѣ такъ же отправляема была вечерня мѣстнымъ священникомъ. По окончаніи ея поднимали кресты и хоругви, и поповскій староста, взявъ въ руки крестъ, начиналъ молебенъ и, вмѣстѣ со всѣми собравшимися священниками и ихъ прихожанами, совершалъ крестный ходъ въ успенскій—каедральный соборъ; во время хода продолжали пѣть молебенъ и всѣ православные имѣли въ рукахъ свѣчи. Дождавъ окончанія вечерни въ каедральной церкви, поповскій староста съ своимъ соборомъ начиналъ пѣть посреди церкви стихъ: «Радуйся, дворе Божіа»; діаконъ говорилъ эктению: «поми-

совершавшемся въ соф. соборѣ: другаго объясненія придумать нельзя (Изв. Археолог. Общ. III, вып. I, 34. 36). Пещное дѣйствіе, въ XVI столѣтіи, совершалось у насъ и при каедрахъ всѣхъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ (*Флетч. О государ русск.*, гл. 25, стр. 94). Самый чинъ этого дѣйствія, какъ оно совершалось въ Новгородѣ около половины XVII в., напечатанъ въ Древн. Росс. Виблюе. VI, 363, и изложенъ въ статьѣ: Древніе церков. обряды въ Новгородѣ (Чтен. М. Истор. Общ. 1861, I, отд. III, 8—10).

луй насъ Боже», кадилъ иконы, священнослужителей и весь народъ; староста произносилъ отпустъ и подносилъ митрополиту, или другому присутствовавшему владыкѣ, крестъ. Митрополитъ, приложившись ко кресту, благословлялъ старосту и всѣхъ пришедшихъ съ нимъ священниковъ и народъ, и отпускалъ ихъ. И они, тѣмъ же крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ молебна, возвращались въ свою соборную церковь, изъ которой, послѣ отпуста, расходились въ свои дома. Такимъ же точно образомъ поступали, одинъ за другимъ, и всѣ прочіе поповскіе старосты семи московскихъ соборовъ, приходившіе съ подвѣдомыми имъ священниками и народомъ въ каѳедральную церковь. Изъ мѣстныхъ соборовъ въ приходскія церкви, къ нимъ причисленныя, крестные ходы совершались: а) отъ недѣли всѣхъ Святыхъ до праздника Воздвиженія каждый воскресный день послѣ вечерни, и б) во всю Свѣтлую седмицу, каждый день, послѣ заутрени: въ эти дни приходскіе священники съ своими прихожанами собирались въ свой соборъ и оттуда ходили съ крестами по всѣмъ церквамъ, къ нему причисленнымъ. Наконецъ, когда наступалъ храмовой праздникъ въ какой либо приходской церкви, то священники всѣхъ другихъ церквей одного съ нею собора совершали въ нее крестные ходы, съ своими прихожанами, послѣ заутрени, которую отправляли въ собственныхъ церквахъ. Всѣ эти крестные ходы втораго и третьяго рода совершались по тому же самому чину, какъ и ходы изъ мѣстныхъ московскихъ соборовъ въ каѳедральный успенскій, и всѣ сопровождались церковнымъ звономъ (Стогл. гл. 35).

Въ церковномъ пѣніи нашемъ произошла значительная перемѣна. Въ первые четыре вѣка нашей церкви, у насъ пѣли

«на рѣчь», т. е. произносили при пѣніи слова свящ. пѣсней точно такъ же, какъ они произносились въ рѣчи, въ разговорѣ и какъ писались: то былъ періодъ *праворѣчія* или *истиннорѣчія* въ нашемъ церковномъ пѣніи. Съ пятнадцатаго вѣка и особенно съ половины его у насъ насталъ періодъ *раздѣльнорѣчія* или *растяжнорѣчія* въ церковномъ пѣніи, начали пѣть слова не такъ, какъ они произносились въ рѣчи и писались, а съ измѣненіемъ въ нихъ полугласныхъ буквъ на гласныя, иногда съ прибавкою гласныхъ, иногда даже съ отнятіемъ согласныхъ; напримѣръ, слова пѣсни: «сѣгрѣшихомъ, беззаконвахомъ... предъ тобою..., но не предаждь насъ до конца»...—начали пѣть: «сѣгрѣшихомо и беззаконновихомо передо тобою, но не предаждь насъ до конца»... Такое растяжнорѣчіе въ церковномъ пѣніи входило постепенно, и въ нотныхъ книгахъ первой половины XV в., оно встрѣчается еще весьма рѣдко, лишь въ немногихъ словахъ. Но со второй половины этого вѣка оно стало усиливаться и распространяться болѣе и болѣе, и подъ конецъ 1476 г., новгородскій лѣтописецъ съ изумленіемъ замѣтилъ: «той же зимы нѣкоторые философовѣ начаша пѣти: Огосподи помилуй, а друзѣи: Осподи помилуй» (Собр. Лѣт. IV, 130). Впродолженіе же XVI в. достигло высшей степени, такъ что нѣкоторыя слова при пѣніи трудно было и понять; напримѣръ, пѣли вмѣсто: Спасъ—Сопасо; вмѣсто: изми—иземи, вмѣсто: во мнѣ—во монѣ. Нотные знаки и теперь оставались прежніе—безлинейные, писались непосредственно надъ словами и слогами текста и назывались знаменами и крюками; но въ начертаніи ихъ совершилась перемѣна: ихъ стали писать скорописью. Потомъ, для удобнѣйшаго пониманія этихъ крюковыхъ нотъ, къ кон-

цу XV в., начали прибавлять иногда пояснительные знаки на полях нотныхъ рукописей, а во второй половинѣ XVI в., при каждой крюковой нотѣ, отдѣльно отъ нея, начали писать киноварныя *подмѣтныя слова* или *помѣты*, обозначающія какую либо перемѣну въ степени или исполненіи звука. Мало по малу во всеобщее употребленіе вошли помѣты, изобрѣтенныя новгородцемъ Иваномъ Акимовичемъ Шайдуровымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ начали появляться въ нотныхъ книгахъ, особою статьею, краткія руководства къ изученію крюковыхъ знаковъ и помѣтъ къ нимъ, и одно изъ такихъ руководствъ, подъ именемъ грамматики, составлено тѣмъ же Шайдуровымъ. Церковному пѣнію обучались у насъ въ первоначальныхъ школахъ, вмѣстѣ съ чтеніемъ и письмомъ, и у тѣхъ же мастеровъ. А какъ школы эти къ концу XV и въ началѣ XVI в. пришли въ крайній упадокъ, то упало съ ними и церковное пѣніе. «Мужики озорные на крылосѣ поютъ..., мужики-невѣжи учатъ робятъ, да рѣчь имъ портятъ», писалъ владыка новгородскій Геннадій къ митрополиту Симону и просилъ его ходатайства предъ государемъ объ открытіи училищъ (А. И. I, 147. 148). Стоглавый соборъ такъ же созналъ этотъ упадокъ и недостатокъ училищъ и съ сожалѣніемъ воспоминалъ, что прежде въ Москвѣ и Новгородѣ и другихъ городахъ многія училища бывали, и пѣвцы и чтецы славные были по всей землѣ; а потому опредѣлилъ, чтобы въ каждомъ городѣ, заботливостію мѣстнаго духовенства, открыты были училища въ домахъ тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ, которые горазды читать и пѣть и писать (Стогл. гл. 25. 26). Изъ числа вновь заведенныхъ училищъ прежде всѣхъ принесли добрые плоды для церковнаго пѣнія новгородскія. Изъ нихъ вы-

шли сдѣлавшіеся вскорѣ знаменитыми мастерами: Иванъ Шайдуровъ, Маркеллъ Безбородый и два брата—Василій и Савва Роговы, родомъ корелы. О трудахъ Шайдурова мы уже упоминали. Маркеллъ, сперва инокъ, потомъ игумень хутыньскій, извѣстный авторъ житія св. Никиты новгородскаго и канона ему, «роспѣлъ (т. е. положилъ на ноты) Псалтырь». Василій Роговъ, въ монашествѣ Варлаамъ и съ 1586 г. архіепископъ ростовскій, «зѣло былъ гораздъ знаменному и троесрочному и демественному пѣнію, былъ роспѣвщикъ и *творецъ* (т. е. самъ сочинялъ ноты)». А братъ его Савва славился, преимущественно, какъ искусный учитель церковному пѣнію, и приготовилъ многихъ не менѣе прославившихся учениковъ. Таковы были: Иванъ Носъ, Феодоръ Христіанинъ, московскій священникъ, и Стефанъ Голышъ. Первые два дѣйствовали въ Москвѣ и иногда, по волѣ царя Ивана Васильевича, въ его Александровской слободѣ, и Иванъ Носъ «роспѣлъ и изъяснилъ тріоди, святымъ стихиры и славники, такъ же крестобогородичны и богородичны минейныя»; а попъ Феодоръ особенно былъ «гораздъ знаменному пѣнію, и мнози отъ него научишася». Стефанъ же Голышъ, новгородецъ, «ходилъ по градамъ и училъ Усольскую страну», и кромѣ того «много знаменнаго пѣнія роспѣлъ». Изъ учениковъ его наиболѣе извѣстенъ Иванъ Лукошковъ, въ послѣдствіи Исаія, архимандритъ владимірской рождественской обители: онъ «вельми знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ». Первая заслуга всѣхъ этихъ мастеровъ состояла въ томъ, что они обучали другихъ искусному пѣнію, и изъ ихъ-то учениковъ, конечно, наполнялись существовавшіе у насъ хоры пѣв-

чихъ:—государевъ, митрополичій и прочихъ архіереевъ (*⁵). Но еще важнѣе была та заслуга, что этими мастерами положены на ноты—«и въ нашей рустѣй земли просіавшимъ безчисленными чудесы, мужемъ же и женамъ, иже именуются *новыя чудотворицы*, овымъ стихеры, инымъ же славники, а инымъ съ литіями и съ хвалитными стихеры и съ величаніи полныя празднества, отъ мѣсяца сентября до конца мѣсяца августа». Учреждено у насъ въ настоящій періодъ много праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ; составлено имъ много новыхъ службъ. И вотъ нашлись мастера, которые положили на ноты, гдѣ слѣдуетъ, всѣ эти службы, и тѣмъ дали своимъ соотечественникамъ возможность прославлять новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ приличными пѣснопѣніями и свѣтлѣе праздновать новые церковные праздники (*⁶):

III.

Обратимся теперь вообще къ церковнымъ книгамъ, по которымъ совершалось у насъ тогда богослуженіе. О существованіи въ нашей церкви полного круга богослужебныхъ книгъ,

(*⁵) Акт. Эксп. I, стр. 159. 160. 299; Доп. А. И. I, № 131, стр. 201; Собр. Р. Лѣт. III, 172. Здѣсь упоминаются *пѣчье дѣяки* великаго князя, митрополичьи и новгородскаго владыки, и *станицы* этихъ пѣвчихъ. У новгородскаго владыки, въ 1548 г., было три станицы пѣвчихъ дѣяковъ: дѣяки *большой* станицы, дѣяки *другой* станицы и дѣяки *московской* станицы, всего 14 человекъ, и кромѣ того 7 подъяковъ *большихъ* и 6 подъяковъ *меньшихъ* (Купріянов. Отрывки изъ расходн. книгъ новг. соф. дома за 1548 г., въ Извѣст. Археолог. Общ. т. III, вып. I, 36 45).

(*⁶) „Предисловіе, откуда начаса быти въ нашей Рустѣй земли осмогласное пѣніе“, напеч. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1846—1847, III, отд. I, 22; Сахаров. Исслѣдов. о русск. церкви. пѣніи, стр. 7—20. 28—31 (Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 7); Разумовск. Церк. пѣніе въ Россіи, отд. II, гл. I и V.

въ настоящій періодъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ отъ второй половины XV-го и особенно отъ XVI-го вѣка сохранились многіе списки всѣхъ этихъ книгъ и нѣкоторые изъ нихъ довольно подробно описаны. Что же представляютъ намъ эти списки? При сличеніи списковъ каждой книги, прежде всего поражаемся ихъ разнообразіемъ. Списки, напримѣръ, Служебника, — важнѣйшей изъ богослужебныхъ книгъ, можно, по видимому, раздѣлить на два класса. Большая часть изъ нихъ списывалась съ Служебника Кипріанова, представляющаго чинъ литургіи въ томъ видѣ, какой далъ ей въ XIV в. извѣстный патріархъ цареградскій Филоеѣй. При всемъ томъ, списки эти разнятся и отъ Служебника Кипріанова и между собою, то сокращеніями, то дополненіями, то измѣненіями; даже тѣ списки, на которыхъ прямо замѣчено, что они писаны «съ митрополича съ кипріанова переводу слово въ слово», оказываются довольно съ нимъ несходными (⁹⁷). Списки второго класса списывались частію съ Кипріанова, частію же съ разныхъ другихъ служебниковъ, употреблявшихся у насъ до Кипріана, и еще болѣе разнятся, какъ между собою, такъ и отъ списковъ кипріановской редакціи (⁹⁸). Считаая излишнимъ перечислять всѣ разности, встрѣчающіяся въ тѣхъ и другихъ спискахъ, укажемъ только на двѣ изъ нихъ, какъ относящіяся къ рѣшенію вопросовъ, получившихъ у насъ особую важность въ XVII вѣкѣ, вопроса о числѣ просфоръ на проскомидіи и вопроса о молитвенномъ призываніи предъ освященіемъ даровъ: *Господи, иже пресвятаго твоего Духа...* и проч. Число просфоръ въ нѣкоторыхъ

(⁹⁷) Опис. руск. М. Синод. библ. III, I, №№ 350. 352. 354. 358. 359. 375. 376. 377.

(⁹⁸) Опис. тойже библ. III, I, №№ 349. 357. 360. 361. 362.

спискахъ не опредѣлено и ясно говорится только или о двухъ первыхъ просфорахъ или о трехъ; въ другихъ спискахъ, какъ и въ Кипріановомъ, можно различать пять просфоръ; еще въ нѣкоторыхъ—шесть, а въ одномъ, конца XVI в., даже семь ⁽⁹⁹⁾. Молитвенное призываніе предъ освященіемъ даровъ въ большей части списковъ кипріановской редакціи находится; но въ нѣкоторыхъ, какъ и въ самомъ кипріановомъ и многихъ, употреблявшихся у насъ до Кипріана, не находится ⁽¹⁰⁰⁾. Списки другой богослужебной книги—Требника разнятся между собою и по составу,—такъ нѣкоторые какъ заключаютъ въ себѣ и служебникъ,—и по числу чиновъ или статей, составляющихъ собственно Требникъ (въ однихъ спискахъ только 80 статей, въ другихъ 152 или 154 или 159), и по распорядку ихъ, и иногда даже по содержанію: наприм., въ чинѣ крещенія, по двумъ спискамъ, ясно разрѣшается крестить младенцевъ чрезъ обливаніе ⁽¹⁰¹⁾. Что касается до церковнаго Устава, то не говоря уже о различіи между списками Устава студійскаго, который все еще употреблялся у насъ, по крайней мѣрѣ, въ XV в., и списками Устава іерусалимскаго, болѣе и болѣе распространеннаго въ нашей церкви, мы должны сказать, что даже списки одного послѣдняго Устава представляютъ немало разностей. Въ однихъ спискахъ менѣе главъ, особенно въ первой части (44), въ другихъ гораздо болѣе (67); въ однихъ нѣкоторыя главы, особенно заимствованныя изъ Такти-

⁽⁹⁹⁾ Число просфоръ не опредѣлено—см. тамъ же №№ 352. 355. 357. 360. Пять просфоръ—№№ 344. 376. 377. Шесть—№№ 350. 354. 356. 358. Семь—№ 362.

⁽¹⁰⁰⁾ Находится—№№ 350. 352. 358. 368. 376. Не находится—№№ 344. 349. 354. Снес. Предисл. къ этому III отд. Описанія, стр. VII.

⁽¹⁰¹⁾ Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, №№ 375. 376. 377. 378 и особенно стр. 73. 209. 210. 233.

кона Никона черногорца, изложены короче, въ другихъ несравненно обширнѣе; въ однихъ, при изложеніи службъ по мѣсяцеслову, показано меньше русскихъ Святыхъ, въ другихъ гораздо больше, и въ каждомъ спискѣ есть свои дополнительные статьи, которыхъ нѣтъ въ другихъ (¹⁰²). Кромѣ этого общаго Устава, употреблявшагося въ церкѣяхъ и монастыряхъ, нѣкоторые наши монастыри, Троицко-сергіевъ, Кирилловъ, Іосифо-волоколамскій, имѣли еще свои частные церковные уставы, съ новыми дополненіями и особенностями (¹⁰³).

Но мало того, что списки нашихъ богослужебныхъ книгъ были столько несходны между собою, и что богослуженіе по нимъ совершалось въ нашихъ церкѣяхъ неодинаково и разнообразно, списки эти еще наполнены были погрѣшностями и ошибками, которыя, при постоянномъ списываніи новыхъ и новыхъ экземпляровъ съ прежнихъ, уже поврежденныхъ, болѣе и болѣе умножались частію отъ небрежности, а частію отъ невѣжества и произвола писцовъ. До какой степени доходили эти погрѣшности, ясно засвидѣтельствовалъ Максимъ грекъ въ извѣстныхъ своихъ апологіяхъ, обращенныхъ къ духовенству и боярамъ: «Я учу всякаго человѣка право мудрствовать о воплощемся Богѣ Словѣ, т. е. не глаголати Его

(¹⁰²) Списокъ студійскаго Устава XV в. — тамъ же № 382. Списки Устава іерусалимскаго — №№ 386—390. Для того, чтобы удобнѣе было пользоваться іерусалимскимъ Уставомъ, владыка новгородскій Геннадій сократилъ его или составилъ руководство, подъ названіемъ: „Уставъ озорительный“, въ которомъ всѣ праздники и празднуемые Святые подведены подъ извѣстные разряды, отмѣчены своими условными буквами и другими знаками, и каждому разряду определенъ общій порядокъ службы; а въ мѣсяцесловѣ затѣмъ, противъ имени каждаго праздника и святаго, выставлены только эти условные знаки (тамъ же стр. 339. 348). См. такъ же Славяно-русска. рукоп. Ундольск. № № 114. 115. 116. 118.

(¹⁰³) Опис. рукоп. М. Синод. библ. № № 401. 403.

единого точію чловѣка, по вашимъ Часословцамъ, но Бога совершенна и чловѣка совершенна во единой вѣпостаси, единого Богочловѣка. Такъ же исповѣдую всею душею того же Богочловѣка воскресшимъ изъ мертвыхъ въ третій день, а не *безконечною смертію умерша*, какъ проповѣдуютъ Его *вездѣ* ваши толковыя Евангелія. Я учу вѣровать и проповѣдывать, что Онъ по божеству не созданъ, а не то, что *созданъ и сотворенъ*, какъ богохульствовалъ Арій и какъ проповѣдуютъ Его *вездѣ* ваши Тріоди. Я мудрствую и исповѣдую, что Онъ одинъ рожденъ отъ Отца безъ матери прежде всѣхъ вѣкъ; Отецъ же безматернимъ нигдѣ въ Писаніи не называется, Онъ безначаленъ и нерожденъ...; а ваши Часословцы проповѣдуютъ Его *собезматерня Сыну*..... Взявъ въ руки свящ. книгу Тріодъ, я нашелъ въ 9-й пѣсни канона великаго четвертка, — что несозданнаго естествомъ Сына и Слово пребезначальнаго Отца воспѣвають *не суща естествомъ несозданна*, и не стерпѣлъ такой хулы, и исправиль..... Такъ же въ 3-й пѣсни канона на недѣлю Фомины: «въ гробѣ затворенъ бывъ описуемою плотію своею неописанный божествомъ» и проч., — нѣкоторые изъ нынѣшнихъ суетумудровъ, вмѣсто — *описуемою* плотію своею, пишутъ дерзостно — *неописуемою*... (Макс. Сочин. I, 28—30; III, 62. 63. 67). Если и можно усумниться, чтобы наши Тріоди и толковыя Евангелія *вездѣ* проповѣдывали о Христѣ, будто Онъ, по божеству, созданъ и сотворенъ или умеръ безконечною смертію; если можно предположить, что Максимъ, желая болѣе защитить себя, преувеличивалъ число замѣченныхъ имъ ошибокъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ: все же нельзя отрицать ни дѣйствительности, ни важности этихъ ошибокъ. Царь Иванъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ такъ

же свидѣтельствовали: «божественныя книги писцы пишутъ съ направленныхъ переводовъ (списковъ), а написать, не правятъ же; опись къ описи прибываетъ и недописи...; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и по нимъ ученики учатся, и пишутъ съ нихъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 5). И когда вскорѣ послѣ того царь повелѣлъ для многихъ новыхъ церквей покупать на торжищахъ св. книги, то между купленными «малы обрѣтошася потребни; прочіи же вси растлѣни отъ переписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ» (¹⁰⁴). Какія же мѣры принимаемы были у насъ противъ этого растлѣнія или поврежденія богослужебныхъ книгъ?

Первая мѣра, во дни в. кн. Василя Ивановича и митрополита Варлаама, состояла въ томъ, что поручили пересмотрѣть и исправить церковныя книги Максиму греку. Къ сожалѣнію, Максимъ, знатокъ греческаго и латинскаго языковъ, мало еще зналъ тогда по-русски и нуждался въ пособіи русскихъ переводчиковъ, знавшихъ только по-латыни. Неизбѣжны были взаимныя недоразумѣнія, неточности въ переводѣ. даже ошибки, такъ что исправленія Максима показались нѣкоторымъ не исправленіями, а новою порчею церковныхъ книгъ. И Максимъ, вслѣдствіе такъ же другихъ, неблагопріятныхъ для него, обстоятельствъ, вскорѣ подвергся церковной опалѣ; работа его по исправленію книгъ прекратилась и для потомства не сохранилось даже слѣдовъ ея (¹⁰⁵).

Стоглавый соборъ, въ отвѣтъ на заявленіе государя о не-

(¹⁰⁴) См. Послѣсловіе къ первонач. Москов. Апостолу — въ Опис. старопеч. книгъ Толстова, стр. 26.

(¹⁰⁵) Подробнѣе о Максимѣ нами сказано въ т. VI, 175—192.

исправности церковныхъ книгъ, указалъ другую мѣру къ исправленію ихъ. Онъ постановилъ: а) протоіереямъ и старшимъ священникамъ, вмѣстѣ со всѣми священниками въ каждомъ городѣ, осматривать по всѣмъ церквамъ священныя и церковныя книги, и если гдѣ найдутъ книги неисправныя и съ описками, то исправлять такія книги *соборнѣ съ добрыхъ переводовъ*, т. е. съ хорошихъ списковъ; б) приказывать писцамъ, которые по городамъ книги пишутъ, чтобы они писали съ добрыхъ переводовъ и, по написаніи, непременно исправляли вновь написанные экземпляры, и тогда-то уже продавали; а неисправленныхъ списковъ отнюдь не продавать и никому не покупать; в) если же, не смотря на запрещеніе, неисправленныя книги будутъ къмъ либо проданы и куплены, то книги эти отбирать даромъ, и, по исправленіи, отдавать въ церкви, которыя скудны книгами (Стол. гл. 27 и 28). Но и эта мѣра не могла привести къ добрымъ послѣдствіямъ. Соборъ приказалъ исправлять церковныя книги съ добрыхъ переводовъ, т. е. по хорошимъ спискамъ; но этихъ хорошихъ списковъ не указалъ и не разослалъ, хотябы по одному экземпляру, въ каждый городъ для руководства. Слѣд. самимъ протоіереямъ и священникамъ въ каждомъ городѣ оставалось избирать для себя образцовый списокъ и по немъ повѣрять прочіе списки, и, неизбежно, сколько было городовъ, столько же должно было явиться и образцовыхъ списковъ для повѣрки нашихъ богослужебныхъ книгъ. Да и чѣмъ могли руководиться при выборѣ этихъ образцовыхъ списковъ? Всего скорѣе и надежнѣе ихъ относительно древностію. Но извѣстно, что и древніе списки нашихъ церковныхъ книгъ несходны между собою и нечужды ошибокъ. А съ другой

стороны, всё ли тогдашніе протоіереи и священники, при общей малограмотности въ нашемъ духовенствѣ, въ состояніи были избрать для себя такой списокъ и по немъ соборнѣ исправлять другіе списки. Не говоримъ уже о жалкихъ писцахъ, которымъ такъ же вѣняемо было въ обязанность имѣть у себя хорошіе списки и съ нихъ писать и повѣрять новые списки.

Надобно присовокупить, что Стоглавый соборъ, преподавъ общее правило, какъ исправлять богослужебныя книги, попытался и самъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя исправленія, какбы для примѣра другимъ, но самъ же первый и нарушилъ данное имъ правило и вообще показалъ свою неспособность къ этому дѣлу. Такъ въ своемъ «указѣ божественныя службы», т. е. литургіи, онъ прежде всего помѣстилъ входные тропари или молитвы; но въ числѣ ихъ находятся и такіе, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ прежнихъ «добрыхъ переводахъ», да и вообще въ прежнихъ спискахъ литургіи, слѣд. помѣстилъ и прибавилъ самовольно (Стогл. гл. 9). Излагая чинъ проскомидіи, повелѣлъ вынимать изъ третьей просфоры часть Предтечи «такову же, якоже Пречистыя» (гл. 9); а въ другомъ мѣстѣ постановилъ, что эта предтечева часть должна быть «мало поменьши» Богородичной (гл. 41, вопр. 11). Пересматривая чинъ самой литургіи, остановился на нѣкоторыхъ ектеніяхъ и замѣтилъ, что «негораздо» говорятъ: «о архіепископѣ нашемъ (имя) и о честномъ его пресвитерствѣ», а надобно говорить: «о архіепископѣ нашемъ честнаго его пресвитерства и, еже о Христѣ, діаконства и всего причта»; такъ же надобно говорить: «день весь совершенъ, святъ, миренъ, безгрѣшенъ испросивши себя и другъ другу и весь животъ нашъ Христу Богу пре-

дадимъ», и еще: «единеніе вѣры и причастіе Св. Духа испросивше *себя* и другъ *другу* и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ» (гл. 9). Между тѣмъ какъ по переводу съ подлиннаго текста слѣдуетъ именно произносить: «о архіепископѣ нашемъ, честномъ пресвитерствѣ, о Христѣ діаконствѣ» и проч., равно какъ.... «сами *себя* и другъ *друга* и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». Отцы собора, очевидно, не знали греческаго текста или не обращались къ нему. Въ символѣ вѣры соборъ обратилъ вниманіе на осмой членъ и постановилъ: «глаголется: и въ Духа Святаго, *истиннаго* и животворящаго, — ино то гораздо; нѣціи же глаголютъ: и въ Духа Святаго, *Господа истиннаго*, — ино то негораздо; едино глаголати: или Господа, или истиннаго» (гл. 9). Справедливо соборъ осудилъ чтеніе: *Господа истиннаго*, доселѣ содержимое вашими раскольниками: потому что чрезъ это чтеніе прибавляется лишнее слово къ символу вѣры, и этого чтенія не встрѣчаемъ въ нашихъ рукописяхъ до XVI вѣка ⁽¹⁰⁶⁾. Но не совсѣмъ справедливо призналъ безразличнымъ, читать ли: *Господа*, или читать: *истиннаго*. Еслибы соборъ обратился къ древнимъ добрымъ переводамъ, то увидѣлъ бы, что въ спискахъ символа XI — XIV в. читалось: «и въ Духа Святаго, *Господа животворящаго*», или: «и въ святыи Духъ *господень* и въ животворящій», и что это чтеніе сохра-

(106) Въ подлинномъ, т. е. греческомъ текстѣ членъ символа о Св. Духѣ читается: καὶ ἐν τῷ πνεύματι, τῷ ᾧονι, τῷ κύριον, τῷ ζωοποιόν. Слѣд. въ славянскомъ переводѣ надобно говорить только: или—*Господа* или—*истиннаго*, и въ чтеніи: *Господа истиннаго*—допускается въ символѣ лишнее слово. Такое чтеніе не встрѣчается прежде XVI в.—Опис. рук. М. Синод. библ. III, I, предисл. XVIII. XIX, 440. 445.

нялось и въ нѣкоторыхъ спискахъ XV и даже XVI в. ⁽¹⁰⁷⁾, а чтеніе: «и въ Духа Святаго, истиннаго», сколько доселѣ извѣстно, началось лишь съ конца XIV или начала XV в. и, постепенно распространяясь, сдѣлалось господствующимъ только въ XVI столѣтіи ⁽¹⁰⁸⁾. А потому, конечно, отдавъ бы предпочтеніе первому чтенію предъ послѣднимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что недостаточность мѣры, указанной Стоглавымъ соборомъ, для исправленія богослужебныхъ книгъ, сознавали уже и въ то время. Вслѣдствіе этого, лишь только

⁽¹⁰⁷⁾ Въ Спискѣ сѣмвала XI в., времени вел. кн. Ярослава, по свидѣтельству Зиновія, читавшаго этотъ списокъ, было сказано: „и въ Духа Святаго *Господа*“, а не было написано: „и въ Духа Святаго *истиннаго*“ (Истин. Показ. 955). Въ спискѣ Кормчей Румянц. Муз. XIII в., № 230, по древѣйшему переводу болгарскому: „и въ Свягый Духъ Господень и въ животворящій“ (напечатанъ сполна *Розенкамѣѣомъ* въ концѣ его соч.: о Кормчей книгѣ, изд. 2). Въ спискѣ церк. Обихода Новг. Соф. библи. XIII—XIV вѣка: „и въ Духа святаго, Господа, животворящаго“ (напеч. въ Хр. Чтен. 1853, II, 219). Точно такъ же въ спискахъ XV в.—М. Синод. библи. №№ 374. 407 (Опис. III, I, 172. 424), Новг. Соф. библи., нѣнѣ с. п. б. дух. акад., № 1173, л. 311, и въ спискахъ XVI в. М. Синод. библи. №№ 185. 318 (Опис. II, 2, 506; II, 3, 599), и Кириллов. библи., нѣнѣ с. п. б. дух. акад., № 1078, гл. 58; № 1079, л. 296. Особеннаго замѣчанія достойно, что въ обоихъ извѣстныхъ Кормчихъ XIII в., Кирилловской или Рязанской (Рукоп. Толстова, отд. I, № 311) и Софійской (М. Синод. библи. № 132), послужившихъ прототипами для всѣхъ, употреблявшихся у насъ, Кормчихъ XIV, XV, XVI в., равно какъ и во всѣхъ этихъ Кормчихъ, въ главѣ „о Францѣхъ и о прочихъ латинахъ“ — первое обличеніе противъ латинянъ изложено такъ: „святому образу вѣры, отъ евангельскихъ рѣчій сложену сущу и явѣ тако глаголющу о Святомъ Дусѣ: и въ Духа Святаго, *Господа* и животворящаго, исходящаго отъ Отца,—ти же приложима: и отъ Сына—злѣ и блаженѣ“. Такъ и въ Кормчей Кирилло-бѣлов. монастыря, нѣнѣ с. п. б. дух. академіи, писанной при патріархѣ Іовѣ въ 1590 г. (№ 1078, гл. 85); такъ же и въ печатной Кормчей 1653 г.

⁽¹⁰⁸⁾ Конц. XIV или нач. XV в.—Моск. Синод. библи. № 371 (Опис. III, I, 143); а равно и въ Слѣдован. Псалтыри, писанной рукою митрополита Кипріяна († 1406), читаемъ въ символѣ вѣры: „и въ Духа Святаго *истиннаго*, животворящаго, отъ Отца исходящаго“.... (Рукоп. Моск. дух. акад. № 142, л. 170 об.). Конца XV в.—№ 406 Моск. Синод. библи.; XV—XVI в.—№ 408; XVI в.—№ 409 (Опис. тамъ же 416. 427. 434) и др.

царю Ивану Васильевичу было донесено, что почти всѣ, купленные на торжищахъ, по его приказанію, книги для церквей оказались «растлѣнными» отъ переписчиковъ, царь началъ помышлять, какъ бы завести на Руси, вмѣсто рукописныхъ, печатныя книги, по примѣру грековъ и другихъ народовъ. Онъ открылъ свою мысль митрополиту Макарію. Святитель весьма обрадовался и, воздавъ благодареніе Богу, сказалъ царю, что самъ Богъ внушилъ ему эту мысль и она есть даръ, низпосланный свыше. Вслѣдъ затѣмъ, по повелѣнію царя и благословенію митрополита, и открылась въ Москвѣ первая типографія ⁽¹⁰⁹⁾. Новая мѣра, безспорно, была несравненно лучше прежнихъ. Черезъ печатаніе можно было достигнуть разомъ двухъ цѣлей: вопервыхъ, уничтожить разнообразіе богослужебныхъ книгъ и ввести во всѣ церкви книги одинаковыя, а вовторыхъ — предотвратить дальнѣйшую порчу книгъ, дальнѣйшія ошибки со стороны писцовъ. Но уничтожить прежнія ошибки, уже существовавшія въ книгахъ, печатаніе не могло само собою. Для этого требовались люди, которые сѣумѣли бы, еще до печатанія, сличить славянскія книги съ греческими и исправить, со всею точностію, испорченный переводъ по тексту подлинному. А такихъ-то людей у насъ тогда и не было. И вотъ всѣ три книги, какія только успѣли у насъ выдти изъ типографіи въ настоящій періодъ, Апостолъ, Часословъ и Псалтырь, были напечатаны, безъ всякаго сличенія съ грече-

(109) См. Послѣсл. къ моск. Апостолу 1564 г. — въ Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова 27. Объ учрежденіи этой типографіи нами сказано прежде, т. VII, стр. 121—123.

скимъ текстомъ, прямо со списковъ славянскихъ, которые, быть можетъ, показались печатавшимъ сравнительно лучшими, но не были свободными отъ погрѣшностей и ошибокъ, — въ чемъ, при чтеніи этихъ книгъ и сличеніи съ подлинникомъ, легко убѣдиться. Въ такомъ же видѣ перешло дѣло печатанія богослужебныхъ книгъ и въ послѣдующій періодъ.

Много было погрѣшностей и разностей въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ; но допускались еще у насъ погрѣшности при самомъ совершеніи богослуженія и въ томъ, что относится къ богослуженію, существовали разности въ самихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ, зависѣвшія не отъ книгъ, а отъ людей. Невеселую картину этого рода погрѣшностей и неисправностей представилъ царь отцамъ Стоглаваго собора. «Нынѣ видимъ и слышимъ, говорилъ царь, что многіе *церковные чины* совершаются не сполна, не по свящ. правиламъ и не по уставу, и вы бы о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ разсудивъ, указъ учинили» (гл. 5, вопр. 1). И, какбы для примѣра, указалъ, въ частности, на то, а) что надъ просфорами о здравіи или за упокой, за которыя боголюбцы давали деньги просфорницамъ, сами просфорницы «приговаривали» имена поминаемыхъ, а священники уже не проскомисали тѣхъ просфоръ на жертвенникѣ о здравіи или за упокой православныхъ, и жертва къ Богу отъ нихъ не приносилась, но только брали тѣ просфоры отъ просфорницъ и относили къ себѣ (гл. 5, вопр. 11); б) что въ московскихъ церквахъ совсѣмъ не пѣли литій и псалмовъ: *Хвалите имя Господне ...; исповѣдайтесь Господеву....; на рѣкахъ вавилонскихъ....*, когда то положено по уставу (гл. 41, вопр. 9. 10); в) что освященіе воды

совершали нѣкоторые, по невѣдѣнію или неразумію, не однимъ крестомъ, чрезъ тоекратное его погруженіе, а совокупляли для того многіе кресты и иконы съ мощами и погружали (гл. 41, вопр. 6). Обращая вниманіе на самихъ *священнослужителей и причетниковъ*, царь свидѣтельствовалъ: «поны по своимъ церквамъ и церковные причетники поютъ безчинно, вдвое и втрое (гл. 5, вопр. 22); совершаютъ утреню и вечерню въ церкви у престола безъ ризъ, въ одной епитрахили и такъ въ царскія врата входятъ; безъ ризъ, въ одной епитрахили, крестятъ дѣтей, отпѣваютъ младенцевъ, вѣнчаютъ свадьбы, поютъ молебны и панихиды» (гл. 5, 23), и проч.

Въ отвѣтъ на замѣчанія царя относительно *чиновъ церковныхъ*, соборъ—1) постановилъ общее правило: «отнынѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ городамъ, и по всей землѣ русской, во всѣхъ церквахъ совершать литургію и всѣ прочія церковныя службы сполна, по уставу и по свящ. правиламъ, ничего не претворяя» (гл. 6); 2) въ частности, запретилъ всѣ уклоненія отъ устава, указанныя царемъ, и подтвердилъ, чтобы впредь надъ просфорами ничего не приговаривали просфорницы, но только отсылали просфоры въ алтарь, а священники вынимали изъ тѣхъ просфоръ частицы о здравіи и за упокой (гл. 8); чтобы въ московскихъ церквахъ «неотложно» пѣли тѣ пѣсни, литіи и псалмы, которые дотолѣ не пѣлись, вопреки уставу (гл. 41, отв. 9. 10). и чтобы освященіе воды совершаемо было однимъ крестомъ, чрезъ тоекратное его погруженіе, а прочіе кресты и иконы съ мощами тутъ же держались на рукахъ священнослужителей (гл. 41, отв. 6); 3) изложилъ или только подтвердилъ нѣкоторыя правила, касавшіяся и другихъ чиновъ и священно-

дѣйствій церковныхъ, которыя такъ же, вѣрно, нарушались, — напримѣръ, правила — а) о звонѣ къ литургіи: въ субботу звонить въ началѣ четвертаго часа (разумѣется, отъ восхода солнечнаго), въ день воскресный и въ великіе праздники въ началѣ третьяго, въ средніе и малые праздники и во всѣ прочіе дни въ началѣ пятаго (гл. 7); б) о чтеніяхъ для поученія народа на заутрени: читать евангеліе толковое, Златоуста, житія святыхъ, Прологъ и прочія святыя и душеполезныя книги (гл. 6); в) о крещеніи: крестить дѣтей чрезъ троекратное погруженіе, а не чрезъ обливаніе, при чемъ долженъ быть только одинъ кумъ, либо мужескаго, либо женскаго пола (гл. 17); г) о бракѣ: совершать бракосочетаніе послѣ литургіи, а не ночью; жениху должно быть не менѣе 15 лѣтъ, невѣстѣ—не менѣе 12-ти (гл. 18); д) о царскихъ дверяхъ и завѣсѣхъ: когда отверзать или открывать ихъ и проч. (гл. 10. 11).

Противъ безчинія, неисправностей и нерадѣнія, какія досуждали, по свидѣтельству царя, относительно священнослуженій сами *священно-и-церковно-служители*, соборъ опредѣлилъ: а) чтобы чтеніе и пѣніе въ церквахъ совершалось неспѣшно и со всякимъ вниманіемъ, чтобы вдругъ двое не читали псалмовъ, не канонархали, и чтобы церковныя пѣсни въ пѣніи не смѣшивались (гл. 16); б) протоіереямъ и старшимъ священникамъ строго наблюдать за поведеніемъ приходскаго духовенства и самимъ приходскимъ священникамъ и діаконамъ строго заповѣдать, чтобы они всякій день ходили въ церковь, стояли въ ней со страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ, совершали всѣ службы чинно и по уставу; виновныхъ же и неисправныхъ подвергать запре-

щенію, а потомъ и низверженію изъ сана (гл. 29); в) крестить дѣтей, вѣнчать свадьбы, святить воду въ навечеріи Богоявленія, въ день самаго Богоявленія на іордани и въ 1-й день августа, священники должны въ полномъ облаченіи; а вечерни, панихиды, повечерія и полунощницы, утрени и молебны должны пѣть въ епитрахили и фелони (гл. 14).

Немало такъ же извѣстно и разностей, которыя допускаемы были у насъ при отправленіи богослуженій и зависѣли отъ произвола людей или отъ мѣстныхъ обычаевъ. Въ Новгородѣ, напримѣръ, какъ свидѣлствовалъ царь на Стоглавомъ соборѣ, по всѣмъ церквамъ городскимъ, посадскимъ и монастырскимъ, по окончаніи проскомидіи и часовъ, священникъ велегласно говорилъ въ царскихъ дверяхъ отпустъ; а въ московскихъ церквахъ нигдѣ этого не говорили, — и соборъ опредѣлилъ: говорить вездѣ по всѣмъ церквамъ (Стогл. гл. 41, вопр. 12). Въ Москвѣ и во всѣхъ московскихъ предѣлахъ по всѣмъ церквамъ, кромѣ монастырей, даже въ воскресные и праздничные дни не пѣли, а только «рѣчью говорили», т. е. читали, на вечерни: «Свѣте тихій»...., и на заутрени великое славословіе, — между тѣмъ въ Новгородѣ, и Псковѣ, и въ Троицко-сергіевой лаврѣ обѣ эти свящ. пѣсни пѣлись во всѣ воскресные и праздничные дни и только въ будни читались (Стогл. гл. 5, вопр. 33. 34). Равнымъ образомъ и на литургіи пѣсьи: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную» — въ Москвѣ и московскихъ предѣлахъ всегда «рѣчью говорили», а въ Новгородѣ, Псковѣ и Сергіевой лаврѣ всегда пѣли (см. тамъ же). Въ Псковѣ на литургіи — «Отче нашъ» и «Вѣрую во единого Бога» — пѣли, а въ Новгородѣ чи-

тали; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — «Отче нашъ» — возглашаль діаконъ ⁽¹¹⁰⁾. Въ символѣ вѣры одни пѣли и говорили:.... «воплощася отъ Духа Свята и Марія Дѣвы»...., и далѣе: «чаю воскресенія мертвыхъ», а другіе: «отъ Духа Свята изъ Марія Дѣвы»... и «жду воскресенія мертвыхъ». По всей Россіи на литургіи пѣли: «поемъ *тя*, благословимъ *тя*, благодаримъ *тя*, Господи, и молимся, Боже нашъ», а въ Москвѣ съ нѣкотораго времени вздумали пѣть: «поемъ *ти*, благословимъ *тя*»..... и проч. Точно такъ же издревле всѣ пѣли у насъ на литургіи: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля слава *твоя*»; а какой-то Варлаамъ Лопотухинъ, съ своими клеветами, въ Троицко-сергіевомъ монастырѣ началъ первый пѣть: «исполнь небо и земля славы *Его*», и вслѣдъ за Лопотухинымъ едва не повсюду стали пѣть: «славы *Его*» ⁽¹¹¹⁾. Всѣ эти и другія подобныя, касавшіяся богослуженія, разности ⁽¹¹²⁾, естественно, обращали на себя вниманіе, особенно людей книжныхъ, считались, болѣе или менѣе, важными, а нѣкоторыя даже весьма важными, и служили предметами состязаній и споровъ, въ которыхъ приходилось принимать участіе и такимъ лицамъ, каковы были Максимъ грекъ и отеченскій инокъ

⁽¹¹⁰⁾ *Зинов.* Истины Показ. 968—972; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 67. Впрочемъ, въ концѣ XV и въ нач. XVI в. символъ вѣры пѣли за литургіей и въ Новгородѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ владыки Геннадія: „сіе исповѣданіе всегда въ церкви да глаголится, и на поставленіе святителемъ, и на крещеніе дѣтемъ, паче же на божественнѣй литургіи *всегда пѣаемъ есть*“ (Нашей Ист. VI, прилож. III, стр. 378).

⁽¹¹¹⁾ *Зинов.* Истины Показ. 938. 944. 952. 961.

⁽¹¹²⁾ Какова, наприм., разность въ хожденіи вокругъ церкви при освященіи ея, по солнцу ли или противъ солнца,—о чемъ нами сказано прежде (VI, 65).

Зиновій (¹⁴³). Но самыми важными въ ряду этихъ разностей, приобрѣтшими наибольшую историческую извѣстность, должно признать двѣ: разность въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и разность въ пѣніи *аллилуйи*.

IV.

Царь Иванъ Васильевичъ, между прочимъ, заявилъ на Стоглавомъ соборѣ: «Христіане крестятся не по существу и крестное знаменіе не по существу кладутъ на себѣ, а отцы духовные о томъ не радятъ и не поучаютъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 6). Въ отвѣтъ на это заявленіе царя, соборъ постановилъ: «протоіереи, священники и діаконы воображали бы на себѣ крестное знаменіе крестообразно и по чину, а протоіереи и священники и благословляли бы православныхъ крестообразно-же; такъ же и учили бы своихъ духовныхъ дѣтей и всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы они ограждали себя крестнымъ знаменіемъ по чину и знаменовались крестообразно, чтобы *устанавливали правую руку для крестнаго знаменія, совокупивъ большой палецъ да два нижнихъ перста во едино, а верхній перстъ съ среднимъ совокупивъ, простерши*

(¹⁴³) Максимъ училъ, что надобно въ символѣ вѣры говорить: „воплощася отъ Духа Свята и Маріа Дѣвы“, а не *изъ* Маріа Дѣвы, и далѣе: „жду воскресенія мертвымъ“, а не —*чаю* (Макс. Сочин. III, 54 — 60). Зиновій, соглашався съ Максимомъ въ первомъ, не соглашался въ послѣднемъ и доказывалъ, что слѣдуетъ говорить: „*чаю* воскресенія“..., а не —*жду* (Зинов. Ист. Показ. 952. 964). Тотъ же Зиновій считалъ дѣломъ слишкомъ важнымъ, читать ли или пѣть за литургіей молитву Господню и символъ вѣры, и выразился: „согрѣшаютъ много *положимъ* „Отче нашъ“ и „Вѣрую во единого Бога“, поколебающе святыхъ уставъ, и недалеко отъ еретикъ, и суть подъ клятвою“ (тамъ же 968—972).

и мало нагнувъ. Такъ святителямъ и іереямъ благословлять и возлагать на себѣ рукою крестное знаменіе двумя перстами: сначала возлагать на чело, потомъ на перся, т. е. сердце, затѣмъ на правое плечо, наконецъ на лѣвое плечо.... Такъ же подобаетъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ уставлять руку и воображать на лицѣ своемъ крестное знаменіе двумя перстами. *Если же кто двумя перстами не благословляетъ, какъ и Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ*, — изрекли св. отцы.... Три персты совокупити низу, а два верхніи купно: тѣмъ благословити и креститися въ божество и въ человѣчество». Затѣмъ соборъ привелъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, сказаніе о св. Мелетіѣ антiохійскомъ, будтобы благословившемъ людей на соборѣ такимъ именно сочетаніемъ перстовъ, и ученіе Θεодорита о сложеніи для благословенія и крестнаго знаменія трехъ перстовъ во образъ Пресв. Троицы и двухъ перстовъ во образъ двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ (гл. 31), и осудилъ неразумныхъ, которые, «махаяще рукою по лицу своему», творятъ крестное знаменіе, а не полагаютъ руки сперва на челѣ своемъ, потомъ на персяхъ, далѣе на правомъ плечѣ, наконецъ на лѣвомъ (гл. 32). Это правило Стоглаваго собора, излагающее ученіе о благословеніи и крестномъ знаменіи то самое, какого донинѣ держится русскій расколъ, а не то, какое содержитъ православная церковь, издавна служило предметомъ самыхъ жаркихъ пререканій между обличителями раскола и его защитниками. И мы, не входя въ подробности всѣхъ этихъ пререканій, считаемъ, однакожъ, себя обязанными разсмотрѣть здѣсь спорное правило собственно съ исторической точки зрѣнія.

Дѣйствительно ли 31-я глава Стоглава, содержащая въ себѣ ученіе о благословеніи и крестномъ знаменіи, принадлежитъ Стоглавому собору? Было время, когда сомнѣвались въ подлинности самой книги — Стоглавъ и думали видѣть въ ней не соборное уложеніе, а только черновыя записки Стоглаваго собора, кѣмъ-то измѣненныя въ послѣдствіи и дополненныя (¹¹⁴). Но нынѣ, когда сдѣлались извѣстными двѣ наказныя грамоты митрополита Макарія, писанныя имъ отъ лица Стоглаваго собора, одна къ бѣлому, а другая къ монашествующему духовенству Россіи, и заключающія въ себѣ цѣликомъ или только въ сокращеніи многія главы изъ Стоглава, какъ соборнаго уложенія, сомнѣваться въ подлинности этой книги было бы уже неразумно (¹¹⁵). А если такъ: то надобно признать подлинною и 31-ю главу Стоглава не только потому, что она находится во всѣхъ спискахъ его, даже самихъ древнихъ, но и потому, что она изложена такъ же въ обѣихъ наказныхъ грамотахъ Макарія, писанныхъ отъ лица собора (¹¹⁶). Напрасно говорили, будто отцы Стоглаваго собора, отвѣчая прямо на предложеніе царя о крестномъ знаменіи, могли постановить или подтвердить христіанамъ только правило о благочинномъ огражденіи себя крестнымъ знаменіемъ, и будто статья о двуперстіи и вообще о сложеніи перстовъ вовсе не соотвѣтствуетъ запросу царя,

(¹¹⁴) *Филарет*. Ист. русск. Ц. III, 193, изд. 2. Этому мнѣнію держались и мы и старались его доказывать подробно въ нашей Ист. русск. раскола, 49—60, изд. 2.

(¹¹⁵) См. нашей Ист. VI, 220—227 и дал.

(¹¹⁶) Она была помѣщена въ грамотѣ въ монастыри (см. Стоглав. стр. 260, изд. Казан.) и кратко изложена въ грамотѣ къ бѣлому духовенству (Прав. Собесѣдн. 1863, I, 205).

и слѣд. внесена въ 31-ю главу Стоглава не отцами собора, а кѣмъ либо другимъ (¹¹⁷). Напротивъ, статья эта вполне соответствуетъ вопросу царя. «Христіане, сказалъ царь, рукою крестятся не по существу, и крестное знаменіе не по существу кладутъ на себѣ». Тутъ, очевидно, два частныхъ указанія и собору слѣдовало дать на нихъ два отвѣта: первый, какъ рукою креститься по существу, т. е. какъ устанавливать руку для крестнаго знаменія, какъ слагать ея персты, и второй—какъ крестное знаменіе по существу класть на себѣ. Къ существу крестнаго знаменія соборъ, по всей справедливости, могъ относить не только правильное начертаніе крестнаго знаменія, но и правильное сложеніе перстовъ руки для крестнаго знаменія. Напрасно такъ же старались доказывать, будто митр. Макарій не могъ подписать Стоглава и въ немъ главы о двуперстіи, будто самъ этотъ митрополитъ держался троеперстія, потому что помѣстилъ въ своихъ Чети-минейхъ извѣстное слово Θεодоритово въ томъ видѣ, въ какомъ оно, по видимому, благопріятствуетъ троеперстію, и преніе Панагіота съ азимитомъ, укоряющее латинянъ за употребленіе ими при крестномъ знаменіи двухъ перстовъ, а не трехъ (¹¹⁸). Къ сожалѣнію, необходимо согласиться, что Макарій подписалъ Стоглавъ съ статьею о двуперстіи, если только Стоглавъ былъ подписанъ присутствовавшими на соборѣ отцами, и самъ держался двуперстія: потому что,—повторяемъ,—разослалъ послѣ собора двѣ наказныя грамоты, составленныя по Стоглаву и заключающія въ себѣ и ученіе о

(¹¹⁷) Пр. Филар. Ист. Р. Церкв. III, 189. 191.

(¹¹⁸) О. Виноград. О Θεодоритовомъ словѣ, 97—102, Москв. 1866.

двуперстіи. Если же Макарій помѣстилъ въ своихъ Чети-минейхъ Θεодоритово слово въ такомъ изложеніи, которое, по видимому, благопріятствуетъ троеперстію: то—а) въ такомъ же почти самомъ изложеніи слово это помѣщено и въ 31-й главѣ Стоглава отцами собора, а извѣстно, какъ оно ими тамъ истолковано; б) и при такомъ изложеніи слово это предписываетъ одно и тоже перстосложеніе какъ для крестнаго знаменія, такъ и для благословенія, — что противно православному обычаю. Если Макарій помѣстилъ такъ же въ двухъ книгахъ своихъ Чети-миней, декабрьской и іюньской, писанныхъ до Стоглаваго собора, статью о преніи Панагіота съ азимитомъ, въ которой первый укоряетъ послѣдняго: «почто не слагаеши *три* персты..., но твориши крестъ съ *обоими* персты»....; то въ августовской книжкѣ тѣхъ же Чети-миней Макарія, писанной послѣ Стоглаваго собора, это мѣсто статьи читается уже такъ: «и чему, не якоже мы крестимся, проображаще истиннаго креста *двѣма* персты..., — вы же, окаянніи еретицы, не якоже повелѣша св. отцы..., крестъ воображаете внѣ себѣ»... (¹¹⁹). Самый

(¹¹⁹) Это преніе Панагіота съ азимитомъ недавно издано вполнѣ въ трехъ редакціяхъ: 1) по двумъ сербскимъ спискамъ XIV в., гдѣ занимающее насъ мѣсто читается: „почто три свои прсты десные руки твои не полагаеши, ни гиблещи чело свое, ни на прсы, ни на десны си босакъ, то ни на лѣвы..., но твориши крестъ твои, та зрѣть вьнь“; 2) по русскимъ спискамъ XVI в. и, въ томъ числѣ, по списку іюньской книжки Макарьевской Чети-миней, гдѣ находимъ: „почто не слагаеши три персты и не крестисися десною рукою и полагаеши на челѣ твоємъ..., но твориши крестъ со обоими персты, и воображеніе креста твоего зрѣть вонъ“; 3) по списку Макарьевской Чети-миней за августъ, гдѣ читаемъ: „чему, не якоже мы крестимся, прообразующе истиннаго креста двема персты на глави и на сердци..., вы же, окаянніи еретицы, не якоже повелѣша святіи отцы..., крестъ воображаете внѣ себѣ“... (А. Попов. Историко-литер. обзоръ древне-русс. полемич. сочиненій, XI-XV в. М. 1875, стр. 238—286).

вѣрный взглядъ на Стоглавый соборъ имѣли отцы большого московскаго собора, бывшаго въ 1667 году. Они не отвергали и не заподозривали ни подлинности Стоглава, ни участія въ немъ митрополита Макарія, а прямо выразили мысль, что соборъ и Макарій въ ученіи о двуперстіи и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, изложенныхъ въ книгѣ Стоглавъ, погрѣшили, и погрѣшили «простою и невѣжествомъ» ⁽¹²⁰⁾. Ненадобно забывать, что Стоглавый соборъ былъ только соборъ частный или помѣстный; а частные соборы, какъ и частныя церкви, не изъяты отъ возможности погрѣшать; тѣмъ болѣе не изъяты отъ нея частныя лица и іерархи, даже самые просвѣщенные. И какъ погрѣшности, допущенныя Стоглавымъ соборомъ и его предсѣдателемъ по простотѣ и невѣдѣнію, касаются вовсе не догматовъ вѣры, а лишь обрядовой ея стороны, то онѣ и не могутъ служить для насъ препятствіемъ признавать какъ соборъ, такъ и знаменитаго святителя Макарія, православными.

Но если ученіе о перстосложеніи, содержащееся въ 31-й главѣ Стоглава, несомнѣнно принадлежитъ Стоглавому собору, то какъ же объяснить происхожденіе этого ученія, откуда и когда оно появилось у насъ? Чтобы поставить этотъ вопросъ раздѣльнѣе и отвѣчать на него съ возможною отчетливостію, считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать два слѣдующія замѣчанія.

Первое замѣчаніе: главная, коренная особенность ученія, изложеннаго въ 31-й главѣ Стоглава, состоитъ въ томъ, что оно заповѣдуетъ только одно перстосложеніе и для крестнаго

⁽¹²⁰⁾ Дополн. къ А. И. V, стр. 487.

знаменія и для благословенія, между тѣмъ какъ православная церковь строго различаетъ, и по внутреннему смыслу, и по внѣшнему виду, два перстосложенія: перстосложеніе, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, и перстосложеніе, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ. Всѣ православно-вѣрующіе осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ во имя Пресв. Троицы и для этого слагаютъ вмѣстѣ и равно три первые перста правой руки, пригнувъ два послѣдніе: перстосложеніе это называется *троеперстнымъ*. Пастыри же православной церкви преподаютъ вѣрующимъ благословеніе во имя Господа Іисуса Христа, и для этого слагаютъ персты правой руки такъ, чтобы они изображали собою первыя и послѣднія буквы благословеннаго имени: ІС. ХС., т. е. *Іисусъ Христосъ*, въ частности — совокупляютъ персты второй и третій, иначе — указательный и средній, такъ, чтобы второй, простертый, представлялъ собою букву — *І*, а третій, простертый и нѣсколько наклоненный, букву — *С*, первый же или большой палецъ совокупляютъ съ двумя послѣдними такъ, чтобы онъ, пересѣкая четвертый палецъ, представлялъ вмѣстѣ съ нимъ букву — *Х*, а пятый персть или мизинецъ, простертый и нѣсколько наклоненный, представлялъ при нихъ букву — *С*: это перстосложеніе называется *именословнымъ*. Если сравнимъ съ двумя этими православными перстосложеніями такъ называемое *деуперстное* перстосложеніе, которое утверждено Стоглавымъ соборомъ и доселѣ содержится нашими раскольниками: то увидимъ, вопервыхъ, что по внѣшнему виду оно, различаясь вполнѣ отъ троеперстнаго, имѣетъ большое сходство съ именословнымъ: ибо учить слагать два перста, указательный и средній,

совершенно такъ, какъ они слагаются въ именословномъ, а три остальные перста—совокуплять довольно близко къ тому, какъ они совокупляются въ именословномъ,—и это сходство, очевидно, простирается до того, что именословное перстосложение не безъ основанія можно назвать двуперстнымъ, двуперстное же признавать за именословное, только не совсѣмъ точное или испорченное. А вовторыхъ, увидимъ, что, по внутреннему смыслу, двуперстное перстосложение старается совмѣстить въ себѣ оба православныя перстосложения: ибо учить слагать и три перста во имя Пресв. Троицы, согласно съ троеперстнымъ, и два перста во имя Іисуса Христа или двухъ еществъ въ Немъ, согласно съ именословнымъ. Но не это собственно важно для насъ въ настоящемъ случаѣ; важно то, что, какъ мы уже сказали, Стоглавый соборъ и для крестнаго знаменія и для благословенія заповѣдуетъ одно перстосложение, а церковь православная — два различныхъ, и слѣд. вопросъ о времени происхожденія этого перстосложения, заповѣдуемаго Стоглавомъ, можетъ быть, прежде всего, выраженъ такъ: одно ли или два различныхъ перстосложения употреблялись въ православной церкви для крестнаго знаменія и благословенія во времена предшествовавшія Стоглавому собору?

Второе замѣчаніе. Перстосложение, заповѣдуемое 31-ю главою Стоглава, несправедливо или, по крайней мѣрѣ, не точно называется двуперстнымъ: оно есть вмѣстѣ и троеперстное. Стоглавъ учить слагать для крестнаго знаменія и благословенія не только два перста, но и три, и даже о сложеніи трехъ перстовъ во имя Пресв. Троицы говоритъ прежде, а уже потомъ о сложеніи двухъ перстовъ для озна-

ченія двухъ естествъ во Христѣ. Правда, самое крестное знаменіе должно быть начертываемо, по Стоглаву, двумя перстами правой руки, но при этомъ непремѣнно должны быть совокуплены во едино и три остальные перста правой руки, такъ что, еслибы кто сталъ креститься или благословлять только двумя перстами своей десницы, а трехъ остальныхъ перстовъ ея не совокуплялъ во едино или слагалъ какъ-нибудь иначе, или совсѣмъ не слагалъ, такое благословеніе и такое крестное знаменіе были бы, по Стоглаву, неправославными, недозволительными. Слѣдовательно вопросъ нашъ не въ томъ, съ какого времени начали въ церкви креститься или благословлять двумя перстами, а въ томъ, съ какого времени начали для крестнаго знаменія употреблять двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе, проповѣдуемое Стоглавомъ, съ какого времени это двуперстно-троеперстное перстосложеніе начали употреблять не для одного только крестнаго знаменія, или не для одного благословенія, а равно и для того и для другаго.

Сохранилось непрерываемое свидѣтельство, что въ первой половинѣ XV вѣка у насъ, какъ и въ Греціи, употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, а другое для крестнаго знаменія, — свидѣтельство, которое должно имѣть полную силу и для послѣдователей Стоглава. Въ Степенной книгѣ, пересмотрѣнной и дополненной подъ непосредственнымъ руководствомъ самаго митрополита Макарія, и даже по списку ея, писанному еще при его жизни, два раза изложенъ слѣдующій рассказъ: однажды митрополитъ Фотій (1410 — 1431) посѣтилъ Симоновскую обитель и обходя монастырскія службы, зашелъ въ пекарню и здѣсь

увидѣлъ инока Іону, который незадолго предъ тѣмъ отъ многого труда, воздержанія и непрестанной молитвы уснулъ, и «десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословяше ею. Святитель со удивленіемъ зряше на нѣ и не повелѣ никомуже разбудити его, и, пророчествуя о немъ, глаголаше: разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Іона будетъ великъ святитель во странахъ русскія земли» и проч., — что впослѣдствіи и исполнилось ⁽¹²¹⁾. Почему это митрополитъ Фотій удивился при видѣ спавшаго Іоны? Почему изрекъ пророчество, что онъ будетъ великимъ святителемъ? Потому единственно, что Іона, простой инокъ, не имѣвшій права благословлять, держалъ десную руку свою «согбену, яко благословляше ею». Да какъ же Фотій могъ бы узнать по согбенію руки Іоны, что онъ «яко благословляше ею», еслибы перстосложеніе святительское и іерейское для благословенія не отличалось тогда отъ перстосложенія всѣхъ вѣрующихъ для крестнаго знаменія, а было одно и тоже? Въ такомъ случаѣ Фотію, при видѣ спавшаго Іоны, всего естественнѣе могло бы придти на мысль, что, вѣрно, инокъ, какъ молился предъ сномъ, такъ и заснулъ, усталый, съ тѣмъ же молитвеннымъ перстосложеніемъ, и не было бы повода ни удивляться, ни предсказывать о будущемъ святительствѣ Іоны. Необходимо согласиться, что во дни митрополита Фотія († 1431), который, какъ извѣстно, пришелъ къ намъ изъ Греціи и хорошо зналъ обычаи православной церкви, въ ней дѣйствительно употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, другое для крестнаго зна-

(121) Степ. кн. II, 37. 70.

меня. А вслѣдъ затѣмъ необходимо допустить, что одно и тоже перстосложеніе для крестнаго знаменія и благословенія, проповѣдуемое Стоглавомъ, могло получить свое начало отнюдь не прежде, какъ во второй половинѣ XV в., слѣд. уже въ обозрѣваемый нами періодъ нашей церковной жизни. Впрочемъ, это только общее и далеко недостаточное рѣшеніе вопроса. Обратимся къ подробностямъ.

Какое перстосложеніе употреблялось въ церкви православной собственно для крестнаго знаменія до временъ Стоглаваго собора?

Въ первые вѣка христіанства не видимъ между христіанами одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія. Св. Іоаннъ Златоустъ (IV в.) училъ креститься *перстомъ* (¹²²), и объ этомъ обычаѣ креститься однимъ перстомъ упоминають св. Елифаній, современникъ Златоуста, и потомъ — блж. Іеронимъ, блж. Теодоритъ кирскій, Созоменъ (V в.), св. Григорій Двоесловъ и Іоаннъ Москъ (VI в.), повѣствуя о разныхъ православныхъ христіанахъ, подвижникахъ и святыхъ, творившихъ крестъ такимъ образомъ (¹²³). А св. Кирилль іерусалимскій, такъ же отецъ

(¹²²) „Когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста.... Не просто *перстомъ* (*δακτύλῳ*) должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра“. *Златоуст.* Бесѣд. на Ев. Маттея, LIV, ч. II, стр. 426—427, Москв. 1839.

(¹²³) Св. *Елифаній* объ одномъ православномъ комитѣ, по имени Іосифѣ, котораго зналъ лично: „этотъ мужъ велегласно, собственнымъ своимъ перстомъ положивъ на сосудѣ печать креста и призвавъ имя Іисусово, сказалъ такъ: именемъ Іисуса Назорянина да будетъ въ водѣ сей сила къ уничтоженію всякаго чародѣйства!“ (Наегес. 30, § 12, Твор. св. Елифанія, ч. I, 234, въ Твор. св. отц. т. 42, Москв. 1863). *Блж. Іеронимъ* о преп. матери Павлѣ: „держа персть надъ устами, она изобразила на нихъ крестное знаменіе“ (Epitaph. Paulae matris, in Opp. t. I. p. 110, Francof. et Lipsiae). *Блж. Теодоритъ* Кирскій о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира. „святѣй перстомъ вообразилъ крестное знаменіе, а устами дунулъ на него (змія), и какъ

четвертаго вѣка, училъ совершать крестное знаменіе *перстами*, всего вѣроятнѣе, тремя: такъ какъ оно совершалось тогда, по ясному современному свидѣтельству св. Ефрема Сирива, во имя Пресв. Троицы (¹²⁴). Другихъ свѣдѣній относительно перстовъ для крестнаго знаменія не встрѣчается у писателей первыхъ осьми вѣковъ хр. церкви, потому, безъ сомнѣнія, что тогда этимъ вопросомъ намѣренно не занимались. Изъ тѣхъ же немногихъ свидѣтельствъ, высказанныхъ мимоходомъ и какбы случайно, на которыя мы указали, можемъ вывести слѣдующія заключенія: а) хотя обычай знаменаться образомъ креста, по словамъ св. Василія великаго, отца IV вѣка, христіане пріяли несомнѣнно отъ преданія апостольскаго; но апостолы, вѣрно, не заповѣдали христіа-

тость отъ огня, змій тотчасъ исчезъ“ (*Теодорит. Филоеен или истор. Боголюбцевъ*, стат. о Маркіанѣ, а такъ же въ *Пролог.* подъ 2-мъ числ. ноября); равно о преп. Юліанѣ: „призвавъ Господа и перстомъ показуя побѣдный знакъ, онъ прогналъ весь страхъ“ (*Истор. Боголюбц.*, стат. о Юліанѣ). *Созоменъ* о св. епископѣ Донатѣ: „когда великій драконъ хотѣлъ напасть на св. Доната, то онъ перстомъ изобразилъ предъ нимъ въ воздухѣ знаменіе креста и плюнулъ; слюна попала звѣрю въ ротъ, и онъ издохъ“ (*Созомен. Церк. Истор.* кн. VII, гл. 26). *Григорій Двоесловъ* о монахѣ Мартиріѣ: „онъ сдѣлалъ знакъ креста перстомъ“..., и о пресвитерѣ Аманціѣ: „человѣкъ Божій изобразилъ крестъ перстомъ своимъ“ (*Dialog. lib. I, c. 11; lib. III, c. 35, in Opp. t. II, ed. Paris.*). *Іоаннъ Мосхъ* о св. Іуліанѣ, епископѣ Вотрекомъ: „онъ трижды перстомъ своимъ перекрестилъ чашу (съ ядомъ) и, сказавъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа пью чашу сію, — выпилъ ее предъ всѣми всю и остался невредимъ“ (*Дугъ духовн.* гл. 94).

(¹²⁴) *Св. Кириллъ іерусалимскій*: „да не стыдимся исповѣдывать Распятаго: съ дерзновеніемъ да изображаемъ перстами (*δακτύλοις*) знаменіе креста на челѣ и на всемъ“ (*Огласит. Поуч. 13, § 18 или 36*). *Св. Ефремъ Сиринъ*: „не рукою только полагай на себѣ крестное знаменіе, но и въ мысляхъ запечатлѣвай онымъ всякое свое занятіе: и входи свой, и исхожденіе свое во всякое время, и сѣдѣніе свое, и востаніе, и одръ свой, и какое ни проходишь служеніе, прежде всего запечатлѣй во имя Отца и Сына и Св. Духа“ (*О вооруженіи монаху, въ Твор. Св. Отц. т. XV, а Твор. св. Ефрема ч. IV, стр. 371 — 372, Москв. 1850*).

намъ одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія: иначе это перстосложеніе сохранялось бы неизмѣнно въ первенствующей церкви и въ IV вѣкѣ не могли бы креститься безразлично, и однимъ перстомъ, и перстами (¹²⁵); б) еслибы ученіе о перстосложеніи, проповѣдуемое Стоглавомъ, существовало въ первые вѣка христіанства съ грозными словами: «аще кто не знаменуется двѣма персты, да будетъ проклятъ», — то этому проклятію подлежалъ бы и св. Іоаннъ Златоустъ, подлежали бы и другіе православные христіане, подвижники и святые, крестившіеся однимъ перстомъ; в) если во дни блаж. Θεодорита, святительствовавшего въ городѣ Кирѣ, существовалъ обычай креститься однимъ перстомъ и если самъ Θεодоритъ говорить о святыхъ, крестившихся только перстомъ, и, между ними, о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира, — то уже по одному этому блаж. Θεодориту кирскому не можетъ принадлежать извѣстное слово о сложеніи трехъ и двухъ перстовъ, приводимое Стоглавомъ и оканчивающееся словами: «такъ достоинъ креститься и благословити, такъ святыми отцы указано и узаконено».

Не прежде, какъ къ концу IX или въ началѣ X столѣтія встрѣчаемъ еще свидѣтельство о перстахъ для крестнаго знаменія, относящееся, впрочемъ, не ко всей хр. церкви, а только къ одной странѣ — Сиріи. Ілія Гевери, несторіанскій митрополитъ Дамаска (съ 893 г.) и предъ тѣмъ бывший несторіанскимъ же епископомъ въ Іерусалимѣ, доказывая въ своемъ сочиненіи, что всѣ три существующіе въ Сиріи

(¹²⁵). Св. *Василій вел.* Прав. 91 изъ 27-й гл. книги о Св. Духѣ (въ Книгѣ Правилъ...).

отдѣла или общины христіанъ—Яковиты, Несторіане и Мелхиты, въ сущности вѣры будтобы согласны между собою и разнятся только въ образѣ выраженія своей вѣры, между прочимъ говорить: «а что въ изображеніи знаменія креста они между собою весьма мало согласуются...., это нимало не вредитъ согласію и единомыслію. Такъ Яковиты (монофизиты) *единымъ перстомъ* знаменуютъ себя крестомъ, переходя отъ лѣвой руки къ правой, чѣмъ исповѣдуютъ свою вѣру во единого Христа, который, умерши на крестѣ, исхищенныхъ отъ шуіа части, т. е. отъ грѣха, перенесъ къ десной, т. е. къ благодати. Равнымъ образомъ Несторіане и Мелхиты, когда *двумя перстами* начертываютъ образъ креста отъ правой руки къ лѣвой, то исповѣдуютъ свою вѣру, что на крестѣ Божество и человѣчество были соединены вмѣстѣ, что крестъ былъ виною нашего спасенія, и отъ него вѣра отъ десныя части произошла и невѣріе или заблужденіе отъ шуіа отгнано» ⁽¹²⁶⁾. Не станемъ сомнѣваться, что подъ Мелхитами Ілія разумѣетъ православныхъ христіанъ—сирійцевъ, усвоивъ имъ совершенно православныя вѣрованія и о лицѣ Спасителя и о Богоматери,—хотя есть основаніе сомнѣваться: такъ какъ современный Іліи православный митрополитъ Кизическій Димитрій, писавшій къ императору Константину Порфирородному (911—919) о тѣхъ же Яковитахъ и Мелхитахъ, называетъ послѣднихъ прямо еретиками ⁽¹²⁷⁾. Согла-

⁽¹²⁶⁾ Сочиненіе Іліи Дамасскаго: De concordia fidei—помѣщено у Asseman, Biblioth. Oriental. t. III, part. 2, гдѣ Ассемани сообщаетъ свѣдѣнія и о самомъ сочинителѣ (см. стр. 325. 385. 513—516).

⁽¹²⁷⁾ Это посланіе Димитрія о Яковитахъ и Мелхитахъ — во второй части Славян. Кормчей, гл. 39.

симся даже, что двуперстіе для крестнаго знаменія не вымирало между православными въ Сиріи еще и въ XII столѣтіи, какъ можно заключать изъ извѣстныхъ словъ монаха Петра Дамаскина (т. е. изъ Дамаска), писавшаго около 1157 года, столько излюбленныхъ нашими раскольниками: «начертаніемъ честнаго и животворящаго креста отгоними суть бѣси и различніи недуги...., яко два перста убо и единая рука являютъ распятаго Господа нашего І. Христа, во двою естеству и единомъ составѣ познаваема» (¹²⁸). Но утверждаемъ рѣшительно, что это двуперстіе сирійскихъ христіанъ совсѣмъ не то перстосложеніе, какое заповѣдуетъ Стоглавъ, и раскольники наши напрасно ссылаются на Петра Дамаскина: а) Сирійцы крестились двумя перстами, но не слагали при этомъ и трехъ перстовъ, и Петръ Дамаскинъ говоритъ только о двухъ перстахъ и единой рукѣ въ знаменіе двухъ естествъ во единомъ лицѣ нашего Спасителя, вовсе не упоминая о сложеніи трехъ перстовъ во имя Пресв. Троицы, а Стоглавъ учитъ слагать для крестнаго знаменія и три перста во имя Пресв. Троицы и вмѣстѣ два перста въ знаменіе двухъ естествъ во Христѣ; б) Сирійцы слагали два перста только для крестнаго знаменія, а Стоглавъ заповѣдуетъ свое троеперстное и вмѣстѣ двуперстное перстосложеніе не только для крестнаго знаменія, но и для благословенія; в) сложеніе только двухъ перстовъ для крестнаго знаменія, безъ сложенія въ тоже время и трехъ перстовъ, предъ судомъ

(¹²⁸) Что монахъ Петръ Дамаскинъ писалъ около 1157 г. и жилъ въ XII, а не въ VIII вѣкѣ, какъ ошибочно полагали издатели „Добротолюбія“ (Москва. 1793 г.), это ясно показало еще Преосв. Никифоръ Θεοτοки въ своихъ Отвѣт. старообрядц. л. 105, примѣч. 120, изд. 1813 г.

Стоглава, какъ мы уже замѣтили, должно считаться неправославнымъ, недозволительнымъ; г) если допустить, что двуперстіе заимствовалъ Стоглавъ отъ сирійскихъ христіанъ, то отъ кого же заимствовалъ онъ свое троеперстіе?

Остальные достовѣрные свидѣтельства о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, употреблявшемся въ православной церкви, въ Греціи и Россіи, съ X до половины XVI столѣтія, всѣ говорятъ о православномъ троеперстіи. Разумѣемъ—а) св. мощи подвижниковъ XI—XII в., нетлѣнно почивающихъ въ кіевскихъ пещерахъ, и именно — преп. Ильи Муромца и Іосифа многоболѣзненнаго, у которыхъ три первые перста правой руки соединены, хотя неравно, во вмѣстѣ, а два послѣдніе, безъименный и мизинецъ, пригнуты къ ладони, и преп. Спиридона, у котораго три первые перста соединены даже совершенно равно, а два послѣдніе пригнуты (¹²⁹); б) извѣстные уже намъ слова греческаго философа Панагіота, который, во дни греческаго императора Михаила Палеолога, имѣлъ въ Константинополѣ торжественное преніе съ двѣнадцатью латинскими философами, присланными папою Григоріемъ X (1271 — 1276) и, между прочимъ, укорялъ ихъ за то, что они не кладутъ на себѣ истиннаго креста тремя перстами, какъ кладутъ православные, а двумя (¹³⁰); в) наконецъ, свидѣтельство Солунскаго иподіакона

(¹²⁹) Нашей Истор. Р. Церкви II, 227.

(¹³⁰) Подробнѣе объ этомъ преніи Панагіота см.—А. Попов. Историко-литер. Обзоръ древне-русс. полем. сочиненій, XI—XV в., стр. 238 и слѣд. Достойно замѣчанія, что въ одномъ сборникѣ конца XV в., когда именно и начали у насъ проповѣдывать двуперстіе, слова Панагіота къ латинянамъ изложены въ слѣдующемъ видѣ: „и чему, не якоже мы крестимся, прообразующе истиннаго

Дамаскина Студита, бывшаго впоследствии митрополитомъ Навпакты и Арты, который въ одномъ изъ поученій своихъ, изданныхъ имъ самимъ еще въ 1528 г., въ Венеціи, говорить слѣдующее: «каждый благочестивый христіанинъ для крестнаго знаменія сперва да совокупляетъ три перста въ означеніе Св. Троицы, великій палець и два другіе, которые близъ него, потомъ да полагаетъ ихъ, первое, на челѣ своемъ, второе, на чревѣ своемъ, третье, на правомъ плечѣ и, четвертое, на лѣвомъ». Не излишнимъ считаемъ присовокупить, что эти поученія, послѣ перваго изданія, были издаваемы много разъ (въ послѣдній — въ 1844 г.), и всегда пользовались между православными греками великимъ уваженіемъ ⁽¹³¹⁾.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ (о недостовѣрныхъ не говоримъ, каковы свидѣтельства отъ иконъ, писанныхъ красками, будтобы весьма древнихъ, но неразъ поновлявшихся или представляющихъ перстосложенія изображенныхъ на нихъ лицъ крайне неотчетливо и неясно, возбуждающія только нескончаемые споры) ⁽¹³²⁾ оказывается,

креста *тремя персты* на главѣ и на сердцѣ и на правомъ плечѣ и на лѣвомъ, въ силу его облачимся.... вы же творите врестъ *двумя персты* на земли?« Но только слово: *тремя*, очевидное по смыслу рѣчи, выскоблено (такъ оно кому-то не понравилось!) и ничѣмъ не замѣнено (Сборн. Рум. Муз. № 358, л. 277). Подобное же чтеніе словъ Панагіота приведено въ Бесѣд. въ глагох. старообр., стр. 202, изд. 3.

⁽¹³¹⁾ К. Σαθα, *Νεοελληνική Φιλολογία*, σελ. 152 — 153. 'Εν Ἀθήναις, 1868. Вышеприведенное наставленіе Дамаскина въ подлинномъ текстѣ можно читать у *Λβα Αλληція* — De cons. occid. et orient. eccl. III, с. 18, п. 15, р. 1358, а въ славянскомъ переводѣ — въ Опис. рукописей Хлудова, стр. 145.

⁽¹³²⁾ Для примѣра можно указать на разборъ этихъ свидѣтельствъ отъ св. иконъ и другихъ свящ. изображеній, напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1869, II, 95—134.

что въ церкви православной, до временъ Стоглаваго собора, никогда не употреблялось, собственно для крестнаго знаменія, то двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе, какое подѣ клятвою заповѣдалъ этотъ соборъ (¹³³).

Какое перстосложеніе употреблялось въ церкви православной собственно для благословенія до временъ Стоглаваго собора? Ограничимся и здѣсь указаніемъ на свидѣтельства только достовѣрныя, неподлежащія сомнѣнію.

(¹³³) Что касается до римской церкви, о которой мы не упоминали, то, по изслѣдованіямъ одного ученаго иезуита, написавшаго въ 1598 г. особое сочиненіе о св. крестѣ, латиняне совершали, въ продолженіе вѣковъ, крестное знаменіе и благословеніе — и однимъ, и двумя, и тремя, и всѣми пятью перстами безразлично (*Jacobi Gretseri Opp. T. I, lib. IV, p. 338—340, Ratisbon. 1734*). Въ частности, объ употребленіи въ римской церкви двуперстнаго перстосложенія свидѣствуютъ: а) нѣкоторые памятники VIII — X в. (указанные въ соч. о. *Випоградова* — о *Феодорит. словѣ*, 50 — 53); б) такъ называемыя корсунскія врата въ новгор. соф. соборѣ, на которыхъ латинскій епископъ Александръ де Блущихъ представленъ съ двуперстнымъ благословеніемъ (*Филар. Бесѣд. къ глагол. старообр. 211—213, изд. 3*); в) извѣстныя уже намъ слова изъ пренія Панагіота съ азимитомъ. Объ употребленіи въ римской церкви троеперстія для крестнаго знаменія и благословенія говорятъ сами папы и ученые IX—XIII в., и именно: а) папа Левъ IV (847—855): *calicem et oblatam recta cruce signate, id est, non in circulo et variatione digitorum, ut plerimi faciunt, sed districtis duobus digitis et pollice intus recluso, per quos trinitas annuitur, istud signum recta facere stude; non enim aliter quidquam potestis benedicere* (*Mign. Patrolog. curs. compl. T. CXV, p. 667*); б) папа Иннокентій III (1198): *signum crucis tribus digitis exprimendum est ita, ut a superiori descendat ad inferius et a dextera transeat ad sinistram* (*De myster. missae lib. II, c. 45*); в) Лука епископъ Тудентскій въ Испаніи († 1288): *tribus digitis extensis, id est, pollice, indice et medio, duobus aliis digitis plicatis, sub invocatione Deificae Trinitatis nos et alios consignamus* (*Adversus Albigen. lib. II, c. 18, in Maxim. Biblioth. Patr. T. XXV, p. 233*). О сложеніи трехъ перстовъ для крестнаго знаменія говорятъ такъ же Гонорій, августодунскій пресвитеръ, жившій въ первой половинѣ XII в. (*Honorii Augustod. Gemma animae de antiquo ritu missarum, lib. I, c. 17, in Max. Bibl. Patr. T. XX, p. 1053*), Гибертъ Торнаценьскій, парижскій докторъ, — XIII в. (*Guibert. Tornacens. De officio episcopi, c. 2, in Max. Bibl. Patr. T. XXV, p. 402*) и Антоній Посевинъ — XVI в. (*De rebus Moscovit., у Старчев. II, 322*).

На мозаическихъ иконахъ знаменитаго собора цареградскаго, которыя недавно сдѣлались извѣстными по самому вѣрному и безпристрастному описанію одного ученаго иностранца, и по самымъ точнымъ копіямъ, имъ же снятымъ, мы находимъ до одиннадцати благословляющихъ рукъ—самого Спасителя и нѣкоторыхъ пророковъ, апостоловъ и святителей, и всѣ эти руки имѣютъ перстосложеніе именословное, однѣ—строго и явственно именословное, другія — менѣе строго и явственно; но нѣтъ ни одной руки, у которой было бы перстосложеніе двуперстное—старообрядческое, т. е. у которой бы «три персты, большій, безъимянный и мизинецъ, были равны вкупѣ». Вотъ предъ нами свидѣтельство о перстосложеніи для благословенія въ греческой церкви отъ VI до половины XV вѣка: потому что, хотя большая часть мозаическихъ иконъ софійскаго цареградскаго собора принадлежитъ несомнѣнно времени самого храмоздателя, императора Юстиніана, но нѣкоторыя слѣдуетъ относить уже ко времени императора Василия македонянина (IX в.), наложившаго на нихъ новую мозаику, а немногія — даже ко времени послѣдняго греческаго императора Іоанна Палеолога (XV в.), старавшагося такъ же о возобновленіи мозаикъ въ храмѣ ⁽¹³⁴⁾. Словесныхъ свидѣтельствъ о перстосложеніи для благословенія, употреблявшихся въ Греціи, извѣстно два: одно принадлежитъ патріарху константинопольскому Герману — VIII в., другое—неизвѣстному греку XII вѣка. Св. Германъ въ своемъ

(¹³⁴) Salzenberg, Alt-Christliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert, Berlin, 1854. См., въ частности, въ текстѣ: Agia Sofia, Einleitung und Geschichte, S. 14 — 16, а такъ же описанія и объясненія автора снятыхъ имъ изображеній Св. Софії.

истолкованіи церковныхъ службъ, имѣя въ виду господствовавшее тогда мнѣніе, что второе пришествіе Спасителя послѣдуетъ по истеченіи 1000 лѣтъ отъ рождества Его или 6500 лѣтъ отъ сотворенія міра, говоритъ, что это мнѣніе выражаетъ архіерей самымъ сложеніемъ перстовъ своей руки, когда благословляетъ народъ во время литургіи по прочтеніи евангелія: потому что сложеніе перстовъ благословляющей архіерейской руки, если персты переложить на числа, означаетъ 6500. Но для того, чтобы сложеніе перстовъ руки могло означать 6500, оно должно быть непремѣнно именословное ⁽¹²⁵⁾. Неизвѣстный грекъ XII в., въ своей статьѣ противъ латинянъ, содержащей перечень ихъ заблужденій, между прочимъ, написалъ въ обличеніе ихъ архипастырей слѣдующее: «нѣкоторые изъ нихъ пятью перстами какъ-то благословляютъ и пальцемъ лице знаменаютъ, подобно моноhelитамъ, между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы чрезъ нихъ означались два естества и три Лица, какъ показалъ Христосъ, когда, возносясь на небеса, воздвигъ руки свои и благословилъ учениковъ» ⁽¹²⁶⁾. Тутъ уже ясно указывается для благословенія

(125) Подробнѣе объ этомъ — Правосл. Собесѣд. 1858, II, въ статьѣ: Свидѣтельство VIII в. о сложеніи перстовъ въ священническомъ благословеніи (стр. 462 — 471).

(126) Въ латинскомъ переводѣ читается такъ: *Quinque digitis quomodo aliqui benedicunt et cum pollice faciem signant, tanquam monothelitae, cum igitur debeant disponi digiti in consignationibus, quod per eos duae naturae significantur et tres personae, prout Christus monstravit, quando in coelum ascensus discipulis manibus elevatis benedixit?* Статья неизвѣстнаго грека противъ римскаго первосвященника, въ которой находятся эти приведенныя нами слова, помѣщена, въ видѣ приложенія, въ латинскомъ сочиненіи: *tractatus contra errores Graecorum, editus Constantinopoli in aedibus fratrum praedicatorum anno Domini 1252*, и найдена этими латинскими монахами въ бумагахъ

сложеніе и двухъ и вмѣстѣ трехъ перстовъ, которое, если не по виѣшнему виду, вовсе здѣсь необозначенному, то по внутреннему смыслу, совершенно похоже на утвержденное Стоглавымъ соборомъ. Правда, послѣдняя половина приведеннаго нами свидѣтельства изъ статьи неизвѣстнаго грека находится только въ латинскомъ ея переводѣ, хотя и очень древнемъ, но не находится въ славянскомъ переводѣ этой самой статьи, которая еще съ XIII вѣка и до XIX постоянно помѣщалась въ нашихъ Кормчихъ, рукописныхъ и печатныхъ, подъ заглавіемъ: «*о фразехъ и о прочихъ латинахъ*». Здѣсь разсматриваемое свидѣтельство грека противъ латинянъ читается такъ: «(тіи же святители ихъ...) пятью перстъ страну нѣкако благословляютъ и послѣди пальцемъ лице прѣкрещаютъ», — и только, а всѣхъ послѣдующихъ словъ о сложеніи перстовъ для означенія ими двухъ естествъ и трехъ Лицъ, вовсе нѣтъ. Дѣло несбыточное, чтобы славянскій переводчикъ позволилъ себѣ намѣренно исключить эти слова, еслибы они находились въ греческомъ подлинникѣ и, особенно, еслибы она выражали собою общее вѣрованіе и общій обычай православной церкви касательно сложенія перстовъ для святительскаго благословенія; да и въ спискахъ греческаго текста, какіе нынѣ сдѣлались извѣстными, этихъ словъ дѣйствительно нѣтъ ⁽¹³⁷⁾. Гораздо избыточно, что они при-

латинскаго же писателя Гугона Етеріанскаго, жившаго во второй половинѣ XII вѣка (De la Bigne, Max. Biblioth. veterum Patr. T. XXVII, p. 590. 607. 608). Она такъ же помѣщена въ сочиненіи: *Observationes et notae in libros Calecae* (Max. Biblioth. Patr. T. XXVI, p. 467 — 468). Переводъ статьи очень плохъ и обличаетъ въ переводчикѣ не природнаго латинянина, а скорѣе грека, слабо знавшаго латинскій языкъ.

(¹³⁷) Статья *о Фразехъ*.... находится въ обоихъ нашихъ извѣстныхъ спи-

бавлены къ статьѣ, въ томъ или другомъ спискѣ ея, какимъ либо грекомъ, державшимся выраженного въ нихъ мнѣнія, какъ мнѣнія частнаго, и что съ такого-то списка, съ прибавленіемъ, статья и переведена на латинскій языкъ къ концу XII в., можетъ быть, даже тѣмъ же грекомъ, судя по крайнему неискусству перевода. Но во всякомъ случаѣ надобно допустить, что, по крайней мѣрѣ, въ видѣ частнаго или мѣстнаго обычая, такое двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе для благословенія гдѣ либо существовало въ Греціи въ XII вѣкѣ.

Въ Россіи есть свой знаменитый софійскій соборъ, кievскій, въ которомъ сохранились и мозаическія иконы и фрески XI вѣка. На этихъ иконахъ и фрескахъ, по самымъ безпристрастнымъ свидѣтельствамъ, можно различать троякое перстосложеніе благословляющихъ рукъ: а) строго-именословное,

скажъ Кормчей XIII вѣка: рязанскомъ 1284 г., который есть копія со списка, присланнаго въ 1262 г. нашему митр. Кириллу изъ Болгаріи (Импрск. Публ. библиот., собр. Толстов., отд. I, № 311, гл. 51), и Софійскомъ-новгородскомъ, пис. между 1280—1294 г. (Ундольск. Опис. этого списка, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. III, стр. 51), и потомъ встрѣчается во всѣхъ послѣдующихъ спискахъ, какъ рязанской, такъ и софійской фамиліи (см. наприм. Опис. рукъ Румянц. Муз. стр. 283. 293. 301). Приведенныя нами слова этой статьи взяты изъ выше-означеннаго рязанскаго списка XIII в. (л. 271); но въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ (наприм. Румянц. Муз. № 233, л. 248) и въ печатной Кормчей (по изд. первому гл. 48, а послѣднему гл. 47) они немного измѣнены и читаются такъ: „пятию персты странно нѣкако благословляютъ и посреди лице прекрещеваютъ“. Греческій текстъ этой статьи, по двумъ спискамъ, съ двумя латинскими переводами, новымъ и древнимъ, изъ котораго выше мы привели слова (въ примѣч. 136), изданъ Геренпротеромъ (Monumenta graeca, ad Photium ejusque historiam pertinentia, p. 62 — 71, Ratisbonae 1869), а потомъ перенечатанъ, съ славянскимъ переводомъ, по двумъ нашимъ Кормчымъ XIII в., А. Поповымъ (Историко-литер. Обзоръ древне-русс. полемич. соч. XI — XV в., стр. 58 — 69). Здѣсь именно сказано: *μετὰ τῶν πέντε δακτύλων πλαγίως πῶς κατασφραγίζονται καὶ ὅτερον μετὰ τῆς ἀντίχειρος τὴν ὀψιν ἐπισφραγίζουσιν.*

б) весьма и даже совершенно близкое къ двуперстному-старо-
обрядческому (которое, впрочемъ, какъ мы замѣтили выше,
можно вообще считать и за неточное, — именословное и могло
зависѣть просто отъ неискства иконописцевъ), и в) какое-то
неизвѣстное, въ которомъ указательный палецъ и мизинецъ
простерты, средній и безымянный вогнуты внутрь ладони,
а большой палецъ или не видѣнъ за ладонью, или про-
стертъ ⁽¹³⁸⁾. На нѣкоторыхъ саккосахъ нашихъ святителей
Петра, Алексія, Кипріяна, Фотія, на нѣкоторыхъ древнихъ
священныхъ сосудахъ, евангеліяхъ и греческихъ гривнахъ
встрѣчаются, кромѣ именословнаго, болѣе или менѣе стро-
гаго, и другія очень различныя перстосложенія для благо-
словенія совсѣмъ не похожія ни на именословное, ни на
двуперстное — раскольническое, которыя такъ же, вѣроятно,
иногда употреблялись или допускались въ церкви, если не
предположить, что все это разнообразіе въ изображеніяхъ
благословляющихъ рукъ зависѣло отъ неискства мастеровъ
и художниковъ ⁽¹³⁹⁾. Въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры
доселѣ хранится пелена, пожертвованная современнымъ митр.
Фотію в. к. московскимъ Васиіемъ Дмитріевичемъ (1389—
1425) на гробъ преп. Сергія, съ изображеніемъ на ней
самаго преподобнаго: здѣсь благословляющая рука чудотворца
Сергія изображена съ явственнымъ и точнымъ перстосложе-
ніемъ именословнымъ, и это изображеніе, шитое, остается

⁽¹³⁸⁾ Подробнѣе объ этомъ — въ статьѣ арх. Пиканора: „Цареград. церковь
Св. Софіи — свидѣтельница древле-прав. перстосложенія“, въ Правосл. Собесѣдн.
1870, III, 286—306.

⁽¹³⁹⁾ Изображенія этихъ различныхъ перстосложеній представлены въ книгѣ
м. Григорія: Истинно-древн. и истинно-правосл. Хр. Церковь, II, 121 — 126.
изд. 4.

доселѣ неизмѣннымъ ⁽¹⁴⁰⁾. Вотъ какое, значить, перстосложеніе употреблялось у насъ для благословенія при м. Фотіѣ!

Общій выводъ представляется самъ собою: въ числѣ перстосложеній, употреблявшихся въ православной церкви, втеченіе первыхъ XV вѣковъ, собственно для благословенія, находилось и то или весьма близкое къ тому, которое утверждено Стоглавымъ соборомъ. Но повторяемъ: *собственно для благословенія*.... А какъ же могло случиться, что это самое перстосложеніе стали употреблять вмѣстѣ и для крестнаго знаменія и когда это случилось? Какимъ образомъ, вмѣсто двухъ различныхъ перстосложеній, употреблявшихся у насъ еще въ первой половинѣ XV в., при митрополитѣ Фотіѣ, для благословенія и для крестнаго знаменія, могло возникнуть и потомъ распространиться и приобрѣсть силу только одно перстосложеніе для той и другой цѣли, такъ называемое двуперстное, утвержденное Стоглавымъ соборомъ? Припомнимъ сказанное нами прежде, что это двуперстное перстосложеніе, по внѣшнему виду, имѣетъ сходство съ именословнымъ и въ сложеніи собственно двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, даже совершенное сходство, а по внутреннему смыслу старается совмѣстить въ себѣ оба перстосложенія, и именно словное и троеперстное: итакъ, не изъ нихъ ли непосредственно и возникло оно самымъ естественнымъ и непримѣтнымъ образомъ? Какому нибудь грамотѣю, любившему поумствовать, легко могло придти на мысль, зачѣмъ это въ церкви употребляются два разныхъ перстосложенія для благословенія и крестнаго знаменія, когда совершенно удобно

(140) Филар. Бесѣд. къ глагол. старообр., стр. 240.

совмѣстить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла? Для благословенія слагаются всѣ пять пальцевъ правой руки, во имя Іисуса Христа, и выражаютъ собою — ІС. ХС.; а совершенно достаточно слагать только два перста, указательный и средній, выражающіе собою ІС., во имя Іисуса, въ двухъ Его естествахъ. Для крестнаго знаменія слагаются три первые перста правой руки во имя Пресв. Троицы, а можно слагать во имя Пресв. Троицы и тѣ самые три перста правой руки, которые при благословеніи слагаются для означенія имени Христа — ХС., т. е. большой палецъ съ безымяннымъ и мизинцемъ. И выйдетъ изъ двухъ перстосложеній одно, съ сохраненіемъ ихъ знаменований. Родившись въ головѣ какого либо грамотѣя, такая мысль, какъ согласная съ духомъ православія, могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотѣями, и чрезъ нихъ мало по малу распространяться. Или дѣло совершилось еще проще: какой либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о различіи между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ, и тѣмъ, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, могъ остановиться на соображеніи, что первое перстосложеніе, какъ употребляемое пастырями церкви, должно быть болѣе священнымъ и болѣе сильнымъ предъ Богомъ, а вслѣдъ затѣмъ перейти къ выводу, что гораздо лучше и цѣлесообразнѣе это же самое пастырское перстосложеніе употреблять и всѣмъ вѣрующимъ для крестнаго знаменія. И эта мысль, подобно изложенной нами выше, какъ непротивная вѣрѣ и благочестію, могла такъ же найти себѣ послѣдователей между вѣрующими и послужить началомъ для посте-

пennaго распространeнiя двуперстно — троеперстнаго персто-
сложенiя и для крестнаго знаменiя, по крайней мѣрѣ, въ видѣ
частнаго обычая.

Какъ бы то ни было впрочемъ, вѣрны или невѣрны выска-
занныя нами предположенiя, — но необходимо допустить, что
если не раньше, то и не позже второй половины XV вѣка,
у насъ появились уже ревнители ученiя, что для благословенiя
и крестнаго знаменiя должно употреблять одно и тоже сло-
женiе перстовъ, двухъ и трехъ: появились именно у насъ,
а не въ Греции, гдѣ, какъ мы видѣли, даже въ началѣ XVI в.,
еще продолжали учить вѣрующихъ креститься только тремя
перстами. Эти ревнители, для распространенiя своего излюблен-
наго ученiя, старались приписывать разныя книжныя дока-
зательства, и одинъ изъ нихъ не смутился даже составить
самъ подложное слово (дѣло тогда у насъ довольно обыкно-
венное!) подъ именемъ св. *Теодорита*, како благословити и
креститися, въ которомъ, изложивъ ученiе о сложенiи трехъ
перстовъ въ образъ Пресв. Троицы, и о сложенiи двухъ
перстовъ для означенiя двухъ естествъ во Христѣ, безъ
объясненiя впрочемъ, какихъ именно перстовъ, въ заключенiе
прибавилъ: «такъ святыми отцы указано и узаконено». Слово
песомнѣнно подложное и вовсе не принадлежитъ блж.
Теодориту, епископу кирскому; но тогда у насъ не знали
по-гречески, не умѣли отличить подлинныхъ сочиненiй отече-
скихъ отъ подложныхъ, а съ благоговѣнiемъ принимали все,
что выдавалось отъ имени св. отцевъ. ⁽¹⁴¹⁾, — и вотъ

(141) Знакомому съ нашею древнею письменностiю очень хорошо извѣстно,
какъ часто подъ именами то Златоуста, то Григорiя богослова, то другихъ св.

къ концу XV в. мнимое слово Θεодорита, како благословити и креститися, переписывалось уже и въ Кормчія книги и въ другіе Сборники (¹⁴²). Недовольствуясь однимъ словомъ Θεодоровымъ, въ тоже время стали ссылаться, въ подтвержденіе своего ученія, еще на искаженную повѣсть о св. Мелетіѣ антиохійскомъ. По греческимъ историкамъ въ ней рассказы-

отцевъ выдавались у насъ сочиненія, несомнѣнно русскія. „Противълся жгешловесникомъ,—писалъ въ XVI в. князь Курбскій къ одному старцу въ Печерскій монастырь,—преобразующимся въ истовые учителя, и пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена свои скрывше, да не обличены будутъ, и *подписуютъ ихъ на святыхъ имена*, да удобно ихъ писаніе приежется простыми и менаученными“... И далѣе: „стада вѣрныхъ нещадно расточаютъ и апостольская словеса превращаютъ, развращеннѣ толкуютъ и на святыхъ хулу возлагаютъ, пачеже на Златоуста клеветами ополчаются, и отъ книгъ русскихъ емлючи словеса развращенны отъ Еремея попа болгарскаго и иныхъ таковыхъ, на *Златоустово имя подписано и на иныхъ святыхъ*, яко щиты себѣ носятъ.... И вѣрныхъ, тяжущихся съ ними по невѣдѣнію, они, за словеса святыхъ, удобно одолеваютъ, яко безотвѣтныхъ, и отъ истиннаго путіа на прелесть свою возводятъ“ (Рукоп. Сборн. бывшей библ. Погодина, № 208, стат. 19. 20). О подложности означеннаго Θεодоритова слова см. отзывъ греческихъ патріарховъ и вообще отцевъ московскаго собора 1667 г. (Дополн. Акт. Ист. V, 502—503) и замѣчанія ученаго грека Нилифора Θεотоки (Отвѣт. старообр., 133).

(¹⁴²) Сколько доселѣ извѣстно, оно въ первый разъ встрѣчается въ двухъ книгахъ Соловецкой бібліотеки, писанныхъ въ концѣ XV в. въ Новгородѣ для священноинока Досиея: въ Кормчій № 858, л. 472 об., и въ Сборникъ № 802, л. 201 об.,—и въ тогдашнемъ видѣ читалось такъ: „Слово святаго Θεодорита, како благословити и креститися. Сице благословити и креститися рукою: *три персты равны имъти вкупе* по образу троичьку. Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый, не тріе суть божѣ, но единъ Богъ въ Троицѣ, имени раздѣляется а божество едино; Отецъ не рождень, а Сынъ рождень, а Духъ Святый ни рождень, ни созданъ, но исходя; тріе во единомъ божествѣ, едина сила, едина честь, едино поклоняніе отъ всеа твари, отъ Ангель, отъ человѣкъ. Тако *тѣмъ тремъ перстамъ указъ! А два перста имъти наклонена, а не разпростерта*, и тѣмъ указъ тако: то образуетъ двѣ естествѣ божество и человѣчество, Богъ по божеству, а человѣкъ по вочеловѣченію, а въ обоємъ съвершенъ. Вышній же прѣстъ образуетъ божество, а нижній человѣчество: понеже съшеде отъ вышнихъ и снисъ нижняя. То съзбеніе прѣсто утолкуетъ: преклони бо небеса и сице наше ради спасенія. Тако святыми отци указано, и узаконено. Ему же слава Отцу и Сыну и Святому Духу *нынѣ и присно и в: в: аминь*“ (Снес. *Ипат.* Истана Солов. обит., 87—8; Правосл. Собесѣдн. 1860, II, стр. 322). Кромѣ того это

валось, что Мелетій, когда православные просили его на антиохійскомъ соборѣ выразить кратко ученіе о единосущной Троицѣ, показаль сначала три перста, а потомъ, два изъ нихъ пригнувъ, простеръ одинъ и изрекъ: трехъ разумѣмъ, а говоримъ какъ объ одномъ ⁽¹⁴³⁾. Въ нашихъ древнихъ Прологахъ, подъ 12 числомъ февраля, повѣсть эта излагалась не одинаково, напримѣръ, въ Прологѣ XIV вѣка—такъ: «(Мелетій) *три* показа имъ персты и не бысть имъ знамення, потомъ совокупль я и, *единъ* пригнувъ, благослови люди, и пзыде отъ него огнь, яко молнии, и достохвальный онъ пспусти гласъ: три убо разумѣмъ, о единомъ же бесѣдуемъ» (Имперск. публ. библ., Древлехран. *Погодин.*, № 59, пергам.); въ Прологѣ начала XVI вѣка — такъ: «три показа имъ персты и...., потомъ два совокупль, а *единъ* *протягнувъ*, благослови».... и проч. (тойже библ. и Древлехран.; № 618). Въ обоихъ этихъ Прологахъ сказаніе передается еще довольно близко къ греческимъ подлинникамъ. Но въ Прологѣ, писанномъ въ 1432 г. въ Новгородѣ, читаемъ: «три показа..., *потомъ* *два* *совокупль*, а *единъ* *пригнувъ*, благослови».... (тойже библ., въ лист., отд. I, № 48, пергамен.); тоже самое — и въ Прологѣ 1481 года (тойже библ., въ лист., отд. I, № 311). Наконецъ, въ одномъ Сборникѣ къ концу XV в. на эту повѣсть ссылаются уже въ подтвержденіе ученія о двуперстіи и въ ней излагается, будто св. Мелетій

же Феодоритово слово два раза помѣщено въ Сборникѣ XV вѣка Моск. Синод. библ. № 316 (Опис. этой библ. II, 3, стр. 570. 585).

⁽¹⁴³⁾ Созомен. Церк. Истор. кн. IV, гл. 28, стр. 299, С. п. 6. 1851; Феодорит. Церк. Истор. кн. II, гл. 31, стр. 192, С. п. 6. 1852; Nicephor. Callist. Eccles. Hist. lib. IX, с. 48.

сначала «показа персты три...., и не бысть знаменія; посемъ же два совокупь, а трети пригну и благослови люди, и изыде отъ него яко огонь молніи, — достохвальный онъ испусти гласъ: *тріе* убо разумѣмъ, о *единомъ* же бесѣдуемъ» (144). Искаженіе очевидное! Но и этимъ не ограничи-

(144) Сборникъ библ. Кирилло-бѣлов. монаст., нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1088, л. 263—265. Считаемо нужнымъ представить здѣсь изъ этого Сборника всю статью, въ которой искажена повѣсть о св. Мелетіѣ и на которую намъ неразъ придется ссылаться. Вотъ она: „*Како подобаетъ крестити рукою.* Крестити и благословити: два долнѣе, а третій верхній с долними перста; тоже согбеніе персту толкуеть: прѣклон. бо небеса и снѣде нашего ради спасенія; а два верхнѣйша, сими же двѣма благословити во божество и чловѣчество. Креститися подобаетъ и благословити: персты 3 совокупити низу, а два верхніе куино, тѣми благословити и креститися въ божество и чловѣчество. Также и Мелентій савастійски и Феодоритъ научають насъ, и инде. Мелентій савастіиски епископъ, житіемъ и словомъ славенъ зѣло, безчинія же ради сущихъ подъ рукою его, отрекся епископїи и бысть в безмолвіи. Тогда еретици мнѣвше, яко мудрствуетъ с ними Мелентій, просиша его у царя, да будетъ патріархъ, еже и бысть. И посемъ, бывшу собору о вѣрѣ единосущества и аріаномъ, инако глаголющимъ, Мелентій же божественнаго правила показа явленіе; людемъ же просящимъ скорое ученіе отъ Бога показати, он же показа персты 3 во Отець и Сынъ и Святой Духъ, и не бысть знаменія; посемъ же Мелентій два съвокупь, а трети пригну, и благослови люди, и изыде отъ него, яко огонь молніи, — достохвальный онъ испусти гласъ: *тріе* убо разумѣмъ, о *единомъ* же бесѣдуемъ, — и тако посрами еретики. И по-семъ в Константинь градъ прииде, отъ великаго царя Феодосія зѣло почтенъ бысть сей святей. Нїарастѣйшая обители физими. И паки множайшаго ради увѣренія, написама и устроипа и проповѣдаша, сїце глаголющи: иже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да естъ проклятъ. Да никтоже, прѣступивъ сїе, в развращенная сидеть: понеже совокупленно таково свидѣтельство отъ богопросвѣщенныхъ и св. отецъ. Аще и нѣцїи покусїшася, глагола сїце: яко *подобаетъ креститися тремя персты, а благословити двѣма*, — мняще, яко в тѣхъ писанїихъ глаголетъ 3 персты благословити; и велми глаголють, яко 3 персты, по высочайшїи к долнимъ двѣма, и тѣ трїе персты; и воистину и азъ неотлагаю трїехъ персть, а благословенныя верху два перста, божество и чловѣчество. И нехотѣша святїи писати первое дву и потому трїехъ, но, шествїа ради к долнимъ Христа Бога нашего с небесе, прилагають горній ко двѣма нижнимъ, и тако Троица зовется, а оставшее отъ нихъ божество и чловѣчество. И паки в тѣхъ во всѣхъ едина сила, и едина честь, и едино равенство нераздѣлно Отца и Сына и Святаго Духа, божество неосязанно, и непостижно трисолнечное озареніе. Приидѣте, любимици мои, во увѣреніе послѣдующе святымъ реченіемъ, и не своя мудрствуемъ, да не угриземъ

лись, а тогда же изобрѣлъ еще третье основаніе для ученія о двуперстіи, сдѣлавъ новую порчу. Въ нашихъ рукописныхъ Кормчихъ и другихъ рукописяхъ, не раньше-впрочемъ XV в., встрѣчается чпѣ припята Хвалсянъ (армянь) и другихъ еретиковъ, обращающихся къ православію; въ этомъ чпѣ, между прочимъ, находится такая статья: «иже не креститъ (т. е. не благословляетъ) двѣма перстома, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ». Рѣчь тутъ, безъ сомнѣнія, только о благословеніи, а вовсе не о крестномъ знаменіи, — ибо Христосъ только благословлялъ, но самъ не крестился, — и статья имѣла цѣлю оградить противъ еретиковъ православное, т. е. пменословное перстосложеніе, которое, по двумъ наиболѣе выдающимся въ немъ перстамъ, можетъ называться и двуперстнымъ. Но къ концу XV вѣка въ нѣкоторыхъ нашихъ Сборникахъ, статья эта излагалась уже въ слѣдующемъ видѣ: «иже не крестится или не знаменуется двумя персты, якоже и Христосъ (Христосъ крестился!), да есть проклятъ» (¹⁴⁵). Такимъ образомъ къ концу XV вѣка уже при-

въ невѣрія смертнѣмъ; понеже Василей кесарійскій завѣщаетъ, глаголя: о божественномъ и неизреченномъ свѣтѣ непытати множае, но познавати, якоже написаша намъ святы, да не когда снидемъ въ глубину золь; того ради запрещаетъ невысокоумрствовать. Поклоняюся и древу честнаго креста, обѣшеннаго на немъ ради плотію Господа, и всему образу живоотворящаго креста. Ины два слова писаны во книзѣ, идѣже сначала лѣтописецъ“. Надобно прибавить, что эта статья, какъ и весь Сборникъ, писаны въ Кирилло-бѣлоз. монастырѣ рукою писка Евфросина около 1490 г., какъ видно изъ его собственной замѣтки (л. 217), и что въ томъ же монастырѣ и тѣмъ же инокомъ Евфросиномъ и почеркомъ написанъ въ 1476 — 1482 г. и другой Сборникъ означеннаго монастыря, нынѣ С. н. б. дух. акад. № 1083, какъ свидѣлствуютъ замѣтки самаго же писца (л. 78 об. и 218), а равно и Сборникъ 1473—1477 г. бывшей библіотеки Царскаго № 363 (Опис. ея стр. 335. 363).

(¹⁴⁵) См. статью въ предыдущемъ примѣчаніи, а такъ же Сборн. XV в. Москв. Синод. библи. № 316, л. 12 об. (Опис. стр. 571). О прочемъ — въ нашей Ист.

думаны были всѣ три доказательства, на которыхъ потомъ Стоглавый соборъ утвердилъ свое постановленіе о сложеніи трехъ и двухъ перстовъ для благословенія и крестнаго знаменія, хотя нельзя не замѣтить, что какъ второе доказательство (сказаніе о Мелетіѣ), такъ и третіе, даже въ своемъ искаженномъ видѣ, вполнѣ не соотвѣтствуютъ цѣли: они вовсе не говорятъ о сложеніи трехъ перстовъ, — чего требуетъ Стоглавъ, а говорятъ только о двухъ перстахъ; второе же вовсе не говоритъ и о крестномъ знаменіи, упоминая лишь о благословеніи.

Достойно замѣчанія, что ни въ одной изъ этихъ трехъ статей не опредѣлено еще, какіе три перста совокуплять во образъ Пресв. Троицы и какіе два — въ образъ двухъ естествъ во Христѣ; но къ концу того же XV вѣка сдѣлана была и попытка опредѣлить эти персты, которая гласила, что надобно слагать персты — *верхній съ двумя дольными* во образъ Троицы, а *два верхнѣйшихъ* — въ божество и человѣчество. Такая неумѣлость и неискучство въ наименованіи самихъ перстовъ, двухъ и трехъ, для крестнаго знаменія, и вообще въ изложеніи ученія объ этомъ предметѣ, какія мы

русс. раскола, 60—64. Этотъ чинъ принятія еретиковъ находится такъ же въ рукоп. Требникѣ нашей библ., № 89, нач. XVI в., и здѣсь означенная статья читается такъ: „иже не креститъ двѣма прѣстома, якоже и Христось, да будетъ проклятъ“ (— стр. 331). Но въ Требн. Москов. Синод. библ. XVI в. № 378, л. 470, статья эта говоритъ уже о двуперстномъ знаменованіи себя крестомъ (Опис. III, I, стр. 233). Прибавимъ еще, что въ Кормчей Новгород. Соф. библиотеки, нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1173, л. 296 об., означенная статья читается: „иже не креститъ двѣма перстома, якоже и Христось, да будетъ прокляти“; равно и въ двухъ Кормчихъ Кирилловской библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., XVI в. № 1079, гл. 100, и 1590 г. № 1078, гл. 100, читается: „иже не креститъ двема прѣстома, яко Христось, да будетъ проклятъ“.

видимъ здѣсь у неизвѣстнаго автора и сейчасъ увидимъ у другихъ писателей, изъ которыхъ каждый называлъ персты по своему и неудачно, всего яснѣе свидѣтельствуютъ, что тогда это ученіе было еще очень ново, и что для точнаго выраженія его еще не уяснились понятія, не выработался языкъ, не установилась терминологія ⁽¹⁴⁶⁾. Да и на что потребовались всѣ эти доказательства въ пользу двуперстія и вмѣстѣ троеперстія, еслибы такое перстосложеніе не было въ то время у насъ «новшествомъ» и всѣми употреблялось? Очень естественно, что находились тогда и между грамотѣями люди, которые старались отстаивать два прежнихъ, издревле существовавшихъ въ нашей церкви перстосложенія, одно для крестнаго знаменія, а другое для благословенія, и говорили: «яко подобаетъ креститься тремя персты, а благословити двѣма», — для чего указывали даже на то, что въ самомъ словѣ Θεодоритовомъ сперва говорится о трехъ перстахъ, а потомъ о двухъ; но ревнители двуперстія оставались непреклонными въ своемъ мнѣніи и отвѣчали имъ уклончивыми и невразумительными толкованіями ⁽¹⁴⁷⁾.

Въ такомъ видѣ ученіе о двуперстіи перешло въ XVI столѣтіе, и въ самомъ началѣ этого столѣтія Θεодоритово слово находимъ въ одномъ хронографѣ, а всѣ три статьи, — и Θεодоритово слово, и сказаніе о Мелетіѣ, и проклятіе на некрестящихся двумя перстами, — въ одной Слѣдованной Псал-

⁽¹⁴⁶⁾ См. статью, помѣщенную въ примѣч. 144, и сравн. съ слѣдующими за симъ свидѣтельствами о сложеніи перстовъ автора „Домостроя“, митроп. Даніила и Максима грека, да и самаго Стоглаваго собора.

⁽¹⁴⁷⁾ См. ту же статью въ примѣч. 144.

тыри (¹⁴⁸). Въ первой четверти столѣтія, если не прежде, авторъ «Домостроя» внесъ Θεодоритово слово въ свое сочиненіе безъ всякихъ перемѣнъ, но отъ себя пояснилъ, что три перста во образъ Троицы суть *крайній да два нижнихъ*, а два перста во образъ двухъ естествъ во Христѣ—*средній и другой при немъ* (¹⁴⁹). Затѣмъ слово Θεодоритово помѣстилъ въ «Сборникѣ» своихъ сочиненій и самъ митрополитъ Даниилъ (1522—1539), и уже въ такомъ видѣ: «сиче благословити рукою и креститися: три персты равно имѣти вкупѣ, *большой да два послѣднихъ*, по образу Троическому..., а два перста имѣти наклонена, а не простерта..., *вышній* перстъ образуетъ божество, а *нижній* перстъ образуетъ человечество»... и проч., т. е. помѣстилъ со внесеніемъ поясненія о перстахъ въ самый текстъ слова (¹⁵⁰). Вопросъ о крестномъ знаменіи считался тогда дѣломъ величайшей важности, и извѣстный старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филофей, въ своемъ посланіи къ вел. князю Василю Ивановичу (1505—1533), указывалъ ему, какъ на первую задачу его

(¹⁴⁸) См. Хроногр. Румянц. Муз. № 454 (Опис. стр. 735. 736), а объ означенной Слѣдованной Псалтыри въ Правосл. Собесѣдн. 1870, III, 38—44. 83—85.

(¹⁴⁹) Некрасов. О происх. Домостроя, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1872, III, отд. I, 61. Здѣсь приведены подлинныя слова изъ Домостроя, по списку первой четверти XVI вѣка.

(¹⁵⁰) Справедливость требуетъ замѣтить, съ одной стороны, что м. Даниилъ могъ не самъ сдѣлать это поясненіе или прибавленіе, а найти его въ какомъ либо прежнемъ спискѣ Θεодоритова слова и только переписать въ свой Сборникъ, а съ другой—что это пояснительное прибавленіе могло быть внесено въ Сборникъ Даниила и послѣ его смерти какимъ либо переписчикомъ: ибо хотя Сборникъ Данииловъ сохранился и въ спискѣ XVI в. (моск. дух. акад. № 197), но это не подлинникъ руки Данииловой, — въ немъ недостаетъ цѣлой послѣдней части послѣдняго слова, которая, однакожъ, находится въ другихъ, хотя болѣе позднихъ, спискахъ и, безъ сомнѣнія, была въ подлинникѣ.

царствованія, чтобы онъ научилъ своихъ подданныхъ правильно полагать на себѣ крестное знаменіе, чего многіе изъ нихъ не дѣлали, — хотя о перстосложеніи здѣсь прямо не говорится и не видно, какого перстосложенія держался самъ Филоеѣй⁽¹⁸⁴⁾. Обращались съ этимъ вопросомъ и къ Максиму греку, и онъ, будтобы, подобно митр. Даниилу, стоялъ за двуперстіе и отвѣчалъ согласно съ словомъ Θεοδοριτω-вымъ, наименовавъ, по своему, самые персты («совокупленіемъ тріехъ перстовъ, сирѣчь *пальца и еже отъ средняго и малаго*, тайну исповѣдуемъ богоначальныхъ тріехъ *Упоста-сей...*, протяженіемъ же *долгаго и средняго* сошедшаяся два естества во Христѣ»...), — если только не предположить, что сказаніе Максима о крестномъ знаменіи испорчено еще первымъ собирателемъ его сочиненій, вскорѣ послѣ его смерти⁽¹⁸⁵⁾.

Такимъ-то образомъ, еще до Стоглаваго собора, продолженіе, можетъ быть, цѣлаго столѣтія, мало по малу подготавлилось и распространяемо было у насъ ученіе о двуперстіи нашими книжниками и грамотѣями: неудивительно, если и

(184) Посланіе это въ Прав. Собесѣдн. 1863, I, 343—348.

(185) Оно помѣщено между сочиненіями Максима: въ спискѣ XVI в. М. Синод. библи. № 191, л. 64 об. (Опис. II, 2, 525); въ спискѣ конца XVI в. бывшей библи. Царскаго № 241, л. 223 (Опис. 204), въ спискѣ 1587 г. бывшей библиот. Ундольскаго № 487, л. 128 (Опис. 332), и даже въ древнѣйшемъ спискѣ библи. Хлудова, писанномъ въ 1563 г., т. е. спустя шесть-семь лѣтъ по смерти Максима, № 73, гл. 40 (См. *Попоз.* Опис. рукоп. Хлудова, стр. 150—152, М. 1872). То было еще первое время послѣ Стоглаваго собора, и ревнитель двуперстія, собирая сочиненія Максима, легко могъ или только исказить по своему сочиненіе его о крестномъ знаменіи или даже приписать Максиму собственное издѣліе. А можетъ быть, Максимъ писалъ свои статьи о крестномъ знаменіи и сугубой аллилуіи уже послѣ Стоглаваго собора, и въ этихъ статьяхъ, какъ думаютъ (Бесѣд. къ глагол. старообр. стр. 194, изд. 3), только оказалъ снисхожденіе къ господствовавшему предубѣжденію, дабы еще болѣе не раздражить противъ себя своихъ враговъ.

успѣло оно пріобрѣсти себѣ жаркихъ послѣдователей и приверженцевъ преимущественно между книжными же людьми. Но въ массы народа оно не проникало или проникало весьма мало: тамъ продолжали креститься по - старому, тремя перстами, какъ научились отъ предковъ. Это засвидѣтельствоваъ самъ царь на Стоглавомъ соборѣ, когда сказалъ: «христіане *рукою* крестятся *не по существу*», что означало: «христіане рукою крестятся *не двумя перстами*», какъ и поняли царя отцы собора, и потому постановили извѣстное правило о двуперстіи, для настырей и мірянъ. И, замѣчательно, царь не сказалъ: «нѣкоторые христіане»..., а сказалъ вообще: «христіане рукою крестятся не по существу». Это показываетъ, какъ велико еще было тогда число державшихся троеперстія. Происходили ли на Стоглавомъ соборѣ разногласія и споры по вопросу о перстосложеніи для благословенія и крестнаго знаменія? Свѣдѣній объ этомъ не сохранилось никакихъ; но сомнительно, чтобы происходили: такъ какъ на соборѣ присутствовали все лица, болѣе или менѣе, книжныя, которыя знали, что написано объ этомъ предметѣ въ употреблявшихся тогда свидѣтельствахъ, и при томъ написано отъ имени св. отцевъ, и привыкли вѣрить всему написанному. Гораздо вѣроятнѣе, что члены собора, безъ долгихъ колебаній, постановили свое знаменитое правило о двуперстіи и, въ основаніе своего опредѣленія, «по простотѣ и невѣжеству», привели и слово Θεодоритово, нимало не подозрѣвая его подложности, и повѣсть о св. Мелетіѣ, не замѣчая въ ней очевиднаго искаженія, и столько же искаженную статью съ проклятіемъ на некрестящихся двумя перстами, которую изложили въ своемъ опредѣленіи даже два

раза, сперва такъ: «аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ», а чрезъ нѣсколько строкъ такъ: «иже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ». Вотъ какъ, наконецъ, ученіе о двуперстіи, столько времени проводившееся у насъ только путемъ книжнымъ, достигло своей высшей силы:—утверждено цѣлымъ соборомъ и даже возведено на степень догмата, ограждено проклятіемъ! Это проклятіе въ дѣлѣ совершенно обрядовомъ, узаконившее для всѣхъ и навсегда одно только двуперстіе для благословенія и крестнаго знаменія и поразившее анаевою всѣхъ православныхъ—грековъ, русскихъ и прочихъ, которые употребляли другое перстосложеніе, было величайшею ошибкою Стоглаваго собора. Рано или поздно, оно неизбежно должно было вызвать и дѣйствительно вызвало, чрезъ столѣтіе съ небольшимъ, новое проклятіе, но только павшее уже на крестящихся двумя перстами по Стоглаву, и послужило, хотя отдаленною, но самую коренною и главнѣйшею причиною русскаго раскола.

Теперь, казалось, уже не нужно было для распространенія ученія, утвержденнаго соборомъ, употреблять порчи прежнихъ сочиненій, хотя и отъ этого не отказывались ⁽¹⁸³⁾; теперь за распространеніе двуперстія принялись сами духовныя власти. Митрополитъ Макарій разсылалъ свои наказныя

(183) Въ доказательство указываемъ на извѣстную уже намъ статью Панагіота: въ двухъ книжкахъ Макарьевскихъ Чети-миней, декабрьской и іюньской, писанныхъ до Стоглаваго собора, она укоряла латинянъ, зачѣмъ они не крестятся тремя перстами; а въ книжкѣ августовской, писанной послѣ Стоглаваго собора, укоряетъ уже, зачѣмъ не крестятся двумя перстами.

граматы по всей Россіи, къ духовенству бѣлому и монашествующему, съ наставленіями о двуперстіи; всѣ епархіальные архіереи обязаны были имѣть у себя книгу Стоглавъ и ею руководствоваться; къ тому же обязывались и всѣ поповскіе старосты (благочинные) и мѣстные соборы (¹⁵⁴). Есть, однакожь, свидѣтельства, что и теперь, несмотря на все вліяніе духовенства, ученіе о двуперстіи, особенно въ началѣ, имѣло мало успѣха (¹⁵⁵); что троеперстія продолжали держаться по мѣстамъ въ нѣкоторыхъ нашихъ обителяхъ (¹⁵⁶); что и подъ конецъ XVI столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія употреблялось еще, хотя уже вмѣстѣ съ двуперстіемъ (¹⁵⁷). Есть прямыя и неоспоримыя свидѣтельства, что даже въ началѣ XVII в. троеперстіе для крестнаго знаменія не только не было вытѣснено у насъ, но оставалось еще господствующимъ въ Россіи, какъ и въ Греціи.

(¹⁵⁴) Акт. Эксп. I, № 232, стр. 227. 228.

(¹⁵⁵) Въ такомъ смыслѣ можно понимать извѣстныя слова бывшаго троицкаго игумена Артемія, сказанныя въ 1534 г., что „на соборѣ де о крестномъ знаменіи слово было, да недоспѣли ничего“ (Акт. Эксп. I, стр. 252).

(¹⁵⁶) Въ 1567 г. іеромонахъ Ошевенской обители Θεодосій составилъ житіе преп. Александра Ошевенскаго и въ концѣ житія, описывая случившееся надъ нимъ самимъ чудо, между прочимъ сказалъ: „и увѣдѣхъ бывшаа надъ собою, яко десная моя рука ослабѣ, дѣнь же о залясти согнуся, *три же персты верхніа* едва возмогохъ вмѣсто содвинуги, иже на лицы своемъ *крестное знаменіе* *воображати*, два же перста нижнихъ ко длани прикорчипаша“. Этотъ іеромонахъ крестился, очевидно, тремя перстами (Славяно-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № 276, житіе Александра Ошевен. XVI в., Опис. стр. 214—215).

(¹⁵⁷) Сохранилась Стѣдованная лицевая Псалтырь, писанная въ 1594 г., въ Москвѣ, по повелѣнію боярина Дим. Иван. Годунова, со множествомъ иконописныхъ изображеній на поляхъ рукописи. Тутъ можно насчитать болѣе 100 рукъ, сложенныхъ для благословенія и для крестнаго знаменія, и между ними встрѣчаются и съ троеперстнымъ сложеніемъ, и съ двуперстнымъ, и съ именованнымъ (Прав. Собесѣдн. 1869, III, 105—124. 185—211). О другомъ экземплярѣ этой самой Псалтыри, писанной тѣмъ же писцомъ, см. Прав. Соб. 1870, III, 92—110.

Иностранецъ Петрей, родомъ шведъ, который, по его собственнымъ словамъ; нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, еще при Борисѣ Годуновѣ (1598—1604) и послѣдующихъ царяхъ до Михаила Ѳеодоровича, посломъ отъ своего государя, нѣсколько лѣтъ жилъ между русскими, тщательно наблюдалъ ихъ вѣру и обряды и вносилъ въ свою лѣтопись лишь то, что видѣлъ своими глазами, вотъ какъ описываетъ крестное знаменіе у русскихъ: «въ домахъ у москвитянъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, есть живописные образа....; при всякомъ входѣ и выходѣ они кланяются и крестятся предъ образами....; особливо когда идутъ спать, встаютъ съ постели, выходятъ изъ-за стола или изъ дому, и опять входятъ въ него, они наклоняютъ голову и *крестятся три раза тремя согнутыми перстами, большимъ, указательнымъ и самымъ длиннымъ*».....⁽¹⁵⁸⁾. А о грекахъ вотъ что говоритъ ученый грекъ Христофоръ Ангелъ, уроженецъ целопонесскій, который, вслѣдствіе гоненій за вѣру, принужденъ былъ въ 1608 г. удалиться въ Англію и тамъ издалъ впоследствии небольшое сочиненіе о своихъ соотечественникахъ: «когда входятъ они въ церковь, каждый идетъ на свое мѣсто и, ставши, снимаетъ шапку или головной уборъ, и *соединяетъ три перста правой руки, т. е. первый перстъ и второй и третій вмѣстѣ*, знаменуя, что Богъ есть святая Троица, и

⁽¹⁵⁸⁾ Петрей Исторія о вел. князествѣ москов., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. IV, стр. 401—402. Подобное же свидѣтельство находимъ и у секретаря Голштинскаго посольства, бывшаго у насъ въ 1633, 1636 и 1638 г., Адама Олеарія, который говоритъ: «русскіе для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ употребляютъ сложенными *три главныя перста* правой руки» (Олеар. Опис. путешествія Голшт. посольства въ Московію, кн. III, гл. 26, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1868—1870).

полагаетъ три соединенные перста сперва на чель въ знакъ того, что св. Троица находится на небѣ; а потомъ полагаетъ на чревь въ означеніе того, что Сынъ Божій и Слово сошелъ на землю и воплотился, и распятъ былъ и умеръ за наши грѣхи; далѣе полагаетъ на правомъ плечѣ, показывая, что Онъ восшелъ изъ ада и возсѣлъ одесную Отца; наконецъ полагаетъ на лѣвомъ плечѣ, выражая (мольбу), чтобы Онъ не оставилъ насъ ошуюю (на страшномъ судѣ), во избавилъ насъ отъ лѣвой страны» (¹⁵⁹). Спросимъ теперь послѣдователей Стоглава: какимъ же это образомъ могло случиться, что въ началѣ XVII столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія было господствующимъ и въ Греціи и даже въ Россіи, если справедливо, какъ вы утверждаете, что не только со времени Стоглаваго собора, но и прежде его и вообще изначала въ церкви православной употреблялось только одно истинное перстосложеніе—двуперстное?

Перейдемъ къ вопросу объ аллилуйи. Нынѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ нѣкоторыхъ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, еще XIV вѣка, правда, немногихъ, двухъ—трехъ, изъ которыхъ одна принадлежала митрополиту Кипріану, а другая, кажется, московскому Чудову монастырю, встрѣчаются

(¹⁵⁹) Свидѣтельство это рассмотрѣно въ Прав. Собесѣдн. 1864, II, 76 — 81. Можно прибавить здѣсь еще свидѣтельство Льва Алліція (род. 1586 г., ум. 1669), который хорошо зналъ и латинянь и грековъ и говорить о перстосложеніи послѣднихъ для крестнаго знаменія слѣдующее: Graeci tribus primis manus dexterae digitis extensis et inter se connexis, reliquis duobus intra palmas paululum plicatis, frontem tangunt, et manum eodem modo digestam versus pectus extendunt, postea a dextera pectoris parte in sinistram progrediuntur; tandem inclinato capite cum humeris in faciem procumbunt (De cons. eccl. orient. et occid. III, cap. 18, p. 1357—1358).

выраженія: «алллуіа, алллуіа, слава тебѣ, Боже» (¹⁶⁰). Есть основаніе думать, что эта сугубая алллуіа запесена къ намъ въ книгахъ изъ Сербіи (¹⁶¹), и къ концу XIV или въ началѣ XV столѣтія имѣла у насъ уже немало послѣдователей; по тогда же встрѣтила и жаркихъ обличителей. Въ «Уставѣ о пѣтѣи мѣнимопа», по рукописи того времени, между прочимъ, говорилось: «иже мнози поють подвоицю— алѣлугіа, а не втрѣгубна, на грѣхъ себѣ поють. Пѣти: алѣлугіа, алѣлугіа, алѣлугіа, слава Тобѣ, Боже. Алѣлугіа речется: пойте Богу,—то Отцу; второе: пойте Богу,—а то Сыну; а се третье: пойте Богу,—а то Св. Духу. Таже: слава Тобѣ, Боже. Первое, пой алѣлугіа трижды Пресвятѣй Троица—Отцу и Сыну и Святому Духу; а се единому Богу, въ Троицѣ сущю: слава Тобѣ. Пой же вся со крестьяны, по-трижда, а не подважда; аще ли подвожды, то разлу-

(¹⁶⁰) Уставъ церк. XIV в. М. Синод. библ. № 383, л. 3 об.; Устав. церк. XIV в. — тойже библ. № 384, л. 14 (Опис. III, I, стр. 277. 283). Въ Слѣдован. своей Псалтыри (Рукоп. Моск. дух. акад. № 142), и именно въ «Часословцѣ», начинающемся съ л. 145, излагая чинъ полунощницы, м. Кипріанъ пишетъ: „псаломъ 50—помилуй мя Боже..., таже блажени непорочніи, таже слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды и поклоны 3; слава и нынѣ, руцѣ твои сотвориствѣ мя, слава и нынѣ, аллилуіа 3-жды съ трими поклоны“ (л. 146 об.). Затѣмъ, излагая чинъ утрени, пишетъ: „прильпѣ душа моя по тебѣ, мене жѣ пріятѣ десница твоя: слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды бес поклоновъ“ (л. 155 об.). И далѣе: „духъ твой благій наставитъ мя на землю праву: слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды бес поклоновъ“ (л. 155). Далѣе, въ чинѣ 3-го часа: „помилуй мя Боже: слава и нынѣ, аллилуіа 3-жды и поклона 3“ (л. 165). Последнее повторяется и на л. 173 об. и 179.

(¹⁶¹) Кроме того, что м. Кипріанъ, родомъ сербъ, принесъ къ намъ свою псалтырь, вѣроятно, изъ Сербіи, уцѣлѣла еще другая псалтырь, писанная на пергаментѣ не позже XIV в., съ явными признаками сербскаго происхожденія, въ которой послѣ 134-го псалма сдѣлана замѣтка киноварью: „аллилуіа сугуба“. Спалтырь эта принадлежитъ нынѣ Г. Барсову (Прав. Обзор. 1872, II, 718).

чаешь Отца и Сына и Св. Духа» (¹⁶²). Въ какихъ мѣстахъ появились-было у насъ эти первые послѣдователи сугубой аллилуіи, и кто написалъ противъ нихъ приведенное обличеніе и наставленіе, неизвѣстно. Но въ 1419 г. недоумѣніе относительно аллилуіи обнаружилось именно въ Псковѣ, и по поводу этого недоумѣнія вызванъ былъ псковичами подать свой голосъ самъ митрополитъ Фотій, который тогда же отвѣчалъ имъ: «что ми пишете о аллплуіи..., сиче глаголи: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тобѣ, Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тобѣ, Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тобѣ, Боже» (¹⁶³).

Несмотря, однакожъ, на такое ясное и рѣшительное наставленіе первосвятителя русской церкви, давное псковичамъ, Пскову суждено было вскорѣ сдѣлаться мѣстомъ самыхъ горячихъ споровъ о сугубой аллилуіи. Въ первой четверти XV вѣка въ псковскомъ Снѣтогородскомъ монастырѣ принялъ постриженіе, вмѣстѣ съ именемъ Евфросина, одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ, нѣкто Елеазаръ, который потомъ въ 1425 г. удалился изъ монастыря въ пустыню, въ 25-ти стадіяхъ отъ Пскова, гдѣ и основалъ впослѣдствіи на рѣкѣ Толвѣ свой монастырь, извѣстный подъ именемъ Елеазарова. Этотъ-то инокъ Евфросинъ, какъ свидѣтельствуешь писатель его

(¹⁶²) Этотъ коротенькой „Уставъ о пѣтя мееимона“ помѣщенъ въ рукописи XIV—XV в. новгород. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад. № 1264, л. 15 об., и начинается такъ: „Мееимонъ же нарѣчается печать и замокъ Святыя Троица, Отца и Сына и Св. Духа; а ключъ есть честный крестъ, сиче рещи, отмычюще: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“... и проч. Впослѣдствіи уставъ этотъ о мееимонѣ встрѣчается и въ рукописяхъ XVI в. (Опис. рук. М. Синод. библ. II, 3, стр. 741).

(¹⁶³) Это посланіе Фотія напечатано нами сполна въ прилож. къ IV т. нашей Исторіи, подъ № XXVIII.

житія, еще до принятія монашества и по принятіи скорбѣлъ и «сѣтовалъ безмѣрною печалію предъ Богомъ о пресвятыя аллилуіа», потому что видѣлъ будто бы «великъ расколъ посреди Христовой церкви и разногласіе, овѣмъ бо двоящимъ, овѣмъ троящимъ пресв. аллилуіа». Многихъ онъ спрашивалъ изъ «старѣйшихъ отъ церковныя чади о великой той вещи», и никто не могъ ему «протолковати тайны о божественнѣй аллилуіа». Тогда онъ отправился въ Царьградъ, бесѣдовалъ тамъ съ самимъ патріархомъ Іосифомъ и получилъ отъ него повелѣніе двоять аллилуію; посѣтилъ софійскій соборъ, и слышалъ въ немъ сугубую аллилуію; обошелъ всѣ окрестныя монастыри и св. мѣста, вездѣ спрашивалъ о тайнѣ аллилуіи и отъ всѣхъ слышалъ наказъ—сугубить ее. Возвратившись на родину и передавъ братіи, вмѣстѣ съ иконою отъ патріарха, писаніе его объ аллилуіи, Евфросинъ установилъ въ своей обители «чинъ дважды глаголати св. аллилуіа». Но лишь только узнали объ этомъ въ Псковѣ, какъ на Евфросина возстало все псковское духовенство, и во главѣ всѣхъ—священникъ Іовъ, пользовавшійся за свою ученость величайшимъ уваженіемъ и прозванный «столпомъ церковнымъ»,—возстало потому, что «утвердися обычай единъ всѣмъ псковичемъ по мірскимъ церквамъ и монастырскимъ пресвятая троица аллилуіа». Немедленно отправлены были изъ Пскова къ Евфросину діаконъ Филиппъ и какой-то священникъ, «оба мудра зѣло философа», съ послапиемъ отъ лица Троицкаго собора, которое написано было Іовомъ. Они убѣждали преподобнаго отказаться отъ сугубой аллилуіи и, между прочимъ, говорили: «вся церковь Божія по всей странѣ нашей троица аллилуію...; всѣ мы издревле навыкли, смотря другъ на друга, троица аллилуію...;

мы Троицу славимъ троеніемъ аллилуіи: ибо аллилуія Отцу, аллилуія Сыну, аллилуія Св. Духу, и потомъ единого Бога изображаемъ, когда послѣ каждой тройной аллилуіи поемъ: слава Тебѣ, Боже». Евфросинъ отвѣчалъ, что онъ не отъ своего самочинія ввелъ у себя обычай двойть аллилуію, а принялъ его отъ вселенской церкви, отъ самаго патріарха цареградскаго Іосифа, давшего ему на то и свое писаніе; прочелъ затѣмъ посланіе Іова и сказалъ своимъ собесѣдникамъ, что трудъ этотъ послужить только въ погибель учителю ихъ Іову—Столпу, что отнынѣ Іовъ не столпъ благочестія, а столпъ, исполненный смрада, что онъ отторгнулся отъ церкви Христовой и возлюбилъ тьму, такъ какъ взялъ уже за себя третью жену, и, что не имѣ, невѣгласамъ съ ихъ жалкимъ учителемъ, разсуждать о тайнѣ и сокровенной силѣ божественной аллилуіи, и, отпустивъ ихъ, написалъ троїцкому псковскому собору посланіе, въ которомъ повторилъ тѣже мысли въ свою защиту и тѣже укоры своему главному противнику Іову. Послѣ этого, руководимые Іовомъ, псковичи уже всѣ вооружились противъ Евфросина, открыто называли его еретикомъ, а его монаховъ вѣроотступниками, такъ что преподобный принужденъ былъ обратиться съ жалобою на Іова къ повгородскому владыкѣ Евѣимію и просилъ его разрѣшить ихъ прю. Но владыка, вмѣсто того, чтобы разрѣшить эту прю и наложить епитимію на Іова, будтобы только ссылаясь на свою немощь разсуждать о такой высокой тайнѣ, сокровенной въ Богѣ, отвѣчалъ Евфросину: «если ты самъ своими очами и ушами видѣлъ и слышалъ отъ самаго цареградскаго патріарха Іосифа, а такъ же отъ всего клироса вселенской церкви и отъ всѣхъ живущихъ тамъ, что должно

двоить святую аллилуію, то и твори такъ, какъ пріялъ отъ вселенской церкви, по благословенію вселеспскаго патріарха, и незазпрай моеі грубости». Тогда Евфросипъ понялъ, что никто изъ высшихъ властей не хочетъ ополчиться за него противъ его гонителей, и возложивъ всю надежду на Бога, только въ молитвѣ искалъ и находилъ для себя утѣшеніе до самой своей кончины († 1481). Нѣтъ ни основанія, ни пужды отвергать достовѣрность житія Евфросипова въ тѣхъ главныхъ чертахъ; которыя мы изложили, хотя въ подробностяхъ оно дѣйствительно представляетъ немало странностей, даже нелѣпостей (¹⁶⁴). Не станемъ, въ частности, отвергать, что Евфросипъ ходилъ въ Царьградъ и научился тамъ отъ всѣхъ сугубить аллилуію: по крайней мѣрѣ, онъ самъ утверждалъ это, и ему вѣрили его современники. Но въ насъ невольно рождается сомнѣніе: правду ли онъ говорилъ; не было ли тутъ какого либо недоразумѣнія и самообольщенія, особенно если Евфросипъ былъ точно такимъ страннымъ фанатикомъ сугубой аллилуіи еще отъ юности своей, какимъ изображается въ житіи? Извѣстно, что только въ 1410 году прибылъ къ намъ изъ Царяграда митрополитъ Фотій, родомъ грекъ и знатокъ церковныхъ правилъ и установленій, и что въ 1419 г. онъ, въ своемъ посланіи, подлинность котораго не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, прямо и рѣшительно училъ псковичей тронть аллилуію; а преп. Евфросипъ могъ быть въ Царьградѣ и у патріарха Іосифа отнюдь не позже 1437 г., когда Іосифъ отправился на флорентійскій соборъ,

(¹⁶⁴) Мы довольно подробно указали ихъ въ нашей Ист. Русск. раскола, стр. 33—41, изд. 2.

гдѣ и скопчался. Какъ же могло случиться въ такой короткій промежутокъ времени, что въ Царьградѣ и его окрестностяхъ, въ 1437 г., уже всѣ двоили, а не тропили аллилуію? Все ли по-нялъ и уразумѣлъ Евфросипъ, что слышалъ въ Царьградѣ относительно аллилуіи, а не то ли одно ему и слышалось и грезилось, что хотѣлось слышать, какъ иногда бываетъ съ фанатиками?

Впрочемъ, повторяемъ, современники вѣрили Евфросипу, что греки въ Константинополѣ двоятъ аллилуію. Сохранилось посланіе какого-то сторонника Іова-Стопна «господиу Аѳанасію, честнѣйшему во ипоцѣхъ общеобительныя великыя лавры св. Николы ктитору», который былъ жаркимъ сторонникомъ Евфросипа. Въ этомъ обширномъ посланіи невѣстный авторъ, сначала напоминая Аѳанасію объ его писаніи, которое онъ прислалъ предъ тѣмъ въ исковскіе соборы священникамъ объ аллилуіи съ порицаніями на Іова, говорить, между прочимъ, что напрасно онъ—Аѳанасій, въ защиту сугубой аллилуіи, ссылается на грековъ, потому что греки «на сихъ лѣтѣхъ, къ своей погибели, отъ истинны свернулись», и «развращеннымъ грековымъ» вѣрить не слѣдуетъ; напрасно ссылается на самого патріарха Іосифа и константиновольскую церковь, потому что патріархъ Іосифъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Исидоромъ, на флорентійскомъ соборѣ, не устоялъ въ правдѣ, за что и подвергся праведному суду Божию и не возвратился на свой престолъ, а «на мѣстѣ святѣмъ, сирѣчь въ соборнѣй и апостольстѣй церкви Константина града, теперь уже мерзость и запустеніе». Съ другой стороны, авторъ старается отстаивать трегубую аллилуію и для этого, кромѣ разныхъ соображеній и богословствованій, большею частію, мало толковыхъ, — а) указываетъ на службу великомученику

Георгію (23 апрѣля), въ которой три первыя стихиры на-
стиховнѣ, написанныя Осифомъ исповѣдникомъ, оканчивают-
ся, каждая, троекратнымъ возгласеніемъ: аллилуія, алли-
луія, аллилуія (¹⁶⁵); б) напоминаетъ Аѳанасію, только-что
сказавъ объ измѣнѣ патріарха Іосифа на флорентійскомъ со-
борѣ: «подобаше ти, отче, паче патріарха и Аѳона, послу-
шати, аки самага Христа, киръ митрополита кіевскаго и мо-
сковскаго и всея Русіи Фотія», который прислалъ къ намъ
въ Псковъ, за своею печатью, «грамоту, яже и до нынѣ
лежитъ во Святѣй Троици, въ нейже написано сице: алли-
луія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже»... и проч.;
в) наконецъ приводитъ извѣстный уже намъ уставъ о пѣтѣи
мемнона, оглавляя его: «слово лаодикійскаго собора», на-
учающій не двоить, а троить аллилуію (¹⁶⁶). Посланіе это на-
писано, очевидно, вскорѣ послѣ флорентійскаго собора, можетъ
быть, еще при жизни преп. Евфросина, какимъ-то ближайшимъ
единомышленникомъ Іова-Столпа (не діакономъ ли Филиппомъ?):
потому что авторъ, напомнивъ въ началѣ Аѳанасію, что онъ
писалъ въ Псковъ объ Іовѣ, присовокупляетъ: «вѣмъ, отче,
вѣмъ, и ко мнѣ, сирѣчь и на насъ, писалъ еси». А кто былъ
этотъ Аѳанасій, такой жаркій послѣдователь Евфросина и
ревнитель сугубой аллилуіи, съ точностію сказать нельзя.
Видно только, что его лавра св. Николая принадлежала къ

(¹⁶⁵) Это дѣйствительно и видимъ въ Шестодневѣ XV в., писанномъ и употре-
блявшемся въ Псковѣ (Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, стр. 581).

(¹⁶⁶) Посланіе къ Аѳанасію напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1866, II, 140—166.
Но тамъ несправедливо усволяется оно ювгородскому архіепіскопу Макарію
(стр. 137—139), какъ усвоилось прежде и другими (Григор. Истинно-древн. церк.
II, 146, изд. 4).

числу монастырей псковской области, а самъ онъ былъ лице достопочтенное: къ нему съ уваженіемъ и съ глубокимъ смиреніемъ относится авторъ и неразъ просить у него извиненія за свое писаніе и просить его молитвъ о себѣ грѣшномъ (Снес. нашей Истор. IV, 202). Достойно замѣчанія, что ни Аѳанасій, ни самъ Евфросинъ, во все продолженіе спора объ аллилуіи, ни разу не сослались ни на Москву, ни на другіе русскіе города, а указывали только на Царьградъ: не свидѣтельствуешь ли это, что тогда еще ни въ Москвѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Россіи, не двоили аллилуіи (¹⁶⁷)?

Къ концу XV вѣка вопросъ объ аллилуіи обратилъ на себя вниманіе, какъ и слѣдовало, новгородскаго, а вмѣстѣ и псковскаго, владыки Гепнадія, и извѣстно небольшое посланіе къ нему (отъ 1491 г.) Дмитрія толмача, находившагося тогда, по его порученію, въ Римѣ: «ты велѣлъ мнѣ, господине, отписать тебѣ о трегубномъ аллилуіѣ. Высмотрѣлъ я въ книгахъ; ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не показано, какъ говорить, трегубно или сугубно.... Но помнится мнѣ, что и у насъ о томъ бывалъ споръ между великими людьми, и они судили, что то и другое одинаково: ибо трегубное аллилуія, а четвертое: *слава Тебѣ, Боже*, являютъ три-чпостасное, еднносущное Божество, а сугубая аллилуія являетъ въ двухъ естествахъ единое божеское лице Христа. Потому

(¹⁶⁷) Въ слѣдованной Псалтыри (библіотеки Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., № 259), писанной въ предѣлахъ тогдашней ростовской епархіи, именно въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, въ лѣто 6989 (1481), какъ засвидѣтельствовалъ самъ писецъ двукратно (л. 173 об. и 232 об.), по окончаніи стиховъ, поемныхъ всякую недѣлю „по непорочнахъ“ („*Благословень еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ*“), въ заключеніи послѣдняго стиха („*Жиз-*

какъ ни молвить человѣкъ тою мыслию, такъ и добро» (166). Изъ этихъ словъ Дмитрія къ Геннадію открывается, что и прежде у насъ, т. е. вѣроятно, въ Москвѣ или въ Новгородѣ, — такъ какъ оба они — и Дмитрій и Геннадій жили и въ Москвѣ и потомъ въ Новгородѣ, — бывалъ споръ объ аллилуіи, и что тогда какіе-то великіе люди порѣшили-было его весьма разумно (рѣчь, очевидно, не о нсковскихъ спорахъ). Къ сожалѣнію это разумное рѣшеніе не нашло себѣ послѣдователей, особенно въ Псковѣ. Въ самомъ началѣ XVI вѣка какой-то инокъ обители преп. Евфросина псковскаго, приступая къ начертанію повѣсти о немъ, съ скорбію говорилъ, что въ церкви Божіей произошелъ расколъ, что одни двоятъ, а другіе троятъ пресвятую аллилуію, и какъ двоящіе укоряютъ троящихъ, такъ и троящіе двоящихъ. Вслѣдствіе этого-то онъ, безвѣстный инокъ, воодушевляемый фанатическою приверженностію къ сугубой аллилуіи, считая ее дѣломъ чрезвычайно-важнымъ для угожденія Богу, предполагая въ ней какую-то высшую, сокровенную премудрость и желая «открыть свѣтъ вѣдѣнія церкви Божіей, великую тайну пресвятой аллилуіи», и написалъ извѣстную уже намъ, въ главныхъ чертахъ, повѣсть о преп. Евфросинѣ, и кромѣ того изложилъ въ ней рассказъ о томъ, будто ему, автору повѣсти, двѣ ночи, во время тонкаго сна, являлся преп. Евфросинъ съ своимъ сподвижникомъ Серапіономъ и говорилъ: «опиши тайну святыя аллилуіи», а на третью ночь явилась

подавца *родни*“ . .) написано: „аллилугіа, аллилугіа, аллилугіа, слава тебѣ Боже“ (л. 57 об.).

(166) Напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1861, I, 111—112.

даже сама пресв. Богородица съ архангеломъ и тѣмъ же двумя преподобными, и сама весьма подробно объяснила ему тайну сугубой аллилуіи и сказала: «воспиши тайну сію, еяже азъ, Богородица, тебѣ повелѣваю». Не можемъ не остановиться, въ частности, вниманія на послѣдующихъ словахъ разскащика: когда Богородица, говорятъ онъ, удалилась, приступилъ ко мнѣ ангелъ и строго повелѣлъ мнѣ написать все, что я отъ Нея слышалъ. Я убоился и затрепеталъ, и со слезами сказалъ ему во умиленіи: «господи, ты вѣси, яко мнози, въ чудесѣхъ просіявши и въ великихъ знаменіяхъ, *троици* божественная аллилуія. Онъ же, отвѣщавъ, рече ми: невѣдый тайны сея не судится ему; *нынь же* вѣдый уже осужденъ будетъ отъ Бога». Не ясно ли свидѣтельствуется здѣсь самъ составитель перваго житія Евфросинова, что прежде въ православной церкви тропли аллилуію? ⁽¹⁶⁹⁾.

Надобно допустить, что въ первой половинѣ XVI вѣка сугубая аллилуія проникла и въ Москву. Самъ Максимъ грекъ былъ защитникомъ ея и называлъ ее древнимъ преданіемъ со временъ Игнатія богоносца, будтобы наученнаго ей ангелами, если только неподложно приписываемое Максиму «слово къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуія чрезъ преданія церковнаго, а четвертое—слава Тебѣ, Боже» ⁽¹⁷⁰⁾.

⁽¹⁶⁹⁾ Списокъ этого перваго житія Евфросинова—въ рукоп. *Ундольск.*, XVI в., № 306, л. 1—112 (Опис. стр. 229).

⁽¹⁷⁰⁾ Оно такъ же находится во всѣхъ указанныхъ нами (примѣч. 152), Сборникахъ сочиненій Максима грека XVI в. и даже Хлудовскомъ, писанномъ въ 1563 г. Кромѣ того, находится, подъ именемъ же Максима грека, въ Сборникѣ, писанномъ въ 1562—1563 г. Евѣиміемъ Турковымъ, бывшимъ потомъ игуменомъ Іосифоволоколамскаго монастыря (Волок. Сборн. въ библ. моск. дух. акад. № 514, л. 499).

Самъ вел. князь Василій Ивановичъ неразъ повторялъ предъ кончиною своею: *аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ, Боже*, по свидѣтельству описателя этой кончины, повидимому, очевидца, если только послѣдній говоритъ правду (¹⁷¹). Въ 1547 г. псковскій пресвитеръ Василій вновь написалъ житіе преп. Евфросина, повторивъ дословно, хотя и въ другомъ порядкѣ, всѣ сказанія прежняго жизнеописателя Евфросинова, вмѣстѣ съ разсказомъ о явленіи ему Богородицы и Ея подробными объясненіями сугубой аллилуіи. И, на основаніи этого житія, Соборъ 1549 г., подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, причислилъ Евфросина къ лику святыхъ. А вслѣдъ затѣмъ преп. Евфросину составлена особая служба съ восхваленіемъ въ ней сугубой аллилуіи, и самое житіе его, написанное Васи́лемъ, внесено митрополитомъ въ его знаменитыя Чети-минеи (¹⁷²). Наконецъ, Стоглавый соборъ (1551 г.) далъ объ аллилуіи слѣдующій отвѣтъ, хотя царь о ней вовсе не спрашивалъ: «въ Псковѣ и въ псковской землѣ по многимъ монастырямъ и церквамъ, да и въ новгородской землѣ по многимъ мѣстамъ, донынѣ говорили трегубую аллилуію, вопреки апостольскимъ и отеческимъ

(¹⁷¹) Собр. Р. Лѣт. VI, 271. 274. Въ Трєбникѣ нашей библ., нач. XVI в., № 89, принадлежавшемъ впоследствии старцу Антонію, постриженнику Чудова монастыря, какъ значится въ подписи, въ двухъ мѣстахъ читается: „аллилу́гіа, аллилу́гіа, слава тебѣ́ Бо́же трижды“ (—стр. 1002 и 1094). А въ Слѣдованной Псалтыри нашей библ., № 91, писанной ок. 1540 г., какъ можно заключать изъ одной замѣтки писца (л. 504), по окончаніи пѣсни: *Жизнода́вца роди́м...*, сказано: „аллилу́гіа, аллилу́гіа, аллилу́гіа, слава тебѣ́ Бо́же, —сіе же три́щи́ ꙗ́голи“ (—л. 492 об.). Наконецъ, въ Уставѣ нашей библ., первой половины XVI в., № 88, по окончаніи тойже самой пѣсни, написано: „аллилу́гіа, аллилу́гіа, аллилу́гіа“ (л. 425).

(¹⁷²) Службы Евфросину—въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. исх. XVI в. № 624, подъ 15 числ. мая; въ Сборн. Румянц. Муз. № 397, л. 219 (Опис. стр. 596).

преданіямъ. Но мы узнали достовѣрно отъ писателя житія преп. отца нашего Евфросина псковскаго, новаго чудотворца, какъ, ради его св. молитвъ, пречистая Богородица извѣстила и запретила о трегубой аллилуіи и повелѣла православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава Тебѣ, Боже. И потому отнынѣ всѣмъ православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава Тебѣ, Боже, какъ и предала св. соборная и апостольская церковь, а не трегубить аллилуіи, какъ прежде сего говорили во Псковѣ и по многимъ мѣстамъ, а четвертое приговаривали—слава Тебѣ, Боже. Это не есть преданіе православныхъ, но ересь латинянъ: они не славятъ Троицу, во четверять, и признають Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына, и тѣмъ творять Св. Духа раболѣпнымъ. И потому не подобаетъ трегубить аллилуію, но дважды говорить—аллилуія, а въ третій разъ—слава Тебѣ, Боже: ибо по-еврейски—*аллилуія*, а по нашему, по-русски—*слава Тебѣ, Боже*» (Стогл. гл. 42). При чтеніи этого рѣшенія соборнаго не знаешь, чему болѣе удивляться, «простотѣ» ли, или «невѣжеству». На чемъ основали отцы собора свое рѣшеніе? Преимущественно на частномъ разсказѣ безвѣстнаго инока, будто ему являлась во снѣ пресв. Богородица, подробно объяснила ему тайну аллилуіи и повелѣла двойть, а не тройть ее въ церкви! И притомъ тогда, когда самыя эти объясненія, приписываемыя разсказомъ Богородицѣ, заключаютъ въ себѣ смѣсь самыхъ странныхъ, нелѣпыхъ, даже еретическихъ мыслей, какія могли придти въ голову лишь грубому невѣждѣ, и когда самъ разсказчикъ отертыо сознался, что онъ «отъ великихъ глаголъ» Богородицы только «мало нѣчто въ растлѣнной своей памяти удержалъ и гру-

бымъ разумомъ написалъ» (173). По истинѣ, простота изумительная! Затѣмъ отцы собора говорятъ, будто сугубую аллилуію предала св. соборная и апостольская церковь: это неправда историческая; будто трегубая аллилуія есть ересь латинявъ, когда они употребляютъ аллилуію въ своемъ богослуженіи и однажды, и дважды, и трижды, и пять разъ, и гораздо болѣе, и никакая аллилуія, ни трегубая, ни сугубая, ни другая, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа ересью; будто латиняне четверять Троицу и дѣлаютъ работнымъ Св. Духа, тогда какъ они вовсе не четверять Троицы и не дѣлаютъ работнымъ Св. Духа, хотя и невѣрно учатъ объ Его исхожденіи и отъ Сына; будто аллилуія значить—слава тебѣ, Боже, между тѣмъ какъ она значить—хвалите Бога (174). Тутъ цѣлый рядъ примѣровъ невѣжества. Напрасно думаютъ, будто самъ предсѣдатель Стоглаваго собора Макарій держался не сугубой, а трегубой аллилуіи, и въ доказательство указываютъ на то, что онъ помѣстилъ въ своей Чети-миней и посланіе митрополита Фотія въ Псковъ о трегубой аллилуіи и такого же рода посланіе неизвѣстнаго къ ктитору лавры св. Николая, Аѳанасію: въ тойже своей Чети-миней Макарій помѣстилъ и житіе преп. Евфросина псковскаго съ прославленіемъ сугубой аллилуіи и, на основаніи этого житія, призналъ даже, вмѣстѣ съ соборомъ, преп. Евфросина въ ликѣ святыхъ.

(173) Житіе Евфросина напечатано, и всякъ можетъ видѣть, какія недостойныя разглагольствія и толкованія вложилъ авторъ въ уста Пресв. Богородицы (Памяти. стар. Русск. Литер. IV, 67—116).

(174) Объ аллилуіи у латинявъ—см. Gregor. Magn. Liber responsalis sive antiphonarius, in Patrolog. cursu compl. LXXVII, p. 726—850, ed. Migne.

ГЛАВА VII.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

I.

Кормчая книга, судя по сохранившимся спискамъ ея XV и XVI в., употреблялась тогда у насъ въ разныхъ видахъ. Списывалась еще, а слѣд. и употреблялась, она и въ томъ видѣ, въ какомъ извѣстна была въ Россіи до митрополита Кирилла II, когда содержала въ себѣ одни каноны безъ толкованій. Два списка ея XV—XVI в. представляютъ номоканонъ схоластиковъ (VI в.), въ которомъ помѣщены только правила св. апостоловъ, четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ и св. Василия великаго, и притомъ правила изложены неотдѣльно, сперва апостольскія, потомъ каждого собора порознь и Василия великаго, а всѣ сведены въ одинъ составъ, распредѣлены по предметамъ и расположены въ нѣкоторой системѣ, въ 50-ти титулахъ или главахъ—отдѣленіяхъ. Впрочемъ, наши Кормчія, по номоканону Іоанна Схоластика, содержали въ себѣ, кромѣ этого номоканона въ его древнѣйшемъ, болгарскомъ переводѣ, и нѣкоторыя правила двухъ остальныхъ вселенскихъ соборовъ, шестаго и седмаго, вмѣстѣ съ свѣдѣніями объ нихъ, равно какъ немало и другихъ дополнительныхъ статей позднѣйшаго происхожденія,

греческаго и болгарскаго (¹⁷⁸). Другіе два списка Кормчей XV—XVI в. представляют сборникъ церковныхъ правилъ, извѣстный подъ именемъ патріарха Фотія, только еще неполный: тутъ прежде всего, находится, послѣ пролога или предисловія, номоканонъ, въ которомъ такъ же, какъ и въ номоканонѣ Схоластика, всѣ каноны расположены, по предметамъ, въ нѣкоторой системѣ, но не въ 50-ти, а въ 14-ти тѣлахъ—граняхъ, и самыя правила не приведены въ текстѣ, а только сдѣланы указанія на нихъ; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе (*сυνταγμα*) самаго текста правилъ: св. апостоловъ, св. соборовъ—сперва вселенскихъ, всѣхъ семи, потомъ помѣстныхъ, кромѣ двухъ, послѣднихъ по времени (бывшихъ въ Константинополѣ по дѣлу Фотія и находящихся уже собственно въ фотіевомъ Сборникѣ каноновъ), и св. отцевъ; наконецъ помѣщены разныя дополнительные статьи, не только греческаго происхожденія,—между ними и извѣстныя 87 главъ, извлеченныхъ Іоанномъ Схоластикомъ изъ новеллъ Юстиніана,—но, по крайней мѣрѣ, въ одномъ спискѣ, и русскаго, каковы—правило церковное митрополита Іоанна II и отвѣты новгородскаго владыки Нифонта на вопросы Кирика. Правила въ этой Кормчей всѣ не сокращенныя, а полныя, какъ и въ помянутыхъ выше Кормчихъ по номоканону Схоластикову, но переводъ правилъ здѣсь совершенно другой, хотя такъ же весьма

(¹⁷⁸) Списокъ славянской Кормчей, по номоканону Іоанна Схоластика, XIII в., находящійся въ Румянц. Муз. № 230, описанъ Востоковымъ (Опис. Р. Муз. стр. 275—279). Другой списокъ этой самой Кормчей XV—XVI в., въ которомъ недостаетъ только трехъ послѣднихъ листовъ Румянцевскаго списка (отъ л. 136 до л. 139), находится въ библиотекѣ Моск. дух. академіи, № 54. О третьемъ такомъ же спискѣ, писанномъ на бумагѣ, свидѣтельствуетъ Розенкампфъ (Обозр. Кормч. стр. 4, изд. 2).

древній, (176). Очень естественно, если Кормчія съ одними канонами безъ толкованій списывались у насъ въ XV и XVI столѣтіяхъ весьма рѣдко и сохранились въ небольшомъ числѣ экземпляровъ: потому что хотя и такими Кормчими, по канону ли схоластикову или фотіеву, неполному, еще можно было пользоваться, но онѣ не представляли уже тѣхъ удобствъ, какія можно было находить въ Кормчихъ не съ одними канонами, а и съ толкованіями на каноны, появившихся у насъ со времени митрополита Кирилла II.

Съ этого времени, какъ извѣстно, Кормчія съ толкованіями начали распространяться у насъ въ двоякомъ видѣ, въ двухъ редакціяхъ. Прототипомъ для Кормчихъ одной редакціи и фамиліи былъ списокъ рязанскій (1284 г.), вѣрнѣе, кырилловскій, — тотъ самый, который митр. Кириллъ получилъ изъ Болгаріи и съ котораго рязанскій списокъ былъ только точною копіею. Здѣсь уже полный фотіевъ помяканонъ и полное изложеніе правилъ, т. е. со включеніемъ и правилъ двухъ соборовъ константинопольскихъ — фотіевыхъ; правила большею частію въ сокращенномъ текстѣ, но немало и полныхъ; толкованія Арестина, который, впрочемъ, болѣе ясныя правила оставилъ безъ толкованій, и лишь изрѣдка Зонаровы; въ числѣ дополнительныхъ статей однѣ греческія и нѣтъ русскихъ; переводъ

(176) Древнѣйшій списокъ такой Кормчей, Ефремовскій, XI—XII в. хранится въ Моск. Синод. библ., № 227. Другой списокъ ея, Соловецкій, XV—XVI в., содержащій въ концѣ и нѣкоторыя русскія статьи, принадлежитъ нынѣ казанской дух. академіи, № 1056 (*Срезневск. Свѣд. и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятникахъ*, ст. XLIV, въ *Оборн. II-го отд. Ак. наукъ*, XII, стр. 65—66; *Павлов. Первонач. Славяно-русс. Номокан.*, стр. 25—54, Казань 1869). Третій списокъ этой же самой Кормчей, но безъ русскихъ статей, нач. XVI в., находится въ библиотекѣ Троице-Сергіевой лавры, № 207.

всей этой Кормчей сербской, совершенный «потщаниємъ и любовію многою и желаниємъ» перваго архієпископа сербскаго Саввы (1219—1234) ⁽¹⁷⁷⁾. Прототипомъ для Кормчихъ другой редакціи и фамилинъ служилъ списокъ новгородскій — софійскій (пис. ок. 1282 г.), съ полнымъ такъ же фотіевымъ помоканомъ и изложеніемъ правилъ: здѣсь правила, большею частію, полныя и въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ они употреблялись у насъ еще до митр. Кирилла по фотіеву же Сборнику, не совсѣмъ полному; но есть правила хотя въ этомъ самомъ переводѣ, однакожъ не цѣльныя, а усѣченныя, то въ началѣ, то въ концѣ, то съ пропусками въ среднѣ; есть правила, хотя полныя, однакожъ въ другомъ переводѣ и именно въ томъ, въ какомъ они изложены въ рязанской-кирилловской Кормчей, изъ которой, слѣдовательно, и заимствованы; много правилъ сокращенныхъ, заимствованныхъ

⁽¹⁷⁷⁾ Нашей Истор. V, 5—10; *Срезневск.* Свѣд. и замѣт. о малонизв. и неизв. памяти., ст. XLVII, въ Сборн. II-го отд. Ак. наукъ, XII, 1617; *Павлов.* Первонач. Слав.-русск. Номок., 62—75. А въ доказательство того, что въ этой Кормчей немало и полныхъ правилъ, достаточно указать на два слѣдующіе примѣра: а) изъ числа 85-ти правилъ апостольскихъ болѣе четверти здѣсь полныя, именно: 1. 2. 23. 24. 43. 48. 49. 50. 52. 53. 55. 56. 57. 58. 60. 66. 69. 70. 71. 72. 73. 75. 77. 78; б) всѣ 19-ть правилъ собора Гангрскаго — такъ же полныя. Для сличенія съ полными правилами (по изд. С. н. б. 1839) правилъ рязанской Кормчей мы пользовались спискомъ ея, писанномъ въ 7060, т. е. 1552 г., по благословенію новгородскаго владыки Серапіона (Новгород. Соф. библи., шнѣ С. н. б. дух. академіи, № 1175), а равно и печатною Кормчею 1653 года. Означенный списокъ 1552 г. совершенно сходенъ съ Кормчею Румянц. Муз. № 232, съ л. 16-го по л. 198, которая, въ свою очередь, сходна, судя по оглавленію, съ рязанскимъ спискомъ 1284 г. даже и въ томъ, что помѣщено въ ней съ самаго начала до 16 листа. Разность же между этими списками — та, что въ рязанскомъ спискѣ дѣйствительно помѣщены всѣ 64 главы, показанныя въ оглавленіи его; въ румянцевскомъ помѣщены только 44 главы, хотя въ оглавленіи показаны всѣ тѣже самыя 64 гл.; а въ новгородскомъ — серапіоновскомъ помѣщено 53 главъ, хотя въ оглавленіи такъ же перечислены всѣ 64 гл. и обозначено ихъ содержаніе.

прямо изъ рязанской Кормчей въ томъ же переводѣ; всѣ толкованія—буквально тѣже, что и въ кирилловской Кормчей и изъ нея заимствованы; между дополнительными статьями находятся и русскія, но нѣкоторыя изъ греческихъ такъ же заимствованы изъ кирилловской Кормчей въ томъ же переводѣ (¹⁷⁸). Кормчія обѣихъ этихъ фамилій, рязанской и софійской, дошли до насъ отъ XV и XVI в. въ большемъ числѣ; а это свидѣтельствуетъ, что какъ тѣми, такъ и другими Кормчими тогда у насъ пользовались (¹⁷⁹). Но, кажется, со-

(¹⁷⁸) *Ундольск.* Опис. Славян. рукоп. Моск. Синод. библ., въ Чтен. М. Ист. Общ. 1867, II, отд. III, 46-56; *Павлов.* Первонач. Слав.-русска. Номокан., 75—79. 90—94. Есть въ этой Кормчей правила не цѣльныя, усѣченныя, и такихъ весьма много: наприм., изъ числа апостольскихъ до 25-ти, и именно: 8. 25. 31—38. 40. 41. 46. 47. 50. 51 (съ пропускомъ въ среднѣхъ). 52. 53. 55. 68. 74. 76. 81. 82. Есть правила полныя, но заимствованныя изъ рязанской или кирилловской Кормчей: таковы — а) всѣ 17 правилъ св. ап. Павла и б) всѣ 19 правилъ собора Гангрскаго. Много правилъ сокращенныхъ, заимствованныхъ изъ тойже Кормчей: таковы, напримѣръ, — а) правила апостольскія: 3. 26. 27. 29. 30. 80; б) всѣ правила третьяго вселенскаго собора, кромѣ правила седьмаго; в) всѣ правила двухъ соборовъ константинопольскихъ, бывшихъ при Фотіѣ, г) всѣ 26 правилъ св. Василия великаго о времени согрѣшающихъ, равно какъ и многія другія правила св. Отцевъ. Дополнительные статьи, заимствованныя въ софійскую Кормчую изъ кирилловской: а) Димитрія епископа Кизическаго о Яковитахъ; б) изложеніе, рекше воспоминаніе церковнаго соединенія св. отецъ, собравшихся въ Константиѣ градѣ при Константиѣ и Романѣ; в) Никиты — мниха Стифата объ опрѣснокахъ; г) о Фризѣхъ и прочихъ латинахъ; д) отъ различныхъ тителъ Иустиніана царя, новыхъ заповѣдей главы избранны. Замѣтимъ однакожь, что о рязанской Кормчей, съ которой намъ удалось познакомиться лишь бѣгло, мы судили, главнымъ образомъ, на основаніи новгородскаго списка ея, указанного въ предыдущемъ примѣчаніи, а о Кормчей софійской — частію на основаніи описанія ея Ундольскимъ (Чтен. М. Ист. Общ. 1867, II, отд. III), преимущественно же на основаніи трехъ ея списковъ, которыми мы пользовались: списка XV в. бывшей Новгор. Соф. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., № 1173; списка XVI в. бывшей Кириллов. библ., нынѣ с. п. дух. акад. № 1079, и списка 1590 г. — тойже библ., № 1078. Первый списокъ сходенъ, по порядку статей, съ Кормчею Румянц. Муз. № 231; а два послѣдніе списка, совершенно сходные между собою во всемъ отъ начала до конца, сходны съ Кормчею тогоже Муз. № 238, ч. I (Опис. Р. Муз. стр. 319—328).

(¹⁷⁹) Кромѣ списковъ той и другой фамиліи, указанныхъ Розенкампомъ

фійской редакціи оказываемо было предпочтеніе: по крайней мѣрѣ, у тогдашнихъ нашихъ писателей и соборовъ мы встрѣчаемъ, большею частію, правила полныя ⁽¹⁸⁰⁾. Что же касается толкованій, которыя въ Кормчихъ обѣихъ фамиліи одни и тѣже, то наши писатели и соборы не только приводили ихъ вслѣдъ за правилами почти всегда, но перѣдко приводили эти толкованія вмѣсто самихъ правилъ и подъ именемъ правилъ, показывая такимъ образомъ какбы одинаковое уваженіе и толкованіямъ и правиламъ ⁽¹⁸¹⁾. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что сохранившіяся Кормчія той и другой фамиліи оказываются вѣрными своимъ прототипамъ и сход-

(Сборн. Кормчей стр. 7—10, изд. 2), можно указать еще на слѣдующіе списки Кормчей XV—XVI в., преимущественно софійской фамиліи: бывшей библ. Царскаго № 213; библ. Моск. Истор. Общ. №№ 108. 109; бывшей Солов. библ., нынѣ казанск. дух. акад., четыре списка (*Псал.* Первонач. Слав.-русс.-Номок., стр. 78); бывшей кириллов. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., №№ 1078. 1079; библиотеки Тр.-Сергіевой лавры №№ 205. 206.

⁽¹⁸⁰⁾ Напримѣръ: у преп. Іосифа Волок. (Просвѣтит., стр. 568), архіеп. новгор. Геннадія (Акт. Эксп. I, стр. 479), митроп. Даніила (Соборник., Слов. XIV—XVI), въ Соборномъ Уложеніи Стоглаваго собора (Стогл., стр. 212. 265. 386, изд. Казан.). Но на соборѣ 1531 г. противъ князя-старца Вассіана приведено 115 (128) правило кареаг. собора сокращенное по рязанской редакціи (Превіе м. Даніила съ Вассіаномъ въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. IV, стр. 7. Снес. это правило по старопеч. Кормчей 1653).

⁽¹⁸¹⁾ Подъ именемъ или вмѣсто правилъ приводятся толкованія, наприм., въ Просвѣтителѣ преп. Іосифа Волок. (стр. 516—517) и въ Стоглавѣ (стр. 262. 266. 393). До какой степени простиралось у насъ уваженіе къ толкованіямъ, нагляднымъ свидѣтельствомъ можетъ служить рукописная Кормчая бывшей Кирилловской библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., XVII в., № 1080. Здѣсь подъ именемъ правилъ св. апостоловъ, соборовъ и отцевъ изложены вовсе не правила, а одни толкованія на нихъ и притомъ въ сокращенномъ видѣ; самыя же правила оставлены лишь тѣ, немногія, на которыя у Аристіна нѣтъ толкованій. И потому, наприм., *первое правило* св. апостоловъ читается такъ: „трпе убо епископи, безъ всякаго извета, должны суть поставляти епископа, аще нѣсть мощно всѣмъ сущимъ во области епископомъ совокуплятися едино“ (это сокращенное толкованіе Аристинино); а *второе правило* св. апостоловъ, на которое у Аристіна толкованія нѣтъ, помѣщено само: „единъ епископъ поставляетъ гресвитера и діакона и прочая причетники“. И такъ—всѣ вообще правила.

ными между собою только по изложенію и переводу правилъ и толкованій, а по дополнительнымъ статьямъ, ихъ числу и размѣщенію, немало разнятся и отъ своихъ образцовъ и между собою, и что русскія статьи встрѣчаются въ Кормчихъ не одной софійской, но и рязанской фамиліи, хотя не во всѣхъ (¹⁸²).

Съ начала XVI в., если не раньше, у насъ появляется особый разрядъ Кормчихъ, въ которыхъ номоканонъ фотіевъ, доселѣ содержавшій одни указанія на правила церкви, излагавшіяся отдѣльно отъ него, соединяется съ ними, по образцу номоканона схоластикова, и всѣ апостольскія, соборныя и отеческія правила, вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ, излагаются по гранямъ и главамъ номоканона. Кормчія этого рода, при всемъ сходствѣ между собою, имѣютъ и свои отличія. Въ одной изъ нихъ (XVI в.), которая, судя по признакамъ правописанія, принесена къ намъ изъ юго-славянскихъ странъ или снята со списка, прежде принесеннаго оттуда, изложены по гранямъ номоканона тѣ самыя правила и толкованія, которыя содержатся въ Кормчихъ рязанской фамиліи, т. е. правила сокращенныя и толкованія Аристинovy (¹⁸³). Въ другой, появившейся несомнѣнно въ Россіи, кромѣ того, что по гранямъ номоканона расположены эти

(¹⁸²) *Розенкампф*. Обзоръ Кормчей, стр. 8—9. Яснѣе это можно видѣть изъ Опис. Кормчихъ Румянц. Муз. (стр. 279—331). Въ Кормчей Румянц. Муз. № 232, рязанской фамиліи, есть русскія статьи; но въ такой же Кормчей бывшей новг. соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1175, писанной въ 1352 г., нѣтъ этихъ статей.

(¹⁸³) Описана въ Опис. Румянц. Муз. подъ № 236, стр. 313—315. Тамъ же упоминается о спискѣ подобной Кормчей конца XV вѣка. Снес. *Розенк.* Обзоръ Кормч. стр. 9.

самыя правила и толкованія, къ каждой грани прибавлены еще соотвѣтствующія статьи изъ разныхъ греческихъ дух. писателей: надъ этимъ потрудился игуменъ Іосифо-волоколамскаго монастыря Нифонтъ (1523—1544), по благословенію митрополитовъ Давида и Макарія (¹⁸⁴). Наконецъ, третья Кормчая, такъ же русскаго происхожденія, отличается отъ двухъ упомянутыхъ, прежде всего, тѣмъ, что въ ней по гранямъ номоканона расположены правила, съ толкованіями, полныя, какъ они содержатся въ Кормчихъ софійской редакціи. Но, кромѣ того, Кормчая эта имѣетъ и другія отличія.

Она изложена княземъ-инокомъ Вассіаномъ Косымъ, извѣстнымъ врагомъ монастырскихъ вотчинъ. Списывалъ онъ ее, какъ самъ говоритъ, съ Симоновскихъ правилъ, т. е. съ Кормчей Симонова монастыря, которая, судя по этой, снятой съ нея, копіи, принадлежала къ софійской фамиліи, а сличалъ съ другимъ спискомъ Кормчей, вывезеннымъ изъ св. горы аѳонской (¹⁸⁵). Но, будучи проникнутъ подозрѣніемъ, что «рус-

(¹⁸⁴) Свѣдѣнія объ этой Кормчей оставляемъ на отвѣтственности Розенкампа (Обозр. Корм. стр. 9—10).

(¹⁸⁵) Въ самомъ концѣ своей Кормчей (которая извѣстна намъ по списку Импер. публ. библіотеки, изъ собр. графа Толстова, отд. I, № 169) Вассіанъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: „сіа книга списана, по благословенію господина нашего Варлаама митрополита всеа Русіи, в лѣто 7025-го, мѣсяца маіа 27 дня; писана з Симоновскихъ правилъ да съ другого списка—с правилъ архієпископа Васіана ростовскаго, что вывез из святой горы Сава саминьскаго монастыря, что въ Твери“. Въ составѣ Кормчей князя-старца Вассіана можно различать три главныя части. Въ первой, *предварительной*, послѣ общаго заглавія: „Книга глаголемая Кормчая“... и проч., содержатся: а) оглавленіе статей этой Кормчей, впрочемъ недоведенное до конца (л. 3—4); б) сказаніе о вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, гдѣ и когда были (л. 5—20); в) предисловіе сведшаго правила въ 14 титулѣхъ и г) другое предисловіе сведшаго правила (л. 20—25); д) „сказаніе св. помѣстнаго собора, иже въ Карѳагенѣ: сіе из Зонары вынато“, т. е. сказаніе объ этомъ соборѣ (л. 25); е) наконецъ, оглавленіе всѣхъ 14 граней и всѣхъ ихъ главъ, безъ указанія однакожь на правила и безъ изложенія

скія наши правила», т. е. употреблявшіяся въ Россіи Кормчія, повреждены, особенно въ тѣхъ статьяхъ, на которыя ссылались защитники монастырскихъ вотчинъ, и суть «не правила, а кривила», и вообще не раздѣляя того высокаго почитія о Кормчей, какое имѣли его современники, считавшіе Кормчую за книгу богодухновенную и приравнивавшіе даже градскіе законы, въ ней помѣщенные, правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, Вассіанъ отнесся къ этой книгѣ въ своемъ изложеніи ея, довольно смѣло и небрежно: нное въ ней

правиль (л. 26 — 40). Изъ этихъ статей вторая, третья и четвертая — тѣ же самыя, какія и въ старо-печатной Кормчей, и въ томъ же самомъ переводѣ (Кормч. 1653 г., л. 5 — 25). Во второй, *существенной*, части, съ новымъ счетомъ листовъ и озаглавленной: „Изложеніе правиломъ апостольскимъ и отеческимъ, имѣя толкованіе Алексія діакона и законухранителя Аристіна, по градемъ“... и проч., дѣйствительно излагаются по гранямъ и главамъ граней правила апостольскія, соборныя и отеческія, вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ (л. 1 — 303 об.). Это правила и толкованія тѣ самыя и въ томъ же переводѣ, какія содержатся въ Кормчихъ софійской фамиліи. Въ третьей, *дополнительной* или прикладной, части изложены очень многія, большею частію, мелкія статьи безъ всякой между ними связи и послѣдовательности.... Нѣкоторые изъ нихъ — тѣ самыя, которыя находятся и въ печатной Кормчей, и въ томъ же переводѣ, каковы: а) три небольшія статьи св. Василія великаго — о времени согрѣшающихъ; наказаніе пресвитеру о бож. литургіи; о нерадящихъ о епитиміяхъ (л. 303 об. — 307); б) св. Меодія, патр. цареградскаго, завѣщаніе о отвергшихся... (л. 310 — 317); в) св. Кирилла алекс. о правой вѣрѣ противъ Несторія (л. 317 — 318); г) о Ааронихъ ризахъ.... и — д) разумъ о сложеніи обою закону Христова іерейства... (л. 326 об. — 329). Другія встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, въ рукописныхъ Кормчихъ, — напримѣръ: а) статья о поставленіи Сербскаго патріарха (л. 318 — 322), встрѣчающаяся въ нашихъ Кормчихъ соф. фамиліи еще XV-го (Новг. Соф. библ., нѣтъ с. п. дух. акад., № 1173) и XV—XVI-го в. (Рум. Муз. № 231); б) св. Василія вел. толкованіе священническаго чина, что есть іерей... (л. 370 — 371 об.); в) толкованіе о св. церкви (л. 373 — 376); г) поученіе епископѣ къ іереямъ (л. 376 — 377). Есть довольно статей и отрывковъ изъ другихъ книгъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, напримѣръ: а) краткія сказанія о нѣкоторыхъ соборахъ помѣстныхъ и вселенскихъ, при чемъ приводятся и правила ихъ, впрочемъ немногія, съ толкованіями, которыя не распределены прежде по гранямъ номоканона (л. 351 — 351); б) отрывокъ изъ 63-го слова Никона черногогорца о сокращеніи епитимій (л. 329 об. — 331); в) замѣтка о видахъ грѣха (л. 332 об.); г) свѣдѣнія о нѣкоторыхъ праздникахъ, о постахъ въ среду и

перемѣшалъ (¹⁸⁶), другое изложилъ короче (¹⁸⁷) или двукратно (¹⁸⁸), вмѣсто правилъ и наравнѣ съ правилами помѣстилъ кое-гдѣ статьи совсѣмъ другаго достоинства (¹⁸⁹), а, главное,

пятокъ, о поклонахъ, о сѣдѣяхъ въ разные дни — изъ устава Студійскаго, изъ типиковъ іерусалимскаго и св. горы, о церковныхъ службахъ — изъ церковнаго устава (л. 380 — 406). Изъ русскихъ статей здѣсь помѣщены только три: а) „Кирилла епископа Туровскаго сказаніе о черноризчестемъ чину... изъ Софійскихъ правилъ харатейныхъ великаго Новгорода“ (л. 322 об. — 326 об.); б) правило архіепископа новгород. илинъ съ бѣлгород. епископомъ (л. 386 об.), и — в) „Іоанна митрополита рускаго правила“ (л. 377 об. — 378). Сюда же слѣдуетъ отнести и собственныя статьи или прибавки Вассіана, о которыхъ скажемъ далѣе.

(¹⁸⁶) Напримѣръ, въ грани 4-й, гл. 1-й, подъ именемъ 1-го правила св. ап. Павла помѣщено 45-е правило собора Анкирскаго, а вслѣдъ затѣмъ подъ именемъ 45-го правила собора Анкирскаго приведено 1-е правило ап. Павла (л. 109 об.). Въ грани 1-й, гл. 26-й, послѣ другихъ правилъ, приведено и 14-е правило св. апостолъ съ двумя толкованіями на него; но какъ приведено? Сперва помѣщено толкованіе на него Θεодора Вальсамопа, потомъ уже — самое правило въ переводѣ соф. редакціи и, наконецъ, толкованіе на него Аристинно (л. 60—61).

(¹⁸⁷) Наприм., въ грани 1-й, гл. 24 й (о поставляющихся мзды ради), вмѣсто дѣлныхъ посланій о томъ, помѣщавшихся въ Кормчихъ, — Тарасія и Геннадія архіеп. константинопольскихъ, помѣщено по одному небольшому отрывку (л. 52 — 53). Въ статьѣ: „Іоанна митрополита рускаго правила“ — изложено собственно только три правила этого митрополита изъ 33-ти, именно 16, 17 и 21, и притомъ сокращенно (см. нашей Истор. II, 372, изд. 2); за ними помѣщены три-четыре правила Нифонта новгород. безъ упоминанія о немъ, и, послѣ замѣтки: „а се во иномъ правилѣ обрѣтохъ“, слѣдуютъ еще нѣсколько правилъ изъ отвѣтовъ Нифонта Кирику и изъ неизвѣстныхъ авторовъ (л. 378, 380).

(¹⁸⁸) Наприм., въ грани 3-й, гл. 2-й, приведши 75-е правило Трульскаго собора въ переводѣ соф. редакціи съ толкованіемъ Аристина, приводитъ еще — „тогоже събора о томъ же ис правилъ изъ новгородскихъ изъ Софійскихъ правилъ 75“. Это правило (о поющихъ въ церквахъ) съ обширнымъ толкованіемъ неизвѣстнаго, дѣйствительно, встрѣчается, въ видѣ особой статьи, въ Кормчихъ соф. редакціи и въ самой харатейной (См. Опис. ея въ статьѣ *Идольск.* Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. III, стр. 55; Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 286). Равнымъ образомъ два раза помѣщенъ извѣстный отвѣтъ Константиноп. патріарха Николая грамматика на вопросъ о Постниковомъ помоканіи: сперва — на л. 344-мъ въ томъ самомъ видѣ и переводѣ, какъ и въ печ. Кормчей (л. 582 об.); при чемъ въ концѣ замѣчено киноварью: „сіе изъ нашихъ правилъ“; а въ другой разъ — на л. 352-мъ об., подъ заглавіемъ: „отъ греческихъ правилъ“..., въ видѣ разсказа, въ которомъ упоминается и о толкованіи Вальсамона на этотъ отвѣтъ.

(¹⁸⁹) Наприм., въ грани 9-й, гл. 26-й приведено изъ толковаго Апостола

многія статьи исключилъ изъ Кормчей, которыя прежде въ ней помѣщались, а нѣсколько другихъ статей внесъ въ Кормчую, отъ себя прибавилъ. Исключилъ, напримѣръ, дорогія для защитниковъ церковныхъ имѣній статьи: а) слово (подложное) 163 св. отецъ пятого вселенскаго собора на обидящихъ св. Божія церкви; б) всѣ вообще такъ-называемые градскіе законы греческихъ царей на пользу церкви; в) церковные уставы русскихъ князей—св. Владиміра и Ярослава, издава помѣщавшіеся въ Кормчихъ софійской редакціи, хотя въ некоторыхъ другихъ русскихъ статей тѣхъ же Кормчихъ не исключилъ. Прибавилъ, во первыхъ, новыя, впрочемъ весьма немногія, толкованія на правила, именно толкованія Вальсамоповы, прежде у насъ неизвѣстныя, которыя перевелъ для него съ греческаго Максимъ грекъ ⁽¹⁹⁰⁾; а во вторыхъ прибавилъ нѣкоторыя новыя статьи, видимо направленныя противъ русскихъ монастырей и ихъ вотчинъ. Таковы:—а) «Сказаніе старца Максима св. горы къ старцу Васіану о св. горѣ жительства» ⁽¹⁹¹⁾; б) замѣтка самаго Вассіана относительно

зачало 137-е (л. 208); въ грани 11, гл. 3 приведены — отрывокъ изъ слова на Римляны и зачало 40-е изъ толков. Апостола (л. 137—138); въ гр. 11, гл. 6 — отрывки изъ завѣта Θεодора Студита, изъ 63-го слова Никонской книги и изъ Постникова помоканона (л. 145—146); въ гр. 14, гл. 7 — отрывокъ изъ житія Климента, папы римскаго (л. 303).

⁽¹⁹⁰⁾ Приведши толкованіе Вальсамона на 14-е правило св. апостоловъ, Васіанъ сдѣлалъ замѣчаніе: „сіе правило переведено съ богородицкихъ правилъ съ соборныхъ съ греческихъ на Москвѣ Максимомъ старцомъ св. горы, что переводилъ Псалтырь толковую“ (л. 61). Кромѣ этого толкованія Вальсамонова, Васіанъ приводитъ въ своей Кормчей еще только три толкованія, несомнѣнно принадлежащія Вальсамону (л. 337—340). Другія толкованія его, можетъ быть, приведены въ разныхъ мѣстахъ этой Кормчей безъ указанія на имя автора.

⁽¹⁹¹⁾ Здѣсь, между прочимъ, говорится, что на св. горѣ монахи содержатся мистическою и собственными трудами, и что сами „игумени на всякой службѣ монастырской тружуются съ братією, мірскихъ же служителей во всей св. горѣ

монастырскихъ селъ, которую онъ помѣстилъ по окончаніи оглавленія всѣхъ 14-ти граней (¹⁹²), и—в) особенно статья самаго же Вассіана, довольно обширная, подъ заглавіемъ: «Събраніе нѣкоего старца, на въспоминаніе своего общанія, отъ св. писанія о отверженіи міра». Здѣсь сначала Вассіанъ выражаетъ мысль, что иноки не должны имѣть селъ и владѣть ими, но должны жить въ безмолвіи и питаться своими руками и милостынею отъ христіанцевъ; а если не хранятъ своего общанія, то св. писаніе именуетъ ихъ отступниками, предаетъ проклятію, осуждаетъ на вѣчныя муки. Потомъ утверждаетъ (несовсѣмъ справедливо), что какъ древніе начальники монастырей—Пахомій великій, Иларіонъ, Евфимій, Савва освященный и другіе, такъ (будтобы) и русскіе—Антоній и Θεодосій печерскіе, Сергій радонежскій, Кириллъ бѣлозерскій, Варлаамъ новгородскій, Діонисій глушитскій, Димитрій прилудскій и Павелъ комельскій—селъ при своихъ монастыряхъ не имѣли и учили своихъ учениковъ жить по евангелію и своему общанію. Наконецъ, останавливается на трехъ соборныхъ правилахъ и толкованіяхъ на нихъ (IV всел. собора прав. 24 и VII всел. соб. прав. 12 и 18), въ которыхъ, по прежнему, употреблявшемуся у насъ переводу, упоминалось о монастырскихъ селахъ, и высказавъ недовѣ-

нѣтъ“ (—л. 351 об.—352). Статьи эта напечатана въ собр. сочиненій Максима грека, III, 243—245.

(¹⁹²) Окончивъ оглавленіе всѣхъ граней, Вассіанъ написалъ на тойже страницѣ киноварю: „по сей грани 11-й еще именуются села монастырскіе въ правилахъ, но не инокомъ повелѣваетъ ими владѣти, но данныя имъ села отъ съборной церкви епископомъ ихъ хранятся отъ съборной церкви икономомъ, и окормляются отъ него всякими потребами повелѣніемъ отъ епископа ихъ, или милостынею отъ христіанцевъ, еще недовлѣтсѣ своимъ руководѣіемъ“ (ч. I, л. 40).

ріе къ этому переводу, представляетъ новый переводъ означенныхъ правилъ, вмѣстѣ съ новыми толкованіями Θεодора Вальсамона, сдѣланный Максимомъ грекомъ съ греческаго номоканона, что былъ вывезенъ еще митрополитомъ Фотіемъ изъ Царяграда и хранился въ московскомъ успенскомъ соборѣ (¹⁹³). При этомъ, однакожъ, Вассіанъ позволилъ себѣ кое-что, несовсѣмъ похвальное. Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 24 прав. IV всел. собора, для болѣе подробнаго ознакомленія съ дѣломъ, указалъ на узаконенія Іустиніана царя, въ которыхъ ясно упоминается и о монастырскихъ селахъ: Вассіанъ не захотѣлъ привести этихъ узаконеній, несогласныхъ съ его любимой мыслию, но ограничился такъ же лишь указаніемъ на нихъ (¹⁹⁴). А въ толкованіи того же Вальсамона на 12-е правило VII всел. собора, запрещающее отдавать и продавать кому либо епископскія и монастырскія угодія или имѣнія, къ числу которыхъ Вальсамонъ относитъ и *загородныя* угодья (— *προάστεια*), хотя и не опустилъ слѣдующихъ словъ: «*приградіе селное* (такъ перевелъ Максимъ

(¹⁹³) Это „Събраніе нѣкоего старца“..., помѣщенное въ Кормчей Вассіана на л. 334—340, мы встрѣтили такъ же въ Сборникѣ первой половины XVI в., повгор. Соф. библи., нынѣ с. н. б. дух. акад., № 1431, л. 98—102. Но здѣсь нѣтъ всей послѣдней части, въ которой Вассіанъ представляетъ новый переводъ трехъ правилъ и Вальсамоновы на нихъ толкованія, а въ замѣтъ того излагаются убѣжденія инокамъ хранить правила св. отцевъ, въ мірскія дѣла не вступаться, сель при монастыряхъ не имѣть и жить по монашескому общанію.

(¹⁹⁴) Вотъ потому-то это же самое толкованіе Вальсамона, которое Вассіанъ привелъ здѣсь въ доказательство своей любимой мысли, что монастыри не должны имѣть сель, митрополитъ Даніилъ привелъ впоследствии противъ Вассіана въ доказательство, что монастыри могутъ имѣть села: у Даніила, кромѣ указаний на означенныя узаконенія, приведены и самыя узаконенія (Пренія м. Даніила съ старцемъ Васьяномъ, въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, IX, отд. IV, 4—5), которыя, чтобы лучше понять, можно прочесть въ печатной Кормчей (л. 352, изд. 1653).

грекъ—*προαστειον*), *аще насельники обитаемо вновь*, доброприходно будетъ, сіе убо ради доброприходіа да непродастся», но внизу страпицы прибавилъ къ этому мѣсту отъ себя такое толкованіе: *«лѣтопроезженіе—сіе глѣкуется проастионѣ, сирѣчь пашни и винограды, а не села съ житейскими христіаны»* (л. 339), между тѣмъ какъ у Вальсамона говорится здѣсь о *прирадѣи селномъ* или проастионѣ, именно *обитаемомъ насельники*. Нельзя оставить безъ вниманія еще одной прибавки, которую сдѣлалъ Вассіанъ въ своей Кормчей на самой послѣдней ея страницѣ, и въ которой онъ ясно выразилъ свое, очень невысокое, понятіе объ этой книгѣ, говоря: «есть въ св. правилѣхъ супротивно св. евангелію и апостолу и всѣхъ св. отецъ жителству. Но не смѣхъ на своей души сего положить, и о семъ возвѣстихъ господину отцу моему митрополиту Варлааму и всему священному собору. И *они ми не велѣли ничего выставливати*, глаголя: кто цѣломудръ разумъ имѣетъ, тѣй лучшаго дѣржится, еже есть по Бозѣ; такожде и мы хотимъ я благословляемъ» (л. 406).

Пусть будетъ справедливо, что митрополитъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ священнымъ соборомъ, благословилъ Вассіана, какъ онъ свидѣтельствуешь, заняться Кормчею, списать ее съ Симоновскихъ правилъ и сличить съ другимъ спискомъ, принесеннымъ съ Аѳона, хотя и въ этомъ есть основаніе сомнѣваться (¹²²); но чтобы Варлаамъ и весь свящ. соборъ поручили Вассіану изложить Кормчую въ томъ направленіи, въ какомъ онъ ее изложилъ, и иное исключить изъ нея, а другое къ ней прибавить, чтобы Варлаамъ сочувствовалъ

(¹²²) Нашей Ист. Р. Церкви VI, стр. 195.

идеямъ Вассіана и даже одобрилъ его Кормчую для назидательнаго чтенія, — на это нѣтъ никакихъ указаній ⁽¹⁹⁶⁾. Напротивъ, изъ послѣдняго замѣчанія самаго же Вассіана очевидно, что м. Варлаамъ и свящ. соборъ не велѣли ему ничего «выставливати», т. е. выкидывать изъ Кормчей, ничего опускать въ ней; а онъ, между тѣмъ, несмотря на такое задержание, немало выставилъ изъ Кормчей, что прежде въ ней помѣщалось, — слѣд. дѣйствовалъ самовольно. Съ другой стороны, самъ же Вассіанъ говоритъ, въ послѣсловіи къ своей Кормчей, что, по благословенію м. Варлаама, списалъ и сличилъ ее въ 1517 г.; а въ то время она еще не могла имѣть своихъ главнѣйшихъ особенностей и дополненій, т. е. при новаго перевода нѣкоторыхъ правилъ и толкованій на нихъ Вальсамона, при самой дополнительной статьи, направленной противъ монастырскихъ вотчинъ и содержащей въ себѣ тотъ же новый переводъ правилъ и толкованій. Эти прибавленія къ своей Кормчей Вассіанъ могъ сдѣлать только при пособіи Максима грека, который прибылъ къ намъ уже въ 1518 г. и, дѣйствительно сочувствуя идеямъ Вассіана о нестяжательности монастырей, могъ сообщить ему понятія о греческомъ текстѣ нѣкоторыхъ правилъ, будтобы несходномъ съ существовавшимъ въ Россіи переводомъ, о греческихъ толкователяхъ правилъ, такъ же прежде у насъ неизвѣстныхъ, и самъ перевелъ вновь для Вассіана нѣсколько правилъ и толкованій Вальсамона ⁽¹⁹⁷⁾.

⁽¹⁹⁶⁾ Павлов. О Кормчей инокъ князя Вассіана Патрикѣва, въ Учен. Записк. Казан. Универс. 1864, вып. II, 495; Историч. Очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи, I, 72. 76, Одесс. 1871.

⁽¹⁹⁷⁾ Приведши въ первой части своей Кормчей сказаніе о кареагенскомъ со-

Потому-то современники называли Максима «пособникомъ» Вассіану въ дѣлѣ составленія имъ своей Кормчей, и эту Кормчую усвоили не одному Вассіану, по вмѣстѣ и Максиму, и замѣченныя въ пей погрѣшности вмѣняли какъ тому, такъ и другому (¹⁸⁸). Преданіе о переводѣ Максимомъ нѣкоторыхъ правилъ и толкованій перешло и въ потомство, и къ концу XVII в. Максиму приписывали уже переводъ всей Кормчей и говорили, что онъ перевелъ ее именно въ 1521 г. и что книга правилъ его перевода еще сохранялась тогда въ патриаршей библіотекѣ, хотя ни прежде, ни въ послѣдующее время слѣдовъ этой книги, будтобы переведенной самимъ Максимомъ въ 1521 г., и даже упоминанія о ней нигдѣ не встрѣчается (¹⁸⁹). Извѣстно, что Вассіановская Кормчая под-

борѣ изъ Зонары (см. выше примѣч. 185), Вассіанъ тутъ же присовокупилъ слѣдующее: „Максимъ грекъ сказывалъ, что псалтырь толковую переводилъ съ греческаго языка на рускій: правила переводилъ по гравемъ и по главамъ Фотій митрополитъ (?) Костянтина града; а толковники кажетъ—а) Іоаннисъ Зонарасъ мнихъ, патриархъ антиохійскій, б) Феодоръсѣ Вассамонъ, г) Матфеосъ іеромонахосъ, д) Арменопулосъ, е) Хоматионосъ архіепископъ ахридійскій“ (л. 25—26).

(¹⁸⁸) Сне с. Пренія митр. Данила съ инокомъ Максимомъ грек. и съ старц. Васьяномъ, Чтен. М. Ист. Общ. 1847, VII, отд. II, стр. 11—12; IX, отд. IV, стр. 2. 8.

(¹⁸⁹) Разумѣемъ патриарха Іоакима (свидѣтельство его приведено пр. *Евген.* въ Истор. Словарѣ дух. писат., II, 37, изд. 2) и монаха Евфимія, изъ словъ котораго можно догадываться, что эта Кормчая, приписываемая Максиму, не походила на Вассіанову: потому что содержала изложеніе правилъ не по гранямъ, а по порядку соборовъ (см. Опис. рукоп. Хлудова, стр. 201—203, М. 1872). Особенно замѣчательно то обстоятельство, что ни самъ Максимъ грекъ, неоднократно указывавшій, въ защиту себя, на свои литературные труды, на пользу церкви, каковы переводъ толковой псалтыри, сочиненія противъ латинявъ, магметанъ и проч., ни разу не упомянулъ о такомъ важномъ своемъ трудѣ, какъ новый переводъ цѣлой Кормчей, еслибы онъ дѣйствительно существовалъ, ни митр. Даниилъ и другіе владыки, судившіе Максима на двухъ соборахъ (въ 1526 и 1531 г.) и вмѣнявшіе ему нѣкоторыя неточности или описки даже въ Вассіановой Кормчей, такъ же ни разу не упомянули о его собственной Кормчей, т. е. имъ самимъ переведенной.

верглась осужденію на соборѣ 1531 г.; но еще до осужденія она могла распространиться въ нѣсколькихъ спискахъ, да и послѣ осужденія могла оставаться въ употребленіи у всѣхъ, раздѣлявшихъ убѣжденія Вассіана и Максима относительно монастырскихъ вотчинъ ⁽²⁰⁰⁾. А какъ въ этой Кормчей, кромѣ извѣстныхъ измѣненій, которыя собственно и осуждены на соборѣ, изложены тѣже самыя св. правила съ толкованіями на нихъ, какія употреблялись у насъ и прежде, и притомъ изложены по гранямъ номоканона, что на практикѣ представляло большія удобства, да еще прибавлены по мѣстамъ, хотя немногія, толкованія Вальсамоновы, прежде у насъ неизвѣстныя, то неудивительно, если Кормчею Вассіана пользовались и люди, не раздѣлявшіе его убѣжденій: самъ мптр. Даниилъ во время своихъ преній на соборѣ съ княземъ старцемъ Вассіаномъ привелъ противъ него толкованіе патріарха Вальсамона въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ оно изложено въ Вассіановской Кормчей, и одинъ изъ членовъ Стоглаваго собора, какъ можно догадываться, Кассіанъ рязанскій, имѣлъ при себѣ на соборѣ Сборникъ, въ которомъ, между прочимъ, помѣщено было «Събраніе нѣкоего старца», заимствованное изъ Вассіановой Кормчей ⁽²⁰¹⁾.

Наконецъ, въ первой же половинѣ XVI в. появилась у насъ и такъ-называемая сводная Кормчая ⁽²⁰²⁾. Въ этой Кормчей,

⁽²⁰⁰⁾ Кромѣ списка публичной библ., выше нами описаннаго, извѣстны еще два списка этой Кормчей: московскаго государств. Древнехранилища— № 143 и Румянц. Музеума, изъ рукописей Пискарева, № 474 (*Павлов. Ист. Очеркъ секул. церк. земель въ Россіи* I, 72).

⁽²⁰¹⁾ *Тилонрис.* Замѣтка для исторіи Стоглава, въ Лѣтоп. Русск. Литер., т. V, отд. III, 137—144.

⁽²⁰²⁾ Описана подробно Востоковымъ, хотя и по списку позднему (у *Розен-*

послѣ Фотіева номоканона, съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками, помѣщены правила св. апостоловъ, потомъ вселенскихъ соборовъ, по ихъ порядку, и за ними только двухъ помѣстныхъ, бывшихъ при Фотіѣ. Правила изложены—весьма многія въ одномъ лишь переводѣ, многія—въ двухъ переводахъ, нѣкоторыя—въ трехъ, а весьма немногія—даже въ четырехъ. Два перевода этихъ правилъ, тогда у насъ общепотребительные, заимствованы изъ Кормчихъ рязанской и софійской фамилій; въ третьемъ переводѣ правила выбраны изъ сочиненій Никона черногогорца; немногія же правила въ четвертомъ переводѣ могли быть заимствованы такъ же изъ какихъ либо книгъ, если не изъ Кормчихъ по помокапону Іоанна Схоластика: такъ какъ даже два правила изъ трехъ, которыя вновь перевелъ Максимъ грекъ для князя—старца Вассіана, взяты изъ извѣстной статьи послѣдняго, направленной противъ монастырскихъ вотчинъ, и внесены въ сводную Кормчую (²⁰³). Къ правиламъ присоединены толкованія на нихъ,

замѣт. Обзор. Кормч., Прилож. № VII, стр. 535--596, изд. 2). Но сохранился и списокъ XVI в., первоначальный, о которомъ бывший владѣлецъ его—Ундольскій высказалъ слѣдующее: „изъ многихъ пробѣловъ, разныхъ почерковъ, а главное—изъ современной подписи: „*Книга Правилъ Митрополити, казенные*“, съ достовѣрностію можно заключить, что сей экземпляръ есть подлинникъ составителя“ (Славяно-русск. рукописи Ундольскаго, № 27, стр. 31—32). Мы имѣли случай познакомиться еще со спискомъ этой самой Кормчей, XIX в., находящимся въ библиотекѣ рукописей кіево-софійскаго собора за № 54, а прежде принадлежавшимъ кіевскому митрополиту Евгенію.

(²⁰³) И именно, изъ помѣщенныхъ въ этой Кормчей четырехъ переводовъ 24-го правила Халкидонскаго собора—переводъ послѣдній и трехъ переводовъ 18-го правила VII всел. собора—переводъ первый суть переводы Максима грека и заимствованы изъ означенной статьи Вассіана (*Розенн.* Обзор. Кормч. стр. 569. 590). Вполнѣ вѣримъ барону Розенкампфу, что онъ встрѣтилъ въ сводной Кормчей полныя правила и въ такомъ славянскомъ переводѣ, который различествовалъ отъ всѣхъ прочихъ, дотолѣ извѣстныхъ; но думаемъ, что отсюда не слѣдуетъ еще,

за исключеніемъ впрочемъ немногихъ правилъ, которыя оставлены безъ всякихъ толкованій и придаточныхъ статей. При большей части правилъ толкованія только Аристиновы; при нѣкоторыхъ—еще какого-то неизвѣстнаго автора; при восьми правлахъ встрѣчаются и толкованія Зонаровы, при четырехъ—Вальсамоновы, при двухъ—Матеея Властаря. Первыя толкованія, т. е. Аристиновы, цѣликомъ взяты изъ прежнихъ нашихъ Кормчихъ; всѣ прочія могли быть выбраны изъ разныхъ книгъ, гдѣ они въ славянскомъ переводѣ были приведены (²⁰⁴). Кромѣ толкованій, присоединены еще, то къ тѣмъ, то къ другимъ правиламъ: а) правила другихъ соборовъ съ толкованіями и правила нѣкоторыхъ св. отцевъ, помѣщавшіяся въ прежнихъ нашихъ Кормчихъ; б) узаконенія греческихъ царей, особенно Іустиніана, равно какъ и немногія другія статьи, помѣщавшіяся, въ качествѣ дополнительныхъ, въ тѣхъ же Кормчихъ; в) отрывки изъ толковаго Евангелія и толковаго Апостола, изъ толкованій на Евангелія св. Златоуста и Теофилакта болгарскаго; г) статьи изъ разныхъ писаній св. отцевъ: Діонисія ареопагита, Василія и Афанасія великихъ, Іоанна Златоустаго, Ефрема сирина, Іоанна лѣствичника, Іоанна Дамаскина и другихъ; д) статьи изъ писаній болѣе позднихъ греческихъ писателей — Θεодора Студита, Анастасія синайскаго, Діодоха, Никифора цареградскаго патріарха, Варсонофія, Петра Дамаскина, Григорія синаита

будто въ этомъ переводѣ существовала тогда у насъ вся книга правилъ или Кормчая, а тѣмъ болѣе—будто этотъ переводъ всей Кормчей сдѣланъ именно митрополитомъ Кипріаномъ (Обозр. Кормч. 10. 64. 201).

(²⁰⁴) Въ описаніи сводной Кормчей у Розенкампа показаны: а) толкованія Зонары—на стр. 539. 540. 552. 557. 566. 577. 584, и кромѣ того два сказанія

и болѣе всѣхъ изъ Тактикаона и Пандекты Никона чернорца; е) отрывки изъ Лимонаря, Лавсанка, Синаксарей, Патериковъ, Пролога и вообще изъ житій Святыхъ; ж) наконецъ, русскія статьи: отрывки, по одному, изъ отвѣтовъ Нифонта новгородскаго Кирику, изъ правила митрополита Кирилла II, изъ похвальнаго слова Григорія Самвлака препод. отцамъ, изъ житій — Феодосія нечерскаго, Алексія митрополита и Юны митрополита; изъ повѣстей — о Ефремѣ митрополитѣ и о поставленіи русскихъ митрополитовъ; посланіе митрополита Фотія о проторехъ, краткія повѣсти или сказанія о Пафнутіѣ боровскомъ и Іосифѣ волоколамскомъ и до пяти отрывковъ изъ разныхъ описаній этого самаго Іосифа.

Сводная Кормчая составлялась исподоволь, и добавочныя статьи въ ней, подходящія то къ однимъ, то къ другимъ правиламъ, приписывались разновременно: на это указываютъ многіе пробѣлы, оставленные въ ея первоначальномъ спискѣ, и то, что многія статьи написаны въ немъ разными почерками. А какъ первоначальный списокъ этотъ принадлежалъ митрополиту и считался его «казеннымъ», то сводная Кормчая, вѣроятно, и составлена по порученію какого либо нашего митрополита, если даже не подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Какого же именпо? Сводная Кормчая не могла явиться прежде 1518 года: потому что содержать въ себѣ, между прочимъ, нѣсколько статей изъ сочиненій

о соборахъ—на стр. 570. 571; б) толкованія Вальсамона — на стр. 542. 549. 569. 592; в) толкованія Матоея Властара — на стр. 548. 566. Толкованія неизвѣстнаго Розенкампа гадательно приписывалъ Димитрію Хоматену, болгарскому-ахридскому архіепископу или митрополиту XII — XIII в. (Обозр. Кормч. 10. 64. 201 535).

преп. Іосифа волоцкаго († 9 сент. 1515 г.) и даже повѣсть о немъ и о его кончинѣ, а главное—содержить взятыя изъ Вассіановой Кормчей правила и толкованія въ переводѣ Максима грека, который прибылъ къ намъ только въ 1518 г. ⁽²⁰⁵⁾. Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ 1531 г. сводная Кормчая уже существовала и употреблялась: потому что когда на бывшемъ въ томъ году соборѣ противъ князя-старца Вассіана митрополитъ Даниилъ велѣлъ прочитатъ, въ обличеніе старца, свидѣтельства отъ божественныхъ писаній относительно монастырскихъ сель, то прочитаны были тѣ именно свидѣтельства, хотя не всѣ, какія собраны въ сводной Кормчей при 24-мъ правилѣ четвертаго вселенскаго собора и, между ними, толкованіе Вальсамоново на это правило, заимствованное въ нее изъ Кормчей Вассіановой ⁽²⁰⁶⁾. Предположить, не составлена ли сводная Кормчая по порученію митрополита Варлаама, еще святительствовавшаго около трехъ лѣтъ по прибытіи къ намъ Максима грека, нѣтъ основаній,

⁽²⁰⁵⁾ Надобно прибавить, что, напримѣръ, 18 правило VII всел. собора въ переводѣ Максима грека помѣщено въ сводной Кормчей *на первомъ мѣстѣ*, а затѣмъ уже слѣдуютъ другой и третій переводъ тогоже правила и добавочныя къ нему статьи (—стр. 590). Явный знакъ, что правило это въ Максимовомъ переводѣ помѣщено въ сводной Кормчей при самомъ первоначальномъ составленіи ея, а не приписано въ ней впослѣдствіи.

⁽²⁰⁶⁾ Прочитано было именно восемь статей: св. Симеона новаго богослова; изъ книги Отечника или отъ Старческаго о преп. Геласіѣ; толкованіе Вальсамона на 24 правило Халкидонскаго собора; отъ завѣта св. Θεодора Студита; тогоже отъ устава о числѣ мнихъ; тогоже о приношеніи, отъ житія св. исповѣдника Николы, игумена студійскаго монастыря; отъ житія св. Саввы, архіепископа сербскаго. Въ соборномъ актѣ статьи эти напечатаны сполна (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX. отд. IV, 3—6), а въ описаніи сводной Кормчей напечатаны первыя ихъ строки, по которымъ и можно убѣдиться, что и въ соборномъ актѣ и въ Кормчей статьи однѣ и тѣже (*Розенк. Обзор. Кормчей* 569. 570). Прибавимъ, что въ толкованіи Вальсамоновомъ на 24-е правило халкидонскаго собора, помѣщенномъ въ сводной Кормчей, мы дѣйствительно нашли ту самую ссылку

тѣмъ болѣе что, какъ извѣстно, по порученію этого митрополита составлялась тогда княземъ-старцемъ Вассіаномъ со-всѣмъ другая Кормчая. Остается допустить, что сводная Кормчая появилась при преемникѣ Варлаама (съ 1522 г.), митрополитѣ Даниилѣ. И едвали ошибочно будетъ сказать, что она составлялась при его ближайшемъ, непосредствен-номъ участіи: на это указываютъ—а) самый методъ въ со-ставленіи ея—тотъ самый, какимъ составлены всѣ 16 словъ въ извѣстномъ Соборникѣ м. Даниила, изъ которыхъ каждое, во второй своей части, представляетъ точно такой же сводъ или подборъ чужихъ свидѣтельствъ, относящихся къ какому либо предмету и изложенныхъ безъ всякой между собою свя-зи; и—б) то особенное вниманіе или уваженіе, какое оказа-но въ сводной Кормчей сочиненіямъ преп. Іосифа въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ сочиненій, несмотря на его еще недавнюю кончину,—уваженіе, которое такъ естественно бы-ло въ инокѣ Іосифовой обители и бывшемъ преемникѣ преп. Іосифа по игуменству. Но относя появленіе сводной Кормчей ко времени митрополита Даниила, мы должны согласиться, что она дополнялась и при митрополитѣ Макаріѣ нѣкоторыми статья-ми: такова, по крайней мѣрѣ, повѣсть о поставленіи русскихъ митрополитовъ, которая доводитъ рядъ ихъ до Макарія и точ-но опредѣляетъ время его поставленія (²⁰⁷). Надобно такъ же

князя старца Вассіана на свою собственную Кормчую, о которой упомянули выше, въ примѣч. 201.

(²⁰⁷) *Розенк.* Обзор. Кормчей, 542. На этомъ—то основаніи Розенкамфъ и думалъ, что сводная Кормчая составлена при митр. Макаріѣ (стр. 10), хотя въ другомъ мѣстѣ высказалъ мнѣніе, что она составлена въ Россіи еще до XVI вѣка (стр. 201). Митр. Даниилъ любилъ заниматься Кормчею книгою, когда былъ еще игуменомъ, какъ свидѣлствуетъ его „Собраніе“ Кормчей, доселѣ сохра-

признать и то, что Кормчая эта употреблялась во дни м. Макарія: на Стоглавомъ соборѣ приводились толкованія на нѣкоторыя правила св. апостоловъ и соборовъ не Аристиновы, а неизвѣстнаго толковника, которыя находятся въ сводной Кормчей; въ главахъ же Стоглава (87—89) о проторехъ читаемъ тѣ самыя статьи, хотя не всѣ, которыя собраны въ этой Кормчей, и даже повторена ошибка ея въ имени патріарха Нила, котораго посланіе усвоено ею Филовею (²⁰³).

Кромѣ Кормчей книгъ, въ ея различныхъ видахъ, у насъ употреблялись и другіе каноническіе сборники болѣе частнаго содержанія, пришедшіе къ намъ изъ Греціи. Таковы: 1) покаянный номоканонъ Іоанна Постника, константинопольскаго патріарха VI в., содержащій въ себѣ правила для духовниковъ, какъ исповѣдывать кающихся и, — главное, — какія налагать на нихъ епитиміи за тѣ или другіе грѣхи, извѣстный у насъ еще въ XII и XIII в., разумѣется, въ славянскомъ переводѣ, и—2) подобный же номоканонъ безыменнаго автора, появившійся въ Греціи не прежде XI—XII в. и излагающій, кромѣ покаянныхъ или епитимійныхъ правилъ, еще нѣкоторыя другія правила—о правахъ и обязанностяхъ лицъ духовнаго сана, о созиданіи церквей, о семейныхъ отношеніяхъ мірянъ,

нынѣшнее въ библіотекѣ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря подъ № 28 (Амфилох. Описаніе этой библ., стр. 105, М. 1876).

(²⁰³) Толкованія неизвѣстнаго изъ сводной Кормчей, которыя приведены были на соборѣ, смотр. въ гл. 54 и 90 Стоглава (стр. 262 и 386, по изд. Казан.), и снес. въ описаніи сводной Кормчей у Розенкампа стр. 538 и 577, гдѣ приведены первыя строки этихъ толкованій. А статьи, помѣщенныя въ гл. 87—89 Стоглава (стр. 375—385), именно: изъ посланія цареград. патріарха *Филовея* (вмѣсто: *Нила*), отъ свитка новыхъ заповѣдей царя Іустиніана и изъ посланія Фотія митроп. кievскаго, снес. въ Опис. сводной Кормчей со стр. 575—576, гдѣ точно обозначены всѣ эти статьи.

о степеняхъ родства, о незаконныхъ бракахъ и под. Оба эти номоканона встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ XV—XVI в., первый иногда отдѣльно отъ послѣдняго, впрочемъ съ прибавленіемъ разныхъ другихъ статей, а послѣдній всегда въ соединеніи съ первымъ, и изъ перваго находимъ заимствованія въ нашихъ Кормчихъ того времени, а изъ послѣдняго заимствована Стоглавымъ соборомъ цѣлая 53 глава его соборнаго Уложенія (²⁰⁹). Не говоримъ уже о двухъ, неразъ упомянутыхъ нами, обширныхъ сборникахъ Никона черногорца—Пандектахъ и Тактиконѣ, въ которыхъ сведено безчисленное множество свидѣтельствъ изъ правилъ апостольскихъ и соборныхъ, изъ писаній св. отцевъ, изъ древнихъ уставовъ, изъ житій святыхъ и другихъ книгъ о самыхъ разнообразныхъ и

(²⁰⁹) Номоканонъ Іоанна Постника, вслѣдствіе долговременнаго употребленія и переписыванія, подвергся еще въ Греціи немалымъ измѣненіямъ не только въ своемъ содержаніи, но даже въ самомъ заглавіи: въ однихъ экземплярахъ онъ надписывался именемъ Іоанна Постника, константинопольскаго патріарха, въ другихъ именемъ Іоанна монаха, ученика св. Василія, по прозванію *чадо послушанія*, какъ замѣтилъ еще преп. Никонъ черногорецъ (Тактиконъ, Слов. IV, рукоп. нашей библ. № 74, л. 52 об.). У насъ этотъ номоканонъ въ XII в. неоднократно приводится въ извѣстныхъ „вопросаніяхъ“ Кирика (Памятн. Росс. Слов. XII в., 187. 190. 194), а затѣмъ встрѣчается въ Кормчей XIII в. подъ именемъ Іоанна мниха, чада, по послушанію, св. Василія (Опис. рукоп. Румянц. Муз. № 230, стр. 277), и въ спискахъ XVI в. подъ именемъ Іоанна Постника (Славяно-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № № 35. 36). Другой, названный нами, номоканонъ — неизвѣстнаго, изданный въ подлинникѣ Котелеріемъ (Monum. Ecclesiae Graecae, I, p. 68—159), у насъ встрѣчается въ XV в. безъ имени автора (въ Соловецк. Кормчей 1493 г., л. 389—455; Правосл. Собесѣдн. 1860, II, 316 и дал.), въ XVI в. — подъ именемъ Василія великаго (Слав.-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № 28), а въ послѣдующее время — подъ именемъ Зинара или Зонара (тамъ же № 42; Опис. Румянц. Муз. стр. 329), и по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ заключаетъ въ себѣ и номоканонъ Іоанна Постника. Глава 53-я Стоглава заимствована именно изъ 2-й главы этого псевдо-Зонарина Сборника. Подробности о номоканонѣ Іоанна Постника и другомъ — *Павлов. Номоканонъ* при больш. Требникѣ, 19—28, Одесс. 1872, и *свящ. М. Горчаков. Къ исторіи епитим. Номока. правосл. церкви*, 16—22, Спб. 1874.

часто самыхъ мелкихъ предметахъ церковнаго права и церковной жизни: изъ этого богатаго источника, какъ мы замѣчали въ своемъ мѣстѣ, много черпали наши писатели — Іосифъ волоколамскій, князь-инокъ Вассіанъ, митрополитъ Даниилъ и составители нашихъ Кормчихъ, особенно сводной (²¹⁰).

Составлялись такъ же и у насъ разные каноническіе сборники, иногда даже подъ именемъ Кормчихъ, въ которыхъ одна-кожъ недоставало самаго существеннаго содержанія настоящихъ Кормчихъ — полнаго изложенія правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, а помѣщались только, тамъ и сямъ, нѣкоторые изъ этихъ правилъ и свѣдѣнія о соборахъ; преимущественно же излагались, безъ всякаго порядка, такъ-называемыя дополнительные статьи Кормчихъ, принадлежація болѣе позднимъ соборамъ и духовнымъ писателямъ, греческимъ и русскимъ, выписки изъ градскихъ законовъ греческихъ императоровъ, церковные уставы русскихъ князей, отрывки изъ церковнаго и монастырскихъ уставовъ и вообще самая разнородная и безпорядочная смѣсь (²¹¹).

Уже то одно, что въ нашихъ Кормчихъ XV—XVI в. по-

(²¹⁰) Подробное описаніе Сборниковъ Никона черногорца, съ указаніемъ самихъ источниковъ, которыми онъ пользовался, см. у *Розенкмпфа*, Обзор. Кормчей, Прилож. VI, стр. 516—534.

(²¹¹) Для примѣра можемъ указать—1) на Соловецкую Кормчую 1493 г., подробно описанную въ Правосл. Собесѣдн. (1860, II, 202. 306), въ которой три части и собственно вторая надписана именемъ Кормчей (стр. 209); 2) на Кормчую новгород. Соф. библ., нумѣ с. п. б. дух. акад., XVI в., № 1176, который, по содержанію, имѣетъ большое сходство, но не тождество, съ этою именно второю частію Соловецкой Кормчей, только гораздо короче ея; 3) на Сборникъ, подъ заглавіемъ: „Правила“, тойже новгор. Соф. библ., нумѣ с. п. б. дух. акад., XVI в., № 1454, подробно описанный въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комисіи (вып. III, отд. III, 29—43), который, по составу своему, отличается отъ обоихъ, прежде названныхъ нами, Кормчихъ.

мѣщались и нѣкоторыя русскія статьи каноническаго содержанія, каковы: правило церковное митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу, правило митрополита Кирилла или владимірскаго собора 1274 г., правило митр. Максима о постѣ, церковныя уставы Владиміра и Ярослава и проч., даетъ поводъ заключить, что эти статьи имѣли у насъ тогда практическое употребленіе. И дѣйствительно, изъ исторіи самихъ соборовъ нашихъ начала и половины XVI столѣтія мы видимъ, что они руководствовались, кромѣ древнихъ церковныхъ правилъ и вообще узаконеній, перешедшихъ къ намъ, въ Кормчей книгѣ, изъ Греціи, постановленіями и русскихъ соборовъ, русскихъ іерарховъ и князей, какъ тѣмъ, которыя помѣщались иногда въ Кормчей, такъ и другими (²⁴²). Въ свою очередь постановленія новыхъ нашихъ соборовъ служили дальнѣйшимъ раскрытіемъ нашего церковнаго законодательства и давали новыя руководства для пастырей и всѣхъ вѣрующихъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важно обширное «Уложеніе» собора 1551 года, изложенное въ книгѣ «Стоглавъ», которое, съ самаго появленія своего, сдѣлалось какбы второю Кормчею собственно русской церкви и долго оставалось ея главнѣйшимъ руководствомъ, наравнѣ съ древнею Кормчею. Наши князья настоящаго періода, особенно великіе, подтверждали прежнія жалованныя грамоты нашимъ святителямъ, монастырямъ и вообще духовенству, и издали множество новыхъ подобныхъ грамотъ,

(²⁴²) Такъ соборъ 1503 г. указывалъ въ своемъ рѣшеніи о вдовыхъ священникахъ на правила митрополитовъ Петра и Фотія, а въ своемъ отзывѣ о церковныхъ имуществвахъ на уставъ св. Владиміра. Стоглавый же соборъ ссылается въ своемъ Уложеніи — на соборъ 1503 г., на посланія митр. Кипріяна и Фотія, на разсужденіе преп. Іосифа волоколамскаго, на уставъ Владиміровъ и друг.

въ которыхъ касались преимущественно церковныхъ владѣній, а отчасти и другихъ правъ церкви и ея іерархіи. Судебникъ в. кн. Іоанна III и особенно Судебникъ царя Іоанна IV, кромѣ того что ограждали неприкосновенность церковнаго суда, служили для него постояннымъ руководствомъ при обсужденіи дѣлъ болѣе гражданскаго характера и при наложеніи взысканій за преступленія (Стогл. гл. 68).

II.

Управленіе и судъ русской церкви, совершавшіеся втеченіе настоящаго періода на основаніи неисчисленныхъ нами узаконеній, духовныхъ и гражданскихъ, оставались въ своемъ устройствѣ и главныхъ чертахъ тѣми же самими, какими были и прежде; но въ нѣкоторыхъ частностяхъ опредѣлились теперь и уяснились съ большею точностію и подробностію.

Вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали: 1) всѣ вообще члены церкви, т. е. какъ духовныя лица, такъ и міряне, — а) по дѣламъ, относящимся къ вѣрѣ и церкви; б) брачнымъ, семейнымъ и касающимся чистоты нравовъ ⁽²¹³⁾; 2) въ частности, всѣ лица собственно духовныя, бѣлаго и монашескаго духовенства, не только по духовнымъ своимъ должностямъ и обязанностямъ, но и по дѣламъ гражданскимъ, за исключеніемъ немногихъ; къ этимъ лицамъ причислялись еще

(²¹³) Въ уставѣ Владиміровомъ, который считался еще дѣйствующимъ (Стогл. гл. 63), дѣла эти перечислены подробно (см. нашей Истор. Р. Церкви I, 185. 281, изд. 2).

люди *богадѣльные*, жившіе въ содержимыхъ церковію богадѣльняхъ, больницахъ, страннопріимницахъ, и *домовные*: дворовые люди у архіереевъ и другихъ духовныхъ лицъ и всѣ свѣтскіе служебные чины, состоявшіе при архіереяхъ и у нѣкоторыхъ монастырей ⁽²¹⁴⁾; наконецъ, всѣ вообще церковныя имущества и въ особенности земельныя владѣнія, равно какъ и всѣ міряне, жившіе на церковныхъ земляхъ. Самостоятельность этого своего вѣдомства во всѣхъ его частяхъ, независимость своего управленія и суда отъ князей, бояръ и вообще отъ властей свѣтскихъ, неотъемлемость церковныхъ имуществъ и владѣній предстоятели церкви отстаивали всякій разъ, когда вызываемы были обстоятельствами, и съ этою цѣлію, напри-мѣръ, на Стоглавомъ соборѣ, указывали на правила; или на толкованія правилъ, св. апостоловъ (2), св. соборовъ—халкидонскаго (8 и 9), кареагенскаго (15) и даже на правило пятого вселенскаго собора, несомнѣнно, подложное, не признавая, впрочемъ, его подложности ⁽²¹⁵⁾; на постановленія гре-

⁽²¹⁴⁾ *Богадѣльные* перечисляются въ церковномъ уставѣ Владиміра, а *домовные* упоминаются, хотя не перечисляются въ уставѣ вел. кн. Ярослава (Снес. А. Э. I, стр. 184). Въ Судебникахъ же Іоанна III и Іоанна IV говорится только: „а попа и діакона, и чернца и черницу, и старую вдовицу, которые питаются отъ церкви Божіи, ино ихъ судити святителю или его судіямъ“ (А. И. I, стр. 155. 248).

⁽²¹⁵⁾ Это правило, подъ именемъ то *правила*, то *слова*, то *завѣщанія св. отецъ 165 о обидѣнныхъ церкви божіи*, встрѣчается не только въ Кормчихъ XVI в. (Румянц. Муз. № 232, Опис. стр. 296; Кириллов. библи., нынѣ с. н. б. дух. акад. № 1079, л. 530 и др.) и, между прочимъ, въ сводной Кормчей (*Розенкампф*. О Кормч. 571, изд. 2), которою пользовался Стоглавый соборъ, но и въ Сборникъ 1493 г. (Соловецк. библи. № 858, л. 543—544) и приводится, какъ правило пятого вселенскаго собора, еще въ посланіи митрополита Филиппа въ Новгородъ, писанномъ въ 1467 г. (А. И. I, № 82, стр. 133). Въ Кормчихъ оно изложено довольно пространно (какъ и напечатано въ Псковской Лѣтописи, въ II. Собр. Р. Лѣт. IV, 238—239, и въ Правосл. Собесѣдн. 1861, III, 457—459); въ Стоглавѣ (стр. 268) и посланіи митрополита Филиппа приведено въ краткомъ

ческих императоровъ: Константина великаго, Юстиніана и Мануила Комнина; на церковный уставъ св. вел. князя Владимира и на двѣ грамоты митрополита кievскаго Кипріяна въ Новгородъ и Псковъ (Стогл. гл. 53—66). Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ и постановленій, за нарушение правъ церкви, угрожали разными наказаніями, анафемою и вѣчнымъ проклятіемъ. Защищая, однакожъ, съ ревностію неприкосновенность своего вѣдомства отъ всякихъ посягательствъ на него со стороны князей, бояръ и другихъ мірскихъ людей, церковь русская, тѣмъ не менѣе, всегда признавала надъ собою власть главы государства—вел. князя московскаго, какъ своего покровителя и защитника,—и государь великій князь имѣлъ самое обширное вліяніе на дѣла церкви по всѣмъ отраслямъ ея жизни.

Высшая, правительственная и судебная, власть въ русской церкви, съ тѣхъ поръ какъ она фактически перестала зависѣть отъ цареградскаго патріарха, сосредоточивалась исключительно въ ея собственныхъ соборахъ. Соборы въ настоящій періодъ бывали у насъ весьма часто: принято было за правило, чтобы епархіальные архіереи для соборныхъ совѣщаній собирались въ Москву къ митрополиту каждый годъ, по крайней мѣрѣ, однажды; но иногда, по требованію обстоятельствъ, они собирались и чаще, или, собравшись разъ, проживали въ Москвѣ очень долго и составляли, съ небольшими промежутками, цѣлый рядъ соборовъ; съ этою цѣлію нѣкоторыя, если не всѣ, архіереи имѣли для себя въ Москвѣ по-

видѣ, хотя и не одинаково. Еще иначе читается оно въ другихъ рукописяхъ (наприм. въ Уставѣ XVI в. моей библ. № 88, л. 553).

стоянныя подворья ⁽²¹⁶⁾. Созывалъ соборы обыкновенно митрополить, съ соизволенія или даже по приказанію вел. князя, но нерѣдко созывалъ и самъ непосредственно вел. князь своими грамотами къ епископамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось митрополита, его избранія или суда надъ нимъ. Засѣданія соборовъ происходили иногда въ церкви: въ архангельскомъ соборѣ, въ успенскомъ или его придѣлѣ; но большею частію въ палатахъ государевыхъ или митрополичьихъ ⁽²¹⁷⁾. Соборы составлялись иногда изъ однихъ только архіереевъ, которые, если не могли явиться на соборъ, присылали свои повольныя грамоты, наприм. при избраніи митрополита или епископа. Но, большею частію, на соборахъ присутствовали, кромѣ архіереевъ, и настоятели монастырей — архимандриты, игумены, строители, такъ же протоіереи, священники, монахи и вообще низшее духовенство; часто присутствовалъ и самъ государь, иногда съ своими дѣтьми, братьями и со всѣми боярами ⁽²¹⁸⁾. Предсѣдательствовалъ на соборѣ всегда митрополить, и только, если его не было или дѣло касалось его лично, старѣйшій изъ присутствовавшихъ архіепископовъ. Право голоса на соборахъ принадлежало, разу-

⁽²¹⁶⁾ А. И. I, № 101, стр. 145; нашей Ист. Р. Церкв. VI, 118—135. 253 — 268; П. Собр. Р. Лѣт. III, 157. 170; *Карамз.* VI, примѣч. 629, подъ 1479 г. Кобенцель, бывший у насъ въ 1573 г. посломъ императора Максимилиана II, такъ же говоритъ: *Mitropolitae ille Moscovitiens singulis annis synodum celebrat, in qua archiepiscopi et episcopi omnes comparere debent* (*Apud Starczew.* II, p 15). Новгородскому владыкѣ подворье въ Москвѣ подарено было царемъ Ив. Васильевичемъ IV (*Макар.* Опис. Новгор. архіер. дома, стр. 64, с. п 6 1857).

⁽²¹⁷⁾ Нашей Истор. VI, 14. 39. 49. 51. 55. 63. 80. 101. 126. 142. 215. 217. 222. 252. 290. 310; А. Юрид. № 360.

⁽²¹⁸⁾ Тамъ же VI, 14. 49. 56. 63. 93. 118. 135. 145. 254. 305.

мѣется, прежде всего митрополиту и прочимъ архіереямъ, и случалось, что, наприм., при разсмотрѣніи недоумѣній дьяка Висковатова, всѣ объясненія, въ продолженіе двухъ засѣданій, давалъ подсудимому исключительно самъ митрополитъ, а при судѣ надъ Максимомъ грекомъ и княземъ-старцемъ Васіаномъ дѣлалъ вопросы и обличенія то самъ митрополитъ, то, по его порученію, одинъ изъ архіереевъ. Но предоставлялось и другимъ духовнымъ лицамъ, присутствовавшимъ на соборахъ, выражать свои мнѣнія, и иногда, если эти лица отличались высокимъ умомъ и образованіемъ, ихъ голосъ имѣлъ даже преобладающее значеніе на соборѣ, какъ, наприм., голосъ преп. Іосифа волоколамскаго на соборахъ 1503—1504 годовъ. Государь, присутствуя на соборахъ, иногда, какъ на соборѣ Стоглавомъ, обращался къ отцамъ собора съ рѣчью, устною и письменною, и предлагалъ имъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые они должны были дать отвѣты; иногда принималъ участіе въ допрашиваніи еретиковъ, какъ Башкина и его товарищей; иногда, указывая на нужды отечества, прямо требовалъ отъ духовенства жертвъ, какъ по вопросу о церковныхъ владѣніяхъ, и вообще высказывалъ, не стѣсняясь, свои мысли предъ отцами собора, пока происходили ихъ разсужденія о томъ или другомъ предметѣ; но затѣмъ постановлять самыя опредѣленія и рѣшенія предоставлялъ уже отцамъ собора. А бояре, находившіеся на соборахъ, не вмѣшивались даже и въ разсужденія соборовъ, и когда однажды дьякъ Висковатовъ, слушая на соборѣ разговоръ государя съ митрополитомъ объ иконахъ, позволилъ себѣ высказать свое мнѣніе, то митр. Макарій, назвавъ это мнѣніе «негораздымъ», замѣтилъ дьяку: «зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ

положены» (249). Рѣшенія или вообще дѣянія нашихъ соборовъ въ настоящій періодъ касались всѣхъ отраслей и предметовъ церковнаго управленія и суда. Къ дѣяніямъ перваго рода, касавшимся управленія, относятся: разсмотрѣніе и одобреніе толковой Псалтыри, переведенной Максимомъ грекомъ; установленіе новыхъ праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ, разсмотрѣніе житій ихъ и церковныхъ службъ имъ; распоряженіе о продолженіи пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ; избранія и поставленія митрополитовъ и епископовъ; постановленія о невзиманіи пошлинъ съ поставляемыхъ на священныя степени и о лѣтахъ этихъ лицъ, о вдовыхъ священникахъ, о мужеско-женскихъ монастыряхъ и перечисленіи Іосифо-волоколамскаго монастыря въ вѣдѣніе вел. князя московскаго; постановленія о бѣломъ клобукѣ и красной печати для митрополита, о четвертомъ бракѣ для царя Ивана Васильевича; разсужденія и приговоры о церковныхъ вотчинахъ и почти все многосложное «соборное уложеніе о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ» Стоглаваго собора. Къ рѣшеніямъ и вообще дѣяніямъ нашихъ соборовъ, касавшимся церковнаго суда, относятся: всѣ статьи Стоглава «о святительскомъ судѣ», въ которыхъ кратко обозначены не только предметы и лица, подсудные церковной власти, но и устройство церковныхъ судовъ и порядокъ судопроизводства въ нихъ; рѣшенія о ереси жидовствующихъ и самихъ еретикахъ, о ересяхъ Башкина и Θεодосія Косаго, о недоразумѣніяхъ дьяка Висковатаго и ви-

(249) Тамъ же VI, 99 126—128. 135. 181. 195. 221. 254. 263 - 264. Мѣра участія государя на соборахъ довольно точно обозначена, наприм., въ двухъ грамотахъ о соборѣ 1503—1504 г. (А. Э. I, № 383), но не совсѣмъ точно въ третьей грамотѣ о томъ же соборѣ (А. Э. I, № 382).

новности его; судебные приговоры о митрополитѣ Филиппѣ II, архіепископахъ — ростовскомъ Θεодосіѣ и новгородскомъ Серапіонѣ, о старцѣ Максимѣ грекѣ и князѣ-старцѣ Васіанѣ ⁽²²⁰⁾. Соборныя рѣшенія и постановленія одни подписывались только архіереями, другія и низшими духовными лицами—архимандритами, игуменами, и утверждались согласіемъ государя, который привѣшивалъ къ нимъ свою печать; а обнародывались то отъ лица собора, то отъ лица митрополита, то отъ лица самага государя ⁽²²¹⁾. Неизлишне присовокупить, что, принимая такое участіе въ дѣянiяхъ соборовъ, государь охотно допускалъ и участіе соборовъ въ дѣлахъ его государственныхъ. Такъ, когда Іоаннъ III, отправившись съ войскомъ противъ татарскаго хана Ахмата, колебался вступить съ нимъ въ борьбу, соборъ русскихъ іерарховъ послалъ своему вел. князю посланіе и убѣждалъ его постоять мужественно за вѣру и отечество. Іоаннъ IV самъ предложилъ свой Судебникъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Стоглаваго собора. Тотъ же государь пригласилъ всѣхъ святителей со множествомъ духовенства участвовать въ земской думѣ, собиравшейся въ Москвѣ, чтобы рѣшить вопросъ, продолжать ли или прекратить борьбу съ Польшею. Не говоримъ уже о томъ, что въ случаяхъ важнѣйшихъ, наприм. предпринимая войну противъ враговъ, государь обыкновенно испрашивалъ благословенія митрополита, епископовъ и всего освященнаго собора ⁽²²²⁾.

⁽²²⁰⁾ Тамъ же VI, 91. 99. 101. 119—126. 142. 163. 180—193. 216. 228. 253—268. 290. 309. 312. 314.

⁽²²¹⁾ А. Э. I, №№ 231. 232. 284. 382. 383; Собр. Госуд. грам. I, №№ 200. 202; А. И. I, № 285.

⁽²²²⁾ А. И. I, № 90; Стоглав. гл. 4, стр. 47—48; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 317; VIII, 184.

Митрополиту, какъ главѣ русской митрополіи и первоіерарху русской церкви, принадлежала такъ же власть, простиравшаяся на всю отечественную церковь, но гораздо меньшая сравнительно съ властію соборовъ. Избираемый и поставляемый соборомъ русскихъ святителей, впрочемъ, не иначе, какъ по волѣ вел. князя, который притомъ самъ вручалъ ему, торжественно въ церкви, архипастырскій жезлъ, митрополитъ имѣлъ особенно-высокое значеніе въ глазахъ вѣрующихъ: всѣ они, безъ всякаго различія званій и состояній, видѣли въ немъ своего общаго отца духовнаго, верховнаго учителя и руководителя къ вѣчной жизни. Самъ вел. князь всегда называлъ митрополита своимъ *отцемъ*, даже въ официальныхъ бумагахъ, и просилъ себѣ его благословенія, а митрополитъ всегда называлъ вел. князя своимъ духовнымъ *сыномъ* и преподавалъ ему благословеніе (²²³). Всѣ архіепископы и епископы именовали митрополита такъ же своимъ *отцемъ*, а иногда и своимъ *господиномъ*, даже *государемъ*, какъ именовали его и князья, и бояре и другіе вѣрующіе; а онъ и всѣхъ архіереевъ, какъ и всѣхъ вѣрующихъ, называлъ своимъ *сынами*, своимъ *дѣтьми*, и всѣмъ архіереямъ, какъ и мірянамъ, преподавалъ и посылалъ свое благословеніе (²²⁴). Изрѣдка только удостоивалъ, въ своихъ посланіяхъ, называть какого либо архіепископа или епископа своимъ сыномъ и вмѣстѣ братомъ, но отнюдь не допускалъ, чтобы и его самого осмѣлился подчиненный архіерей назвать такъ же своимъ братомъ (²²⁵). И хотя обыкновенно

(²²³) А. Э. I, №№ 80. 213. 383; А. И. I, №№ 159. 160. 282. 283 и другіе.

(²²⁴) А. И. I, №№ 53. 56. 60. 61. 62. 64. 65. 66. 104. 114. 129. 274. 277; А. Э. I, №№ 75. 99. 229. 238; Дополн. къ А. И. I, № 35; А. Юрид. № 360.

(²²⁵) А. И. I, №№ 44. 268. 269.

титоловали митрополита *преосвященнымъ*, какъ и другихъ епархіальныхъ архипастырей, но для отличія отъ нихъ, ему усвоили такъ же титулъ *святѣйшаго* ⁽²²⁶⁾. Приванный имѣть архипастырское попеченіе о всей отечественной церкви, митрополитъ иногда разсылалъ свои окружныя посланія по всей Россіи, въ которыхъ то извѣщалъ о своемъ вступленіи на кафедру и преподавалъ всѣмъ свое первое святительское благословеніе, то училъ своихъ духовныхъ чадъ вѣрѣ и благочестію, то призывалъ ихъ къ дѣламъ милосердія и благотворительности къ бѣдствующимъ христіанамъ востока ⁽²²⁷⁾; а иногда обращался съ своимъ словомъ только въ нѣкоторыя страны, въ нѣкоторые города по указанію обстоятельствъ: нѣсколько разъ писалъ въ западный край Россіи и къ епископамъ, и къ князьямъ, и ко всѣмъ вѣрующимъ, и всѣхъ убѣждалъ и умолялъ пребывать твердыми въ православіи, не отдѣляться отъ русской митрополіи, не принимать себѣ особаго митрополита, поставленнаго въ Римѣ, ученика измѣнника — Исидора; писалъ неразъ въ Вятку и Пермь и обличалъ тамошнихъ христіанъ за ихъ приверженность къ языческимъ суевѣріямъ, за ихъ незаконные браки и несоблюденіе церковныхъ уставовъ, строго укорялъ самое духовенство за его крайнее нерадѣніе о своемъ долгѣ и нечестіи и угрожалъ нераскаяннымъ отлученіемъ отъ церкви; писалъ неразъ къ жителямъ Новгорода и Пскова, порицалъ ихъ своеволие и самоуправство въ дѣлахъ церковныхъ, училъ ихъ повиноваться своему владыкѣ; не отнимать церковныхъ имуществъ, не вмѣшиваться въ церковные

(226) А. Э. I, № 229, стр. 222; № 232; А. И. I, № 274.

(227) А. И. I, №№ 43. 103. 264. 300; нашей Истор. Р. Церкв. VII, 382—386.

суды, жить въ мирѣ и любви и благочестіи ⁽²²⁸⁾. Тоюже самую своею духовною властію митрополитъ старался дѣйствовать и ко благу отечества: обращался съ рѣчью, писалъ посланія къ самому государю и наставлялъ его не только въ христіанскихъ, но и въ его царскихъ обязанностяхъ; слалъ посланія и къ князьямъ удѣльнымъ и убѣждалъ ихъ покоряться вел. князю, не нарушать данной клятвы и заключенныхъ съ нимъ договоровъ, не проливать напрасно христіанской крови, угрожалъ за вѣроломство судомъ Божиимъ и отлученіемъ отъ общества вѣрующихъ; писалъ въ Новгородъ, Псковъ, Вятку, и такъ же убѣждалъ не измѣнять великому князю, не предаваться на сторону его враговъ, просить у него помилованія и прощенія за допущенную измѣну; обращался съ рѣчами и посланіями къ государевымъ воинамъ и одушевлялъ ихъ именемъ вѣры стоять мужественно противъ враговъ за царя и отечество ⁽²²⁹⁾. Какъ общій отецъ всѣхъ вѣрующихъ, митрополитъ часто являлся предъ вел. княземъ, своимъ духовнымъ сыномъ, въ качествѣ печальника и ходатая за провинившихся предъ нимъ и опальныхъ, и испрашивалъ имъ помилованіе; своими кроткими увѣщаніями часто примирялъ вельможъ, бояръ и другихъ гражданъ, примирялъ супруговъ, родителей и дѣтей, и такимъ образомъ вносилъ согласіе и любовь въ бытъ общественный и семейный ⁽²³⁰⁾. Но всѣ такіа дѣйствія и непосредственныя отно-

⁽²²⁸⁾ А. И. I, №№ 45. 47. 63. 66. 77. 97. 98. 112. 261. 267. 277. Въ 1572 г. митрополитъ прислалъ въ Новгородъ разомъ три грамоты, которыя и прочитаны были, одна за другою, въ софійскомъ соборѣ, въ слухъ всего народа и духовенства (П. Собр. Р. Лѣт. III, 171).

⁽²²⁹⁾ Нашей Истор. VI, 30—33; VII, 405—423; А. И. I, №№ 60. 98. 139. 261. 280. 281; А. Э. I, № 372.

⁽²³⁰⁾ Нашей Истор. VI, 168. 204. 209—211. 214; А. И. I, №№ 46. 282; Дополн. А. И. I, № 11.

шенія митрополита ко всѣмъ сынамъ русской церкви совершались только по временамъ, когда открывался случай или требовала нужда; а главныя, постоянныя, непрерывавшіяся отношенія первосвятитель нашъ имѣлъ къ подвѣдомымъ ему епархіальнымъ архіереямъ, и чрезъ нихъ — то дѣйствовалъ и на все духовенство и на всѣхъ вѣрующихъ. Еще предъ рукоположеніемъ своимъ всѣ архіереи давали, въ своемъ исповѣданіи, обѣтъ повиноваться во всемъ своему господину и отцу митрополиту; а митрополитъ, отпуская каждаго изъ нихъ, по рукоположеніи, на епархію, давалъ ему настольную грамоту, которою уполномочивалъ его творить все святительское во вѣренной ему епархіи и призывалъ всѣхъ вѣрующихъ епархіи покоряться своему новому архипастырю ⁽²³¹⁾. Послѣ того митрополитъ, большею частію, слалъ архіереямъ грамоты съ своими распоряженіями относительно тѣхъ или другихъ предметовъ церковной жизни, а перѣдко вызывалъ архіереевъ къ себѣ, то одного, то нѣсколькихъ, то всѣхъ, и давалъ имъ наставленія лично, или имѣлъ съ ними соборныя разсужденія и совѣщанія ⁽²³²⁾. Случалось, что инымъ архіереямъ поручалъ какое либо особое дѣло на пользу церкви, а другимъ вмѣнялъ въ обязанность вліять пастырски на удѣльныхъ князей или на народъ въ пользу великаго князя, ко благу общаго отечества—Россіи ⁽²³³⁾. И имѣя постоянный надзоръ за служеніемъ и самою жизнію епархіальныхъ владыкъ, однихъ одобрялъ и благодарилъ за ревность по вѣрѣ

⁽²³¹⁾ А. И. I, №№ 61. 68; А. Э. I, № 375, стр. 470.

⁽²³²⁾ А. Э. I, № 267; А. И. I, № 271; Дополн. А. И. I, № 221; А. Юрид. № 360.

⁽²³³⁾ Намей Истор. VI, 101. 372. 380; А. И. I, №№ 51. 56.

и заботливость о паствѣ, другимъ угрожалъ за неповиновеніе и небрежность къ своему долгу, третьихъ обличалъ за какіе либо пороки и убѣждалъ исправиться и жить, какъ подобаетъ архипастырю ⁽²³⁴⁾. Епархіальные архіереи обращались къ митрополиту съ своими недоумѣніями, на которыя и получали отъ него разрѣшенія; доносили ему о появившихся ересяхъ и расколахъ; высылали ему ежегодно, каждый отъ своей епархіи, опредѣленные пошлыны; просили иногда его ходатайства за себя предъ вел. княземъ и под. ⁽²³⁵⁾. Для правильного пониманія дѣятельности митрополита, какъ главы русской митрополіи, необходимо сдѣлать два замѣчанія. Дѣятельность эта, впрочемъ, не была вполне самостоятельной: почти всѣ свои распоряженія, болѣе важныя, митрополитъ предпринималъ не иначе, какъ съ вѣдома или соизволенія или даже по приказанію вел. князя. Потому-то и епархіальные владыки, донося, напримѣръ, о появленіи ересей митрополиту, доносили вмѣстѣ о томъ же и вел. князю, и, получая отъ митрополита какія либо рѣшенія, тѣже самыя рѣшенія получали и отъ вел. князя ⁽²³⁶⁾. А вовторыхъ — дѣятельность эта была только духовно-административная: судебной

⁽²³⁴⁾ Нашей Истор. VII, 365—367; А. И. I, №№ 268. 271; Дополн. А. И. I, № 13.

⁽²³⁵⁾ А. И. I, № 104; А. Э. I, №№ 253. 380. Высылать митрополиту пошлыны отъ своей епархіи каждый архіерей давалъ общае еще предъ рукоположеніемъ своимъ (А. Э. I, стр. 463. 470), и новгородцы въ своей договорной граматѣ съ вел. князьями московскими (1471 г.), между прочимъ, сказали: „а пошлыны вамъ, великимъ княземъ, и вашему отцу митрополиту отъ владыки имати по старинѣ, а лишнего не прибавляти“ (А. Э. I, № 91). О полученіи такихъ пошлынъ или поминковъ отъ новгород. владыки упоминаетъ, съ благодарностію, митрополитъ Θεодосій (А. И. I, № 275, стр. 507).

⁽²³⁶⁾ А. И. I, № 285; А. Э. I, №№ 382. 383.

власти митрополитъ лично не имѣлъ ни надъ архіереями, ни надъ другими членами церкви внѣ своей епархіи, и хотя къ нему восходили донесенія и жалобы на архіепископовъ и епископовъ, хотя иногда онъ поручалъ, съ соизволенія вел. князя, производить предварительныя разслѣдованія о проступкахъ какого либо архіерея, но потомъ ограничивался одними административными распоряженіями,—дѣлалъ виновному внушеніе, замѣчаніе и под., или даже предлагалъ отказаться отъ кафедры; а дѣйствительно судить архіепископа или епископа могъ только съ соборомъ епископовъ ⁽²³⁷⁾.

Епархіальнымъ архіереямъ, въ томъ числѣ и митрополиту, который имѣлъ свою особую епархію, принадлежала не одна административная, но равно и судебная власть, каждому лишь въ предѣлахъ его собственной епархіи. Самыя вѣрныя и довольно подробныя свѣдѣнія объ епархіальномъ управленіи настоящаго періода и объ епархіальномъ судѣ находимъ въ книгѣ Стоглавъ: такъ какъ Стоглавый соборъ изложилъ о томъ и другомъ предметѣ, большею частію, не новыя постановленія и правила, а тѣ самыя, какія существовали въ его время и до него, но только часто были нарушаемы или вовсе оставались въ пренебреженіи, и если сдѣлалъ какія либо поясненія и измѣненія, то немногія. Этими свѣдѣніями мы и воспользуемся, дополняя ихъ, по возможности, свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ.

Духовное управленіе каждого архипастыря, безъ сомнѣнія, простирается на всю его духовную паству; но онъ не столько самъ непосредственно можетъ дѣйствовать на всѣхъ вѣрую-

(237) Нашей Истор. VI, 51. 120—121. 145.

щихъ своей епархіи, особенно при обширности ея, сколько дѣйствуетъ чрезъ подвѣдомое ему низшее духовенство. Поэтому—то главная забота нашихъ архипастырей въ дѣлѣ епархіального управленія сосредоточивалась, какъ и всегда, на епархіальномъ духовенствѣ, и заключалась въ томъ, во первыхъ, чтобы давать всѣмъ приходамъ и церквамъ епархіи достойныхъ пастырей, которые были бы способны и учить своихъ прихожанъ вѣрѣ, и совершать для нихъ церковное богослуженіе, и вообще руководить ихъ на пути къ вѣчной жизни, во вторыхъ—чтобы употреблять надлежащія мѣры противъ уклоненій этихъ пастырей отъ своего призванія и долга, и въ третьихъ—чтобы внимательно и постоянно наблюдать за ихъ пастырскимъ служеніемъ и жизнію и руководить ими.

Поставленіе священниковъ и другихъ членовъ причта для церкви епархіи соединено было у насъ съ крайними затрудненіями (*). При архіерейскихъ кафедрахъ не существовало

(*) При сельскихъ нашихъ церквахъ, большею частію, состояли только священникъ и одинъ причетникъ—дьячекъ или пономарь, да кромѣ того просвирия и сторожъ (*Неволин. О пятин. новгород., Писцов. книг. въ Прилож. стр. 23—25. 32—43. 87 и мног. друг.*); при нѣкоторыхъ—священникъ и оба причетника (тамъ же 76. 78. 83. 199. 230. 237) и лишь при весьма немногихъ—священникъ, дьяконъ, дьячекъ и пономарь (тамъ же 291). При городскихъ церквахъ, при однихъ былъ полный причтъ, при другихъ неполный—безъ дьякона (А. Э. I, № 205). При соборныхъ городскихъ церквахъ и въ монастыряхъ бывало по нѣскольку священниковъ и дьяконовъ, наприм., при Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ—четыре священника (А. Э. I, № 159); при женскомъ успенскомъ монастырѣ во Владимірѣ—четыре священника и два дьякона (А. Э. I, № 155); при одномъ изъ мужескихъ монастырей въ Переяславѣ—четыре священника и два дьякона, а при другомъ два священника (А. Э. I, № 191). Причты кафедральныхъ соборовъ были многочисленнѣе: напримѣръ, при новгородскомъ софійскомъ соборѣ въ 1552—1554 г. состояли протопопъ, восемнадцать поповъ, протодьяконъ, четыре дьякона, да архидьяконъ, два псаломщика и 17 дьячковъ (Собр. Р. Лѣт. III, 251; А.

училищъ, и архіереи не имѣли возможности сами назначать достойныхъ людей на всѣ открывавшіяся въ приходахъ священно — и церковнослужительскія мѣста. Забота объ этомъ предоставлена была мѣстнымъ прихожанамъ; а прихожане, по тойже самой причинѣ, т. е. по неимѣнію училищъ и образованныхъ людей, часто выбирали себѣ въ попы малограмотныхъ или почти безграмотныхъ и приводили ихъ къ своему архипастырю для поставленія. Архіереи сознавали, что ставить такихъ людей священниками и діаконами противно свящ. правиламъ, а не ставить — церкви будутъ безпѣнія и православные стануть умирать безъ покаянія. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія. Въ Новгородѣ, напри-мѣръ, прихожане открыто торговали церковными мѣстами и со всякаго, кто желалъ поступить на мѣсто священника, діакона, дьячка, пономаря, даже просвирни, требовали денегъ; за священническія мѣста брали по пятнадцати, двадцати и тридцати рублей, и избирали тѣхъ, кто давалъ больше, а не тѣхъ, кто былъ грамотнѣе и достойнѣе по жизни. Присылалъ ли самъ владыка къ какой либо церкви священника, гораздаго граматѣ и благочестиваго, прихожане не принимали его, если онъ не давалъ имъ большихъ денегъ. Равно и къ церквамъ ружнымъ, существовавшимъ въ разныхъ городахъ, княжескіе дворецкіе и дьяки, а въ Псковѣ намѣстникъ владыки, избирали въ члены причта только тѣхъ, кто давалъ больше денегъ, не обращая вниманія, насколько

Э. III, № 306, стр. 453). При владимірскомъ успенскомъ соборѣ въ 1534 г. состояли протопопъ, семь священниковъ, протодіаконъ, четыре діакона и проч. (Сборн. *Муланова*, изд. 2, № 319).

они грамотны и достойны священнаго сана. Для устраненія этихъ недостатковъ, о которыхъ засвидѣтельствовалъ на Стоглавомъ соборѣ самъ государь, соборъ постановилъ—а) чтобы въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ открыты были училища, въ которыхъ дѣти обучались бы «грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и наложному чтенію», и такимъ образомъ приготавливались на служеніе церкви, и—б) чтобы по всѣмъ епархіямъ прихожане къ своимъ приходскимъ церквамъ, а дворецкіе, дьяки или владычные намѣстники къ церквамъ ружнымъ избирали священниковъ, діаконѣвъ и прочихъ членѣвъ причта «искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ, и житіемъ непорочныхъ», а денегъ отъ нихъ и мзды себѣ не требовали и не принимали (Стогл. гл. 25. 26 и 41, вопр. 14. 15) (*³⁹). Вмѣстѣ съ тѣмъ соборомъ изложены и въ руководство епископамъ по этому предмету слѣдующія правила: 1) епископы должны съ великимъ испытаніемъ избирать въ свящ. санъ (разумѣется, изъ числа представляемыхъ прихожанами) достойныхъ, священное писаніе въ конецъ вѣдующихъ и могущихъ строить все пастырское, исполнять церковный чинъ по божественному уставу, а особенно упаси врученное имъ стадо словесныхъ овецъ; 2) должны испытывать отъ отца духовнаго и отъ семи свидѣтелей (какъ было положено еще на Владимірскомъ соборѣ 1274 года) о чистотѣ жизни избраннаго и о лѣтахъ его возраста: если будетъ достоинъ и тридцати лѣтъ, такого ставить въ попы,

(*³⁹) Въ приговорѣ тогоже собора по жалобницамъ новгородскихъ священниковъ такъ же сказано: „а избирати по всѣмъ церквамъ поповъ и діаконѣвъ *прихожаномъ* искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ“ (Стогл. стр. 422; снес. А. Э. I, № 229).

а 25-ти лѣтъ — ставить въ діаконы, согласно съ древними канонами церкви; если же будутъ и весьма достойны, но по лѣтамъ несовершенно, такихъ не ставить до урочныхъ лѣтъ.

3) Когда діаконскаго или священническаго сана будутъ искать причетники, хотя и совершенные по лѣтамъ, но еще несовершенно умѣющіе грамотѣ, то такихъ предварительно посылать по соборнымъ церквамъ, чтобы тамъ они, подъ руководствомъ протоіерея и священниковъ, обучались и навыкли

всему церковному чину, и тогда-то уже, если окажутся достойными, да будутъ поставлены. 4) А если эти причетники, ищущіе свящ. сана, грамотѣ мало умѣютъ и по лѣтамъ несовершенно или даже и совершенны, то святителямъ отсылать такихъ къ мастерамъ въ училище, пока не научатся совершенно грамотѣ и всему церковному чину, и затѣмъ достойныхъ поставлять въ свящ. санъ.

5) Поставленнымъ святители повелѣваютъ служить седмицу у соборныхъ церквей, и когда новопосвященный отслужить свою урочную седмицу, — епископъ, отпуская его къ порученной ему церкви, дастъ ему отъ правилъ св. апостоловъ хиротонію (ставленную грамоту) и прочтетъ ему свитокъ; содержащій въ себѣ подробнѣйшее поученіе святителя къ священнослужителямъ, какъ имъ проходить свое пастырское служеніе, положить этотъ свитокъ на престолъ и велитъ новопоставленному взять свитокъ съ престола себѣ на память и въ руководство (Снес.

А. И. I, № 109). 6) Въ особенности же поучаютъ въ это время святители новорукоположенныхъ священниковъ, чтобы они сами жили въ чистотѣ, страхѣ Божиѣмъ и въ прочихъ добродѣтеляхъ, блюли себя отъ невоздержанія, пьянства и прочихъ злыхъ дѣлъ и служили примѣромъ для своихъ дѣтей

духовныхъ; равно поучаютъ и діаконовъ, чтобы хранили свое діаконство чисто и непорочно, жили безъ всякаго зазору, были прилежны къ церкви Божіей, въ покорности священнику, а ко всѣмъ христіанамъ въ любви и смирѣніи, и всѣмъ показывали образъ добрыхъ дѣлъ во славу Божию (Стол. гл. 89).

Несмотря, однакожъ, на все попеченіе церковнаго правительства поставлять на приходы достойныхъ пастырей, многіе изъ нихъ дѣлались виною разныхъ безпорядковъ и нестроений въ церкви, и первое мѣсто между такими священнослужителями занимали такъ-называемые *безмѣстные* или безприходные. Прихожане, избирая себѣ духовныхъ пастырей по своему усмотрѣнію, принимая ихъ къ себѣ по договору, какбы по найму, считали себя въ правѣ и удалять ихъ отъ своей церкви по своему усмотрѣнію, и часто, не стѣсняясь договоромъ, дѣйствительно удаляли, безъ вѣдома епархіальнаго владыки, а себѣ нанимали другихъ священниковъ или священноиноковъ, иногда же и сами священники, недовольные почему либо прихожанами такъ же нарушали договоръ и оставляли свои мѣста. Оттого классъ безмѣстныхъ священниковъ былъ у насъ весьма многолюденъ, и всѣ они, не имѣя, чѣмъ содержаться, начинали бродить и отыскивать себѣ приходовъ и средствъ для жизни. Съ этою цѣлію многіе выпрашивали себѣ у своего епархіальнаго начальства *отпускныя грамоты*, въ которыхъ сами архіереи разрѣшали имъ отправляться во всѣ епархіи, въ какія пожелаютъ, и священнодѣйствовать повсюду, гдѣ имъ позволятъ мѣстные церковныя власти; а другіе пускались странствовать по епархіямъ и безъ отпускныхъ и даже безъ ставленныхъ грамотъ, и нерѣдко находили прихожанъ, нанимавшихъ ихъ для служенія въ своей приходской церкви, или

ванимались совершать службы въ монастыряхъ, нуждавшихся въ священнослужителяхъ. Въ Псковъ, напримѣръ, приходили такіе священнослужители, принадлежавшіе какъ къ бѣлому, такъ и черному духовенству, не только изъ предѣловъ новгородскихъ, московскихъ, тверскихъ, но и изъ Литвы, т. е. совсѣмъ изъ другой митрополіи, западно - русской, и, не предъявляя никакихъ грамотъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ, обращались прямо къ прихожанамъ разныхъ церквей, старались такъ или иначе пріобрѣсть ихъ расположенность, предлагали имъ свои услуги,—и прихожане часто принимали этихъ пришлецовъ и удаляли своихъ прежнихъ пастырей—игуменовъ, священноиноковъ, священниковъ и діаконъ, заставляя ихъ, въ свою очередь, по неволѣ «волочиться безъ мѣстъ». Для устранения такого рода безпорядковъ, наши архипастыри настойчиво подтверждали своимъ намѣстникамъ и другимъ подчиненнымъ властямъ, чтобы они убѣждали прихожанъ не прогонять отъ себя самовольно своихъ пастырей и не принимать новыхъ безъ воли и распоряженія владыки, а съ другой стороны, чтобы внимательно слѣдили за приходящими въ епархію безмѣстными священниками и діаконами, имѣютъ ли они ставленныя и отпускныя грамоты, и если не имѣютъ, то отнюдь не позволяли бы имъ священнодѣйствовать и занимать мѣста въ приходахъ. Настоятелямъ же монастырей Стоглавый соборъ угрожалъ даже отлученіемъ, если они будутъ позволять въ своихъ монастыряхъ священнослуженіе такимъ священникамъ и діаконамъ, у которыхъ не окажется ставленныхъ и отпусковыхъ грамотъ ⁽²⁴⁰⁾.

⁽²⁴⁰⁾ Грамат. новгор. архіеп. Макарія, въ Истгор. Княж. Псков. II, 82—85;

Кромѣ безмѣстныхъ священниковъ, въ городахъ, гдѣ находились каѳедры архіереевъ, немало нестроений производили и другіе пришлые священнослужители. Въ каждый изъ этихъ городовъ стекалось духовенство изъ всѣхъ мѣстъ епархіи, а въ Москву и со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ бывали архимандриты, игумены и священноиноки, протоіереи, священники, діаконы, имѣвшіе право священнослуженія и запрещенные. Одни изъ нихъ приходили въ столицу или въ свой епархіальный городъ по своей волѣ, по дѣламъ своихъ монастырей или церквей или по дѣламъ домашнимъ, а другіе по требованіямъ суда—«за поруками, за приставами, по кабаламъ, по срочнымъ, въ бояхъ, грабежахъ и въ прочихъ различныхъ дѣлахъ». Многіе, проживая въ этихъ городахъ иногда довольно долго, старались отыскивать случаи наниматься иногда въ помощь приходскимъ священнослужителямъ, а иногда для отпращиванія службъ въ домовыхъ церквахъ, которыхъ особенно въ Москвѣ было очень много и которыя, большею частію, не имѣли у себя причтовъ. Для того, чтобы имѣть право наниматься, всѣ пришлые священнослужители бѣлаго и монашествующаго духовенства, по изстари-заведенному обычаю, должны были являться къ тіуну мѣстнаго первосвятителя и получать отъ тіуна, за опредѣленную плату, *знамя* или свидѣтельство на мѣсяць, на два и болѣе, и потомъ сходились на извѣстные городскіе перекрестки или крестцы (въ Москвѣ—на Ильинской улицѣ въ торгу) и предлагали свои услуги

желающимъ. Но нѣкоторые священнослужители не обращались къ тіуну за знаменемъ и совершали службы, по найму, безъ знамени. Да и сами тіуны часто злоупотребляли: они охотно выдавали знамя за плату, а не разыскивали, имѣютъ ли право получавшіе знамя священнодѣйствовать, есть ли у нихъ ставленныя, благословенныя и отпускныя грамоты, а такъ же, по доброй ли волѣ они пришли въ городъ или по дѣламъ судебнымъ. Стоглавый соборъ не оставилъ безъ вниманія и этихъ злоупотребленій, и имѣя въ виду преимущественно Москву, гдѣ они случались чаще, постановилъ: а) впредь всѣ пріѣзжіе архимандриты, игумены, священноиноки, протоіереи, священники и діаконы, которые пожелаютъ наниматься въ Москвѣ для отправленія церковныхъ службъ, должны являться къ митрополитическому тіуну; б) тіунъ прежде всего долженъ разсматривать, имѣютъ ли они грамоты ставленныя, благословенныя и отпускныя, и по какимъ дѣламъ пріѣхали въ столицу, по своимъ ли, чтобы бить челомъ царю или митрополиту и проч., или пріѣхали за поруками, за приставомъ и въ какой либо пенѣ; в) тѣмъ, которые пріѣхали по своимъ дѣламъ и имѣютъ всѣ надлежащія грамоты, тіуну выдавать знамена; а тѣмъ, у кого грамотъ не будетъ, хотя бы и по своимъ дѣламъ они пріѣхали, знаменъ не выдавать; г) всѣмъ же, пріѣхавшимъ за поруками въ какихъ либо дѣлахъ, духовныхъ или иныхъ, хотя бы у нихъ и были надлежащія грамоты, знаменъ не выдавать; д) а если эти пріѣхавшіе за поруками начнутъ служить безъ знаменъ и потомъ будутъ обличены, то приводитъ ихъ къ митрополиту и быть имъ подѣ запрещеніемъ, по правиламъ; е) наконецъ, если тіунъ станетъ выдавать знамена тѣмъ, которые пріѣхали за поруками и за приставомъ, или у кото-

рыхъ не будетъ ставленныхъ, благословенныхъ и отпусковыхъ грамотъ, тогда тіуну быть отъ митрополита въ великой опалѣ и изъ тіунства быть извержену (Стогл. гл. 69, стр. 325—328). Само собою разумѣется, что этими же правилами, по примѣру Москвы, должны были руководиться и въ другихъ епархіальныхъ городахъ.

Еще болѣе заботъ причиняли у насъ церковному правительству своимъ поведеніемъ вдовы священники и діаконъ. Мы уже знаемъ, какъ въ Москвѣ боролся съ ними самъ митрополитъ Θεодосій и не могъ искоренить зла; какъ въ Псковѣ сами священнослужители всѣхъ пяти соборовъ торжественно предъ лицомъ вѣча положили отлучить отъ службы всѣхъ вдовыхъ поповъ и діаконъ псковской области за ихъ позорную жизнь, и какъ, наконецъ, московскій соборъ 1503 г. постановилъ: всѣхъ вдовыхъ священниковъ и діаконъ, имѣющихъ вложницъ, разлучить съ ними, лишитъ сана и изключить изъ клира; а прочимъ, которые, по смерти своихъ женъ, хотя живутъ честно и незазорно, но не хотятъ постричься въ монашество, запретить священнослуженіе, съ тѣмъ чтобы они стояли въ церкви на клиросѣ вмѣстѣ съ чтецами и пѣвцами, пользуясь за это отъ своихъ преемниковъ четвертою частію доходовъ, и только могли причащаться въ алтарѣ, священники, надѣвъ епитрахиль, а діаконъ — стихарь съ ораремъ (нашей Истор. VI, 55. 57. 122). Но это соборное постановленіе съ теченіемъ времени почти потеряло силу, и вотъ уже на Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ говорилъ: «нынѣ вдовыхъ поповъ два жеребья: одни обѣдни не служатъ, но церковью и приходомъ владѣютъ и

дѣтьми духовными, даютъ молитвы родильницамъ и имена дѣтямъ, крестятъ, вѣнчаютъ, исповѣдуютъ, провожаютъ умершихъ и совершаютъ всѣ священнодѣйствія, кромѣ божественной литургіи; а другіе сами всегда во всякомъ безчивіи и пьянствѣ, и ихъ нестроеніе міру на соблазнъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 18). Отцы Стоглаваго собора, ссылаясь на всѣ прежде бывшія въ Россіи по этому предмету распоряженія митрополитовъ Петра, Фотія, собора 1503 г. и соображенія преп. Іосифа волоколамскаго, вновь подтвердили тѣже самыя распоряженія и только изложили ихъ нѣсколько подробнѣе въ слѣдующихъ статьяхъ: а) вдовымъ попамъ и діаконамъ не служить, т. е. не священнодѣйствовать; б) которые изъ нихъ обѣщаются пребывать въ чистотѣ, тѣмъ стоять на клиросѣ и отъ служащихъ священниковъ и діаконѣвъ, поступившихъ на ихъ мѣста, получать во всѣхъ церковныхъ доходахъ четвертую часть (²⁴⁴); в) этимъ же вдовымъ попамъ разрѣшается держать у себя въ домѣ епитрахили и причащаться въ алтарѣ, въ епитрахили, только не служить, а діаконамъ причащаться въ алтарѣ—въ стихарѣ съ ораремъ, только не служить; г) а если тѣ вдовые попы и діаконы не захотятъ

(²⁴⁴) Въ такомъ случаѣ мѣста вдовыхъ священниковъ и діаконѣвъ предоставлялись, по возможности, ихъ близкимъ родственникамъ: „а [который] попъ или діаконъ овдовѣетъ, сказано въ приговорѣ Стоглаваго собора,—а будетъ у него сынъ, или братъ, или зять, или племянникъ, и на его мѣсто пригожъ и грамотѣ гораздѣ и искусенъ, ино его въ попы на мѣсто поставити“ (А. Э. I, 229). Да и гораздо прежде Стоглаваго собора у насъ уже существовалъ обычай передавать мѣста священниковъ ихъ дѣтямъ или близкимъ родственникамъ: еще въ 1500 г. Сакранъ, бывшій каноникомъ въ Краковѣ, въ числѣ недостатковъ русской церкви считалъ и тотъ, что въ ней сыновья духовныхъ лицъ имѣли право наслѣдства на тѣ мѣста, которыя занимали ихъ отцы (S a s g a n. Elucidarius errorum rithus Ruthen., error 29, apud L a s i c. De Russorum Moscovit. et Tartarorum religione, sacrificiis..., p. 195, Spiraе 1582).

стоять на клиросѣ и начнутъ заниматься мірскими дѣлами, то имъ въ мірѣ и пребывать и подлежать царской дани, а на клиросѣ уже не становиться и четвертой части отъ служащихъ поповъ и діаконѡвъ не получать; д) если вдовы попы и діаконы, стоящіе на клиросѣ, пожелаютъ постричься въ монашескій чинъ и захотятъ священнодѣйствовать, то, съ благословенія святительскаго, если будутъ достойны, да совершаютъ божественную литургію и всѣ другія священнодѣйствія, но только въ монастыряхъ, а не въ мірскихъ мѣстахъ; въ мірскихъ мѣстахъ имъ не жить и не дѣйствовать; е) впредь вдовымъ попомъ и діаконамъ св. церквами не владѣть, духовныхъ дѣтей не держать и не вступаться ни во что церковное, а только пребывать въ чистотѣ и стоять на клиросѣ; ж) тѣмъ изъ нихъ, которые обѣщаются хранить чистоту и стоять на клиросѣ, получать отъ святителей *благословенныя епитрахильныя и орачныя граматы*, не платя за нихъ пошлинъ; а въ граматахъ тѣхъ писать, что такимъ-то вдовымъ священникамъ и діаконамъ, обѣщавшимся пребывать въ чистотѣ, по 5-му правилу VI вселенскаго собора, въ дому у себя женскаго пола не держать изъ лицъ зазорныхъ, а только мать, или сестру, или тетку по отцу или матери, или дочь (Стогл. гл. 77—81). Нельзя, однакожъ, при этомъ не замѣтить, что хотя Стоглавый соборъ запретилъ вдовымъ священникамъ, даже послѣ постриженія ихъ въ монашество, занимать священническія мѣста на приходахъ и вообще священнодѣйствовать внѣ монастырей, но у насъ и до Стоглаваго собора и послѣ существовалъ обычай, по которому очень нерѣдко при церквахъ приходскихъ,

вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, состояли іеромонахи или игумены и носили названіе *черныхъ поповъ* ⁽²⁴²⁾.

Что касается до причетниковъ, т. е. дьячковъ и пономарей, а равно и просвирень, которыя такъ же причислялись у насъ къ церковному причту, то здѣсь встрѣчались безпорядки другого рода. Дьячки и пономари, по свидѣтельству царя Ивана Васильевича на Стоглавомъ соборѣ, часто были двоеженцами и троеженцами, и, несмотря на то, входили въ алтарь и касались свящ. предметовъ; а просвирнями бывали черницы, которыя и жили при мірскихъ церквахъ. Соборъ подтвердилъ, чтобы дьячки и пономари по всѣмъ церквамъ были единобрачные, а отнюдь не второбрачные, чтобы въ просвирни избирались не черницы, которыя обязаны жить въ монастыряхъ, а честныя единобрачныя вдовы не моложе сорока или пятидесяти лѣтъ (Стогл. гл. 5, вопр. 24; гл. 8. 12).

Для постояннаго и ближайшаго надзора за всѣми лицами епархіальнаго духовенства, за ихъ служеніемъ церкви и образомъ жизни, и вообще для того, чтобы дѣло епархіальнаго управленія могло совершаться удобнѣе и успѣшнѣе, наши архипастыри имѣли у себя разныхъ помощниковъ. Эти помощники или служебныя лица были и духовнаго званія и свѣтскаго, и носили тѣ самыя имена, какія носили подобные же чины у нашихъ князей по управленію княжествами:

⁽²⁴²⁾ А. Э. I, №№ 71. 85. 176. 296; Доп. А. И. I, № 220. Флетчеръ замѣчаетъ: „Кромѣ обыкновенныхъ поповъ или священниковъ, у нихъ есть еще такъ называемые *черные попы*, которые могутъ занимать священническія мѣста, хотя пострижены въ монахи въ какомъ либо монастырѣ“ (О Госуд. Русск., гл. 21, стр. 77).

одни назывались намѣстниками, старостами (поповскими), десятскими (священниками); другіе боярами, десятиниками, тіунами, недѣльщиками и проч. Надобно однакожь помнить, что тогда въ Россіи административная власть не отдѣлялась отъ судебной и что дѣло администраціи и суда, какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, такъ и въ духовномъ, неразрывно соединено было съ собираніемъ разныхъ пошлинъ съ подлежащихъ лицъ на содержаніе самой административной и судебной власти. А потому очень естественно, что тѣже служебныя лица, которыя у нашихъ архіереевъ участвовали въ епархіальномъ управленіи, участвовали, болѣе или менѣе, и въ епархіальномъ судѣ, и въ собираніи церковныхъ пошлинъ, и лишь нѣкоторые, не участвуя въ первомъ, участвовали только во второмъ и третьемъ, или только во второмъ.

Какъ у нашихъ князей по городамъ высшіе чины были намѣстники, такъ и у нашихъ архіереевъ были свои *намѣстники*. Митрополитъ имѣлъ намѣстниковъ въ Москвѣ, Владимірѣ, Кіевѣ, пока послѣдній не отошелъ къ западной митрополіи, и иногда даже въ нѣкоторыхъ незначительныхъ городахъ, наприм., въ Кричевѣ—городкѣ Бѣлорусіи. У владыки новгородскаго были намѣстники въ Новгородѣ, Псковѣ и такъ же иногда въ незначительныхъ городахъ, каковъ Волоколамскъ, гдѣ нѣсколько времени состоялъ намѣстникомъ владыка Геннадія преп. Іосифъ волоколамскій. Были намѣстники и у казанскаго владыки (въ 1556 г.) и у прочихъ нашихъ архіепископовъ и епископовъ даже подъ копецъ настоящаго періода. Въ должность намѣстниковъ избираемы были, судя, по нѣкоторымъ яснымъ и прямымъ свидѣтельствамъ, лица духовнаго званія, преимущественно монашествующіе, отъ

чего и назывались иногда намѣстниками *черными*, хотя изъ другихъ сохранившихся свидѣтельствъ объ этихъ намѣстникахъ никакъ нельзя видѣть, какого званія они были, а есть свидѣтельства и о намѣстникахъ свѣтскихъ. Власть намѣстниковъ была весьма обширна: они какбы замѣняли собою своихъ епархіальныхъ владыкъ въ тѣхъ округахъ, которые владыки имъ поручали. Здѣсь вѣдѣнію намѣстниковъ подлежали всѣ церкви и монастыри, все духовенство, бѣлое и монашествующее, и по управленію, и по суду, и по собиранію пошлинъ⁽²⁴³⁾. Но, при такой многосложности своихъ обязанностей и при обширности округовъ, эти главные помощники епархіальныхъ архіереевъ не могли непосредственно услѣдить за всѣми членами вѣрвеннаго имъ духовенства и сами нуждались въ помощникахъ.

Были въ епархіальномъ вѣдомствѣ и другія служебныя лица, которымъ поручались меньшіе округа и въ нихъ одни только приходскія церкви и одно бѣлое духовенство: то были *старосты поповскіе* или *священническіе*. О поповскихъ старо-

(²⁴³) О намѣстникахъ митрополита — А. И. I, №№ 48. 260; А. Э. I, №№ 105. 159 (здѣсь-то упоминаются „митрополици намѣстники черные“); Горчаков. О земел. владѣн. всеросс. митрополитовъ, Приложен. стр. 37—41, С. п. б. 1871. О намѣстникахъ новгородскаго владыки — А. Э. I, №№ 92. 103; А. И. I, №№ 111. 284 (здѣсь: „оставляю вамъ, сынове, въ свое мѣсто, намѣстника своего...“); нашей Истор. Р. Церкви VI, 111. О намѣстникахъ казанскаго и прочихъ архіепископовъ и епископовъ — А. Э. I, № 248; А. Юридич. № 389. Были такъ же у митрополита и владыки новгор. и намѣстники, несомнѣнно, свѣтскіе; но тѣ не участвовали, кажется, въ дѣлахъ духовнаго управленія и суда, а завѣдывали дѣлами по архіерейскимъ имуществамъ (А. Юридич. № 16; Собр. Р. Лѣт. VI, 202). Впрочемъ, въ 1548 г. у владыки новгородскаго упоминается во Псковѣ только одинъ намѣстникъ, завѣдывавшій, слѣд. и духовными дѣлами, и этотъ намѣстникъ былъ, несомнѣнно, свѣтскій — Неудача Цыплятевъ (*Купріянов*. Отрывки изъ расходн. книгъ Новгор. Соф. собора за 1548 г., въ Извѣст. Археолог. Общ. т. III, вып. 1, 39—40). Да и прежде, именно въ 1471 г., владычный намѣстникъ въ Псковѣ былъ свѣтскій (Собр. Р. Лѣт. IV, 236).

стахъ въ епархіи митрополита неразъ упоминается почти съ самаго начала настоящаго періода ⁽²⁴⁴⁾. Въ новгородской епархіи они существовали, подъ названіемъ соборскихъ старостъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, по семи въ каждомъ, сколько было мѣстныхъ соборовъ; а соборами въ томъ и другомъ городѣ, какъ мы знаемъ, назывались тѣ церкви, къ которымъ причислялось по нѣскольку другихъ приходскихъ церквей вмѣстѣ съ ихъ священнослужителями. Эти-то священнослужители, и составлявшіе собственно соборъ при избранной церкви,—такъ какъ они обязывались собираться въ ней по временамъ для соборныхъ богослуженій и для совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ,—избирали изъ среды себя одного старосту и подчинялись ему. Избранный такимъ образомъ соборскій староста заведывалъ какъ приходскими церквами избравшихъ его священнослужителей, такъ и церковными причтами, и управлялъ дѣлами своего собора ⁽²⁴⁵⁾. Но, вѣрно, старосты поповскіе существовали не вездѣ въ русской церкви; вѣрно, не безъ основанія ростовскій попъ Скрипица укорялъ, въ началѣ XVI в., нашихъ архіереевъ, что они ни сами, ни чрезъ избранныхъ священниковъ не надзирали за священниками по городамъ и селамъ, а надзирали, по царскому чину, чрезъ бояръ, недѣльщиковъ, дворецкихъ, тиуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ (нашей Истор. VI, 124); потому что царь Иванъ Васильевичъ, указывая на безпорядки въ духовенствѣ, предложилъ отцамъ Стоглаваго собора, чтобы они «установили»

⁽²⁴⁴⁾ Горчаков. О позем. влад. всеросс. митр., Прилож. стр. 37—40; А. 9. I, № 105. 197.

⁽²⁴⁵⁾ А. И. I, № 284; нашей Истор. Р. Церкви, VI, 380; см. такъ же выше примѣч. 15 и текстъ, къ которому оно относится.

старость поповскихъ «надо *всѣми* священники», а такъ же устави «и прочія чины», и именно «*церковныхъ* чиновниковъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 1). Стоглавый соборъ довольно подробно обсудилъ этотъ предметъ и сдѣлалъ слѣдующія постановленія:

1) Въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ Россіи и русской митрополіи избирать *протопоповъ* въ каждомъ городѣ, по царскому повелѣнію и святительскому благословенію, священниковъ искусовыхъ, добрыхъ и житіемъ непорочныхъ (Стогл. гл. 6).

2) Этимъ протопопамъ по всѣмъ городамъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи священнослужителей церковей соборныхъ, придѣльныхъ и ружныхъ и заботиться, чтобы означенные священнослужители всякій день совершали въ своихъ церквахъ божественныя службы, сполна по уставу, съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, и чтобы вели жизнь трезвую и благочестивую и повиновались во всемъ своимъ протопопамъ безъ всякаго прекословія. Если же какіе либо соборные, ружные и придѣльные священники и діаконы начнутъ не слушаться протопоповъ, предаваться пьянству и нерадѣть о богослуженіи, такихъ протопопамъ соборнѣ наказывать, т. е. вразумлять, наставлять, чтобы они исправились и были усердны къ своему долгу. А если, по первомъ и по второмъ наказаніи, не исправятся, то о такихъ безчинникахъ протопопамъ возвѣщать святителямъ, а отъ святителей такимъ священникамъ и діаконамъ быть въ духовномъ запрещеніи и отлученіи отъ церкви по свящ. правиламъ. Но, съ другой стороны, если и протопопы соборныхъ церковей сами начнутъ, ушиться или безчинствовать и пренебрегать своимъ долгомъ, тогда соборнымъ священникамъ возвѣщать о томъ святителей, а отъ святи-

телей тѣмъ протопопамъ такъ же быть въ великомъ запрещеніи и въ конечномъ отлученіи (—гл. 29).

3) Въ Москвѣ быть семи соборамъ и семи *старостамъ поповскимъ*, по уложенію царскому, да къ нимъ избирать *десятскихъ священниковъ* (—гл. 6). Между семью соборами разчислить всѣ приходскія церкви Москвы съ ихъ священнослужителями. При каждомъ соборѣ священнослужители причисленныхъ къ нему церковей избираютъ себѣ изъ своей среды поповскаго старосту-священника, исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію и украшеннаго всякими добродѣтелями; а онъ самъ изберетъ себѣ десятскихъ священниковъ, достойныхъ и искусныхъ. Избранныхъ старость приводить предъ митрополита, и митрополитъ, испытавъ ихъ и довольно наставивъ, «придастъ имъ законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія—о церковномъ благочиніи и о священническомъ духовномъ попеченіи». Старостамъ и всѣмъ священникамъ, причисленнымъ къ тому или другому собору, собираться въ свой соборъ для торжественныхъ богослуженій и крестныхъ ходовъ, а такъ же и для духовныхъ совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ, и для того имѣть въ своемъ соборѣ «божественныя правила полныя» и обращаться къ нимъ (А. Э. I, № 232; спес. Стогл. гл. 35).

4) Равнымъ образомъ и по всѣмъ городамъ уставить *поповскихъ старость и десятскихъ священниковъ*, гдѣ сколько придется; а по селамъ, и погостамъ, и волостямъ, по всей русской земли, уставить надъ поцами десятскихъ священниковъ (Стогл. гл. 6). Списки избранныхъ старость и десятскихъ священниковъ представляются владыкамъ, которые и посылаютъ имъ «наказъ по соборному уложенію» (А. Э. I, № 231, стр. 227).

5) Поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и селамъ, каждому въ своемъ предѣлѣ, накрѣпко вѣдать и назирать священниковъ и діаконовъ, чтобы они совершали всѣ церковныя службы сполна по уставу, чинно и немаятно, сами жили по священству, въ чистотѣ, и въ прочихъ добродѣтеляхъ, и воздерживались отъ пьянства, да и дѣтей своихъ духовныхъ всѣхъ учили страху Божию и благочестію. А если нѣкоторые священники и діаконъ начнутъ жить въ слабости и пьянствѣ и другихъ недостойныхъ дѣлахъ, или начнутъ нерадѣть о церкви Божіей и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ, то старостамъ и десятскимъ накрѣпко уговаривать такихъ священниковъ и діаконовъ, чтобы они покаялись и исправились, да не будетъ соблазна мірскимъ людямъ; если же не послушаютъ и не исправятся, то писать объ нихъ святителямъ, и отъ святителей быть имъ въ великомъ запрещеніи и конечномъ изверженіи по правиламъ. Да тѣмъ же старостамъ и десятскимъ у всѣхъ поповъ и діаконовъ дозирать ставленныхъ, благословенныхъ и отпусковыхъ грамотъ, и у кого не будетъ этихъ грамотъ, такимъ священникамъ и діаконамъ не позволять служить, а посылать ихъ за поруками къ святителямъ для полученія грамотъ. Но если какихъ либо безчинныхъ священниковъ и діаконовъ начнутъ покрывать старосты и десятскіе, или протопопы, то имъ самимъ быть отъ святителей въ наказаніи и отлученіи по правиламъ (Стол. гл. 34. 69).

6) Для большаго утвержденія церковнаго благочинія святители посылаютъ, каждый въ своемъ предѣлѣ, по всѣмъ городамъ и селамъ *соборныхъ священниковъ*, добрыхъ и искусныхъ, могущихъ и другихъ духовно пользоваться. Эти священники

должны обращаться ко всѣмъ священникамъ и діаконамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ духовнымъ поученіемъ и вмѣстѣ дозировать, чтобы церковныя чины и божественныя службы совершались во всѣхъ церквахъ по уставу и свящ. правиламъ (—гл. 69).

7) Наконецъ, святителямъ, каждому въ своемъ предѣлѣ, посылать по всѣмъ городамъ и селамъ, гдѣ будутъ архимандриты, игумены и протопопы, свои грамоты, чтобы тѣ *архимандриты, игумены и протопопы* надзирали и досматривали за самими старостами поповскими и десятскими и за всѣми священниками и діаконами. И если какіе либо старосты, десятскіе и прочіе священники сдѣлаются небрежными къ своему долгу и не станутъ слушаться архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, то послѣдніе должны писать о всемъ этомъ святителямъ, и тѣмъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ быть отъ святителей въ великомъ запрещеніи, по свящ. правиламъ (—гл. 69).

Такимъ образомъ для надзора за бѣлымъ духовенствомъ и для управленія имъ у насъ установился цѣлый рядъ духовныхъ властей, нашедшихся въ распоряженіи епархіальныхъ архіереевъ. Что же касается монашествующаго духовенства и монастырей, то въ управленіи ими архіереи дѣйствовали исключительно чрезъ подчиненныхъ имъ настоятелей и настоятельница монастырей—архимандритовъ, игуменовъ, строителей и игуменій. Руководствомъ при управленіи монастырями, мужескими и женскими, общежительными и особными, служили уставы, въ нихъ существовавшіе, а равно и тѣ правила, которыя, по поводу безпорядковъ и нестроений, оказавшихся въ иноческомъ мірѣ, даны были нашими соборами и пре-

имущественно Стоглавымъ. Уставы эти и правила нами уже рассмотрѣны въ другомъ мѣстѣ (VII, 61—83. 90—103).

Была еще мѣра, къ которой обращались иногда наши архіереи въ управленіи своими епархіями: это созываніе соборовъ изъ мѣстнаго духовенства. Такъ ростовскій архіепископъ Ѳеодосій въ 1458 г., путешествуя по епархіи, созвалъ въ Бѣлозерскъ на соборъ всѣхъ игуменовъ, священниковъ и діаконовъ бѣлозерскаго края. Судя по грамотѣ, которою они созывались, можно догадываться, что архинастырь имѣлъ цѣлю преподавать наставленія и сдѣлать распоряженія къ искорененію недостатковъ, замѣченныхъ въ этомъ духовенствѣ ⁽²⁴⁶⁾. Въ Казани, при архіепископѣ Германѣ, былъ соборъ мѣстнаго духовенства въ 1565 г. для разсужденій и совѣщаній о томъ, какъ отправлять службу на праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, случившійся въ недѣлю крестопоклонную. Были соборы и въ другихъ епархіяхъ ⁽²⁴⁷⁾.

Съ особенною подробностію Стоглавый соборъ изложилъ статьи «о святительскомъ судѣ» (гл. 53—69). И надобно сознаться, что хотя мы знали еще изъ уставовъ св. Владимира и Ярослава, а затѣмъ и изъ грамотъ послѣдующихъ князей, какія лица и предметы подлежали у насъ вѣдомству церковнаго суда, хотя неразъ видѣли въ продолженіе вѣковъ, что наши архіереи дѣйствительно пользовались своею судебною властію и отстаивали неприкосновенность своего судеб-

⁽²⁴⁶⁾ А. И. I. № 64.

⁽²⁴⁷⁾ Опис. рукоп. графа Толстова, отд. I, № 25, стр. 12; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 341—342. Въ приходо-расходн. книгахъ Корнильева-комельскаго монастыря, вологодской епархіи, за 1578 г., записано: „старецъ Роціонъ... съ игуменомъ Іоною ѣздили ко владыкѣ на соборъ, издержали 10 алтынъ 2 денга“ (Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. V, отд. II, 19).

наго вѣдомства, но доселѣ мы не имѣли возможности составить себѣ понятія ни объ устройствѣ нашихъ епархіальныхъ судовъ, ни о судопроизводствѣ въ нихъ. Въ статьяхъ Стоглава о святительскомъ судѣ, въ первый разъ находимъ эту возможность, правда, несовсѣмъ удовлетворительную: потому что статьи не отличаются опредѣленностію и точностію выражений. Въ каждой епархіи у насъ существовали—одинъ судъ по дѣламъ духовнымъ, или почти исключительно духовнымъ, и нѣсколько судовъ по дѣламъ недуховнымъ, свѣтскимъ.

Судъ по дѣламъ духовнымъ находился при каѳедрѣ епархіальнаго архіерея и состоялъ изъ лицъ только духовныхъ. Здѣсь судилъ самъ архіерей «соборне» съ архимандритами, игуменами и вообще избранными священнослужителями, или судилъ тотъ, кому онъ «повелѣвалъ судить», т. е. его намѣстникъ. Въ Москвѣ такимъ намѣстникомъ митрополита, по крайней мѣрѣ, со времени Стоглаваго собора, всегда былъ епископъ сарскій и подонскій, можетъ быть, потому что онъ постоянно жилъ въ Москвѣ и имѣлъ у себя небольшую епархію; у прочихъ архіереевъ должность намѣстниковъ исполняли, вѣроятно, архимандриты или другія подобныя лица духовнаго сана. А бояре митрополита и вообще святителей въ духовномъ судѣ не засѣдали, кромѣ писарей, которые записывали дѣла (²⁴⁸).

(²⁴⁸) Стогл., стр. 293. 294. 298. Флетчеръ передаетъ объ этихъ соборныхъ судахъ нашихъ епископовъ и ихъ духовныхъ помощникахъ-намѣстникахъ слѣдующее извѣстіе: „у епископовъ (кромѣ свѣтскихъ чиновниковъ) есть такъ же свои помощники, составляющіе соборы, въ которыхъ засѣдаютъ попы, принадлежащіе къ ихъ епархіи и живущіе въ городахъ, гдѣ они сами имѣютъ пребываніе, въ числѣ двадцати четырехъ членовъ при каждомъ“ (О Государствѣ Русск. гл. 21, стр. 74, въ русск. перев.). Число членовъ представляется слишкомъ великимъ и потому сомнительнымъ. А у Іоанна Фабера, за полстолѣтіе прежде, о тѣхъ же намѣстникахъ нашихъ архіереевъ читаемъ: *habent et episcopi suos vicarios et of-*

Суду этому подлежали: а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ духовнымъ, т. е. по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, каковы—ересь, расколъ, отправленіе языческихъ обрядовъ и под.; б) всѣ лица духовенства, бѣлаго и монашествующаго, и причислявшіяся къ нимъ—просвирня и другія, такъ же по дѣламъ духовнымъ,—по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, а лица собственно духовныя и по преступленіямъ противъ обязанностей своего духовнаго званія и служенія; в) настоятели и настоятельница монастырей: архимандриты, игумены, строители и игуменьи—не только по дѣламъ духовнымъ, но и по всѣмъ «прочимъ» (Стогл. гл. 66 — 68) ⁽²⁴⁹⁾. Такимъ

ficiales, quemadmodum et nostri, qui iurisdictionem in subditos exercent et iustitiam in rebus ecclesiasticis administrant (Moscovit. religio, apud Starczew. I, 6).

⁽²⁴⁹⁾ О подсудности духовному суду въ епархіи всего духовенства по дѣламъ духовнымъ, а настоятелей и настоятельницъ монастырей и по всѣмъ прочимъ, прямо говорится въ Стоглавѣ (стр. 293. 294. 300 302). А о подсудности тому же суду и мірянъ епархіи по дѣламъ духовнымъ заключаемъ изъ того, что, говоря далѣе о другихъ епархіальныхъ судахъ, гдѣ предсѣдательствовали архіерейскіе бояре и десятичники, Стоглавъ повелѣваетъ, чтобы они судили не только поповъ, діаконовъ и причетниковъ, но и *мірскихъ людей* во всякихъ дѣлахъ, „опричь духовныхъ дѣлъ“ (стр. 302. 304. 305). Гдѣжь могли судиться міряне по этимъ послѣднимъ дѣламъ, кромѣ суда духовнаго? Доказательствомъ же того, что въ каждой епархіи былъ только одинъ духовный судъ при кафедрѣ архіерея, а не было судовъ въ другихъ мѣстахъ, по городамъ или селамъ, служатъ слѣдующія слова Стоглава къ десятиникамъ, имѣвшимъ свои суды по десятинамъ, на которыя были раздѣлены епархіи: „а въ духовныхъ дѣлахъ десятичники не судятъ никого, а срочать имъ срокъ передъ святители ставитись, и святители ихъ сами судятъ и кому повелѣть отъ священныхъ, да потомъ имъ и управу чинять“ (стр. 307). Несомнѣнно, что и до Стоглаваго собора судъ по духовнымъ дѣламъ въ каждой епархіи существовалъ только одинъ—при кафедрѣ архіерея, и десятичники отнюдь не судили духовенства по этимъ дѣламъ, а только отдавали обвиняемыхъ на поруки и назначали имъ явиться на судъ къ самому архіерею (А. И. I, № 299, стр. 544). Очевидно, однакожь, что десятиникамъ и по духовнымъ дѣламъ предоставлено было важное право надъ лицами духовнаго званія: право предавать ихъ суду, по своему усмотрѣнію, и отсылать ко владыкѣ.

образомъ эти лица, конечно, по вниманію къ ихъ сану, вовсе были изъяты отъ подсудности другимъ судамъ епархіальнымъ.

Суды по дѣламъ недуховнымъ въ каждой епархіи существовали—одинъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ находилась кафедральный архіерей, а прочіе въ тѣхъ городахъ и мѣстахъ, гдѣ имѣли пребываніе десятинники, завѣдывавшіе десятинами, на которыя раздѣлены были наши епархіи ⁽²⁵⁰⁾. По устройству своему всѣ эти суды были одинаковы, а различались только тѣмъ, что въ первомъ судѣ—при кафедрѣ епархіального владыки судили или предсѣдательствовали, по его назначенію, его бояре, въ томъ числѣ его дворецкій, а въ прочихъ судахъ судили десятинники, тоже лица свѣтскія, назначавшіяся владыкою ⁽²⁵¹⁾. Кромѣ предсѣдателей или главныхъ судей въ каждомъ изъ этихъ судовъ засѣдали: поповскіе старосты и десятскіе священники— по два или по три, каждый по одной недѣлѣ; градскіе ста-

⁽²⁵⁰⁾ Въ новгородской, наприм., епархіи было въ 1577 г. четырнадцать десятинъ, и именно слѣдующія: Бѣжецкая, Деревская, Курская, Шелонская, Залеская и Тесовская въ Шелонской и Вотской пятинѣ, Вотская, Орѣховская, Корельская, Ладожская и Поволховская. Нагорская въ Обонежской пятинѣ, Коловья въ Обонежской пятинѣ, Заонежская, Руская и Ржевская. Всѣ онѣ поименованы, по порядку, въ приходной книгѣ новгор. владыки за 1577 г., съ обозначеніемъ, сколько съ каждой десятины собиралось тогда на владыку и десятинника пошлей (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монаст., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 50—157; 158—244). Но, кажется, книга эта сохранилась не вся, и въ епархіи новгородской были тогда и другія десятины, кромѣ 14-ти поименованныхъ: по крайней мѣрѣ, при записи другихъ доходовъ тогоже года, въ книгѣ упоминаются еще десятины: Устюжская (л. 3), Новоторжская (л. 11), Городецкая (л. 14). Въ Псковѣ же и его области вовсе не видимъ ни десятинъ, ни десятинниковъ: тамъ всѣми церковными дѣлами завѣдывалъ владычный намѣстникъ.

⁽²⁵¹⁾ Объ нихъ-то, конечно написалъ бывшій у насъ Антоній Поссевинъ: „(русскіе епископы) ежегодно поставляютъ по городамъ нѣкоторыхъ мірянъ, какъ вѣншихъ своихъ викаріевъ, и поручаютъ имъ тщательно наблюдать за поведеніемъ священниковъ и взыскивать съ нихъ пѣню за проступки“ (De Moscovia, apud Starczew. Hist. Ruthen. scriptor exteri, II, 275).

росты и цѣловальники и земскій дьякъ, которыхъ назначалъ самъ государь. Значить, суды эти, по составу, были почти исключительно свѣтскіе и дѣйствовали подъ контролемъ государственной власти: духовные члены засѣдали въ нихъ только какбы депутатами и перемѣнялись каждую недѣлю. Прибавимъ, что сами бояре и дворецкіе, предсѣдательствовавшіе на судѣ при каюдрѣ владыки, не находились въ полной его волѣ: онъ не могъ, по крайней мѣрѣ, со временъ Стоглаваго собора, ни отослать ихъ отъ себя, ни вмѣсто ихъ поставлять новыхъ безъ вѣдома и соизволенія государева, какъ не могъ держать у себя и дьяковъ безъ тогоже вѣдома (²⁵²). Судамъ епархіальнымъ, въ которыхъ главными судіями были бояре и десятичники, подлежали: а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ недуховнымъ—изъ числа тѣхъ, которые перечислены еще въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, какъ подвѣдомыя церкви, каковы: похищеніе женщинъ, подкинутіе незаконнорожденныхъ дѣтей, прелюбодѣяніе, блудъ, драка между мужемъ и женою обѣимъ, нанесеніе побоевъ снхою свекрови, тяжбы о наслѣд-

(²⁵²) Къ концу настоящаго періода эти бояре достигли еще большаго могущества, если вѣрять Флетчеру. „У русскихъ архіереевъ,—говоритъ онъ,—есть свои чиновники, называемые *боирами* *слабычными*, изъ лицъ свѣтскаго званія, имѣющихъ степень князей или дворянъ. Они управляютъ дѣлами архіереевъ и держатъ за нихъ судъ. Кромѣ разныхъ притѣсненій, дѣлаемыхъ простому народу, они такъ же тягостны для поповъ, какъ князья и дьяки для бѣдныхъ простолюдиновъ въ подчиненныхъ имъ областяхъ. Самъ по себѣ архіепископъ или епископъ не имѣетъ власти рѣшать поступающія къ нему дѣла и не иначе можетъ сдѣлать приговоръ, какъ съ согласія своего чиновника—дворянина. Причина та, что эти бояре или дворяне опредѣляются на свои мѣста не архіереями, а самимъ царемъ или его думою, и никому, кромѣ его, не должны давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Если епископъ, при вступленіи въ должность, получить право избрать самъ себѣ чиновника, то это считается особеннымъ и высокимъ къ нему благоволеніемъ государя“ (О Госуд. Русскомъ, гл. 21, стр. 74).

ствѣ и проч.; б) всѣ лица бѣлаго духовенства—протоіереи, священники, діаконы и причетники, равно какъ и причислявшіеся къ нимъ,—такъ же по дѣламъ недуховнымъ, именно: по ряднымъ граматамъ, по завѣщаніямъ, по кабаламъ, въ поклажахъ, въ бояхъ, грабежахъ и во всякихъ тому подобныхъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, по которымъ все вообще духовенство, бѣлое и черное, подлежало судамъ мірскимъ. Что же касается, въ частности, монашествующаго духовенства, то хотя до Стоглаваго собора оно судимо было, по дѣламъ недуховнымъ, десятиниками, наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ, но Стоглавымъ соборомъ оно все освобождено отъ подсудности боярямъ и десятиникамъ: соборъ опредѣлилъ, чтобы настоятелей и настояльницъ и по этимъ дѣламъ, какъ мы уже прежде сказали, судили сами архіереи, а прочихъ иноковъ и инокинь по всѣмъ дѣламъ, кромѣ духовныхъ, судили въ своихъ обителяхъ сами настоятели съ соборными старцами и настоятельницами, и сами же, по суду, чинили управу (Стогл. гл. 67—69) ⁽²⁵³⁾.

Порядокъ судопроизводства во всѣхъ судахъ епархіи былъ почти одинаковъ. Составныя части его были слѣдующія:

1) Предварительное слѣдствіе или обыскъ. Когда къ архіерею, по какимъ либо дѣламъ духовнымъ или инымъ, наприм., по обидамъ, по ряднымъ и духовнымъ граматамъ, по кабаламъ, займамъ и проч., кромѣ душегубства и разбоя съ

⁽²⁵³⁾ Подлинныя слова Стоглаваго собора подтверждающія, что и прежде *ископи* у насъ существовали, по десятинамъ, суды десятиниковъ и что они судили по дѣламъ недуховнымъ не только *весь священническій*, но и *инокескій чинъ*,—см. Стогл. стр. 304. А объ освобожденіи иноковъ отъ подсудности боярамъ и десятиникамъ—см. стр. 294. 295. 300—302. 305.

поличнымъ, приходили жалобщики, архіерей приказывалъ своимъ боярамъ или десятинникамъ давать жалобщикамъ приставовъ, которые и отправлялись за отвѣтчиками, съ приставными грамотами. Въ то же время, по приказанію владыки, посылались его недѣльщики или недѣльщики десятинниковъ производить, по жалобамъ, «правду и обыскъ» на мѣстѣ. При этомъ обыскные списки писали земскіе дѣяки предъ земскими старостами и десятскими или дѣяки церковные. По окончаніи обыска недѣльщики отдавали поповъ, діаконовъ и причетниковъ на поруки, но не иначе, какъ предъ десятскими священниками, а мірянъ—не иначе, какъ предъ земскими старостами или предъ земскими десятскими, и назначали обвиняемымъ сроки явиться въ подлежащій судъ (Стогл. гл. 69, стр. 318—320; снес. А. Э. I, № 231). Впрочемъ, для настоятелей и настоятельница монастырей сдѣлано было исключеніе. Къ нимъ владыка не посылалъ, въ случаѣ жалобъ на нихъ, своихъ недѣльщиковъ для обыска, а посылалъ только свои грамоты за печатями черезъ самихъ же жалобщиковъ, чтобы настоятели или настоятельницы управились съ ними сами на соборѣ предъ братіею или сестрами;—если же не управятся, то присылали бы, вмѣсто себя, къ отвѣту своихъ слугъ или, когда пожелаютъ, пріѣзжали бы сами. Только по дѣламъ духовнымъ они должны были непременно пріѣзжать сами ко владыкѣ. А если они и слугъ, вмѣсто себя, не присылали къ отвѣту, и сами не являлись, въ такомъ случаѣ владыка посылалъ за ними приставовъ—представить ихъ на судъ (Стогл. гл. 68, стр. 300—302). Вести обыскъ или слѣдствіе недѣльщики должны были со всею справедливостію и «поклоннаго» ни отъ кого не принимать; если же они обличались во взяточниче-

ствѣ, то съ нихъ взыскивалось втрое по цареву Судебнику (—гл. 69, стр. 320. 321).

2) Производство дѣлъ на судѣ. На судѣ снова производился обыскъ: допрашивались истцы и отвѣтчики, выслушивались свидѣтели, дѣлались очныя ставки; но ни «крестнаго цѣлованія» (присяги), ни «поля» (судебнаго поединка) для лицъ священническаго и иноческаго чина, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, не допускалось. Если же свидѣтелей вовсе не было, а между тѣмъ, по сану тяжущихся, нельзя было прибѣгнуть ни къ присягѣ, ни къ поединку, въ такомъ случаѣ, предоставляя дѣло волѣ Божіей, кидали жребій, и чей прежде вынимался, того и оправдывали. Судные списки на судѣ духовномъ писались въ одномъ экземплярѣ, а на судѣ у бояръ и у десятильниковъ въ двухъ: одинъ списокъ писался для бояръ или десятильниковъ, а другой слово въ слово списывали себѣ засѣдавшіе въ судѣ градскіе старосты и цѣловальники и земскій дьякъ. Оба эти списка подписывались всѣми членами суда и хранились дьяками въ ларцѣ за печатами бояръ и десятильниковъ. Если бояре и десятильники начинали судить неправедно, брали «посулы» и волочили дѣла, то прочіе члены суда должны были говорить имъ, чтобы судили въ правду и посуловъ не брали; а если бояре и десятильники не слушались, то старосты, цѣловальники и земскій дьякъ должны были писать къ святейшамъ и къ самому царю. Тогда виновные подвергались великой опалѣ, взятое ими взыскивалось втрое по цареву судебнику, и сами они иногда лишались своего мѣста (Стогл. гл. 66. 68; снес. А. Э. I, № 231).

3) Рѣшеніе дѣлъ. Когда на судѣ духовномъ разбиралъ дѣло самъ владыка соборнѣ съ архимандритами и игуменами, тогда

онъ, по окончаніи обыска, тутъ же и постановлялъ рѣшеніе и приказывалъ «чинить управу». А когда, вмѣсто владыки, на судѣ присутствовалъ его намѣстникъ, тогда, по окончаніи суда, намѣстникъ представлялъ судный списокъ и обоихъ истцовъ ко владыкѣ; владыка выслушивалъ судный списокъ на соборѣ, спрашивалъ истцовъ, такъ ли ихъ судили, и затѣмъ утверждалъ судебный приговоръ и приказывалъ чинить управу. Равнымъ образомъ и бояре, по окончаніи всякаго дѣла въ ихъ судѣ, находившемся при каѳедрѣ епархіальнаго архіерея, представляли ему судные списки и обоихъ истцовъ; владыка такъ же выслушивалъ судный списокъ, спрашивалъ истцовъ, таковъ ли имъ былъ судъ, и если они говорили, что таковъ, утверждалъ рѣшеніе суда, а если говорили, что не таковъ, то поручалъ членамъ того же суда переизслѣдовать дѣло и доложить вновь, и затѣмъ давалъ приказъ чинить управу. Но десятинникамъ, суды которыхъ находились, болѣе или менѣе, вдали отъ мѣстопробыванія владыки, предоставлено было самимъ, по обыску и суду, чинить на мѣстѣ управу во всякихъ дѣлахъ, и только въ которыхъ дѣлахъ невозможно было имъ учинить тамъ управу, они представляли судные списки и обоихъ истцовъ ко владыкѣ, который, по выслушаніи списковъ, и приказывалъ чинить управу (—гл. 68) (254).

(254) Псковскій намѣстникъ новгородскаго владыки, какъ лице свѣтское, безъ сомнѣнія, самъ не судилъ духовенства по дѣламъ духовнымъ, а подобно десятинникамъ, отсылалъ только виновныхъ на судъ владыки; равно и по дѣламъ недуховнымъ, вслѣдствіе отдаленности Пскова отъ Новгорода, подобно десятинникамъ, чинилъ управу на мѣстѣ въ большинствѣ случаевъ. Недовольные же рѣшеніями намѣстника могли приносить жалобы владыкѣ, особенно когда послѣдній пріѣзжалъ въ Псковъ творить свой *мѣсячный судъ* (нашей Истор. V, 109): ибо и въ настоящій періодъ владыки продолжали, по установившемуся обычаю, ѣздить въ Псковъ и проживали тамъ по мѣсяцу, иногда нѣсколько менѣе, а иногда только

4) Судныя пошлыны. Бояре, дворецкіе, десятичники и дьяки съ каждаго суднаго дѣла, какъ только оно оканчивалось, брали гривенную пошлыну по цареву судебнику, а лишняго не должны были брать. Если же кто либо изъ нихъ, вопреки судебнику, бралъ лишнее и посулы, то съ виновнаго, по обыскѣ, безъ суда, взыскивалось втрое и отдавалось истцу. А если бояринъ, или дворецкій, или десятичникъ, или дьякъ во второй и въ третій разъ были обличаемы въ томъ же, тогда бояринъ лишался боярства, дворецкій дворечества, десятичникъ десятины и дьякъ дьячества, кромѣ того, что съ виновнаго взыскивалось втрое и отдавалось истцамъ (— гл. 69). Надобно замѣтить, что если противъ архіерейскихъ бояръ, десятичниковъ и прочихъ судебныхъ чиновъ, за ихъ неправосудіе и взяточничество, принимались такія строгія мѣры, то виною тому были сами же эти чиновники и ихъ крайнія злоупотребленія, которыя и вынудили царя сказать отцамъ Стоглаваго собора: «у васъ, святителей, бояре, и дьяки, и тіуны, и десятичники, и недѣльщики судятъ и управу чинятъ неправо, и волочатъ, и продаютъ съ ябедники соднаго (за одно), а десятичники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости и дѣла оставляютъ съ ябедники соднаго, и церкви отъ десятичниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты, безъ пѣнія, и поповъ нѣтъ; достоить вамъ, святителемъ, вельми о семъ порадоути и запретити» (Стогл. гл. 5, вопр. 7).

до десяти дней (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 214—217. 230. 232. 246. 254. 269. 271. 287. 297; V, 31. 32). Макарій архієпископъ поставилъ въ Псковѣ, на случай своихъ пріѣздовъ, *славыченъ* дворъ (Тамъ же IV, 300. 301).

Кромѣ постоянныхъ епархіальныхъ судовъ, въ каждой епархіи открывался по временамъ такъ - называемый судъ смѣстный или общій, узаконенный еще уставомъ св. Владимира: это случалось тогда, когда лица духовнаго вѣдомства имѣли дѣла и тяжбы съ лицами мірскаго вѣдомства, и наоборотъ. Судъ составлялся тогда изъ судей мірскихъ и святительскихъ, обыкновенно засѣдавшихъ въ судѣ у святительскихъ бояръ и десятильниковъ, и главнымъ судьей бывалъ тотъ, къ вѣдомству котораго принадлежалъ отвѣтчикъ. Судныя пошлины дѣлились между судьями обоихъ вѣдомствъ пополамъ (Стогл. гл. 67, стр. 296; Судебник. Іоанна IV, ст. 30, въ А. И. I, № 153).

Если сравнить наши епархіальные суды, по изображенію ихъ въ Стоглавѣ, съ судами нашими свѣтскими по судебникамъ Іоанна III и особенно Іоанна IV, то нельзя не замѣтить, что первые во многихъ чертахъ какбы скопированы съ послѣднихъ и построены на однихъ съ ними началахъ. Иначе и не могло быть по той живой связи, какая всегда существовала у насъ между церковію и государствомъ, и при томъ неизбѣжномъ вліяніи, какое они взаимно оказывали другъ на друга.

Вслѣдствіе этого-то неотразимаго вліянія государственной жизни на жизнь нашей церкви мы видимъ у себя такъ же, что наше церковное управленіе и судъ, подобно гражданскимъ, неразрывно были соединены съ собираніемъ пошлинъ съ тѣхъ самихъ лицъ, которыя подлежали управленію и суду. Какъ наши князья, на содержаніе себя и своихъ чиновниковъ, собирали дани со всѣхъ своихъ подданныхъ, которыми правили и которыхъ судили, такъ и наши архіереи, на содержаніе

себя и служившихъ при нихъ лицъ, собирали пошлины со всѣхъ подвѣдомыхъ ихъ управленію и суду. Къ этому вѣдомству въ каждой епархіи, прежде всего, принадлежали духовенство бѣлое и духовенство монашествующее: съ нихъ-то преимущественно и собирались пошлины. Однѣ изъ этихъ пошлинъ собирались съ отдѣльныхъ лицъ того и другого духовенства, другія съ цѣлыхъ причтовъ приходскихъ церквей и съ цѣлыхъ монастырей.

Ставился ли кто въ санъ священника, діакона, причетника, или іеродіакона и іеромонаха,—онъ платилъ пошлину, получая *ставленную* грамату,—а именно поставляемый въ діакона и затѣмъ во священника платилъ рубль московскій да благословенную гривну, поставляемый только въ діакона—полтину да благословенную гривну, поставляемый только во священника изъ діаконовъ платилъ такъ же полтину да благословенную гривну: рубли и полтины шли «на весь соборъ», т. е. на весь соборный клиръ, служившій при архіереѣ, а благословенныя гривны взымались въ казну архіерея, вѣроятно, за ставленныя граматы. Отправлялся ли новопоставленный священникъ или діаконъ къ своей приходской церкви,—онъ являлся къ архіерею за благословеніемъ, получалъ отъ него, кромѣ ставленной, еще *благословенную* грамату, чтобы священнодѣйствовать именно въ назначенной ему церкви извѣстнаго прихода, и платилъ за эту грамату полтину. Отлучался ли священникъ или діаконъ въ другую епархію,—онъ предварительно испрашивалъ у своего владыки *отпускную* грамату и платилъ за нее полтину. Ставился ли кто изъ монашествующихъ въ санъ игумена, архимандрита,—онъ получалъ отъ архіерея *настольную* грамату и платилъ за нее рубль.

Такъ опредѣлили размѣръ всѣхъ этихъ пошлинъ Стоглавый соборъ въ руководство для всѣхъ архіереевъ, а прежде онѣ въ разныхъ епархіяхъ были различны и зависѣли отъ произвола, хотя брать пошлины собственно за поставленіе на церковныя степени московскимъ соборомъ 1503 г. было запрещено совершенно (²³⁵). Если священникъ и діаконъ перемѣщались въ другой приходъ, они получали *перехожія* грамоты и платили «перехожія гривны»; а если они прежде не имѣли никакого прихода и были только-что рукоположены и въ первый разъ отправлялись на приходъ, они получали *новичныя* памяти и платили «новичныя гривны». Когда священники и діаконъ, равно священноиноки и настоятели монастырей, приходя въ Москву и другіе епархіальные города, желали тамъ священнодѣйствовать въ церквахъ по найму,—для чего въ Москвѣ выходили на извѣстный крестецъ или перекрестокъ,—они должны были напередъ брать у тіуна мѣстнаго архіерея грамоту или запись, называвшуюся «знамя» и платили за нее, по старинѣ, *крестцовую* пошлину—за каждый мѣсяцъ по десяти денегъ, а иные по два алтына; съ тѣхъ же, которые рѣшались священнодѣйствовать безъ знамени, взыскивался штрафъ по два рубля. Вдовы священники и діаконъ, хотя не платили ничего собственно за *епитрахильныя* и

(²³⁵) Стогл. гл. 41, вопр. и отв. 4. Снес. нашей Истор. VI, 119. Благословенная гривна съ ставленника пла архіерею—А. Э. I, № 229, стр. 221. Образцы ставленныхъ, благословенныхъ, отпусковыхъ и настольныхъ грамотъ—въ Акт. Юридич. №№ 381—390; Акт. относящ. до юрид. быта Россіи I, №№ 24—26. Стоглавъ ясно различаетъ ставленныя грамоты отъ благословенныхъ (стр. 315. 327). Ставленныя грамоты дячкамъ и пономарямъ первый началъ давать въ новгородской епархіи архіепископъ Геннадій (А. И. I, № 104, стр. 147; снес. А. Юрид. №№ 387. 388).

орарныя грамоты, о которыхъ мы выше упоминали, за то платили «писчій алтынъ» дьякамъ за написаніе грамоты и «печатный алтынъ» печатнику за приложеніе къ ней печати (²⁵⁶). И надобно прибавить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ грамотъ, именно—ставленныя, настольныя и благословенныя оплачивались не только при первоначальномъ полученіи ихъ, но и впоследствии. Онѣ заявляемы были каждому новому архіерею епархіи для утвержденія его подписью,—при чемъ за каждую грамоту взималась пошлина; заявляемы были каждому, вновь назначенному въ тотъ или другой городъ, десятинику всѣмъ духовенствомъ города,—при чемъ такъ же платилась пошлина; заявляемы были ежегодно десятиникамъ или поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ при собираніи ими церковныхъ даней со всего епархіальнаго духовенства,—при чемъ такъ же платилась особая пошлина. Пошлина эта называлась «явленная куница съ грамотою». Впрочемъ, Стоглавый соборъ запретилъ новодесятиникамъ, а вѣроятно и поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ, брать пошлины съ заявляемыхъ имъ грамотъ: потому что послѣ этого собора явленная куница съ грамотою уже не упоминается въ числѣ собираемыхъ съ духовенства ежегодныхъ пошлинъ, а упоминается только благословенная куница, какъ и прежде (²⁵⁷).

Кромѣ пошлинъ съ отдѣльныхъ лицъ бѣлаго и чернаго духовенства за разныя грамоты, собирались еще пошлины съ

(²⁵⁶) Стогл. стр. 167. 315—317. 326 367; А. И. I, № 210.

(²⁵⁷) П. Собр. Р. Лѣт. III, 170; Стогл. 315. 316; А. Э. I, №№ 125 137. 197; А. И. I, №№ 112. 149. 150. 170 181 187. 189. Дополн. къ А. И. I, № 46.

цѣлыхъ церковныхъ причтовъ епархіи или отъ всѣхъ церквей, а такъ же отъ всѣхъ монастырей. Къ числу этихъ пошлей принадлежали: а) «святительская дань» или «сборное» — самая главная (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ) пошлина въ ряду прочихъ; б) «архіерейскій подъѣздъ», — назначалась на разъѣзды архіерея для обозрѣнія епархіи; в) «десятинники, доводчики, заѣззичи, зазывичи или зазывныя пошлины, соборная куница, людское» и проч., т. е. пошлины архіерейскимъ десятиникамъ, доводчикамъ, заѣззичамъ, зазывичамъ, на соборный архіерейскій клиръ, на архіерейскихъ людей и под.; г) «даньскія пошлины», «съ оброкомъ куница», — взымавшаяся за самое собираііе дани и оброчныхъ денегъ, и др. Вообще же пошлины эти раздѣлялись на два рода: однѣ шли на самаго архіерея, а другія на его десятильниковъ и прочихъ подчиненныхъ ему служебныхъ чиновъ и людей. Число тѣхъ и другихъ пошлей не было опредѣлено какимъ либо уставомъ для всей русской церкви, а въ разныхъ епархіяхъ было различно и зависѣло отъ мѣстныхъ архіереевъ, которые иногда вводили у себя и новыя пошлины ⁽²⁵³⁾. Собирались церковныя пошлины иногда дважды

(²⁵³) Напримѣръ, *ростовскіе* архіереи, освобождая нѣкоторые монастыри и церкви отъ церковныхъ пошлей, выражались въ своихъ грамотахъ: „ненадобѣ имъ (игуменамъ, попамъ и дьяконамъ) моя дань Петровская и Рождественая, ни десятина, ни данскіе пошлей, ни десятиники пошлей, ни доводчики, ни заѣззичи, ни зазывичи, ни благословенная куница, ни явленная куница съ грамотою, ни полоть, ни иные нѣкоторые пошлей, ни что по ряду; ни казенныхъ алтынновъ не даютъ, ни писчего, ни людского“ (грамота 1489 г. А. Э. I, № 125). Тѣ же пошлины перечисляются и въ грамотахъ ростовскихъ владыкъ 1500 г. и 1533 г.; но только въ первой не упомянуты: десятина, зазывичи пошлей, полоть, писчее, казенные алтыны (А. Э. I, № 137), а въ послѣдней не упомянуты — десятина и писчее, за то прибавлены: съ оброкомъ куница, полудная пшеница и соборная куница (А. Э. I, № 176). Тѣ же — и въ грамотахъ 1554—1576 г. (А.

въ годъ—около Рождества Христова и Петрова дня, а иногда только однажды въ годъ—около Рождества Христова, и собирались однѣ пошлыны деньгами, другія ватурою, т. е. хлѣбомъ и под.; впрочемъ и эти послѣднія мало по малу, съ

Э. I, №№ 202. 293. 294). Владыки новгородскіе въ такихъ же своихъ грамотахъ, вовсе не упоминая о своей святительской *данн*, говорятъ только о своемъ *подѣздѣ* и вообще выражаются короче, наприм., въ грамотѣ 1543 года: „и тому попу и всему причту церковному не надобѣ имѣ платити мой подѣздъ, ни иные мои некоторые пошлыны; такъ же и десятичники мои у нихъ корму, и дару, и всѣхъ своихъ десятиничныхъ пошлынъ, не емлютъ: а давати тому попу и всему причту въ нашъ подѣздъ, и въ благословенную кунницу, и за казенные пошлыны, урокомъ, по пяти алтынъ въ годъ, за все про все, а въ десятиничны кормъ, и въ даръ, и во всѣ десятиничны пошлыны давати имъ по пяти алтынъ въ годъ, за все про все“ (А. И. I, № 142). То же—и въ грамотахъ новгор. владыкъ 1549, 1563, 1572—1574 г. (А. И. I, №№ 150. 170. 181. 187. 189). Въ такихъ же грамотахъ *митрополита* не упоминается вовсе о подѣздѣ и пошлыны исчисляются иначе, напримѣръ: „не надобѣ имѣ ни которая моя дань, ни *Сборное*, ни Петровское, ни Рождественное, ни къ старостѣ поповскому съ тятлыми попомъ тянути, ни иная ни которая пошлына“ (грамота 1478 г., А. Э. I, № 105); или: „не надобѣ имѣ мое *Сборное*, ни Петровское, ни къ старостѣ поповскому съ тятлыми попомъ не тянутъ ни во что...; а даютъ тѣ помы въ мою казну оброкомъ, съ году на годъ, 30 алтынъ, то за кормъ и за данскія пошлыны; а десятинику моему даетъ попомъ 7 алтынъ за всѣ его десятиничны пошлыны, за кормы и за осенній проѣздъ, то ему и съ тиуномъ и съ доводчики на весь годъ; а коли явить тотъ попомъ грамоту моему десятинику на вѣздъ, и онъ ему даетъ вѣзжаго и за явленную кунницу пять алтынъ, то ему и съ тиуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ; а заѣзчику моему даетъ тотъ попомъ заѣзда два алтына“ (Грамота 1542 г., А. Э. I, № 197). У вологодскаго архіерея упоминаются еще нѣкоторые новыя пошлыны: „не надобѣ имѣ моя дань рождественная, ни данскія пошлыны, ни десятиничны, ни *неподльщичи*, ни *конюхового*, ни *поварское*, ни людское, ни иныхъ пошлынъ“ (А. Э. I, № 214). Въ подобныхъ же грамотахъ *великаго князя* довольно подробно перечисляются самыя лица, на которыхъ собирались пошлыны съ духовенства, наприм., въ грамотѣ 1500 г.: „а что шло съ монастыря архіепископу новгородскому, и его намѣстнику, и тиуну, и его людямъ, и дьякомъ владычнымъ, и попомъ софѣйскимъ, откупа и пошлынъ, и имѣ откупа и пошлынъ... не давати ничего“ (А. И. I, № 111); въ грамотѣ 1554 года: „архіепископъ, и его намѣстники, и тиуны, и дьяки, и люди владычни, и помы софѣйскіе откупа и пошлынъ съ нихъ не емлютъ никакихъ“ (Доп. А. И. I, № 48); въ грамотѣ 1560 года: „архіепископъ, и бояре его, и дьяки, и тиуны, и помы софѣйскіе, и дьяки пѣвчіе и подьяки, пошлынъ съ нихъ никакихъ не емлютъ“ (тамъ же № 114). Архіепископъ новгор. Сергій въ 1484 г., по словамъ лѣтописи, „многы игумены и помы испродаде, и *многы новыя пошлыны введе*“ (П. Собр. Р. Лѣт. V, 41).

теченіемъ времени, перелагались на денежные ⁽²⁵⁹⁾. Самый размѣръ пошлинъ въ разныхъ епархіяхъ и въ разныя времена былъ различенъ, да и въ каждой епархіи, въ одно и то же время, неодинаковъ для всѣхъ церквей и монастырей: это зависѣло вездѣ отъ мѣстнаго архіерея, который, при назначеніи пошлинъ съ каждой церкви и монастыря своей епархіи, принималъ во вниманіе количество ихъ матеріальныхъ средствъ и доходовъ, и потому съ однихъ требовалъ больше, съ другихъ меньше и, судя по обстоятельствамъ, то увеличивалъ, то уменьшалъ оброки съ одной и той же церкви или монастыря, и, по временамъ, отмѣняя старый, назначалъ «новый окладъ». Случалось, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, наприм., въ Псковѣ, по уставной граматѣ архіепископа Геннадія, пошлыны собирались со всѣхъ церквей и монастырей, безъ всякаго различія между ними, въ одномъ и томъ же размѣрѣ ⁽²⁶⁰⁾. Въ платежѣ пошлинъ отъ церквей уча-

⁽²⁵⁹⁾ А. Э. I, №№ 105. 125. 137; Дополн. къ А. И. I, № 46; Стогл. стр. 309; А. И. I, № 187.

⁽²⁶⁰⁾ Митрополитъ Даниилъ извѣщалъ дмитровскаго князя Юрія Ивановича (1522—1533 г.): „зѣсе есмѣ съ своимъ господиномъ и сыномъ вел. княземъ говорили на томъ: что мнѣ послати въ всю свою митрополию дѣтей боярскихъ, а велѣти имъ переписати у всѣхъ церквей приходы, сколько у которые церкви прихода дѣтей боярскихъ и ихъ людей да и хрестыанскихъ вытей, — и которые будутъ церкви приходомъ скудны, ино тѣмъ священникомъ полегчати, а которые будутъ церкви приходомъ обильны, ино на тѣхъ священниковъ дани прибавити.... А нынѣча есмѣ на всѣхъ игуменѣхъ и на попѣхъ велѣмъ дань имати бѣдѣшую“ (А. И. I, № 129). Владыка новгородъ Леонидъ въ 1574 г. установилъ: „давати имъ (игумену монастыря съ братією и всему церковному причту въ монастырѣ) въ домъ св. Софїи Премудрости, Божїи и мнѣ за мой подѣздъ и за благословенную куницу, и за всѣ десятинничѣ пошлыны, по новому окладу, на всякъ годъ, по рублю по московскому“ (А. И. I, № 189). О пошлинахъ въ Псковѣ по уставной граматѣ Геннадія — *Евген.* Истор. Княж. Псков. II, 90—92, и Древн. Росс. Вивліое. XV, 15—19.

ствовали всѣ члены церковныхъ причтовъ, пропорціонально доходамъ, ими получаемымъ, а отъ монастырей особнякъ или необщежительныхъ—настоятели, монастырскіе священники и діаконъ (ибо извѣстно, что во многихъ нашихъ тогдашнихъ монастыряхъ никто изъ иноковъ и сами даже настоятели не имѣли священническаго сана, т. е. вовсе не было іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а существовали, какъ и при церквяхъ приходскихъ, свои бѣлые священники и діаконъ, которые и совершали въ монастыряхъ всѣ церковныя службы и были духовниками братіи) и всѣ иноки, такъ же пропорціонально получаемымъ ими доходамъ; отъ общежительныхъ же монастырей всѣ пошлыны вносились настоятелями изъ общей монастырской казны ⁽²⁶¹⁾. Собираніемъ пошлынъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наприм. въ кievскомъ намѣстничествѣ при митрополитѣ Іонѣ и въ области псковской, завѣдывали архіерейскіе намѣстники, которые дѣйствовали при этомъ, конечно, не сами только непосредственно, а съ помощію подчиненныхъ имъ чиновъ ⁽²⁶²⁾. Обыкновенно же, какъ свидѣтельствуется Стоглавый соборъ, «въ митрополіи и въ архіепископіяхъ и епископіяхъ по городамъ и десятинамъ ѣздили десятинники и заѣздщики и собирали на святителей дань по книгамъ и свои пошлыны по грамотамъ и по книгамъ, по старинѣ». Но какъ отъ этихъ десятинниковъ и заѣздщиковъ священникамъ и діаконамъ и всему священническому и иноческому чину была нужда и продажа великая и налоги тяжкіе, то соборъ и опредѣлялъ, что-

⁽²⁶¹⁾ А. Э. I, № 38, стр. 384; А. И. I, №№ 129. 142. 149. 150. 170. 187. 189.

⁽²⁶²⁾ А. И. I, №№ 48. 260. 284.

бы впредь, по цареву совѣту и соборному уложенію, десятинникамъ и заѣздщикамъ по городамъ и десятинамъ за собираніемъ пошлинъ не ѣздить, а чтобы собирали святительскую дань и десятинники и заѣздщики пошлыны по книгамъ и граматамъ поповскіе старосты и десятскіе священники вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, засѣдающими у святительскихъ бояръ и десятинниковъ въ судѣ, да съ году на годъ отдавали святителямъ сполна на Рождество Христово или на Зборъ (въ Сборное воскресенье—педѣлю Православія); если же чего сполна не привезутъ по книгамъ, то недостающее предоставлялось святителямъ взыскивать съ самихъ сборщиковъ по государеву указу ⁽²⁶³⁾. Впрочемъ, и послѣ Стоглаваго собора, наприм., въ новгородской епархіи, собирать церковныя пошлыны, по прежнему, продолжали десятинники, дьяки, подъячіе и вообще свѣтскіе чиновники, а иногда эти пошлыны доставляли сами приходскіе священники и настоятели монастырей прямо въ архіерейскую казну ⁽²⁶⁴⁾. Въ какомъ размѣ-

⁽²⁶³⁾ Стогл. стр. 53. 308—310; А. Э. I, № 231.

⁽²⁶⁴⁾ Въ приходной книгѣ новгород. владыки, за 1577 г., записано: „іюня въ 18 день взято у новоторжскаго десятинника, у Казарина у Волинскаго, его собранія новоторжскія десятины съ поповскихъ старостъ, поца Уара да поца Ивана, всякихъ доходовъ софійскіе и архіепископи пошлыны 33 рубли, 10 алтынъ и 3 деньги; платилъ самъ Казаринъ... Іюля въ 23 день привезъ Богданъ Мамоновъ изъ Опскаго денегъ 71 рубль, три алтыны, а взялъ у дьяковъ, у Ипозема у Жихорева да у меньшого у Башева, что онъ собирали в Опсковѣ софійскую и архіепископлю пошлыну... Августа въ 19 день взято у подличего, у Луки у Игнатьева, по его книгамъ, подѣздовъ, и десятинничихъ кормовъ, и вечныя пошлыны, и переходжихъ, и новичныхъ гривень, его собранія ладожскіе, и нагорскіе, и коловые и заонежскіе десятины, 38 рублей 12 алтынъ... Декабря въ 31 день из устюжскіе десятины съ Устюжна, съ посаду, у Троицкаго поца Ивана взято подѣзда гривна московская, десятинника корму полчетвернацать алтынъ и восемь московскъ“.... (Рукоп. Кир.-бѣлоз. мон., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 3. 11. 12. 15). А. И. I, №№ 189. 198. 199.

рѣ собиралась та или другая церковная пошлина и до чего восходила общая сумма архіерейскаго дохода отъ пошлинъ, — объ этомъ мы имѣемъ только немногія и очень неполныя свѣдѣнія. По новгородской епархіи въ 1577 г. съ каждой приходской церкви или съ каждаго попа съ причтомъ собиралось на владыку: за подѣздъ — отъ одной до 12-ти гривенъ, да за кунуцу — отъ пяти до 25-ти денегъ и отъ одной до трехъ гривенъ, т. е. объ эти пошлины съ церквей были далеко неравномѣрны; а на десятичника, за десятиничій кормъ, собиралось со всѣхъ церквей, безъ различія, совершенно одинаковая пошлина, именно «полчетвернадцать (35) алтынъ и восемь московъ» ⁽²²²⁾. Въ псковской области, по уставной грамотѣ архіепископа Геннадія, за архіерейскій подѣздъ назначена была двоякая пошлина: поплѣшная и кормовая. Первая взималась съ каждой *плѣши* или головы, съ каждаго игумена, попа, діакона въ одномъ и томъ же размѣрѣ — по полтинѣ и 15-ти денегъ московскаго счета; а кормовая, обнимавшая все разнообразіе житейскихъ потребностей для владыки и его свиты и переложенная, въ каждой отдѣльной статьѣ, на денежный счетъ, составляла въ цѣломъ 488 рублей московскихъ. Всего же та и другая пошлины вмѣстѣ доставляли владыкѣ за его подѣздъ 1103 рубля московскихъ съ двумя деньгами. Такъ продолжалось до 1551 г., когда царь Иванъ Васильевичъ, по просьбѣ псковичей, понизилъ размѣръ поплѣшной пошлыны съ полтины и 15-ти денегъ по московскому счету на полтину новгородскую; а размѣръ кормовой ограничилъ 200-ми

⁽²²²⁾ Рукоп. Кир.-бѣлоз. монаст., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 50 — 244.

рублями московскими. Но черезъ четыре года, по ходатайству новгородскаго владыки Пимена, царь снова возвысилъ эти пошлину: велѣлъ псковскому духовенству платить владыкѣ кормовую пошлину вообще по 400 рублей московскихъ, а поплѣшную съ каждаго отдѣльнаго лица, какъ было прежде, по полтинѣ и 15-ти денегъ, только не по московскому, а по новгородскому счету, который былъ выше московскаго ⁽²⁶⁶⁾. Кромѣ пошлινъ со всего духовенства епархіи, бѣлаго и монашествующаго, были еще пошлины, поступавшія только отъ нѣкоторыхъ церквей и монастырей: такова, кажется, была пошлина «за великоденское яйцо», взимавшаяся для новгородскаго владыки съ духовенства одного Новгорода и его соборскихъ старость и монастырей, а равно съ духовенства и монастырей псковскихъ ⁽²⁶⁷⁾.

Не одни духовные подлежали управленію и суду епархіальнаго архіерея, но, хотя не въ такой степени, подлежали и міряне; потому участвовали и они въ платежѣ пошлिनъ въ архіерейскую кассу. Мы не говоримъ уже о пошлинахъ *судныхъ*, которыя, по Судебнику, должны были платить всѣ, какъ духовные, такъ и мірскіе люди всякаго сословія, судив-

⁽²⁶⁶⁾ Древн. Росс. Вивліое. XV, 15—19; *Евген.* Истор. Княж. Псков., II, 90—92, Приб. XII.

⁽²⁶⁷⁾ Въ приходной книгѣ новгород. владыки за 1577 г. записано: „съ великаго Новгорода, со шти соборовъ, у поповъ взяти за великоденское яйцо 10 рублей. въ новгородское число, а въ московское число 21 рубль и 20 алтынъ. Взято у шти соборскихъ старость, у попа у Викула съ товарищи, за великоденское яйцо, 15 рублей, 8 ден. въ московское число. Изъ Ситецкаго монастыря у андрѣевского игумена з братаю взяти, за великоденское яйцо, 4 алтынъ....“, — и потомъ записано, что еще съ девяти монастырей взято по четыре же алтына съ каждаго (Рукоп. Кир. бѣлоз. мон., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 162—163). Объ этой пошлннѣ съ псковскаго духовенства — въ Древн. Росс. Вивл. XV, 18.

шіеся въ епархіальныхъ судахъ и оказавшіеся виновными: такъ какъ объ этихъ пошлинахъ нами сказано прежде. Мы имѣемъ въ виду собственно «пошлину вѣнечную» или «вѣнечныя знамена». Наши приходскіе священники того времени, по крайней своей необразованности, сами, большею частію, не въ состояніи были рѣшать вопросовъ о степеняхъ родства, въ какихъ разрѣшается бракъ и не разрѣшается, и вообще мало были знакомы съ церковными правилами относительно браковъ. Потому въ разныхъ городахъ и участкахъ каждой епархіи избирались особые священники, искусные въ этомъ дѣлѣ, и называвшіеся «знаменщиками». Къ нимъ-то и должны были въ той мѣстности обращаться всеѣ, желавшіе вступить въ бракъ, и, если бракъ оказывался возможнымъ, непротивнымъ канонамъ, получали отъ нихъ «знамя» или разрѣшительную грамоту на вступленіе въ бракъ. Знамя представлялось затѣмъ приходскому священнику, который и совершалъ бракъ, а за знамя взыскивалъ съ брачующихся вѣнечную пошлину; впрочемъ, иногда она взыскивалась самими знаменщиками еще при выдачѣ знамени. До Стоглаваго собора вѣнечная пошлина бралась въ большемъ размѣрѣ и была обременительна для христіанъ,—на что царь и обратилъ вниманіе собора. Отцы собора отвѣчали, что хотя пошлина эта не имѣетъ основанія въ канонахъ церкви, но «искони ведется», и, ссылаясь на указы вел. князей Ивана Васильевича III и Василія Ивановича, постановили, съ соизволенія самого царя: брать съ перваго брака алтынъ, со втораго два алтына, а съ троеженцевъ по четыре алтына. Собирать вѣнечную пошлину по всемъ городамъ и селамъ епархіи отъ всехъ приходскихъ священниковъ должны были, по соборному уложе-

нію, поповскіе старосты и десятскіе священники, вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, каждый годъ одновременно съ собираніемъ прочихъ пошлинъ на архіерея и передавали, по книгамъ, въ архіерейскую казну казначею. Съ священниковъ, утаившихъ что либо изъ вѣчной пошлыны и обличенныхъ въ томъ, взыскивалось, по цареву судебнику, пеня^а—по два рубля и по четыре алтына и по полторы деньги, которая такъ же поступала къ тому же архіерейскому казначею. Но по мѣстамъ, и вѣчную пошлыну, вмѣстѣ со всѣми прочими, продолжали собирать, какъ мы замѣтили уже, десятичники и вообще свѣтскіе чиновники (²⁶⁸).

Хотя, по общему правилу, все духовенство епархіи, бѣлое и монашествующее, подлежало суду своего архіерея и обязано было вносить ему пошлыны, но изъ этого правила нѣдѣко дѣлались исключенія, одни—по волѣ великихъ князей, а другія по волѣ самихъ архипастырей. Князья иногда давали монастырямъ и причтамъ приходскихъ церквей такъ-называемыя *несудимыя* грамоты. Въ однихъ изъ этихъ грамотъ они освобождали монастыри и причты отъ всякой подсудности епархіальному архіерею, даже и по дѣламъ духовнымъ; въ другихъ—отъ всякой подсудности, кромѣ дѣлъ духовныхъ; въ третьихъ—отъ подсудности, по крайней мѣрѣ, архіерейскимъ десятиникамъ и другимъ чиновникамъ, которые особенно бывали тяжки духовенству во время своихъ «наѣздовъ», когда требовали себѣ и кормовъ, и подводъ, и проводниковъ и, разумѣется, разныхъ подарковъ. Тѣми же своими грамотами кня-

(²⁶⁸) А. У. I, №№ 195. 231; Стогл. гл. 5, вопр. 4; гл. 46. 69, стр. 52. 218. 309—312. См. выше примѣч. 264.

зья иногда освобождали монастыри и причты и отъ всякихъ архіерейскихъ пошлинъ, или опредѣляли, чтобы, взаѣмъ разныхъ пошлинъ, вносима была только одна опредѣленная небольшая сумма, или чтобы, по крайней мѣрѣ, пошлины эти собирались съ монастырей и причтовъ не архіерейскими десятиниками, а особымъ царскимъ чиновникомъ, и передавались по назначенію (²⁶⁹). Граматы такого рода, отнимавшія у архіереевъ право судить подчиненныхъ имъ архимандритовъ, игуменовъ, строителей, поповъ и цѣлыя церковныя причты, не могли не смущать нѣкоторыхъ и въ то время, — и самъ царь Иванъ Васильевичъ, указывая на несудимыя грамоты, спросилъ отцевъ Стоглаваго собора: «коя ради вины сіе тако бысть и тако ли сему достойтъ быти» (Стогл. ѡ, вопр. 14). Отцы отвѣчали, что «тѣ грамоты даваны кромѣ (противъ) священныхъ правилъ», и постановили: «впредь таковымъ грамотамъ не быти» (—гл. 67). Но это постановленіе собора вскорѣ было забыто, и тотъ же Иванъ Васильевичъ продолжалъ давать церквамъ и монастырямъ несудимыя грамоты, какъ давалъ прежде (²⁷⁰). Архипастыри, съ своей стороны, жаловали подобнаго же рода грамоты нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ своихъ епархій, и этими грамотами иногда освобождали церковныя причты и монастыри и отъ подсудности своимъ намѣстникамъ или десятиникамъ, оставляя весь судъ лично за собою или за настоятелемъ монастыря, и отъ всѣхъ пошлинъ (²⁷¹); а большею частію освобождали только отъ всѣхъ

(²⁶⁹) А. Э. I, №№ 159. 173; А. И. I, №№ 111. 141. 147. 149.

(²⁷⁰) Дополн. А. И. I, №№ 46. 48. 114. 130.

(²⁷¹) Горчаков. О земел. влад. митропол., Прилож. стр. 37—41, с. п. 6. 1874; А. Э. I, №№ 71. 85. 176. 197. 296; Доп. А. И. I, № 220.

пошлинъ, или указывали, чтобы причты и монастыри, вмѣсто всѣхъ пошлинъ, платили ежегодно лишь небольшую сумму денегъ, или чтобы они платили сполна однѣ пошлины архіерейскія, а десятильничьи—въ уменьшенномъ размѣрѣ, какой означался въ жалованной грамотѣ (²⁷²).

Были еще люди, составлявшіе особый классъ, которые хотя подлежали церковному вѣдомству, управленію и суду, но оставались свободными отъ всякихъ пошлинъ, шедшихъ на епархіальнаго архіерея и его чиновъ. Это люди *богадѣльные*: нищіе, престарѣлые, увѣчные, больные. Изъ писцовыхъ книгъ XV—XVI в. очевидно, что вблизи многихъ нашихъ сельскихъ церквей, вмѣстѣ съ домами священно-и церковно-служителей, равно и вблизи монастырей, на церковной и монастырской землѣ существовали и богадѣльныя избы или келліи, числомъ иногда до двадцати, въ которыхъ жили всякаго рода нищіе, старцы и старицы, и «питались о церкви Божіи», изрѣдка и «о приходѣ» (²⁷³). Царь Иванъ Васильевичъ засвидѣтельствовалъ на Стоглавомъ соборѣ, что и по всѣмъ нашимъ городамъ существовали богадѣльныя избы, въ которыя ежегодно отпускалась изъ царской казны милостыня — хлѣбъ, соль, деньги и одежда, и такъ же поступала милостыня отъ христіанцевъ. Но только въ этихъ избахъ,—замѣтилъ царь,—по злоупотребленію завѣдывавшихъ ими прикащиковъ, живутъ «мужики съ женами и мало больныхъ», а нищіе, престарѣ-

²⁷²) А. Э. I, №№ 125. 137. 278. 285. 291. 293; А. И. I, №№ 142. 150. 170. 181. 187.

²⁷³) *Неволин.* О пятин. новгород., Приложен. стр. 140. 146. 151. 153. 165. 175. 256. 259. 261. 262. 292. 294. 302. 305. 319. 324 — 326. 330. 335. 336. 352. 355 и др. Снес. А. И. I, № 153, стр. 248.

лые, страдальцы, не имѣющіе гдѣ главу подклонить, скитаются по міру и умираютъ съ голоду: безъ напутствія,—почему и потребовалъ соборнаго рѣшенія объ этомъ предметѣ (Стогла. гл. 5, вопр. 12). Соборъ далъ отвѣтъ: да повелитъ царь по всѣмъ городамъ переписать всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихъ, устроить въ каждомъ городѣ богадѣльни мужескія и женскія, помѣщать въ нихъ только этихъ несчастныхъ, не имѣющихъ гдѣ главу подклонить, снабжать ихъ пищею и одеждою и такъ же принимать на содержаніе ихъ милостыню отъ боголюбцевъ, да приставить для служенія имъ здоровыхъ строевъ — мужчинъ и женщинъ, сколько потребуется; а надзоръ за богадѣльнями поручить добрымъ священникамъ и пѣловальникамъ или градскимъ добрымъ людямъ; священникамъ же кромѣ того вмѣнить въ обязанность, чтобы они, посѣщая богадѣльни, поучали живущихъ тамъ страху Божию и чистотѣ, исповѣдывали и приобщали больныхъ, погребали умершихъ и поминали ихъ на церковныхъ службахъ; а здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили бы, не питались бы отъ боголюбцевъ, ходя по дворамъ, какъ было доселѣ, и трудились бы, если еще въ силахъ работать (—гл. 73). Не видно, чтобы на самомъ дѣлѣ исполнилось это постановленіе Стоглаваго собора; вѣроятно же, что оно, подобно многимъ другимъ его постановленіямъ, осталось безъ послѣдствій.

III.

Вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали, наконецъ, недвижимыя имущества нашего духовенства, и, въ частности, земельныя владѣнія, а вмѣстѣ и люди, жившіе

на церковныхъ земляхъ. Эти же имущества составляли главнѣйшій источникъ для содержанія духовенства (²⁷⁴).

Въ настоящій періодъ, какъ и прежде, недвижимыя имущества принадлежали у насъ архіерейскимъ кафедрамъ, монастырямъ и церквамъ и были весьма разнообразны. Сюда относились: а) дома, дворы, подворья, огороды (²⁷⁵); б) разныя хозяйственныя и промышленныя строенія и заведенія, каковы—мельницы, лавки, соляныя варницы и проч. (²⁷⁶); в) земли ненаселенныя съ ихъ принадлежностями: пашни, лѣса, луга, рѣки и озера съ рыбною ловлею, бобровыя и бортныя угодья и под. (²⁷⁷); г) населенныя земли: починки, деревни, села,

(²⁷⁴) Недвижимыя имущества нашего духовенства неразъ служили предметомъ ученыхъ изслѣдованій, каковы: *Милутин*. О недвижим. имуществахъ духовенства въ Россіи (Чтен. М. Истор. Общ. 1859, IV; 1860, III; 1861, II и III); *священн. Горчаков*. О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, с. п. б. 1871; *Павлов*. Истор. очеркъ секуляризаціи церков. земель въ Россіи, Одесс. 1871.

(²⁷⁵) А. И. I, №№ 116. 125. 141; А. Юрид. №№ 94. 113. 114. 117. 229; Доп. А. И. I, № 224. Наприм., у Троице-Сергіева монастыря въ половинѣ XVI в. упоминаются дворы, кромѣ Москвы, въ Дмитровѣ (А. Э. I, № 69), Твери, Угличѣ, Кашинѣ (А. Э. I, № 79), Переяславлѣ Залѣсскомъ (А. Э. I, № 164), Ростовѣ, Костромѣ (А. Э. I, № 179), Нерехтѣ, Плесѣ, Солигаличѣ, на Холую, Балахнѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, Гороховцѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ и Боровскѣ. А. *Горск.* Истор. Опис. Сергіев. лавры, Рукопис. Тр.-Серг. лавры, по дополн. катал. ея библи., № 205, л. 181. О подворьяхъ и имбарахъ Кирилло - бѣлов. монастыря—см. далѣе примѣч. 354.

(²⁷⁶) А. И. I, №№ 93. 144. 158; Дополн. А. И. I, №№ 16. 48; А. Юрид. № 421. У Троице-Серг. монастыря, въ XVI в., были соловарни: въ Усольѣ переяславскомъ, у Соли Галицкой—двѣ варницы (А. Э. I, № 52), въ Нерехтѣ—четыре варницы, у Новой Соли на Холую—три варницы (А. Э. I, № 200), на Балахнѣ—пять варницъ, на Тотъмѣ—двѣ варницы (*Горск.* въ означ. Рукописи л. 181 об.—182).

(²⁷⁷) А. И. I, №№ 55. 76. 80. 85; Доп. А. И. I, №№ 26. 48; А. Юрид. №№ 88. 89. 142. Такія земли съ пашнями, лѣсами, рѣками, соляными варницами и рыбными ловлями купилъ себѣ въ 1568 г. К. - бѣлозерскій монастырь въ Двинскомъ уѣздѣ за 800 рублей (А. Юр. I, № 85).

слободы и цѣлыя волости (²⁷⁸). Послѣдняго рода имущества, въ ряду прочихъ, имѣли самое важное значеніе. Способы приобрѣтенія духовенствомъ недвижимыхъ имуществъ были различны. Однѣ земли, села, угодія поступали во владѣніе духовенства—чрезъ пожалованія отъ князей, удѣльныхъ и великихъ, и укрѣплялись за нимъ *жалованными* княжескими грамотами; другія — чрезъ пожертвованія отъ прочихъ лицъ всякаго званія, въ томъ числѣ, и отъ поступавшихъ въ монастырь, и укрѣплялись *данными* и *вкладными* грамотами этихъ лицъ; третьи—чрезъ духовныя завѣщанія, какъ князей, такъ и другихъ лицъ всякаго званія, и укрѣплялись этими самими *духовными* грамотами (²⁷⁹). Иногда архіерейскіе дома, монастыри, даже церкви приобрѣтали себѣ земли покупкою и укрѣпляли засобою *купчими* записями; иногда промѣнивали свои земли и вотчины на другія, болѣе почему либо выгодныя, которыя и укрѣпляли за собою *мѣновыми* записями. Случалось, что во владѣніе того или другаго монастыря переходили земли или угодія *по закладнымъ*: это именно тогда, когда лица, занимавшія деньги у монастыря и обезпечивавшія свой долгъ залогомъ своего недвижимаго имущества, не успѣвали выплатить долга къ назначенному сроку (²⁸⁰). Для большаго укрѣпленія и огражденія своихъ владѣльческихъ правъ, лица духовнаго званія, не довольствуясь всѣми исчисленными грамотами и записями, считали необходимымъ и

(²⁷⁸) А. Э. I, №№ 102. 105. 113. 118—122. 124 и мног. друг.

(²⁷⁹) А. И. I, №№ 38. 84. 85. 162; А. Э. I, №№ 135. 136. 169; А. Ю. №№ 111—116. 121—126. 409—422; А. до юрид. быта Россіи I, № 63, ст. VI—IX.

(²⁸⁰) А. Ю. №№ 73. 74. 77. 85. 88—90. 100. 106. 241; А. до юрид. быта Россіи II, № 126, ст. III; №№ 147. 156; Доп. А. И. I, №№ 18. 20.

имѣли обычай испрашивать у князей подтвердительныя грамоты на свои владѣнія, прибрѣтенныя тѣмъ или другимъ образомъ, и особенно испрашивали такія грамоты у каждаго новаго великаго князя ⁽²⁸¹⁾.

Земельныя и вотчинныя владѣнія нашего духовенства увеличивались весьма быстро втеченіе настоящаго періода, такъ что къ концу его они обнимали, по свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію, цѣлую треть всего государства (разумѣется, въ его тогдашнемъ объемѣ). Если и принять это свидѣтельство, которое иностранцы, всего вѣроятнѣе, слышали отъ самихъ же русскихъ, а одинъ прямо усволяетъ даже самому царю, не за точное, а хоть за нѣсколько приблизительное указаніе на размѣръ тогдашнихъ владѣній нашей церкви, — и въ такомъ случаѣ нельзя не сознаться, что они были уже огромны ⁽²⁸²⁾. Замѣтимъ, одна-

⁽²⁸¹⁾ А. И. I, №№ 111. 141. 148. 151. 163. 166. 177. 200; А. Э. I, №№ 48. 52. 60. 130. 131. 148. 159. 164. 171. 174. 177 и мног. друг.

⁽²⁸²⁾ Адамъ Климентъ, посѣтившій Россію въ 1553 г., пишетъ: *Plurima ibi extruuntur Basilianorum coenobia; his magni sunt agrorum redditus, nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi* (*Rerum Moscovit. scriptores varii*, pag. 152, Francofurt. 1600). Горсей, бывшій у насъ въ 1584 г., рассказываетъ, что когда царь Иванъ Васильевичъ созвалъ соборъ въ 1580 г. по вопросу о пожертвованіяхъ съ церковныхъ имуществъ на нужды государства и узналъ, что собравшіеся намѣреваются дать отрицательный отвѣтъ, то пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ епископовъ и игуменовъ и произнесъ предъ ними грозную рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразился, — „вы захватили себѣ въ собственность, какъ оказывается, *третью часть* городовъ, посадовъ и деревень нашего государства“ (Записка *Горсея* о Россіи въ русск. переводѣ, напеч. въ „Библ. для чтенія“ за 1865 г., № 4—6). Петрей, неразъ приходившій къ намъ подъ конецъ XVI и въ началѣ XVII в., говоритъ, что въ Россіи одна треть земли принадлежала церкви, одна треть боярамъ и одна треть государю (Исторія о вел. княжествѣ мов., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. V, стр. 418). Тоже о размѣрѣ церковныхъ вотчинъ въ Россіи повторяетъ и Олеарій, бывшій у насъ въ 1633 г. и посѣ (Опис. путешествія въ Московію, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868—1870).

кожъ, что дошло до насъ и домашнее свидѣтельство подобнаго рода, хотя касающееся не всей Россіи, а только одной мѣстности ея вблизи столицы: разумѣемъ описаніе поземельныхъ владѣній въ Горетовомъ станѣ московскаго уѣзда, сдѣланное въ 1586 году. Оно наглядно показываетъ, что въ этомъ станѣ одна и самая меньшая часть владѣній принадлежала помѣщикамъ и вотчинникамъ, именно 5780 четвертей пахатной земли въ одномъ полѣ и постольку же въ каждомъ изъ двухъ остальныхъ полей; 656 десятинъ разнаго лѣсу и на 7079 копей сѣнокосной земли; другая и сравнительно большая часть принадлежала государю или правительству, и именно 8639 четвертей пахатной земли въ полѣ и постольку же въ двухъ остальныхъ поляхъ, 12 десятинъ лѣсу и на 2545 копей сѣнокосной земли, а третья и самая большая часть принадлежала духовенству (митрополиту, девяти монастырямъ и двумъ московскимъ соборамъ), именно 9422 четверти пахатной земли въ полѣ и постольку же въ двухъ остальныхъ поляхъ, 169 десятинъ лѣсу и на 5710 копей сѣнокосной земли (**). Конечно, это—частный примѣръ и въ другихъ станахъ и мѣстностяхъ Россіи могло быть совсѣмъ другое, но мы и не дѣлаемъ общаго заключенія.

Каедрa русскаго митрополита если и потеряла недвижимыя имуществa въ западной Россіи, съ отдѣленіемъ кievской митрополіи отъ московской, за то болѣе и болѣе пріобрѣтала ихъ въ Руси восточной, при каждомъ новомъ митрополитѣ,

(**) Приправочная книга по московскому уѣзду 7094 году во Временникъ М. Истор. Общ. XIII, отд. II, стр. 115. 147—166. 182—184, и Предисл. стр. VI—VIII. Двѣ четверти земли равнялись десятинѣ.

начиная съ Іоны, и особенно при митрополитахъ Филиппѣ I, Геронтіѣ и Симонѣ (²⁸⁴). Къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтія владѣнія митрополита находились въ пятнадцати уѣздахъ: московскомъ, владимірскомъ, ростовскомъ, суздальскомъ, переяславскомъ, муромскомъ, костромскомъ, вологодскомъ, нижегородскомъ, бѣлозерскомъ, коломенскомъ, дмитровскомъ, звенигородскомъ, галичскомъ и юрьевопольскомъ (²⁸⁵). О вотчинахъ митрополичихъ въ семи изъ названныхъ уѣздовъ (именно: переяславскомъ, юрьевскомъ, владимірскомъ, ростовскомъ, костромскомъ, вологодскомъ и отчасти московскомъ) сохранились извлеченія изъ писцовыхъ книгъ 1492—1508 г., дающія возможность заключать, что въ этихъ семи уѣздахъ числилось за митрополитомъ—сель и деревень 531, дворовъ въ нихъ 1825, людей 1818, земли 57½ сохъ, т. е. гадательно около 17250 десятинъ, а въ трехъ поляхъ—второе болѣе (²⁸⁶).

(²⁸⁴) А. Э. I, №№ 50. 61. 74. 75; А. до юрид. быта Россіи т. I, № 63, VIII. XI. XII; № 103, III; № 118, II—V; т. II, № 147, II. III; № 156, II. III; № 175, III; № 178, I.

(²⁸⁵) А. до юрид. быт. Россіи т. I, № 63, XII; № 69; № 80; № 118, VIII; № 119; т. II, № 15, V; № 126, II; № 147; № 178, II; А. Э. I, №№ 9. 12. 13. 17. 18. 50. 61. 74. 75. 139; А. И. I, № 215; А. Юрид. №№ 8. 17; Горчаков. О земел. влад. митроп., Прилож. I, стр. 1—79.

(²⁸⁶) Это извлеченіе напечатано у Горчаковъ въ названномъ соч., Прилож. I, стр. 1—10. *Сохою* называлось самое большое условное пространство населенной и обрабатываемой земли, которое назначалось и принималось правительствомъ за единицу для взиманія съ землевладѣльцевъ всякаго рода податей въ пользу государства. Величина сохъ была неодинакова въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя времена: такъ, въ Новгородѣ, къ концу XV и въ началѣ XVI в., соха заключала въ себѣ отъ 12 до 15 десятинъ земли, а въ трехъ поляхъ отъ 36 до 45 десятинъ, хотя иногда то увеличивалась въ размѣрѣ, то сокращалась; въ московскомъ же государствѣ, въ первой половинѣ XVI в., на соху доброй земли иногда полагалось 600 четвертей, т. е. 300 десятинъ, а иногда и больше, иногда и меньше (*Бѣляевъ*. О поземельномъ владѣніи въ Москвит. госуд., стр. 51—70, во Временн. М. Истор. Общ. XI). Мы приняли здѣсь соху въ 300 десятинъ какъ бы за среднюю величину для приблизительнаго обозначенія въ десятинахъ земель-

Числа эти должны удвоиться, если мы предположимъ, что, по крайней мѣрѣ, столько же числилось владѣній за митрополитомъ и въ остальныхъ восьми уѣздахъ, о которыхъ свидѣтельства писцовыхъ книгъ не сохранились до насъ или доселѣ не обнаружены. Между тѣмъ владѣнія московской каѳедры продолжали увеличиваться и при слѣдующихъ митрополитахъ—Варлаамѣ, Данилѣ, Макаріѣ и другихъ (²⁸⁷), такъ что въ послѣдніе годы XVI вѣка русскій первосвятитель получалъ съ помѣстій своихъ однѣми только деньгами до 22000 талеровъ, составлявшихъ около 13000 золотыхъ, или, по другому свидѣтельству, до 3000 рублей, а чрезъ полстолѣтіе имѣлъ въ своихъ вотчинахъ отъ шести до семи тысячъ дворовъ (²⁸⁸). Едва ли еще не богаче митрополита имѣніями былъ новгородскій архіепископъ. Когда въ 1478 г. в. кн. Иванъ Васильевичъ, осадивъ Новгородъ, потребовалъ себѣ отъ новгородцевъ волостей, и новгородцы уже согласились уступить

ныхъ владѣній митрополита: ибо несомнѣнно, что въ разныхъ уѣздахъ московскихъ владѣній соха имѣла весьма различную величину и простиралась отъ 17 до 50, до 65, даже до 100 *вытей* и болѣе (см. далѣе примѣч. 295). А такъ какъ въ *выти* считалось отъ 5-ти до 10-ти десятинъ въ одномъ полѣ (*Буляев*. тамъ же стр. 64—65), то соха, наприм., въ 17 вытей заключала въ себѣ отъ 85-ти до 160 десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ 255-ти до 480 десятинъ; соха же въ 100 вытей заключала въ себѣ отъ 500 до 1000 десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ—отъ 1500 до 3000 десятинъ.

(²⁸⁷) А. Э. I, №№ 139. 206; А. И. I, № 178; А. до юрид. быта Россіи, т. I, № 118, VI. VIII; т. II, № 147, V—VII. IX—XV. XVIII—XXI; № 149, VIII—XI; № 153, V; № 156, XI. XII. XV. XVI; А. Юрид. № 8.

(²⁸⁸) До 22 тыс. талеровъ или 13 т. золотыхъ, по свидѣтельству Антонія Поссевина (*Starcewsk. Hist. Ruthen. script. exteri*, vol. II, p. 275). До 3 т. рублей, по словамъ Кетчера, бывшаго въ Москвѣ въ то самое время, когда нашъ митрополитъ возводился въ санъ патріарха (О госуд. Русскомъ, гл. 21). Отъ 6 до 7 т. дворовъ, по свидѣтельству одной современной росписи (напеч. у Горчака. въ Прилож. стр. 88) и Котошижина (О Россіи въ царств. Алекс. Мих., стр. 118. изд. 2).

ему половину волостей владыки и шести богатых монастырей, то вел. князь, — говоритъ лѣтопись, — пожаловалъ владыку, половины волостей его не взялъ, а взялъ только у него десять волостей преимущественно въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой, всего до 320 сохъ, т. е. отъ 11520 до 14400 десятинъ земли въ трехъ поляхъ: сколькожъ было тогда десятинъ въ половинѣ волостей владыки и сколько во всѣхъ его волостяхъ! (289). А чрезъ нѣсколько лѣтъ вел. князь взялъ у владыки еще болѣе 400 деревень въ одной Деревской пятинѣ, какъ видно изъ писцовой книги ея 1495 г., и болѣе 230 деревень въ Вотской пятинѣ, оставивъ за владыкою въ этой послѣдней всего двѣнадцать деревень, какъ показываетъ писцовая книга ея 1499—1500 г. (290). Несмотря, однакожъ, на всѣ эти лишенія, владыку новгородскаго продолжали считать самымъ крупнымъ вотчинникомъ между нашими архіереями и въ послѣдніе годы настоящаго періода ходила молва, будто онъ получалъ съ своихъ имѣній отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рублей, тогда какъ митрополитъ (вскорѣ сдѣлавшійся патріархомъ) получалъ только три (291). Другіе архіереи бы-

(289) Въ лѣтописяхъ (VI, 216; VIII, 195) поименованы самыя волости, взятыя тогда у владыки; а это даетъ возможность опредѣлить, что четыре изъ нихъ находились въ Обонежской пятинѣ, четыре въ Бѣжецкой, одна (первая) частію въ Обонежской, а частію въ Вотской, и одна (послѣдняя) въ Деревской (Снес. Неволин. О пятин. новгор., Алфавитн. указател. главныхъ мѣстностей.....). О величинѣ сохъ новгородскихъ мы сдѣлали замѣтку выше въ примѣч. 286.

(290) Относительно Деревской пятинны — см. Неволин. О пятин. новг., прилож. стр. 191. 204. 205. 207. 216. 223; относительно Вотской — тамъ же стр. 13. 15. 18. 21. 25. 36; Временникъ М. Истор. Общ. XI, Окладн. книга — стр. 43. 351. 421—426; Временникъ того же общ. XII, Оклад. книга — стр. 8. 10. 76. 86. 134. 136. 143—145. 160—163. 171. 172. 178. 180—186. 188. А подробности о той и другой пятинѣ — въ Новгор. писцовыхъ книгахъ, изд. Археогр. Комм., т. I—III.

(291) Флетчеръ именно говоритъ: „Ежегодный доходъ патріарха съ помѣстьевъ, кромѣ другихъ статей, простирается до 3000 рублей или марокъ, а митрополи-

ли далеко не такъ богаты. Напримѣръ, за суздальскимъ епископомъ числилось: двѣ слободки въ самомъ Суздалѣ на посадѣ, тринадцать селъ съ деревнями и пустошами въ суздальскомъ уѣздѣ; два села съ деревнями и пустошами въ московскомъ уѣздѣ и одно село съ деревнями и пустошами во владимірскомъ уѣздѣ ⁽²²²⁾. Казанскому архіепископу, кромѣ того, что съ самаго начала положена была десятина изъ всѣхъ доходовъ казанской земли и опредѣлено было пособіе деньгами и хлѣбомъ отъ всѣхъ владыкъ и монастырей, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, царь, при самомъ учрежденіи епархіи, пожаловалъ: а) въ уѣздѣ казанскомъ—пахатной земли на 2000 четвертей, т. е. 1000 десятинъ; пожни на сѣно между рѣками Волгою и Тереузыкомъ; три села со всѣми угодьями, съ лѣсами, лугами и проч.; озера—три Кабана, Царево и другія вокругъ него; воды и рыбныя ловли по обѣ стороны рѣки Волги отъ устья Казанки до рѣки Камы и далѣе по Камѣ; б) въ самой Казани—слободу за рѣкою Булакомъ, огородъ, мѣсто на посадѣ для дворовыхъ людей владыки,—мѣсто въ городѣ для расширенія двора владыки и два мѣста для двухъ

товъ и архіепископовъ до 2500 рублей. Изъ епископовъ одни получаютъ 1000 р., другіе 800, иные 500. Были и такіе, которымъ приходилось даже, *какъ мнѣ казываютъ*, десять или двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ, какъ, наприм., митрополитъ новгородскій“ (О государствѣ Русск., гл. 21). Надобно помнить, что, кромѣ новгородскихъ вотчинъ, владыка новгородскій имѣлъ еще земли и вотчины въ псковской области (А. И. I, № 277; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 229) и что нѣкоторые изъ взятыхъ у него Иваномъ III вотчинъ были возвращены ему-владыкѣ слѣдующими князьями (*Макар. Опис. новгор. архіер. дома, прилож. №№ 6 и 13, с. п. б. 1837*). Впрочемъ, все такъ сомнительно, чтобы владыка этотъ былъ богаче самаго митрополита, ибо и въ 1655 г. за новгор. архіерейскимъ домомъ числилось только 1432 двора крестьянскихъ, когда у москов. архипастыря было ихъ болѣе 6000 (тамъ же стр. 52).

⁽²²²⁾ А. И. I, № 200.

мельницъ на устьѣ Булака ⁽²³³⁾. Самою бѣдною каведрою считалась смоленская, и хотя в. кн. Василій Ивановичъ, по взятіи Смоленска, утвердилъ за мѣстнымъ владыкою его прежнія вотчины, но этого оказалось недостаточнымъ, и въ пособіе ему, со всѣхъ прочихъ владыкъ русскихъ — съ митрополита, архіепископовъ и епископовъ взимаема была пошлина изъ ихъ казны во все княженіе Василя Ивановича ⁽²³⁴⁾.

Въ ряду монастырей, по количеству недвижимыхъ имуществъ всякаго рода, первое мѣсто занималъ знаменитый монастырь Троице-Сергіевъ. Въ «Кормовой книгѣ» его, исх. XVI в., упоминающей только о тѣхъ его владѣніяхъ, которыя пожалованы были этому монастырю князьями и другими лицами на поминъ душъ, мы насчитали: волость—1, по имени Вохну на Клязьмѣ, въ девять сохъ; сель—88 въ радонежскомъ, московскомъ, переяславскомъ, суздальскомъ, дмитровскомъ, стародубскомъ, звенигородскомъ, ростовскомъ, углицкомъ, галичскомъ, тверскомъ и другихъ уѣздахъ; при этихъ селахъ малыхъ сель и деревень—1080 и земли—122 сохи разной величины, а вытей—3768, и слѣд. отъ 18840 до 37680 десятинъ въ одномъ полѣ, въ трехъ же—отъ 56520 до 113040 десятинъ,—между тѣмъ какъ при нѣкоторыхъ еще селахъ не показано ни количества сохъ и вытей, ни числа деревень, а сказано только: село такое-то съ деревнями ⁽²³⁵⁾. Но кромѣ сель и деревень, пожалованныхъ Троице-

(233) Никон. Лѣт. VII, 231; А. Ю. № 209; А. И. I, № 162.

(234) Собр. госуд. грам. I, № 148; Стогл. гл. 100, стр. 428.

(235) Рукопись Тр.-Серг. лавры, исх. XVI в., № 821, подъ названіемъ: „Кормовая книга“. Въ этой рукописи переплетены вмѣстѣ три списка одной и той же кормовой книги: первый, безъ начала и конца, писанный прежде другихъ (л. 1—29); второй—полный, пис. въ 1591 г. (л. 31—92); третій—такъ же полный,

Сергіеву монастырю на поминъ душъ, были у него и другія села и деревни, которыя онъ пріобрѣлъ самъ покупкою, и если намъ неизвѣстно, сколько ихъ было, то извѣстно, что на пріобрѣтеніе ихъ употреблено монастыремъ изъ собственной казны, въ разныя времена, 16934 рубля—сумма, по тогдашнему времени, громадная ⁽²⁹⁶⁾. Неудивительно, если Троицкая лавра слыла, къ концу настоящаго періода, чрезвычайно богатою и если Флетчеру передавали, будто она получала съ своихъ помѣстій до ста тысячъ рублей дохода, слѣд. несравненно болѣе, нежели сколько получали всѣ наши

пис. въ 1593 г. (л. 92—151). Первоначально эта кормовая книга Тр.-Сергіева монастыря составлена, какъ сказано въ самомъ началѣ ея, по приказу царя Ивана Васильевича, при игуменѣ Серапіонѣ,—вѣроятно, въ послѣдній годъ его игуменства (1551-й), когда Стоглавый соборъ опредѣлялъ, чтобы настоятели всѣхъ монастырей тщательно розыскали, кѣмъ и какіе *вклады* сдѣланы были въ монастыри на поминъ душъ, записали въ синодники имена тѣхъ, по комъ сдѣланы вклады, и назначивъ для торжественнаго поминовенія ихъ извѣстные дни, *стали* по нимъ въ тѣ дни *кормы* для всей монастырской братіи (Стогл. гл. 5, попр. 15, и гл. 75). Такъ какъ въ этой кормовой книгѣ, при большей части сель съ деревнями, показано, сколько въ нихъ находилось вытей и сколько, по царевымъ писцовымъ книгамъ, полагалось сохъ, то и легко видѣть, до какой степени различна была въ разныхъ мѣстахъ величина сохи: были сохи въ 17 вытей—наименьшая величина (л. 43. 44), были—въ 22, въ 23, въ 28, въ 33, въ 34, въ 40 вытей (л. 42—44. 48—52. 54), были—въ 50, въ 52, въ 55, въ 65, въ 66 и въ 100 вытей (л. 52. 56—59), а въ одномъ селѣ—Петровскомъ на 110 вытей положено было, по царевымъ писцовымъ книгамъ, только полъ-сохи (л. 55). Объ уѣздахъ, въ которыхъ находились владѣнія Тр.-Сергіева монастыря см. А. Э. I, №№ 154. 174. 194 и др.

(²⁹⁶) Именно при *игуменахъ*: Саввѣ—8 р., Зиновіѣ—34 р., Мартиніанѣ—45 р., Вассіанѣ—54 р., Аврааміѣ—35 р., Памвѣ—50 р., Іаковѣ—460 р., Порфиріѣ 1-мъ—705 р., Арсеніѣ—20 р., Александрѣ—30 р., Іосифѣ I—610 р., Алексіѣ—550 р., Никандрѣ—1080 р., Іонѣ—1858 р., Серапіонѣ—1450 р., Иларіонѣ—60 р.; при *архимандритахъ*: Елевѣріѣ—200 р., Меркуріѣ—1745 р., Кирилѣ I—50 р., Памвѣ—2840 р., Θεодосіѣ—2500 р., Варлаамѣ—400 р., Іонѣ—300 р., Митрофанѣ—350 р., Діонисіѣ—550 р. (*Горск. Истор. Опис. Серг. лавры, Рукоп. лавр. библ., по дополн. катал., № 205, л. 180*).

архіереи вмѣстѣ съ своихъ владѣній (²²⁷). Села и деревни и разныя угодія Кирилло-бѣлозерскаго, такъ же весьма богатаго, монастыря, какими владѣлъ онъ къ концу XV-го въ бѣлозерскомъ княжествѣ и около половины XVI в. — въ уѣздахъ бѣлозерскомъ и вологодскомъ, подробно перечислены въ двухъ княжескихъ подтвердительныхъ грамотахъ (²²⁸). Всей вотчины у этого монастыря, какъ показано въ итогѣ «Вѣтной книги» его, писанной во второй половинѣ XVI в., и именно въ уѣздахъ бѣлозерскомъ, вологодскомъ и еще романовскомъ, было: «15 селъ большихъ, да 8 меньшихъ, да 3 приселка; а деревень къ тѣмъ селамъ *тяглыхъ*, которыхъ христьяне платили оброкъ (монастырю) хлѣбной и денежной, 892 деревни; а вытей тяглыхъ 1460 (съ дробями); а сошнаго письма во всей отчинѣ 29 сохъ и пол-поль чети ($\frac{1}{16}$) сохи» (—т. е. на каждую соху по 50-ти вытей), и слѣд. всего земли—отъ 7300 до 14600 десятинъ, а если взять въ трехъ поляхъ, то отъ 21900 до 43800 десятинъ. Кромѣ того во владѣніяхъ этого монастыря находилось 94 деревни и 83 выти *нетяглыхъ*, что были «за поны, и за слугами, и за кузнецы, и за плотники, и за извощики», приблизительно—отъ 415 до 830 или, въ трехъ поляхъ, отъ 1245 до 2490 десятинъ (²²⁹). У Савво-Сторожевскаго монастыря, судя по уцѣлѣв-

(²²⁷) Флетчеръ пишетъ: „Монахи владѣютъ помѣстьями весьма значительными. Нѣкоторые изъ монастырей имѣютъ доходу отъ помѣстьевъ по тысячѣ или по двѣ тысячи рублей въ годъ. Одинъ монастырь, называемый Троицкимъ, получаетъ отъ помѣстьевъ и повинностей въ его пользу до ста тысячъ рублей или марокъ годоваго дохода“ (О госуд. Русск. гл. 21).

(²²⁸) А. Э. I, № 377; А. И. I, № 163. Послѣдняя грамота дана 20 марта 1556 г.; а въ томъ же году, 3-го февр. царь дозволилъ Кириллову монастырю купить еще новую вотчину въ 2000 рублей (А. Э. I, № 246).

(²²⁹) Рукопись Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ Спб. дух. академіи, подѣ

шимъ актамъ, находилось во владѣніи—10 сель, 70 деревень, 40 селищъ и нѣсколько пустошей. У николаевского Угрѣшскаго монастыря такъ же было во владѣніи 10 сель съ множествомъ деревень въ уѣздахъ московскомъ, коломенскомъ, переяславскомъ и костромскомъ. У рязанскаго богословскаго—три села, 23 деревни, два починка да пустошь; у переяславскаго Данилова—пять сель, два сельца, двѣ слободки и десять деревень (³⁰⁰). Изъ женскихъ монастырей, которые вообще были бѣднѣе мужескихъ, самыми богатыми считались два московскихъ: воскресенскій и новодѣвичій. У перваго въ одномъ Горетовомъ ставу находилось: два села, два сельца, 20

заглавіемъ: „Книги вытныѣ“, № 1308, второй половины XVI вѣка. Состоитъ изъ трехъ частей. Первая, подъ заглавіемъ: „Книги вытныѣ *сымянныѣ* въ сельхъ и деревнехъ“, описываетъ, по порядку, села и деревни Кириллова монастыря, сколько въ каждомъ вытей и сколько и кому именно изъ крестьянъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ выдавалось монастырскихъ сѣмянъ—ржи, пшеницы, ячменя, овса для засѣва означенныхъ вытей (л. 21—152). Вторая часть, подъ заглавіемъ: „Книги вытныѣ *оброчныѣ хлѣбныѣ* въ сельхъ и деревнехъ“, описываетъ такъ же по порядку, сколько крестьяне каждаго изъ тѣхъ сель и деревень платили хлѣбомъ оброку въ монастырь съ засѣянныхъ ими вытей монастырскими сѣменами (л. 153—276). Третья, подъ заглавіемъ: „Книги вытныѣ *оброчныѣ* сель и деревень *денежныѣ*“, а въ тѣхъ сельхъ во всѣхъ и въ деревняхъ сѣютъ христіане на своихъ пашняхъ сѣмена свои, а не монастырскіе“,—описываетъ такъ же по порядку, какія это села и деревни, сколько въ нихъ вытей и сколько христіане даютъ монастырю оброку деньгами, хлѣбомъ, а иногда и яйцами (л. 277—321). Общій итогъ, изъ котораго мы привели въ текстѣ нѣсколько словъ, помѣщенъ въ самомъ концѣ книги (л. 322—328). Въ 1558 г. за Кирилловскимъ монастыремъ считалось 23 сохи безъ четверти (А. Юрид. № 209, ст. II). А къ концу XVI в. число вытей и сохъ этого монастыря нѣсколько уменьшилось, хотя земельныя владѣнія его находились уже въ одиннадцати уѣздахъ (см. далѣе примѣч. 342. 352).

(³⁰⁰) *Смирнов*. Истор. Опис. Савв.-Сторожев. монастыря, стр. 117—121, М. 1846. Жалов. грамота XVI в. Николю-Угрѣш. монастырю, въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комм., вып. V, отд. II, 1—3. Древн. грам. и акты Рязанск. края №№ 19. 20. О разореніи переясл. Данилова монаст. и вотчинъ его поляками—Чтен. М. Истор. Общ. 1859, II, отд. V, 40—42. О вотчинахъ Соловецкаго монастыря, см. въ Опис. этого монастыря архим. *Досигея*, ч. I, стр. 223, М. 1836.

деревень населенныхъ и одна пустая, 32 пустоши да три селища, а въ нихъ пахатной земли въ трехъ поляхъ 7209 четвертей, лѣсу 131 десятина и сѣнокосу на 1220 копень; у новодѣвичаго же монастыря въ томъ же стану было: село, двѣ деревни, починокъ и 22 пустоши, а въ нихъ 2060 четвертей пахатной земли въ трехъ поляхъ, 11 десятинь лѣсу и на 350 копень сѣнокосу, да въ Бѣжецкомъ верху село Михайлова гора съ деревнями и починками ⁽³⁰¹⁾.

Между новгородскими монастырями болѣе другихъ богатыми признавались шесть: юрьевскій, аркадіевскій, благовѣщенскій, никольскій у Неревского конца, антоніевъ и михайловскій на Сквородкѣ. У cadaго изъ нихъ въ 1478 г. вел. кн. Иванъ Васильевичъ взялъ себѣ половину земельныхъ имѣній, и именно: у юрьевского—720 обожъ, т. е. отъ 8640 до 10800 десятинь; у аркадіевского—333 обжи, т. е. отъ 3996 до 4995 десятинь; у благовѣщенскаго—253 обжи, т. е. отъ 3036 до 3795 десятинь; у никольскаго въ Неревскомъ концѣ—251 обжу, т. е. отъ 3012 до 3765 десятинь; у антоніева—50 сохъ, т. е. 150 обжей или отъ 1800 до 1950 десятинь; у михайловскаго на Сквородкѣ—97 обжей т. е. отъ 1064 до 1455 десятинь ⁽³⁰²⁾. По этому можемъ судить, до чего простиралась тогда и полная пропорція земли у названныхъ монастырей. Но если существовали у насъ монастыри *богатые* своими вотчинами, то еще несравненно болѣе существовало монастырей *бѣдныхъ*, или, по тогдашнему названію,

⁽³⁰¹⁾ Приправочн. книга по моск. уѣзду, во Временн. XIII, отд. II, стр. 147—152. 158—159; А. И. I, № 188.

⁽³⁰²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 216; VIII, 195. Снес. III, 143, гдѣ число обжей, отнятыхъ у этихъ монастырей, показано нѣсколько иначе.

убогихъ, малоземельныхъ, каковы, наприм., были почти всѣ (за исключеніемъ шести) монастыри въ области новгородской, по свидѣтельству самихъ новгородцевъ въ 1478 г. предъ в. кн. Іоанномъ ⁽³⁰³⁾. Многіе монастыри совсѣмъ не имѣли у себя крестьянъ и сами обрабатывали небольшія, принадлежавшія имъ, пустоши, или не имѣли и пустошей, а содержались только ругою, приношеніями окрестныхъ жителей и собираніемъ пожертвованій въ разныхъ мѣстахъ Россіи ⁽³⁰⁴⁾.

Обращаясь, наконецъ, къ церквамъ и бѣлому духовенству, мы находимъ, что и имъ предоставлена была доля въ земельныхъ владѣніяхъ церковныхъ, но доля самая скромная и незначительная. «Имъ даются,—писалъ о нашихъ священникахъ одинъ иностранецъ въ первой четверти XVI в.,—маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискиваютъ пропитаніе, какъ и ихъ сосѣди, своими собственными руками или руками слугъ..... Приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и владѣніями, немного» ⁽³⁰⁵⁾. И, дѣйствительно, изъ писцовыхъ книгъ новгородскихъ открывается, что причты нашихъ сельскихъ церквей, состоявшіе, большею частію, изъ священ-

⁽³⁰³⁾ Тамъ же Стогл. гл. 5, вопр. 31. Какъ не велики были вотчины нѣкоторыхъ новгородскихъ монастырей и какъ мало приносили монастырямъ доходу, можно видѣть изъ Переписной оладной книги по Новгороду (Временникъ М. Истор. Общ. XI, стр. 29—35. 39—41. 54. 84. 193. 251. 253 и др.). Снес. А. И. I, № 222. Были бѣднѣе монастыри и въ другихъ мѣстахъ Россіи; наприм., за Чердинскимъ богословскимъ монастыремъ числилось всего — пашни 16 десятинъ, хлѣсу пашеннаго 37 десятинъ, да сѣна 500 копенъ (А. И. I, № 207).

⁽³⁰⁴⁾ А. И. I, №№ 147. 184. 191; Доп. А. И. I, №№ 33. 66 и др.; Стогл. гл. 5, вопр. 13. 19. 31. 37. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ даже въ половинѣ XVI в. были еще свящ. сосуды въ церквахъ—потиръ и дискосъ деревянные или оловянные, а лежица и копіе желѣзныя (А. до юрид. быта Россіи II, № 218).

⁽³⁰⁵⁾ Гербершт. Записки о Московіи, перев. Анонимов., стр. 47, Спб. 1866.

ника и дьячка, имѣли, кромѣ дворовыхъ мѣстъ, то по одной десятинѣ въ полѣ, и слѣд. всего три десятины, то по двѣ десятины въ полѣ, то по три, по четыре и такъ далѣе—до десяти десятинъ въ полѣ, и слѣд. до 30-ти въ трехъ поляхъ, никакъ не болѣе; а нѣкоторые даже вовсе не имѣли пашни (³⁰⁶). Немногіе имѣли еще и луговые участки, съ которыхъ снимали отъ 6 до 60 копенъ сѣна (³⁰⁷), и весьма немногіе имѣли и небольшія деревни, одну, двѣ, три, которыя отдавали на оброкъ, или по нѣскольку торговыхъ лавокъ, которыя отдавали въ наймы (³⁰⁸). Нѣкоторыя городскія церкви владѣли такъ же небольшими деревнями, пустошами и другими участками земли: наприм., у Спасской церкви города Орѣшка было пять маленькихъ деревень, съ нѣсколькими десятинами земли, у Іоанно-предтеческой церкви тогоже города—три подобныя деревни; а изъ новгородскихъ церквей, у церкви св. Іоанна въ Плотницкомъ концѣ было 11 пустошей въ 65 десятинъ земли, у церкви св. Николая на Запольской улицѣ—33 пустоши, заключавшихъ въ себѣ до 576 десятинъ, у другихъ церквей—по одной, по двѣ и по пяти пустошей (³⁰⁹). Изъ московскихъ соборовъ успенскій имѣлъ въ одномъ

(³⁰⁶) Новгор. писцов. книги, т. III, стр. 182. 278. 358. 486. 553. 637. 680. 712. 726. 756. 832. 861. 933; Окладн. книг. во Времени. М. Истор. Общ. XI, 55. 91. 142. 199. 286; XII, 33. 76. 143. 170. Причты безъ пашни—Новг. писц. кн. III, 603. 795.

(³⁰⁷) Новг. писц. книг. III, 82. 414. 471. 569. 892; Окладн. книг. во Времени. XI, 42. 257. 431; *Неволин.* О пятин. Новгор., прилож. стр. 285. 287.

(³⁰⁸) Акт. Юрид. №№ 228. 229; *Неволин.* О пятин. новгор. прилож. стр. 212. 262. 281. 287. 289. 291. 300. 302. 311. 313. 319; Окладн. книг. во Времени. XII, 76. 143. Да и царь Иванъ Васильевичъ говорилъ на Стоглавомъ соборѣ о приходскихъ церквяхъ: „у *иныхъ* села есть, да и огороды, и сады, и пожни, и *иные* пошрины, и лавки поземные“ (Стогл. гл. 5, вопр. 31).

(³⁰⁹) Окладн. книг. во Времени. XI, 198. 234. 255. 256. 286; XII, 33;

только Горетовомъ стану московскаго уѣзда 498 четвертей или 245 десятинъ пахатной земли въ трехъ поляхъ, а соборъ архангельскій имѣлъ въ томъ же одномъ стану до 2592 четвертей или 1296 десятинъ пахатной земли въ трехъ поляхъ, да еще нѣсколько луговыхъ участковъ, съ которыхъ собиралось до 540 копенъ сѣна ⁽³¹⁰⁾. Не знаемъ, владѣли ли московскіе соборы и населенными землями, но дмитріевскій соборъ во Владимірѣ и церковь св. Леонтія въ Ярославѣ или близъ Ярославля несомнѣнно имѣли земли, деревни и крестьянъ ⁽³¹¹⁾.

Между тѣмъ, какъ болѣе и болѣе увеличивались земельныя владѣнія нашего духовенства, усиливались и попытки къ отобранію или, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію ихъ. Въ началѣ періода попытки эти имѣли еще прежній характеръ: касались только отдѣльныхъ духовныхъ землевладѣльцевъ, совершались только по мѣстамъ, и совершались по однимъ личнымъ побужденіямъ, а не въ силу и не по сознанію какихъ либо высшихъ началъ и цѣлей. Такъ поступили псковичи въ 1463 г., когда, прогнѣвавшись на новгородцевъ и на владыку, отняли у послѣдняго земли и угодія, принадлежавшія ему въ псковской области, и сами пользовались ими втеченіе двухъ лѣтъ, а потомъ, съ переменною обстоятельствомъ, воз-

Писцов. книг. во Временн. М. Истор. Общ. VI, 68. 76. 87. 114. 115. 119; А. И. I, № 151. См. такъ же объ Іоанновской церкви города Переяславля—въ Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 306.

⁽³¹⁰⁾ Приправочн. книг. по москов. уѣзду 7094 г., во Временн. XIII, отд. II, стр. 115. 162—165. Замѣчательно, что новгородскій софійскій соборъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ XVI в., ни селъ, ни деревень, ни поженъ (А. Э. III, № 306, стр. 453).

⁽³¹¹⁾ А. Э. I, № 159; Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 280.

вратили ему все отнятое, покорившись увѣщаніямъ митрополита. Такъ же неразъ поступали (1463—1467) и многіе изъ новгородцевъ, иногда даже посадники и тысяцкіе, захватывая насильно тѣ или другія земли и угодія какого либо мѣстнаго монастыря и церкви для собственной корысти, — чѣмъ и вызывали справедливыя обличенія и вразумленія со стороны тогдашнихъ митрополитовъ ⁽³⁴²⁾.

Въ послѣдней четверти XV вѣка въ первый разъ у насъ высказана мысль объ отобраніи церковныхъ имѣній во имя государственныхъ нуждъ и интересовъ, и высказана самимъ вел. княземъ московскимъ. Когда Іоаннъ III осадилъ Новгородъ въ 1478 г., и смирившіеся новгородцы выслали къ нему своихъ пословъ съ готовностію признать надъ собою его верховную власть, тогда Іоаннъ, между прочимъ, потребовалъ, чтобы на него-князя отписаны были въ области новгородской волости и села, какъ это существовало во всей Низовой землѣ, т. е. во всѣхъ московскихъ владѣніяхъ: «ибо безъ того, — прибавилъ Іоаннъ, — намъ великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ держать нельзя». Особыя дворцовыя волости и земли вел. князю были необходимы не столько для содержанія его самаго и его двора, сколько для содержанія и кормленія разныхъ служилыхъ людей, которые теперь во множествѣ должны были придти на службу въ новопокоренный край отъ имени вел. князя. Выслушавъ требованіе Іоанна, новгородскіе послы прежде

⁽³⁴²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 229; А. И. I, №№ 77. 82. 277. Прежде подобныя же случаи были: въ 1175 г. (П. Собр. Р. Лѣт. II, 159. 160), при митрополитѣ Кипріанѣ (нашей Истор. V, 95; А. И. I, №№ 7. 9) и при м. Фотіѣ (нашей Истор. V, 94).

всего просили его, чтобы онъ не вступался въ вотчины и волости бояръ новгородскихъ, и Іоаннъ согласился; потомъ предложили ему двѣ государственныя волости—Великіе Луки да Ржеву Пустую,—Іоаннъ не принялъ; наконецъ предложили десять волостей церковныхъ: четыре владычныхъ и шесть монастырскихъ,—Іоанну показалось этого мало, и онъ потребовалъ половины волостей владычныхъ и монастырскихъ, и приказалъ представить ему вѣрный ихъ списокъ, безъ всякой утайки. Когда списокъ былъ представленъ,—тогда великий князь, только по списхожденію, взялъ у владыки не половину, а десять волостей и, только по просьбѣ новгородцевъ, взялъ половину волостей у шести монастырей, а не у всѣхъ (³¹³). Вскорѣ однакожъ Іоаннъ, въ силу тогоже сознанаго имъ принципа, отобралъ у владыки и монастырей новгородскихъ, не шести только, а и прочихъ, гораздо болѣе количество земельныхъ владѣній, и—что особенно замѣчательно—отобралъ, по благословенію Симона митрополита, и раздалъ въ помѣстья служилымъ людямъ—дѣтямъ боярскимъ (³¹⁴). Въ тоже время явилась и другая мысль въ средѣ са-

(³¹³) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 215—217; VIII, 193—195; Ник. Лѣт. VI, 92—97.

(³¹⁴) Это второе отобраніе церковныхъ вотчинъ въ новгородской области совершилось не въ 1500 г., какъ говорятъ лѣтописи (—IV, 271; *Татищ.* Истор. Росс. кн. V, стр. 135, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, № 4; Никон. Лѣт. VI, 137), а прежде: потому что отобранныя теперь вотчины у владыки и монастырей ясно обозначены въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ (см. выше примѣч. 290 и самый текстъ, въ которому оно относится), изъ которыхъ одна—Деревской пятины—составлена въ 1495—1496 г. (изд. Археогр. Комм. 1859—1862 т. I и II); другая Шелонской пятины, еще не издавна, писана въ 1497—1498 г. (*Неволин.* О пятин. новгор. стр. 11, примѣч. 5), а третья—Вотской пятины—писана въ 1499—1500 г. (изд. Археогр. Комм. въ 1868 г., т. III, и во Временн. М. Истор. Общ. 1851 г., № XI. XII). Не о третьемъ ли уже отобраніи вотчинъ у новгородскаго духовенства говорятъ лѣтописи подъ 1500 годомъ?

маго духовенства, мысль объ отобраніи церковныхъ владѣній во имя высшихъ нравственныхъ интересовъ. Строгіе бѣлозерскіе пустынники, Нилъ сорскій и другіе, которыхъ всегда съ уваженіемъ принималъ у себя вел. князь, начали говорить ему, что владѣть вотчинами монастырямъ неприлично, что вотчины отвлекаютъ иноковъ отъ ихъ обѣтовъ, обременяютъ мірскими попеченіями, ведутъ къ духовному разслабленію и безпечности, что вотчины надобно взять у монастырей для ихъ же собственной нравственной пользы и преуспѣнія. Все, казалось, благопріятствовало намѣреніямъ Іоанна; недоставало только одного: рѣшенія по этому важному вопросу высшей церковной власти—собора, и Іоаннъ велѣлъ быть собору. Но соборъ (1503 г.), какъ мы знаемъ, выслушавъ мнѣнія Нила сорскаго, а съ другой стороны—Іосифа волоколамскаго, представилъ государю отрицательный отвѣтъ, и въ этомъ отвѣтѣ, ссылаясь на законъ Моисеевъ, на правила соборовъ, на постановленія греческихъ императоровъ и русскихъ князей, на практику церкви восточной и отечественной, подъ конецъ выразился: «святители и монастыри земли держали и держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть стяжанія, нареченна и данна Богу, и непродаема, ни отдаема, ни емлема никимъ никогдажъ въ вѣки вѣка» ⁽³⁴⁵⁾. Соборъ остановилъ дѣло, но не могъ подавить и искоренить самихъ идей, которыя легли въ его основу. Открылась, преж-

⁽³⁴⁵⁾ Нашей Истор. VI, 125—133. Отвѣтъ собора, по рукописи 1563 г., напечатанъ сполна въ соч. А. Паслова: Истор. очерк. секуляризаціи церк. земель въ Россіи, I, стр. 42—47.

де всего, литературная борьба, доходившая до ожесточенія. Съ одной стороны ратовалъ князь-старецъ Вассіанъ, ученикъ преп. Нила сорскаго, отстаивавшій идеи своего учителя, съ другой—преп. Іосифъ волоколамскій, защищавшій рѣшенія собора и свои собственныя убѣжденія, а кромѣ того, по порученію какого-то архіепископа, въ 1505 г. написано неизвѣстнымъ особое, довольно солидное сочиненіе о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. По смерти Іосифа, Вассіанъ нашелъ себѣ сильнаго помощника въ Максимѣ грекѣ; но оба они на бывшихъ противъ нихъ соборахъ, между прочимъ, осуждены были и за то, что укоряли св. церкви и монастыри въ незаконномъ будтобы обладаніи вотчинами⁽³¹⁶⁾. Самы великіе князья Иванъ III и Василій Ивановичъ, повидимому, покорились рѣшенію собора, и Иванъ III далъ, наприм., въ 1504 г. двѣ несудимыя грамоты митрополиту на его вотчины въ московскомъ и владимірскомъ уѣздахъ, а Василій Ивановичъ и подтверждалъ монастырямъ прежнія грамоты на вотчины, и жаловалъ духовенству новыя вотчины⁽³¹⁷⁾. Но, между тѣмъ, оба эти государя уложили, чтобы жители вновь присоединенныхъ къ Москвѣ городовъ—Твери, Микулина, Оболенска, Торжка, Бѣлоозера, Рязани, а равно и потомки прежнихъ удѣльныхъ князей суздальскихъ, яро-

(³¹⁶) Нашей Истор. VI, 138—140. 182—202. Преп. Іосифъ волоцкій написалъ еще особое, хотя необширное, сочиненіе о неприкосновенности монастырскихъ имуществъ, сохранившееся въ Сборникѣ первой половины XVI в. (Опис. рукоп. графа Толстова, стр. 413, отд. II, № 254, л. 268).

(³¹⁷) Грамоты Ивана III—А. Э. I, № 139. Грамоты Василя Ивановича—А. Э. I, №№ 124. 169; А. И. I, №№ 91. 131; Доп. А. И. I, № 219. По взятіи Смоленска въ 1514 г. Василій Ивановичъ далъ обѣщаніе „во всѣ монастыри и въ церковныя земли и въ воды не вступатися и не рушити ихъ ничѣмъ“. Собр. госуд. грам. I, № 148.

славскихъ и стародубскихъ, составлявшіе тогда до 30-ти служебныхъ родовъ разныхъ названій, отнюдь не отдавали своихъ вотчинъ въ монастыри на поминъ души безъ доклада и соизволенія государя: мѣра весьма важная ⁽³¹⁸⁾. При Василіѣ Ивановичѣ, если не при отцѣ его, установленъ нѣкоторый государственный контроль надъ монастырскими имуществами, и какъ пріемъ, такъ и сдача этихъ имуществъ производились по описямъ великокняжескими чиновниками ⁽³¹⁹⁾. При супругѣ Василя Ивановича Еленѣ, въ малолѣтство Ивана IV, состоялось еще болѣе важное постановленіе, чтобы монастыри ни отъ кого вообще не принимали ни въ закладъ, ни по душѣ, и не покупали вотчинъ, безъ доклада государю, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отобранія этихъ вотчинъ на государя, хотя въ тоже время своевольные бояре раздали множество вотчинъ и всякаго рода угодій монастырямъ и архіереямъ ⁽³²⁰⁾.

Когда Иванъ Васильевичъ IV началъ самъ царствовать, онъ думалъ повторить попытку своего дѣда объ отобраніи церковныхъ имуществъ и обратился съ запросомъ къ митрополиту Макарію. Макарій отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ несомнѣнно воспользовался отвѣтомъ собора 1503

⁽³¹⁸⁾ А. Э. I, № 227, стр. 219. Роды означенныхъ князей указаны въ соч. Хлбникова: О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, стр. 25. Спб. 1869.

⁽³¹⁹⁾ Въ 1514 г. этотъ законъ представляется уже дѣйствующимъ, какъ видно изъ грамоты вел. князя, по которой сдавали тогда великокняжескіе писцы Соловецкій монастырь во временное завѣдываніе іеромонаху Геласію и соборнымъ старцамъ (*Досиѡ. Опис. Соловецк. монастыря* I, § 14, стр. 67).

⁽³²⁰⁾ Объ означенномъ постановленіи свидѣтельствуетъ грамота, данная въ 1535 г. Глушицкому монастырю (напеч. въ Истор. Росс. іерарх. III, 712—714). О раздачѣ вотчинъ боярами—Стогл. гл. 101, стр. 431, изд. Казан.

г. на такой же запросъ Ивана III, но изложилъ мысли гораздо подробнѣе и послѣдовательнѣе. Онъ, въ первой части посланія, раскрывалъ ту мысль, что всѣ цари греческіе, отъ перваго христіанскаго царя Константина и до послѣдняго, никогда не дерзали отнимать церковныя вотчины, страшась грозныхъ за то прещеній св. соборовъ и св. отцевъ, напротивъ сами давали церквамъ и монастырямъ села и разныя угодья, слѣдуя примѣру равноапостольнаго Константина и его завѣщанію; что равно и всѣ вел. князья русскіе, начиная съ св. Владиміра, никогда не дерзали отнимать церковныя имущества, страшась тѣхъ же соборныхъ прещеній, напротивъ сами давали церквамъ и монастырямъ села и угодья, слѣдуя примѣру равноапостольнаго Владиміра и его завѣщанію или церковному уставу; что даже нечестивые ханы татарскіе никогда не отнимали имѣній у русскаго духовенства, напротивъ давали, въ огражденіе ихъ, ярлыки русскимъ митрополитамъ, и что, слѣдовательно, тѣмъ болѣе не подобаешь благочестивому и боговѣнчанному царю отбирать у Божіихъ церквей и монастырей недвижимыя имущества, а подобаешь самому, по примѣру своихъ царскихъ прародителей и родителей, подавать Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. Затѣмъ, во второй части посланія, Макарій раскрывалъ другую мысль, именно ту, что какъ въ церкви вселенской всѣ святѣйшіе папы, патріархи, митрополиты и прочіе святители никогда не попускали продавать или отдавать церковныя имущества, напротивъ оградилъ ихъ на соборахъ страшными клятвами, такъ и въ церкви русской всѣ митрополиты, начиная отъ перваго, и всѣ архіепископы, епископы и настоятели монастырей никогда не попускали тогоже; потому и онъ-митро-

полить Макарій, давшій при самомъ рукоположеніи своемъ торжественную клятву предъ всею церковію хранить неизмѣнно ея законы и правила, хотябы за то угрожали ему смертію, не можетъ не только дерзнуть, но и помыслить, чтобы отдать или продать недвижимыя имущества «изъ дому Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ». Въ заключеніе митрополитъ писалъ: «и того ради молимъ твое царское величество и много со слезами челомъ бьемъ, чтобы еси царь и государь вел. князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ правиломъ, у Пречистыя Богородицы и у великихъ чудотворцовъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ взяти» ⁽³²⁴⁾. Если отстаивая въ посланіи неприкосновенность и неотъемлемость церковныхъ владѣній вообще, Макарій выражался однакожъ, что не дерзаетъ ни отдать, ни продать собственно имѣній своей митрополичей каедръ, если умолялъ царя не брать недвижимыхъ вещей именно изъ дому Преч. Богородицы и великихъ чудотворцевъ: то или потому, что писалъ отвѣтъ государю только отъ своего лица, а не отъ лица собора, или потому, что на эти-то имѣнія митрополичьи, можетъ быть, государь прежде всего и предъявилъ свое притязаніе. митрополиту, съ нихъ-то и намѣревался начать отобраніе архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Посланіе Макарія писано, несомнѣнно, прежде Стоглаваго собора и вполнѣ подѣйствовало на Ивана Васильевича: потому что въ 1551 г. онъ далъ митрополиту льготную

⁽³²⁴⁾ Посланіе м. Макарія напечатано въ изд. *Тихонравова*: Лѣтописи русск. литературы и древн., т. V, отд. III, 126 и слѣд.

грамату на всѣ его вотчины (³²²), и на Стоглавомъ соборѣ уже не возбуждалъ вопроса объ отобраніи церковныхъ имуществъ; а между тѣмъ отцы собора, несмотря на это, сочли нужнымъ изложить въ своемъ соборномъ уложеніи всѣ доказательства неприкосновенности и неотъемлемости означенныхъ имуществъ, и нѣкоторыя даже дословно въ томъ самомъ видѣ, какъ они изложены въ посланіи Макарія (Стогл. гл. 60—63. 75). Стоглавому собору царь только указалъ въ своихъ вопросахъ на нравственные и экономическіе безпорядки въ монастыряхъ, происходившіе преимущественно отъ обладанія ими вотчинами и богатствами. И соборъ, рѣшая эти вопросы и принимая мѣры противъ указанныхъ безпорядковъ, относительно самихъ имуществъ монастырскихъ постановилъ лишь три слѣдующія правила: а) монастырскихъ и вообще церковныхъ имѣній ни отдавать, ни продавать, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сами вкладчики напишутъ въ своемъ завѣщаніи, что пожертвованныя ими вотчины могутъ или должны быть возвращены ихъ потомкамъ за извѣстный выкупъ; б) монастыри, имѣющіе у себя довольно земель и селъ для своего содержанія, не должны просить у царя ни новыхъ угодій, ни льготныхъ грамотъ, развѣ только въ случаѣ крайней нужды (Стогл. гл. 75); в) монастыри и монастырскія казны вѣдаютъ великокняжескіе дворецкіе и дѣяки, и приказываютъ по книгамъ новымъ архимандритамъ, игуменамъ и строите-

(³²²) Въ описи домовоѣ патриаршей казны 1634 года, между прочимъ, записано: „Грамата блаженнаѣ памяти государя и вел. князя Ивана Васильевича всея Русіи 7059 года за приписми дьяковъ Федора, а чей — слова того не знать, ветхо добръ, за рукою Сидорова, *льготная на всѣ патриарши вотчины*, печати у нее нѣтъ“ (Горчаков. О земел. владѣн. митрополитовъ..., Прилож. II, стр. 84).

лямъ съ соборными старцами, и считаютъ или повѣряютъ ихъ во всякомъ приходѣ и расходѣ (гл. 49. 68, стр. 235. 298). Царю, однакожъ, этого показалось недостаточнымъ, и онъ послѣ того уже, какъ окончено было соборное уложеніе, въ особомъ приговорѣ вмѣстѣ съ отцами Стоглаваго собора постановилъ еще слѣдующее: 1) отобрать у архіереевъ и монастырей всѣ тѣ владѣнія, которыя приобрѣтены ими незаконно,—въ частности: а) отобрать тѣ помѣстья и черныя земли, которыя владыки и монастыри насильно поотнимали за долги у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, или которыя неправильно записали за владыками и монастырями писцы, и возвратитъ стариннымъ владѣльцамъ; б) отобрать села, волости и всякія угодья, которыя розданы владыкамъ и монастырямъ боярами въ малолѣтство государя, и возвратитъ тѣмъ, кому принадлежали при Василиѣ Ивановичѣ; в) отобрать и тѣ вотчины, которыя, вопреки узаконенію Ивана III и Василя Ивановича, жители городовъ Твери, Микулинска, Торжка и другихъ, такъ же потомки князей суздальскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ подавали монастырямъ на поминъ душъ, безъ вѣдома государева; впрочемъ эти послѣднія вотчины отобрать у монастырей за опредѣленную денежную имъ плату изъ казны и раздать въ помѣстья боярскимъ дѣтямъ. 2) Впредь архіереи и монастыри не должны ни у кого покупать и никто не долженъ продавать имъ вотчинъ безъ доклада государю; равно архіереи и монастыри ни отъ кого не должны принимать и никто не долженъ имъ давать вотчинъ по душамъ безъ доклада же государю: иначе всѣ эти вотчины, купленные, проданные, подаренные, будутъ безденежно отбираемы на государя. 3) Вотчинъ, которыя какъ прежде даны

были, такъ и впредь будутъ даваемы монастырямъ на поминъ душъ, никому у монастырей не выкупать; но если сами вкладчики въ своей данной или духовной граматѣ написали или напишутъ, кто изъ ихъ родственниковъ имѣетъ право выкупить эти вотчины и за какую цѣну, въ такомъ случаѣ названные родственники могутъ воспользоваться своимъ правомъ, какъ было при вел. кн. Иванѣ III и Василіѣ Ивановичѣ (Стогл. гл. 101, стр. 430—434).

Государь и на этомъ не остановился. Онъ ясно видѣлъ тотъ нравственный вредъ, какой причиняло монастырямъ обладаніе селами и разными угодьями и, при случаѣ, высказывалъ свои мысли и архіереямъ и монашествующей братіи ⁽³²³⁾. Объ этомъ же нравственномъ вредѣ для иноковъ и о неприличіи имъ владѣть вотчинами говорили тогда и другіе, какъ духовныя лица, такъ и мірскія ⁽³²⁴⁾. Тоже самое и еще съ большею рѣзкостью проповѣдывали тогда извѣстный еретикъ Ѳеодосій Косой и его послѣдователи, ссылаясь на князя-старца Вассіана и на Максима грека, такъ что монахъ Зиновій, опровергая лжеученіе этого еретика, вынужденъ былъ защищать противъ него и вотчинныя права нашихъ монастырей и святителей ⁽³²⁵⁾. А между тѣмъ болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ свободныхъ земляхъ для надѣленія ими служилыхъ людей и для другихъ цѣлей государ-

⁽³²³⁾ Наприм., въ посланіи къ архіепископу казанскому Гурію (Продолж. Древней Росс. Визію. V, 244) и въ посланіи въ Кирилло-бѣлоз. монастырь (А. И. I, № 204).

⁽³²⁴⁾ Наприм., извѣстный Артемій, бывшій игуменомъ Троице-Серг. монастыря, и другіе заволжскіе старцы (см. посланіе Артемія къ царю Ивану IV, въ Опис. рукописей *Ундольскаго* стр. 369) и князь Курбскій (Сказанія кн. Курбск. I, 49. 51. 52. 162. 164 и др.).

⁽³²⁵⁾ *Зинов.* Истины показаніе, стр. 888—927.

ственныхъ. И вотъ въ 1573 г., по приказу государеву, митрополитъ и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: «въ большіе монастыри, гдѣ земель много, впредь вотчинъ не отказывать; если же кто завѣщаетъ вотчину, то ее не записывать за монастыремъ въ Помѣстной Избѣ, а отдавать роду и племени—служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила; но кто дастъ вотчину малымъ монастырямъ, у которыхъ земель мало, тѣ вотчины, съ доклада государю, записывать, а безъ доклада и безъ боярскаго приговора не записывать (А. И. I, стр. 270). Наконецъ, въ 1580 г., по волѣ государя, состоялся соборъ всѣхъ русскихъ архіереевъ со множествомъ настоятелей монастырей и другихъ старцевъ, который, въ виду бѣдственныхныхъ обстоятельствъ отечества, истощеннаго продолжительными войнами съ сосѣдями и сознавая, что у правительства оскудѣли средства для служилыхъ людей воинскаго чина, между тѣмъ какъ у владыкъ и монастырей много вотчинъ, даже излишнихъ, и много богатства, нерѣдко употребляемаго на позорную жизнь, уложилъ, вмѣстѣ съ царскимъ сигклитомъ, слѣдующее: 1) всякія земли и угодья, которыя доселѣ принадлежали митрополиту, владыкамъ и монастырямъ, должны оставаться за ними неприкосновенно, и никто никакимъ судомъ и тяжбою не долженъ отнимать у нихъ этихъ вотчинъ и выкупать, хотябы какое мѣсто и не было утверждено за ними крѣпостями, и впредь съ монастырями о вотчинахъ не тягаться. 2) Но тѣ земли, которыя нынѣ состоятъ въ закладѣ за митрополитомъ, владыками и монастырями, отобрать на государя; а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Такъ же

и въ вотчинахъ *княженицкихъ*, т. е. служилыхъ князей, которыя прежде сего пожертвованы были владыкамъ и монастырямъ, воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ; а которыя вотчины княженицкія доселѣ купили себѣ владыки и монастыри, тѣ отобрать на государя, въ деньгахъ же воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. 3) Впредь вотчинникамъ своихъ вотчинъ по душамъ въ монастыри не отдавать, а давать за вотчины монастырямъ деньги, сколько какое село стоитъ; самыя же села передавать наслѣдникамъ, хотябы и дальнымъ. Равно впредь митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель себѣ не покупать и не принимать подъ залогъ; а если кто и послѣ сего купить себѣ землю или начнетъ держать подъ залогомъ, тѣ земли отбирать на государя безденежно. Вообще впредь митрополиту, владыкамъ и монастырямъ не прибавлять себѣ земель никакимъ образомъ и жить только на тѣхъ земляхъ, что нынѣ за ними. А если какой монастырь убогъ и у него земли мало или вовсе нѣтъ, пусть бьетъ челомъ государю, и государь, приговора съ митрополитомъ соборнѣ и съ боярами, устроить тотъ монастырь землею, чтобы ему можно было жить ⁽³²⁶⁾. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, соборъ утвердилъ за владыками и монастырями всѣ прежнія ихъ владѣнія и торжественно призналъ неотъемлемость и неотчуждаемость этихъ владѣній, то съ другой—самъ же исключилъ нѣкоторые изъ нихъ и передалъ на государя и на его волю, а главное—безусловно запретилъ владыкамъ и монастырямъ на будущее время увеличивать свои

(³²⁶) Собр. госуд. грам. I, № 200.

владѣнія, какимъ бы то ни было образомъ, кромѣ одного пожалованія, обѣщаннаго впрочемъ лишь монастырямъ убогимъ. Это было послѣднее и самое важное рѣшеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ въ царствованіе Ивана IV, перешедшее и къ его преемникамъ. Надобно, однакожъ, сознаться, что какъ, повидимому, ни старался царь грозный ограничивать вотчинныя права духовенства, какія ни утверждалъ противъ нихъ узаконенія, онъ самъ же первый и нарушалъ эти узаконенія. Несмотря, наприм., на приговоръ 1573 г., чтобы въ большіе монастыри, гдѣ земель много, впредь не давать вотчинъ, онъ далъ въ 1575 г. одному изъ богатѣйшихъ монастырей — Кирилло-бѣлозерскому два села по бояринѣ своему Иванѣ Бѣльскомъ, одно въ ростовскомъ, другое въ московскомъ уѣздѣ, со многими деревнями и пустошами (³²⁷). Несмотря на соборное постановленіе 1580 г., запрещавшее впредь всякое увеличеніе монастырскихъ владѣній, пожаловалъ въ 1583 г. тому же Кирилло-бѣлозерскому монастырю еще три села съ деревнями и починками, одно въ Бѣжецкомъ верху да два въ костромскомъ уѣздѣ (³²⁸).

Какъ же владѣла и управляла русская церковь своими недвижимыми имуществами и каковъ былъ характеръ ея владѣнія и управленія? Такъ-называемыя церковныя имѣнія въ Россіи не были общимъ достояніемъ всей церкви или всего духовенства и не находились подъ вѣдѣніемъ и распоряже-

(³²⁷) А. Юрид. № 126.

(³²⁸) Въ Бѣжецкомъ верху — село Вильгошее, въ костромскомъ уѣздѣ — село Стрѣтенское и село Цыбино. Рукописный Сборникъ Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ Спб. дух. акад., безъ №, въ двухъ огромныхъ книгахъ, содержащій въ себѣ копіи жалованныхъ грамотъ и крѣпостныхъ актовъ на имѣнія означеннаго монастыря, кн. II, л. 414—416.

ніемъ высшей церковной власти, хотя послѣдняя съ половины XVI вѣка и дѣлала перазъ, по волѣ государя, нѣкоторыя общія постановленія относительно этихъ имѣній. Нѣтъ, церковныя имѣнія у насъ были лишь частною собственностію отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій и принадлежали то архіерейскимъ домамъ или каѳедрамъ, то монастырямъ, то церквамъ. Каждый архіерей распоряжался имѣніями своей каѳедры совершенно самостоятельно и независимо отъ митрополита и отъ собора отечественныхъ іерарховъ; каждый настоятель монастыря съ своею братією и каждый настоятель церкви съ причтомъ точно такъ же совершенно самостоятельно распоряжались имѣніями своего монастыря или своей церкви и совершенно независимо отъ своего епархіальнаго архіерея. Всѣ эти духовные землевладѣльцы и вотчинники, по одному собственному усмотрѣнію, и принимали въ даръ жертвуемыя имъ земли и вотчины, и сами покупали себѣ села и разныя угодья, и мѣняли ихъ, и продавали, по крайней мѣрѣ, до изданія извѣстныхъ соборныхъ опредѣленій, и вообще пользовались всѣми правами, какими пользовались тогда у насъ и прочіе частныя землевладѣльцы и вотчинники. Но, съ другой стороны, наши духовные вотчинники имѣли и важныя преимущества предъ прочими частными вотчинниками, по отношенію къ населеннымъ своимъ землямъ, — преимущества, состоявшія въ тѣхъ льготахъ, какія предоставляемы были духовенству жалованными грамотами нашихъ князей. Сначала льготы эти давались только на отдѣльныя вотчины, и на нѣкоторыя въ болшемъ размѣрѣ, на другія въ меньшемъ, такъ что одинъ и тотъ же духовный владѣлецъ въ разныхъ своихъ вотчинахъ пользовался неодинаковыми правами; но потомъ

съ конца XV столѣтія болѣе и болѣе обобщались и распространялись на всѣ церковныя владѣнія, по мѣрѣ того, какъ вел. князья выдавали архіереямъ, монастырямъ и церквамъ однѣ и тѣже свои жалованныя грамоты разомъ на всѣ ихъ вотчины (³²⁹). По силѣ этихъ льготъ управленіе нашихъ духовныхъ владѣльцевъ ихъ недвижимыми, населенными имѣніями отличалось особеннымъ характеромъ: оно походило не столько на управленіе частныхъ собственниковъ принадлежавшими имъ вотчинами, сколько на управленіе самого государя его дворцовыми вотчинами и областями всего государства.

Главная льгота, которою пользовались владѣльцы духовнаго званія, состояла въ томъ, что ихъ земли и вотчины, подобно вотчинамъ самого государя, были освобождены изъ-подъ зависимости отъ мѣстныхъ государственныхъ властей или чиновниковъ и въ административномъ, и въ судебномъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, тогда какъ владѣнія прочихъ частныхъ вотчинниковъ не были свободны отъ этой зависимости, по крайней мѣрѣ, въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ (³³⁰). Другая льгота, восполнявшая первую, была та, что духовные владѣльцы сами вѣдали свои вотчины съ полною самостоятельностью и имѣли въ нихъ, по примѣру государя—въ его вотчинахъ и во всемъ государствѣ, своихъ особыхъ чиновниковъ, свои собственные органы власти. Для управленія государствомъ, государь поставлялъ надъ городами и уѣздами своихъ *наместниковъ*, а надъ волостями и станами—*волостелей*, съ подвѣдомыми имъ низшими чинами: *тиунами*,

(³²⁹) А. Э. I, №№ 139. 273. 377; А. И. I, №№ 163. 200 и др.

(³³⁰) *Блѣевъ*. О поземельномъ владѣніи въ москов. государствѣ, Временн. М. И. Общ. XI, отд. I, стр. 11—24.

недѣльщиками, праведчиками, доводчиками, приставами, становщиками и другими: отъ этихъ-то властей, которымъ подчинены были въ ихъ округахъ, по управленію, суду и отбыванію податей и повинностей, всѣ лица и земли, освобождены были церковныя имѣнія, какъ и дворцовыя; этимъ-то чинамъ, состоявшимъ на государственной службѣ, строго было заповѣдано, чтобы они въ церковныхъ вотчинахъ, какъ и дворцовыхъ, не вмѣшивались ни во что, не вступались ни въ земли, ни въ поселянъ, не судили ихъ ни въ чемъ, кромѣ душегубства, разбоя и татбы съ поличнымъ, и даже не вѣзжали къ нимъ ни за чѣмъ и не брали съ нихъ ни кормовъ, ни подводъ и ничего другаго ⁽³³¹⁾. Для управленія своими дворцовыми вотчинами государь имѣлъ особыхъ чиновниковъ: во главѣ всѣхъ—*дворецкаго*, который жилъ при дворцѣ, завѣдывалъ всею хозяйственною въ немъ частію, всѣми должностными лицами по этой части и домовою прислугою, всѣми имѣніями вел. князя и доходами съ нихъ и облеченъ былъ высшею судебною властію въ предѣлахъ своего вѣдомства; а затѣмъ въ дворцовыхъ волостяхъ—*волостелей*, въ отдѣльныхъ вотчинахъ—*прикащиковъ*, въ селахъ—*посельскихъ*, равно какъ и низшихъ чиновниковъ—*тіуновъ*, недѣльщиковъ, приставовъ и другихъ, которые употреблялись по дѣламъ управленія, суда и собиранія доходовъ въ дворцовыхъ вотчинахъ ⁽³³²⁾. По примѣру государя, и наши архіе-

⁽³³¹⁾ Относительно вотчинъ дворцовыхъ—А. Э. I, №№ 143. 183. 201. 240; церковныхъ—А. Э. I, №№ 60. 75. 131. 139. 159. 208; А. И. I, №№ 58. 111; Д. А. И. I, № 193 и др.

⁽³³²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 280—281; Древн. Русск. Вивліюэ. XX, 2. 140; А. Э. I, №№ 143. 159. 183. 198. 240. 256. 259. Въ послѣднемъ актѣ упоминается *дворецкій большаго Дворца*.

реи имѣли, каждый, при своемъ архіерейскомъ дворѣ—*дворецкаго*, сосредоточивавшаго въ себѣ главное завѣдываніе какъ имуществомъ и прислугою архіерейскаго дома, такъ и всѣми архіерейскими вотчинами и служившими въ нихъ лицами (³³³); иногда *намѣстниковъ*—въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ находились архіерейскія имѣнія, каковъ былъ, напримѣръ, въ городѣ Владимірѣ намѣстникъ митрополита изъ свѣтскихъ людей, служившій именно по дѣламъ вотчиннымъ (³³⁴); *волостелей*, *прикащиковъ*, *посельскихъ*—въ архіерейскихъ волостяхъ, отдѣльныхъ вотчинахъ и селахъ, а равно и прочихъ служилыхъ людей—тіуновъ, доводчиковъ, недѣльщиковъ, приставовъ и др. (³³⁵). У монастырей если и не было дворец—

(³³³) Кромѣ одного архіерейскаго дворецкаго, бывшаго изъ монашествующаго духовенства (А. до юрид. быта Россіи II, № 156, ст. I. II), всѣ прочіе дворецкіе, сколько извѣстно, были изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, вообще изъ мірскихъ людей (А. до юрид. б. Россіи т. I, № 103, ст. I; № 118, ст. VII; т. II, № 147, ст. I. V. VI. X. XIII и др.; № 156, ст. IV. V. XI. XII. XV. XVI; А. Ю. № 17). У новгородскаго владыки въ 1548 г. дворецкимъ былъ Иванъ Михайловичъ Волуевъ (*Куріанов*. Отрывки изъ расход. книг. соф. дома, въ Изв. Археогр. Общ. III, вып. I, 36. 40. 41). Собственно казною архіерейскаго дома завѣдывалъ не дворецкій, а казначей (тамъ же 37. 41. 44; Стоглав. стр. 311 и др.).

(³³⁴) Въ 1515 г., когда во Владимірѣ были у митрополита намѣстники *черныи*, т. е. изъ монаховъ, занимавшіеся дѣлами духовными (А. Э. I, № 159), тамъ же былъ у него и намѣстникъ изъ свѣтскихъ—Феодоръ Васильевичъ Тиронъ, занимавшійся дѣлами хозяйственными (А. до юрид. б. Россіи, т. II, № 147, ст. X). Въ 1518 г. тамъ же упоминается намѣстникъ митрополита, разбиравшій тяжёлое дѣло по церковнымъ имуществамъ, Юрій Григорьевичъ Мануиловъ (А. Ю. № 16), который потомъ въ 1524 г. возведенъ былъ на высшую степень митрополитскаго дворецкаго (А. до ю. б. Россіи, т. II, № 147, ст. XIV). Такой же намѣстникъ изъ свѣтскихъ, Юрій Репеховъ, былъ и у новгород. владыки, доставившій въ 1476 г. *кормы* вел. князю, прибывшему въ Новгородъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 202).

(³³⁵) А. Э. I, №№ 45. 75. 92; А. Ю. № 8; А. до ю. б. Россіи, т. I, № 103; т. II, № 156, ст. XIV; №№ 178. 183. 217. 218.

кихъ для главнаго завѣдыванія вотчинами, потому что оно сосредоточивалось обыкновенно въ лицѣ самаго настоятеля и монастырскаго собора, не было такъ же намѣстниковъ и волостелей, то были свои прикащики, посельскіе, тіуны, недѣльщики, доводчики и другіе (³³⁶). Даже церкви и церковныя причты, владѣвшіе обыкновенно немногими землями и вотчинами, хотя большею частію сами непосредственно завѣдывали ими, иногда имѣли для того и своихъ прикащиковъ (³³⁷). Изъ всѣхъ перечисленныхъ чиновъ дворецкіе, намѣстники, волостели, прикащики, иногда и посельскіе совмѣщали въ себѣ, каждый въ кругѣ своего вѣдомства, троякую власть: по управленію, по суду и по собиранію доходовъ и оброковъ. Но одни изъ этихъ чиновъ (дворецкіе) были не у всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ; другіе (намѣстники, волостели, посельскіе) не у всѣхъ и не всегда; а самыми постоянными и у всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ управителями имѣній являлись прикащики. Права и обязанности чиновныхъ лицъ, непосредственно завѣдывавшихъ населенными вотчинами, опредѣлялись въ особыхъ наказахъ или уставныхъ грамотахъ, какіе выдавали имъ, равно какъ самимъ поселянамъ, духовные владѣльцы (³³⁸).

По управленію имѣніями, архіерейскими и монастырскими, главная обязанность прикащика или вообще управителя, какъ

(³³⁶) А. Э. I, №№ 34. 64. 119. 221. 244. 248. 255. 258. 268; А. Ю. №№ 46. 47. Изъ указанныхъ актовъ (А. Э. I, №№ 221. 255) видно, что прикащиками и посельскими въ монастырскихъ вотчинахъ бывали иногда монахи и назывались: старецъ-прикащикъ, старецъ-посельскій.

(³³⁷) А. Э. I, № 159; Собрн. *Муханози*, изд. 2, № 280.

(³³⁸) А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268. 307.

бы онъ не назывался—прикащикомъ, волостелемъ или посельскимъ, состояла въ томъ, чтобы всячески радѣть объ этихъ имѣніяхъ и получаемыхъ съ нихъ доходахъ: онъ охранялъ архіерейскія или монастырскія земли отъ сторонняго завладѣнія; мѣнялъ ихъ, продавалъ, прикупалъ къ нимъ новыя, разумѣется, по волѣ владѣльцевъ; призывалъ на эти земли поселенцевъ, заключалъ съ ними условія, надѣлялъ ихъ участками, взыскивалъ съ нихъ оброки, принималъ и хранилъ хозяйственные запасы, расходовалъ ихъ и во всемъ отдавалъ отчетъ владѣльцамъ. Нѣкоторые изъ этихъ дѣйствій, каковы: мѣна, продажа, покупка земель, приглашеніе новыхъ поселенцевъ, въ монастыряхъ часто производились непосредственно настоятелями, а въ архіерейскихъ домахъ—дворецкими⁽³³⁹⁾. Затѣмъ на прикащикѣ или управителѣ лежала обязанность имѣть попеченіе и о самихъ поселенцахъ. Безъ его вѣдома и разрѣшенія крестьяне подвѣдомой ему вотчины не могли ни мѣнять, ни продавать свои недвижимыя и нѣкоторые даже движимыя имущества; безъ его дозволенія не могли вступать въ бракъ ни между собою, ни съ лицами сторонними; не могли принимать въ свои дома людей прохожихъ. Прикащикъ слѣдилъ, чтобы крестьяне не играли зернью, не держали въ своемъ селѣ или деревни скомороховъ, волхвовъ, бабъ-ворожей, татей, разбойниковъ и другихъ лихихъ людей. Вообще крестьяне каждой вотчины подчинены были своему прикащику во всѣхъ отношеніяхъ и должны были слушаться его во

(339) Горчаков. О земел. влад. русск. митрополитовъ, приложен. стр. 42. 43. 49. 52—62. 63—65. 78—80; А. Ю. №№ 73. 74. 88—90. 100. 106; А. Э. I, №№ 34. 75; Доп. А. И. I, № 193; А. до юрид. 6. Россіи т. II, № 147, ст. II. V—VIII; № 156, ст. XIV и др.

всемъ, хотя, съ другой стороны, въ случаѣ неудовольствій на него, имѣли право приносить жалобы самимъ владѣльцамъ ⁽³⁴⁰⁾. Въ помощь прикащику обыкновенно назначался владѣльцами *доводчикъ*, который былъ главнымъ исполнителемъ его распоряженій, а самими крестьянами избирались изъ среды ихъ *старосты* и *цѣловальники*, такъ же *десятскіе*, *пятидесятскіе*, *сотскіе*, *закащики*, служившіе орудіями прикащика для ближайшаго полицейскаго надзора за крестьянами и отвѣчавшіе за сохраненіе порядка и благочинія между ними ⁽³⁴¹⁾. Слѣдуетъ присовокупить, что, заботясь о житейскомъ бытѣ и поведеніи своихъ поселянъ, архіереи и монастыри не оставляли безъ попеченія и ихъ духовныхъ нуждъ, строили и содержали въ своихъ имѣніяхъ церкви и помѣщенія для духовенства, давали церковнымъ причтамъ, хотя и небольшіе, надѣлы изъ собственной земли: напримѣръ, Кирилло-бѣлозерскій монастырь къ концу XVI в. имѣлъ въ своихъ вотчинахъ (51 село и сельцо, 1 слобода и 3 волости) 80 церквей, въ нѣкоторыхъ большихъ вотчинахъ по двѣ, даже по три церкви, въ томъ числѣ и теплыя, а церковной пашни при всѣхъ этихъ церквахъ числилось 36 вытей, т. е. отъ 180 до 360 десятинъ въ одномъ полѣ ⁽³⁴²⁾.

⁽³⁴⁰⁾ А. Э. I, №№ 221. 244. 255. 258. 307.

⁽³⁴¹⁾ А. Э. I, №№ 194. 221. 244. 258.

⁽³⁴²⁾ Рукопись Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., подъ заглавіемъ: „Книги переписныя монастырскіе вотчинъ всѣхъ сель 109. (т. е. 1601) году“, № 1309, л. 149. Въ это время земельныя владѣнія Кир.-бѣлоз. монастыря находились уже въ одиннадцати уѣздахъ: бѣлозерскомъ, вологодскомъ, пошехонскомъ, углицкомъ, костромскомъ, ростовскомъ, дмитровскомъ, влинскомъ, московскомъ, коломенскомъ и въ бѣжедскомъ верху (тамъ же л. 3—149). И именно: въ дмитровскомъ уѣздѣ монастырь получилъ село Вертлинское въ 1570 г. отъ царя Ивана Васильевича (А. Э. I, № 278), въ московскомъ—село Егозино въ 1571 г. отъ Ив. Васильевича Шереметева, въ Пошехонскомъ—село Борисо-

Судъ надъ церковными крестьянами существовалъ тroyакого рода. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ — душегубствѣ, разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ они судились, какъ и всѣ подданные государства, мѣстными государственными чинами — намѣстниками, волостелями и другими, по общимъ государственнымъ законамъ. Въ прочихъ уголовныхъ дѣлахъ и въ тяжбахъ между собою судились своими духовными владѣльцами. А въ спорахъ и тяжбахъ съ лицами посторонними подлежали такъ-называвшемуся суду «смѣстному» ⁽³⁴³⁾. Только немногіе духовные владѣльцы производили судъ надъ своими крестьянами сами непосредственно: это преимущественно настоятели церквей и тѣхъ монастырей, у которыхъ крестьянъ было немного. Всѣ прочіе обыкновенно предоставляли производство суда въ своихъ вотчинахъ мѣстнымъ своимъ управителямъ, т. е. прикащикамъ, волостелямъ, посельскимъ ⁽³⁴⁴⁾. Есть основаніе думать, что каждый изъ этихъ управителей не иначе могъ судить подвѣдомыхъ ему крестьянъ, какъ въ присутствіи трехъ, четырехъ, или пяти и шести избранныхъ изъ среды ихъ «добрыхъ» мужей, хотя, быть можетъ, такое правило и не было общимъ во всѣхъ церковныхъ имѣніяхъ ⁽³⁴⁵⁾.

глубокое въ 1571 г. отъ князя Давида Андреевича Кемскаго, въ ростовскомъ — село Спасское и московскомъ с. Пирогово въ 1575 г. отъ царя Ивана Васильевича, въ костромскомъ — с. Стретенское и въ бѣжецкомъ верху с. Вильгощее въ 1583 г. отъ царя Ивана Васильевича (Сборн. Кир.-бѣлоз. монастыря, нѣмѣ с. п. б. дух. акад., безъ №, въ двухъ огромныхъ книгахъ, содержащій копии жалованныхъ грамотъ и крѣпостныхъ актовъ на имѣнія означеннаго монастыря, кн. II, л. 145 об. 387 об. 416—418. 739. 882). О церквахъ и церковной землѣ въ вотчинахъ другихъ монастырей и архіерейскихъ домовъ см. въ писцов. книгахъ (*Неволин.* О пятин. новгор. прилож. стр. 261. 262 и др.).

⁽³⁴³⁾ А. Э. I, №№ 56. 75. 79. 88. 99; А. И. I, №№ 83. 87. 106. 111. 131 и др.

⁽³⁴⁴⁾ А. Э. I, №№ 56. 75. 119. 159 и др.

⁽³⁴⁵⁾ А. Э. I, № 258. Уставн. грамота патр. Іова 1590 г. Новин. монастырю

Есть такъ же основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, въ вотчинахъ въкоторыхъ монастырей, наприм., Іосифо-волоколамскаго, управитель окончательно рѣшалъ на мѣстѣ, своею властію, только менѣ важныя судныя дѣла, а по дѣламъ, болѣе важнымъ, приказывалъ крестьянамъ «ставиться» къ опредѣленному сроку въ монастырь. Здѣсь, на особомъ дворѣ вѣ монастыря, ихъ выслушивали назначенные для того старцы, которые дѣла «обычныя» рѣшали сами и тотчасъ же отпускали подсудимыхъ, а о дѣлахъ «необычныхъ» докладывали игумену или келарю. Игуменъ обсуждалъ эти дѣла съ келаремъ и съ соборною братіею и чрезъ тѣхъ же старцевъ объявлялъ свои рѣшенія ждавшимъ на дворѣ крестьянамъ и отпускалъ ихъ. Въ иныхъ монастыряхъ и на судѣ игумена съ соборными старцами сидѣли при этомъ по два или по три «лучшихъ» людей, избранныхъ самими крестьянами изъ ихъ среды ⁽³⁴⁶⁾. Равнымъ образомъ и въ имѣніяхъ архіерейскихъ были судныя дѣла, которыя архіереи рѣшали не чрезъ своихъ волостелей, прикащиковъ, посельскихъ, а сами непосредственно или чрезъ своихъ намѣстниковъ и дворецкихъ ⁽³⁴⁷⁾. На несправедливыя рѣшенія своихъ мѣстныхъ судей—прикащиковъ, посельскихъ и другихъ, на ихъ пристрастіе, притѣсненія, поборы, церковныя крестьяне могли жаловаться самимъ своимъ владѣльцамъ, и судьи подлежали строгой отвѣтственности ⁽³⁴⁸⁾.

„по прежней жалованной Макарія митрополита грамотѣ“ (Временн. II, отд. III, стр. 18).

⁽³⁴⁶⁾ Устав. преп. Іосифа Волок., въ *Макар.* Чети-мин. Сент. 9, стр. 600—601. С. п. 6. 1868. Уставн. грам. патр. Іова 1590 г., указанная въ предид. примѣчаніи.

⁽³⁴⁷⁾ А. Ю. № 16; *Горчаков.* О земел. влад. митр., Прилож. стр. 51—52.

⁽³⁴⁸⁾ А. Э. I, №№ 221. 255. 258.

А въ случаяхъ недовольства церковныхъ крестьянъ рѣшеніями своихъ владѣльцевъ, такъ же въ случаяхъ исковъ, направленныхъ этими крестьянами, равно какъ и всякими другими людьми, лично на управителей церковныхъ имѣній и на самихъ владѣльцевъ—настоятелей монастырей и церквей и на архіереевъ, всѣ такого рода иски поступали непосредственно къ великому князю, который или рѣшалъ ихъ самъ, или поручалъ рѣшать своему боярину «введенному», а иногда дворецкому⁽³⁴⁹⁾. Въ «смѣстномъ» судѣ надъ церковными крестьянами, по спорамъ ихъ съ людьми сторонними, участвовали, вмѣстѣ съ княжескими или царскими чиновниками, иногда сами настоятели монастырей, а отъ архіереевъ—ихъ дворецкіе и намѣстники, но гораздо чаще только низшіе управители церковныхъ имѣній—волостели, прикащики, посельскіе. Если судьи обѣихъ тяжущихся сторонъ рѣшали дѣло согласно, то рѣшеніе это приводилось въ исполненіе судьями той стороны, вѣдомству которой подлежалъ подсудимый. Если же судьи давались въ пререканія и не постановляли согласнаго рѣшенія, то обязаны были докладывать дѣло и ставить тяжущихся предъ князя, который и рѣшалъ дѣло окончательно⁽³⁵⁰⁾. Были еще судебныя дѣла особаго рода, касавшіяся церковныхъ вотчинъ, дѣла не по спорамъ и тяжбамъ крестьянъ церковныхъ съ сторонними людьми, а по спорамъ и тяжбамъ самихъ духовныхъ владѣльцевъ между собою и съ посторонними лицами о земельныхъ участкахъ и другихъ недвижимыхъ имуще-

(349) А. Э. I, №№ 60. 75. 88. 124. 159. 179. 208; А. И. I, №№ 74. 87. 88. 125. 131.

(350) Доп. А. И. I, № 17; А. Э. I, № 175 и др.

ствахъ, которыя владѣльцы эти считали своими: такого рода дѣла разбирались и рѣшались не смѣстнымъ судомъ, а одними судьями гражданскими и, въ высшей инстанціи, самимъ государемъ съ его боярами (³⁵¹).

Доходы и вообще выгоды, какіе получали наши духовные владѣльцы съ своихъ недвижимыхъ имуществъ, были различны, судя потому, какъ пользовались владѣльцы этими имуществами.

Нѣкоторые изъ имуществъ они оставляли въ своемъ непосредственномъ владѣніи и пользованіи. У архіереевъ бывала обыкновенно своя такъ-называвшаяся «домовая архіерейская пашня», у монастырей—«монастырская пашня», которыя засѣвались разными сѣменами и обрабатывались для самихъ владѣльцевъ; бывали такъ же свои опредѣленные участки луговой земли, съ которыхъ собиралось для нихъ сѣно; свои огороды, съ которыхъ собирались разные овощи. Все это шло на содержаніе какъ самихъ архіереевъ или монастырской братіи, такъ и ихъ слугъ и домашнего скота. Для домовой архіерейской и монастырской пашни обыкновенно удѣлялась владѣльцами лишь незначительная часть ихъ земельныхъ владѣній (³⁵²). Нѣкоторые монастыри и архіерейскіе дома сами

(³⁵¹) А. Ю. №№ 1—8. 12. 18. 23; А. до юрид. быта Россіи I, №№ 52. 103; А. И. I, №№ 126. 134. 248; Собрн. *Муханова*, изд. 2, № 124.

(³⁵²) А. до юрид. 6. Росс. II, № 178; III, № 217; А. Э. I, № 258. У Кирилло-бѣлозер. монастыря къ концу XVI в. было „монастырской пашни“ только 1059 четвертей, т. е. 529½ десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ 1588½ десятинъ, тогда какъ крестьянамъ отдавалось 1096 вытей, т. е. 5480 десятинъ въ одномъ полѣ, если въ выти считать по пяти только десятинъ, или 10960 десятинъ въ одномъ полѣ, если въ выти считать по десяти десятинъ а въ трехъ поляхъ отъ 16440 до 32880 десятинъ (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., содержащая опис. монастыр. вотчинъ въ

пользовались своими рѣками, озерами, имѣли своихъ «ловцовъ», которые ловили рыбу въ большомъ количествѣ; рыбу эту солили и сушили, — для чего назначались «сушильные старцы», — и въ такомъ видѣ иногда продавали (³⁵³). Еще нѣкоторые монастыри, особенно соловецкій, кирилло-бѣлозерскій, Троицко-сергіевъ, сами пользовались своими соляными варницами, держали своихъ «соловаровъ», имѣли въ разныхъ городахъ амбары для складовъ соли и производили ею иногда весьма обширную и выгодную торговлю (³⁵⁴).

Другія свои имѣнія: земли, воды, дворы, огороды, соляныя варницы и проч., владѣльцы духовнаго званія отдавали во

1601 г., № 1309, л. 149). Въ приходной книгѣ новгородскаго архіерейскаго дома за 1577 г., между прочимъ, читаемъ: „пожня Климовская на Волховѣ, косятъ ее на архіепископъ обиходъ черницкіе крестьяне; пожня Пересуха, косятъ ее на архіепископъ обиходъ грузинскіе крестьяне; пожня Марковская рѣль, косятъ ее на архіепископъ обиходъ пидебскіе крестьяне“ и такъ далѣе (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 170—171).

(³⁵³) А. И. I, №№ 85. 96. 192. 193; Доп. А. И. I, №№ 48. 130. Въ означенной приходной книгѣ новгор. архіерейскаго дома за 1577 г. записано: „мая въ 6 день продано рыбникомъ Невзору Залякину съ товарищи из сушила просолные рыбы двѣ бочки лососей, да бочку сеговъ, да бочка лудогы, а взято за тоя рыбу денегъ девять рублевъ и десять алтынъ“... (л. 9).

(³⁵⁴) А. Э. I, №№ 52. 99; А. И. I, №№ 49. 93. 144; Доп. А. И. I, № 111. У Кирилло-бѣлоз. монастыря были дворы съ огородами и амбары для склада и для продажи соли: въ Дмитровѣ (А. Э. I, № 373), Твери, Угличѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Каргополѣ, въ Короткой, въ Турчасовѣ, въ Холмогорахъ, и при амбарахъ вездѣ находился монастырскій дворъ, въ которомъ жилъ старецъ или дворникъ съ монастырскими слугами, завѣдывавшіе продажей соли (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1309, л. 156—157). По грамотѣ в. кн. Василя Ивановича, монастырь продавалъ до 10000 пудовъ соли ежегодно и получалъ прибытка по 600 рублей и болѣе (А. Э. I, № 246). А въ 1566 г. ему дозволено въ одномъ только Дмитровѣ безпошлинно продавать въ годъ по 10000 пудовъ соли (А. Э. I, № 271). Соловецкому монастырю такъ же разрѣшено было безпошлинно провозить по шести и потомъ по десяти тысячъ пудовъ соли въ Холмогоры, Устюгъ, Тотъму и Вологду для продажи (Грамоты Ивана Вас.

временное пользованіе стороннимъ лицамъ. Большою частію, эти земли и угодья отдавались въ наемъ или въ оброчное содержаніе на годъ, на два или на нѣсколько лѣтъ. Оброчники, въ числѣ которыхъ бывали и поселяне, и князья, и сельскія общины, и монастыри, обязывались платить владѣльцамъ, по договору, опредѣленный ежегодный оброкъ и платили то деньгами, то натуральными продуктами, смотря по роду оброчной статьи: хлѣбомъ, солью, рыбою и под. ⁽³⁵⁵⁾. Иногда же наши архіереи и монастыри отдавали свои земли (обыкновенно ненаселенныя или пустоши), и угодья не на нѣсколько лишь лѣтъ частнымъ лицамъ, а въ пожизненное или даже въ потомственное родовое ихъ владѣніе и пользованіе. Лица эти обязывались ни продавать полученныхъ земель и угодій, ни дарить кому либо, ни промѣнивать, ни отдавать въ залогъ и под., но сами имѣли право пользоваться ими, какъ своею собственностію: обрабатывать земли, какъ хотѣли, устроить на нихъ разныя хозяйственныя заведенія, приглашать на земли населенцевъ, образовать изъ населенцевъ

IV, въ Опис. Солов. монастыря *Досиога*, ч. III, стр. 3—17. Снес. Доп. А. И. I, № 111). Постолюку же пудовъ соли разрѣшено (1584 г.) продавать въ разныхъ городахъ и Свияжскому монастырю (А. Э. I, № 322).

⁽³⁵⁵⁾ А. Ю. *ММ* 176. 179; А. Э. I, № 74, ст. III; А. до юрид. б. Россіи т. I, № 69, I; № 118, I. V. VIII—X; т. II, № 173, I—IV; № 176, I—III; Древн. грамоты и акты Рязанск. края, собр. *Пискарев*. № 12. У новгородскаго владыки отдавались въ оброкъ, напримѣръ: а) въ Псковѣ озеро Ужино въ Кобылецкомъ уѣздѣ—покровскому игумену Корнилию съ братією, которые платили въ годъ по два рубля московскихъ; б) въ Старой Русѣ до 15-ти дворовъ и огородовъ—разнымъ крестьянамъ, которые платили деньгами; в) по рѣкамъ Волхову и Мстѣ многія тони—такъ же крестьянамъ, платившимъ рыбою и икрою; г) по тѣмъ же рѣкамъ многія пожни—какому-то князю Андрею и крестьянамъ, платившимъ деньгами по книгамъ (Рукоп. Кирил.-бѣлоз. монастыря, нѣкѣ с. п. б. дух. акад.; № 1548, л. 164—173).

крестьянскія общины, села, деревни, и управлять ими точно такъ же, какъ управляли бы сами духовные владѣльцы. За такое пользованіе архіерейскими или монастырскими землями и угодьями пользовавшіеся ежегодно платили условленный оброкъ деньгами и естественными произведеніями. А когда лица эти умирали или когда родъ ихъ «изводился» (прекращался), тогда земли и угодья, находившіяся въ ихъ пожизненномъ или родовомъ владѣніи, возвращались духовнымъ владѣльцамъ, но уже со всѣмъ тѣмъ, что на земляхъ было «промышлено серебра и хлѣба и животины», со всѣми хозяйственными постройками и со всѣми населенцами (³⁵⁶). Къ числу имѣній церковныхъ, раздававшихся духовенствомъ во временное владѣніе другимъ лицамъ, слѣдуетъ отнести и тѣ, которыя наши архіереи и монастыри, по примѣру князей, иногда жаловали въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ. Земли эти, иногда и населенныя, давались въ помѣстье тому или другому служилому человѣку, разумѣется, только на то время, доколѣ онъ находился на службѣ и въ своей должности; слѣд. иногда и въ пожизненное владѣніе, если онъ оставался на службѣ до конца своей жизни, а иногда и въ потомственное родовое владѣніе, если по смерти этого лица, служебная должность его переходила, какъ нерѣдко случалось, преемственно къ его дѣтямъ и ихъ дѣтямъ. Своими помѣстьями служилые люди архіереевъ и монастырей имѣли право пользоваться точно такъ же и на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какъ пользовались церковными землями и всѣ вообще лица, полу-

(³⁵⁶) А. Э. I, №№ 45. 74; А. до юрид. б. Россіи, т. I, № 68; № 69, II. III; № 118, II—IV. VI; Древн. грамоты Рязан. крал. собр. *Лискарев*. № 9.

чавшія ихъ въ пожизненное или родовое владѣніе; но только за свое пользованіе помѣстьями служилые люди не платили духовнымъ владѣльцамъ никакихъ оброковъ: потому что платили самую свою службою. Помѣстья раздавались имъ, по тогдашнему выраженію, «въ кормленіе» за службу; а архіереямъ и монастырямъ приносили ту выгоду, что замѣняли собою денежное жалованье или вознагражденіе съ ихъ стороны служившимъ при нихъ людямъ ⁽³⁵⁷⁾.

Наибольшую часть своихъ земель вотчинники духовнаго званія отдавали не во временное только, а въ постоянное и безсрочное владѣніе и пользованіе тѣмъ людямъ, которые жили на этихъ земляхъ или вновь селились на нихъ по приглашеніямъ, составляли села, деревни, слободы, починки, и назывались крестьянами того или другаго архіерея, монастыря, церкви. Всѣ эти крестьяне, за то что пользовались землею духовныхъ владѣльцевъ и вмѣстѣ подлежали ихъ управленію и суду, отбывали въ пользу владѣльцевъ личныя повинности, вносили ежегодные оброки и по временамъ платили разныя пошлыны, которыя опредѣлялись то обычаями, то договорами, словесными или письменными, и иногда выражались въ уставныхъ грамотахъ ⁽³⁵⁸⁾.

Личныя повинности крестьяне отбывали своими трудами. Мы уже упоминали, что наши архіереи имѣли свои домовыя пашни, а монастыри—монастырскія пашни: эти пашни обрабатывались крестьянами, которые удобряли ихъ, пахали, за-

⁽³⁵⁷⁾ А. И. I, №№ 118. 183. 185. 186. 190. 201; А. Ю. № 8; Доп. А. И. II, № 49.

⁽³⁵⁸⁾ А. Юрид. №№ 176—184. 290, п. I; А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268.

сѣивали сѣменами, а потомъ собирали поспѣвшій хлѣбъ, свозили, молотили.... Крестьяне такъ же косили архіерейскіе и монастырскіе луга и собирали сѣно для своихъ владѣльцевъ, рубили и возили для нихъ лѣсъ, огораживали ихъ дворы, сады, огороды, ставили или чинили имъ хоромы, чистили пруды, ловили рыбу и проч. Мѣра участія каждого крестьянина въ отбываніи означенныхъ работъ соразмѣрялась съ количествомъ земли, которою онъ пользовался и точно обозначалась въ уставныхъ грамотахъ. Работы производились подъ наблюденіемъ архіерейскихъ или монастырскихъ прикащиковъ при содѣйствіи имъ старостъ, цѣловальниковъ и десятскихъ со стороны самихъ крестьянъ ⁽³⁵⁹⁾. Впрочемъ, не всѣ крестьяне несли личныя повинности по отношенію къ своимъ духовнымъ владѣльцамъ, а только тѣ, которые жили вблизи архіерейскихъ домовъ и монастырей или вблизи архіерейскихъ домовыхъ и монастырскихъ пашень, и потому удобно могли работать на архіерейскіе дома и монастыри. Изъ числа этихъ послѣднихъ крестьянъ нѣкоторые, равно какъ и всѣ такъ-называвшіеся архіерейскіе и монастырскіе слуги, только личными повинностями и работами и отбывали весь свой долгъ духовнымъ землевладѣльцамъ и никакого оброка имъ не платили; другіе же, менѣе участвовавшіе въ личныхъ повинностяхъ и работахъ, платили и оброки, хотя не въ большомъ размѣрѣ. А тѣ крестьяне, которые, по своему мѣстожителству, не участвовали и не могли участвовать въ отбываніи личныхъ повинностей, платили только оброки ⁽³⁶⁰⁾.

⁽³⁵⁹⁾ А. Юрид. №№ 177. 178. 182; А. Э. I, № 258; А. до юрид. 6. Россіи I, № 43.

⁽³⁶⁰⁾ Выписки объ этомъ изъ московской приправочной книги 1571 г. приве-

Оброки за свои земли и пашни, которыми пользовались, многіе крестьяне вносили только естественными произведеніями, какія получали съ своихъ пашень, т. е. рожью, пшеницею, овсомъ, ячменемъ и прочими сѣменами: оброкъ хлѣбный. Другіе же вносили—частію естественными произведеніями съ своихъ пашень, частію деньгами: оброкъ денежный. А кромѣ того крестьяне платили оброкъ яйцами, масломъ, сырѣмъ, овчинами, льномъ, холстомъ и вообще домашними запасами, который, впрочемъ, могли замѣнять и деньгами. Для точнаго распредѣленія оброка между крестьянами, вся пропорція земли, имъ предоставленной, разбивалась на выти, и съ каждой выти назначалось извѣстное количество оброка во всѣхъ его видахъ; такъ что кто владѣлъ вытью, или двумя, или тремя и болѣе, или полвытью и менѣе, соотвѣтственно тому и вносилъ оброкъ. Количество оброка съ вытей въ разныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ было различно и обуславливалось существовавшими обычаями или договорами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отдавали владѣльцамъ цѣлую половину всякаго хлѣба, какой собирали съ своихъ пашень; въ другихъ только третью, четвертую или даже пятую и шестую часть. Столько же неравномѣрны были и денежные и прочіе оброки. Крестьяне—бобыли, занимавшіе въ селахъ и деревняхъ только дворовыя мѣста, но не имѣвшіе пашни, вносили лишь денежный оброкъ съ двора; крестьяне—

денъ въ статьѣ *Бѣляева*: о поземел. владѣніи въ Моск. государствѣ (Времени XI, стр. 18—19). Въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ тѣ земли, которыя предоставлены были во владѣніе слугамъ, кузнецамъ, плотникамъ и извозчикамъ, назывались *нетяглыми* потому, что лица эти не платили монастырю ни хлѣбнаго, ни денежнаго оброка, а отбывали за все своими трудами (см. выше примѣч. 299 и текстъ, къ которому оно относится).

ремесленники, промышленники и другіе, жившіе въ посадахъ и слободахъ на церковной землѣ и не занимавшіеся земледѣліемъ, такъ же платили только денежные оброки съ дворовъ, а иногда отбывали и личныя повинности. Собираніемъ оброковъ завѣдывали прикащики, при участіи сельскихъ старостъ и цѣловальниковъ, и для этого назначался иногда одинъ срокъ въ году, иногда два, три, даже четыре, обыкновенно предъ большими праздниками (³⁶¹). Не должно преувеличивать значенія оброковъ, собиравшихся нашими духовными землевладельцами. Для примѣра, мы имѣемъ возможность обозначить въ полномъ размѣрѣ тотъ оброкъ, какой получалъ со всѣхъ своихъ имѣній одинъ изъ богатѣйшихъ нашихъ монастырей—кирилло-бѣлозерскій. Во второй половинѣ XVI в. онъ имѣлъ въ своемъ владѣніи 15 сель большихъ и 8 меньшихъ, 3 приселка и 892 деревни, тяглыхъ къ тѣмъ селамъ. Изъ этого числа шесть сель большихъ, четыре меньшихъ, два приселка и 640 деревень платили только оброкъ хлѣбный, прочіе—хлѣбный и денежный. Въ пользованіе крестьянамъ всѣхъ этихъ сель, приселковъ и деревень монастырь отдавалъ собственной земли 1460 вытей, приблизительно отъ 21900 до 43800 десятинъ въ трехъ поляхъ. Сколько же получалъ ежегоднаго оброка? Ржи 3725 четвертей съ полъ-осминою и третникомъ, пшеницы 300 четвертей съ полъ-осминою, ячменя 539 четвертей съ двумя съ половиною осминами и третникомъ, овса 5884 четверти съ полъ-осминою, всего же

(³⁶¹) А. И. I, № 100; А. Э. I, №№ 255. 258. 307. 351. 357; А. Юрид. №№ 176. 177. 184; Уставн. грамота Новянск. монастырю, Временн. II, отд. III, стр. 17—20; Окладн. книга, Временн. XI, 54. 55. 84—86. 193—198 и др.; Неволин. Опятин. Новгор., Прилож. стр. 173.

хлѣбнаго оброка 10449 четвертей съ полъ-осминою и двумя третниками. А денежнаго? Только—157 рублей, 25 алтынъ и 3¹/₂ деньги (³⁶²). Къ концу XVI в. во владѣніи тогоже монастыря числилось 51 село и сельцо, да слободка, да 3 волости, да тяглыхъ къ нимъ 880 деревень; а въ пользова-ніе крестьянамъ монастырь отдавалъ земли 1096 вытей безъ четверти (отъ 16440 до 32880 десятины въ трехъ поляхъ), три мельницы и нѣсколько пустошей для собиранія сѣна. И за все это крестьяне ежегодно платили въ монастырь: а) деньгами—за пашенныя земли 299 рублей, 11 алтынъ съ полъ-деньгою; за мельницы 68 рублей; оброку съ слободки, находившейся въ Вологдѣ на посадѣ, 1 рубль, 13 алтынъ и 2 деньги; за пустоши сѣнокосныя 17 р. и 23 алтына съ деньгою; всего же—386 р., 14 алтынъ и 6 съ половиною денегъ; б) хлѣбомъ—ржи 2154 четверти съ полъ-осминою, овса 3076 четвертей, пшеницы 271 четверть, ячменя 525 четвертей, овсянаго ядра 208 четвертей, всего—6234 четверти; в) разными другими произведеніями—894 овчины, 865 поярковъ, 584 сыра и 18449 яицъ (³⁶³). А какъ бѣдны и даже ничтожны были доходы нашихъ небольшихъ монастырей и церквей съ ихъ оброчныхъ земель, ясно показываютъ Окладныя и Писцовыя книги (³⁶⁴).

Вмѣстѣ съ отбываніемъ повинностей и оброковъ въ поль-

(³⁶²) Рукоп. „Книги вытн.“ Кир.-бѣлоз. монастыря, № 1308, л. 327—328 (см. выше примѣч. 299).

(³⁶³) Рукоп. „Книги переписи.“ Кир.-бѣлоз. мон., № 1309, л. 149—151 (см. выше примѣч. 342).

(³⁶⁴) Оклады. книг., Временник. XI, 29—35. 39—41. 54. 84—86. 193—199. 232—235. 251—257.

зу духовныхъ владѣльцевъ, крестьяне несли еще въ некоторую долю такихъ же повинностей и оброковъ въ пользу лицъ, которымъ поручалось дѣло непосредственнаго управленія и суда надъ ними, т. е. въ пользу прикащиковъ или, какъ въ иныхъ мѣстахъ, намѣстниковъ, посельскихъ, ключниковъ, доводчиковъ и тиуновъ: крестьяне обрабатывали ихъ пашню, молотили ихъ хлѣбъ, не вездѣ впрочемъ; доставляли имъ ежегодно отъ волости или села извѣстное количество разныхъ хлѣбныхъ запасовъ и платили имъ деньгами—однажды въ годъ *вълѣзжее*, и три-четыре раза въ годъ, обыкновенно на большіе праздники, *поминки* и *праздничные кормы* (³⁶⁵). Но кромѣ этого, собственно по управленію и суду, крестьяне платили разныя пошлыны, иныя въ пользу самихъ владѣльцевъ, другія въ пользу прикащиковъ и доводчиковъ. Таковы были: а) *новоженные алтыны*, платившіеся крестьянами при вступленіи ихъ въ бракъ между собою, и *выводная куница*, платившаяся при вступленіи ихъ въ бракъ съ посторонними лицами; б) пошлыны, подъ разными названіями, съ *продажи* движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ—сѣна, ржи, домашняго скота, дворовыхъ мѣстъ и проч.; в) *явочныя* пошлыны: брались съ крестьянъ, нанимавшихъ себѣ работниковъ въ своей же волости и принимавшихъ къ себѣ прохожихъ людей изъ другихъ волостей; г) *штрафы* и *пени*—за неисправное отбываніе личныхъ повинностей и работы на монастырь или архіерейскій домъ, за игру въ зернь, за покупку и продажу вина, за порубку лѣса и вообще за нарушеніе поли-

(³⁶⁵) А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268. 307; А. И. I, № 100; А. Юрид. №№ 177. 184; Окладн. книга, Времени. XI, 54—55. 84. 86 и др.

цейскихъ постановленій; д) *хоженое* и *ставленое*—за призывъ и поставку къ суду, какъ отвѣтчика, такъ и свидѣтелей; е) *судебныя пошлины*, бравшіяся съ виновнаго за производство суда соразмѣрно цѣнѣ иска; ж) *полевья* пошлины—съ крестьянъ, прибѣгавшихъ для рѣшенія тяжбы къ судебному поединку; з) *мировыя* пошлины—съ тѣхъ, которые оканчивали споръ и тяжбу мировою сдѣлкою, и проч. (***).

Такимъ-то образомъ, благодаря жалованнымъ грамотамъ князей, наши архіереи, монастыри и церкви пользовались самостоятельностью и независимостью отъ гражданскихъ властей въ отношеніи къ своимъ недвижимымъ имуществамъ и крестьянамъ. Но надобно замѣтить, что нѣкоторымъ монастырямъ, хотя и немногимъ, самостоятельность эта принадлежала не въ полной мѣрѣ. Разумѣемъ, во первыхъ, домовые архіерейскіе монастыри, которые назывались такъ потому, что существовали на земляхъ того или другаго архіерейскаго дома, и вовторыхъ — монастыри приписные къ большимъ монастырямъ, наприм., Святотроицкому-Сергіеву, Кирилло-бѣлозерскому, Пафнутіево-боровскому, Іосифо-волоколамскому, Ферапонтову. Тѣ и другіе имѣли иногда и свои земли и угодья, своихъ крестьянъ; но какъ во всемъ, такъ и въ распоряженіяхъ своихъ по имуществамъ, зависѣли отъ своихъ главныхъ начальниковъ, домовые монастыри — отъ своихъ архіереевъ, а приписные—отъ настоятелей и прочихъ властей большихъ монастырей, которымъ были подчинены: не иначе, какъ только съ вѣдома, согласія и разрѣшенія этихъ началь-

(***) А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268. 307 и др.

никовъ могли они приобрѣтать, продавать, мѣнять, даже отдавать въ аренду свои земли и угодья; не иначе, какъ по грамотамъ и инструкціямъ, даннымъ этими начальниками, должны были дѣйствовать въ управленіи своими крестьянами, въ судѣ надъ ними, въ собираніи съ нихъ оброковъ и пошлинъ, въ самомъ употребленіи собранныхъ оброковъ; имъ же своимъ начальникамъ должны были, наконецъ, отдавать и отчетъ по имѣніямъ, а иногда доставлять и пзвѣстную долю доходовъ ⁽³⁶⁷⁾. Равнымъ образомъ и независимость отъ гражданскихъ властей, какая дарована была всѣмъ вообще духовнымъ землевладѣльцамъ и вотчинникамъ, не была полная, какъ отчасти мы уже видѣли: надъ имуществами монастырей контроль предоставленъ былъ служилымъ людямъ вел. князя, которые и передавали, по описямъ, эти имущества новымъ настоятелямъ и требовали отъ нихъ отчета; самые главные чиновники архіерейскіе по управленію вотчинами—дворецкіе ве иначе могли быть увольняемы и вновь назначаемы, по крайней мѣрѣ, со временъ Стоглаваго собора, какъ съ вѣдома и соизволенія или даже по указанію вел. князя; по тремъ важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ, всѣ церковные крестьяне, какъ и само духовенство, подлежали судамъ свѣтскимъ; тяжбы дѣла духовныхъ вотчинниковъ съ сторонними лицами о земельныхъ имуществѣхъ разбирались гражданскими чинами и иногда восходили на рѣшеніе самаго государя; къ нему же непосредственно восходили и всѣ иски, направленные

⁽³⁶⁷⁾ А. Э. I, №№ 75. 88; Доп. А. И. I, №№ 138. 157. 210; А. до юрид. б. Россіи т. I, № 118, п. VII; т. II, №№ 173. 176. Домовыхъ монастырей наиболѣе было у митрополита: въ половинѣ XVI в. ихъ насчитываютъ до 35-ти (Горчаковъ. О позем. владѣн. Русск. митроп., стр. 180—182).

лично на духовныхъ владѣльцевъ и ихъ прикащиковъ. Теперь прибавимъ, что земли духовныхъ владѣльцевъ, наравнѣ съ землями всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ, положены были, по царевымъ писцовымъ книгамъ, въ *сохи* и частнѣе— въ *выти* или *обжи*, и что потому церковные крестьяне, кромѣ оброковъ и повинностей своимъ владѣльцамъ, должны были отбывать и государственныя повинности ⁽³⁶⁸⁾. Исключеніе составляли, кажется, только тѣ земли, которыя духовные владѣльцы обрабатывали на самихъ себя: по крайней мѣрѣ, о пашняхъ приходскихъ церквей обыкновенно, а иногда и о пашняхъ монастырскихъ, говорится въ писцовыхъ книгахъ: «въ обжи (или сохи) не положены» ⁽³⁶⁹⁾. Правда, нерѣдко и нѣкоторыя земли крестьянъ духовныхъ владѣльцевъ освобождались княжескими грамотами отъ даней и пошлинъ князьямъ; но освобождались только на срокъ, а не навсегда,— обыкновенно на два, на три года, или на десять, даже на пятнадцать лѣтъ: всего чаще льгота эта давалась для привлеченія новыхъ поселенцевъ на церковныя земли. Да и на урочные годы церковные крестьяне освобождались рѣдко отъ всѣхъ податей и повинностей, а большею частію только отъ нѣкоторыхъ, и преимущественно отъ тѣхъ, которыя должны

⁽³⁶⁸⁾ Окладн. книга, Временник. XI, 29—35. 39—42. 53—54. 84—86. 193—199 и др.; А. Юрид. №№ 176. 182; *Неволин.* О пятин. Новг., Прилож. стр. 13. 14. 16 и др. См. такъ же выше примѣч. 286. 295. 299. Въ грамотѣ (1560 г.) Михалицкому женскому монастырю, жалуетъ ему Любынскую волость съ доходами денежными и хлѣбными, царь присовокупилъ: „опричь моей царя и великого князя обещанна дани и иныхъ нашихъ податей, которые наши подати и съ иныхъ монастырскихъ земель намъ идутъ“ (Д. А. И. I, № 113).

⁽³⁶⁹⁾ *Неволин.* О пятин. Новгор., Прилож. стр. 19. 22. 23. 25. 27. 28—33 и мног. др.; въ частности, о монастыр. пашняхъ—тамъ же 159. 284. 301.

были бы нести въ пользу мѣстныхъ княжескихъ чиновъ: такъ какъ крестьяне церковные отбывали этого рода повинности такимъ же чиномъ, только поставленнымъ надъ ними духовными землевладѣльцами (³⁷⁰). Главная льгота въ отбываніи государственныхъ податей и повинностей для церковныхъ крестьянъ состояла въ томъ, что они были освобождены отъ многочисленныхъ гражданскихъ сборщиковъ, отъ ихъ наѣздовъ, поборовъ и притѣсненій, лежавшихъ всею тяжестью на прочихъ земледѣльцахъ, и что эти подати съ церковныхъ крестьянъ были собираемы самими ихъ духовными владѣльцами, чрезъ прикащиковъ, и доставляемы въ казну государю (³⁷¹). Такимъ образомъ, хотя, жалованными грамотами князей, земли и вотчины нашего духовенства были поставлены въ независимость отъ мѣстныхъ государственныхъ властей и въ административномъ, и въ судебномъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, и находились только въ зависимости отъ своихъ духовныхъ владѣльцевъ и поставляемыхъ ими управителей, тѣмъ не менѣе земли эти и вотчины не были вовсе выдѣлены изъ общаго строя государства, не составляли какъ бы государства въ государствѣ, а подлежали, наравнѣ со всѣми другими землями и вотчинами, и нѣкоторымъ общимъ государственнымъ законамъ.

(³⁷⁰) А. Э. I, №№ 75. 102. 122. 171. 208. 273; А. И. I, № 83; Доп. А. И. I, №№ 193. 208. Царь Иванъ Васильевичъ, освобождалъ всѣ вотчины Тр.-Сергіева монастыря отъ пошлинъ, прибавилъ въ своей грамотѣ: „опричь ямскихъ денегъ, и посолные службы, и тамги, то де имъ давати“ (А. Э. I, № 273, стр. 310).

(³⁷¹) А. Юрид. № 209, ст. I—V; Доп. А. И. I, № 201; А. Э. I, № 273, стр. 311; такъ же №№ 122. 171. 208. 217; А. И. I, № 106; Снес. А. Э. I, №№ 17. 18. 20.

IV.

Если къ тому, что сказано нами доселѣ о пошлинахъ, собиравшихся по церковному управленію и суду, и о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ, мы присоединимъ сохранившіяся свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ другихъ источникахъ содержанія нашего духовенства, то получимъ довольно полное и подробное понятіе объ этомъ предметѣ.

Постоянными и главными источниками для содержанія нашихъ архіереевъ служили уже извѣстныя намъ разнообразныя и многочисленныя пошлыны и вообще доходы, какіе каждый изъ нихъ собиралъ и получалъ: а) съ подвѣдомаго ему духовенства и епархіи по дѣламъ епархіальнаго управленія и суда, и—б) съ недвижимыхъ имуществъ своей каѳедры. Къ случайнымъ и незначительнымъ источникамъ архіерейскаго содержанія принадлежали: а) доходы отъ продажи нѣкоторыхъ движимыхъ вещей архіерейской экономіи: напримѣръ, изъ экономіи новгородскаго архіерейскаго дома продавались: ленъ, иногда въ немаломъ количествѣ; медъ десятками и даже сотнями пудовъ, дрожжи, выстѣвки, овчины, смушки, опойки и проч. ⁽³⁷²⁾; б) вознагражденія, какія получали архіереи за

⁽³⁷²⁾ Въ Приходной книгѣ новгородскаго архіерейскаго дома за 1577 годъ, между прочимъ, записано. „Мая въ 3 день продано льну Рябинѣ Семенову 139 сясокъ, что изъ Славковичъ привезли, а денегъ взято за тотъ ленъ 19 рублей и 15 алтынъ и 2 денги..... Іюня въ 9 день продано съ погреба прѣснаго меду 12½ пудъ безъ четверти, а денегъ взято за тотъ медъ 84 рубля 17 алтынъ и 3 денги; а въ другіе продано 31 пудъ съ четвертью, а денегъ взято 15 рублей, 20 алтынъ и 5 денегъ, и всего меду продано 152 пуда, а денегъ

совершенныя ими, по приглашенію, церковныя службы, особенно во дни праздниковъ: такъ, новгородскому владыкѣ за священнослуженіе на храмовой праздникъ въ придворной или княжеской церкви св. Іоанна Предтечи на Олокахъ ежегодно отпускалось казенной руги: 2 рубля, 5 алтынъ и 2 деньги⁽²⁷³⁾. Самъ митрополитъ, нерѣдко совершавшій, по желанію вел. князя, праздничныя службы въ придворныхъ и другихъ кремлевскихъ церквахъ, получалъ отъ него, каждый разъ, довольно цѣнные подарки⁽²⁷⁴⁾.

Для содержанія монастырей источниками были:

1. Доходы съ ихъ недвижимыхъ имуществъ: источникъ главный и намъ уже извѣстный.

2. Денежныя вклады и пожертвованія за поминовеніе живыхъ и умершихъ. Этого рода вклады въ монастыри хотя не были такъ обыкновенны и многочисленны, какъ вклады землями, селами и вообще недвижимыми имуществами, но въ нѣкоторыхъ монастыряхъ достигали значительной величины. Самые большіе денежныя вклады поступали въ монастыри отъ

взято 100 рублей и 5 алтынъ... Іюня въ 15 день продано Истомѣ Ботову съ погреба прѣснаго меду 15 пудъ безъ четверти, а денегъ взято 7 рублей, 12 алтынъ, 3 денги... Іюля въ 27 день продано Ивану Кожевнику коровятина, да 5 опойковъ, да 3 овчины, да козлиная, да 5 смушекъ, а взято 8 алтынъ... Августа въ 29 день взято у чапника, у старца у Іонн, денегъ 9 рублей 16 алтынъ; что продавалъ онъ съ погреба дрожжи и высытки... Августа въ 31 день проданъ алтабасъ золотой червчатъ, что въ отписномъ спискѣ написанъ, Якову Офонасевичу Годунову, а взято на отласъ 9 рублей; а другой алтабасъ проданъ жолтъ съ золотомъ Борису Ѳедоровичу Годунову; а взято 8 рублей, 4 алтына и 4 денги... и проч. (Рукоп. Кирилло-бѣлоз. монаст., ннѣ с. п. б. дух. академіи, № 1548, л. 8. 9. 12. 13. 16. 18).

⁽²⁷³⁾ Запись о ружныхъ церквахъ и монастыряхъ въ Новгородѣ 1577—1589 г. во Времени. XXIV, отд. III, стр. 34.

⁽²⁷⁴⁾ Доп. А. И. I, № 131, стр. 190. 195. 202. 204. 207.

вел. князей или, точнѣе, отъ вел. князя Ивана Васильевича IV, въ продолжительный періодъ его царствованія. Наприм., въ Троице-Сергіевъ монастырь отъ Ивана Васильевича III вовсе не было денежныхъ вкладовъ, какъ и земельныхъ; сынъ его Василій Ивановичъ въ 1506 г. пожаловалъ вкладу по отцѣ своемъ 60 рублей и въ 1519 г. по братѣ своемъ Семенѣ Ивановичѣ 30 рублей; а вел. кн. Иванъ IV пожаловалъ: въ 1534 г. по отцѣ своемъ 500 руб., въ 1548 г. чрезъ Алексѣя Адашева — 7000 р., въ 1562 г. по царицѣ своей Анастасіи 1000 р., въ 1564 г. по братѣ своемъ Юріѣ Васильевичѣ 1000 р., въ 1570 г. по царицѣ своей Маріи 1800 р., въ 1572 г. по царицѣ своей Марѣѣ 700 р., въ 1582 г. по сынѣ своемъ Иванѣ 5000 р., въ 1584 г.—по самомъ себѣ 5000 р., и въ разные годы по разныхъ лицахъ: родственникахъ, князьяхъ, боярахъ, дьякахъ то по 100, то по 200, то по 300, по 400 и по 500 р., такъ что всѣхъ денежныхъ вкладовъ этого государя въ Сергіевъ монастырь насчитывается до 25157 рублей ⁽³⁷⁵⁾. Въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь отъ в. кн. Ивана III вкладовъ такъ же вовсе не было; а в. кн. Василій Ивановичъ пожаловалъ 1000 р.

⁽³⁷⁵⁾ Вкладная книга Троице-Серг. лавры, хранящ. въ лаврской ризницѣ, № 3, гл. I; Кормовая книга тойже лавры, Рукоп. лаврской библ., исх. XVI в., № 821, л. 37—41. 76—88. Въ послѣдствіи эта Кормовая книга переписывалась неразъ и, постепенно дополняясь записями о новыхъ вкладахъ и кормахъ, къ настоящему времени достигла такой величины, что поднимается съ большимъ трудомъ (въ Лавр. ризницѣ № 1). Подобная же Кормовая книга существовала и въ Іосифо волоколамскомъ монастырѣ (Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. 1, 396—399). Въ этотъ монастырь болѣе всѣхъ вел. князей жертвовалъ в. к. Василій Ивановичъ, и объ немъ въ Кормовой книгѣ замѣчено: „милостыни его государскіе и великаго жадованья не можно сказати и не исписати, — доколѣ и монастырь Пречистые стоитъ, поминати“... (Выписка изъ Обиход. этого монастыря въ Чтен. М. Ист. Общ. 1863, IV, отд. V, 4).

на покушку села, и затѣмъ Иванъ Васильевичъ IV пожаловалъ по двумъ своимъ дочерямъ Аннѣ и Маріѣ 300 р., въ 1562 г. по царицѣ своей Анастасіи 500 р., въ 1564 г. по братѣ своемъ Юріѣ 300 р., въ 1570 г. по царицѣ своей Маріи 500 р. и за здравіе сына своего царевича Ивана 1000 р., въ 1572 г. по царицѣ своей Марѣѣ 200 р. и за здравіе свое и дѣтей своихъ 2000 р., въ 1582 г. по сынѣ своемъ Иванѣ 2000 р., въ разные годы по разныхъ своихъ родственникахъ, такъ же по многихъ князьяхъ, боярахъ и другихъ по 100, по 200, по 300 р. и болѣе (между прочими и по Сильвестрѣ-попѣ да по сынѣ его Анeimѣ 25 р. и 25 алтынѣ), по опальныхъ людяхъ 900 р., а всего до 18493 р.; наконецъ, в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ пожаловалъ по отцѣ своемъ 1333 р. Царь Иванъ Васильевичъ щедро жертвовалъ и на другія обители, напримѣръ, въ Соловецкую пожаловалъ въ 1551 г. тысячу рублей, а въ Отнюю пустынь—въ 1572 г. двѣ тысячи шесть сотъ сорокъ четыре рубля⁽³⁷⁶⁾. Вслѣдъ за государями великими князьями дѣлали въ монастыри денежныя вклады и государыни вел. княгини (напр., Елена дала въ Сергіевъ монастырь по мужѣ своемъ Василиѣ Ивановичѣ 500 р.), и ихъ дѣти (царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ въ 1570 г. далъ въ Кирилло-бѣлоз. монастырь 600 р.), равно и другіе князья и княгини, бояре и служилые люди (наприм., бояринъ—конюшій Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ далъ въ Сергіевъ монастырь по своимъ родителямъ 500 р. и за

⁽³⁷⁶⁾ Вклады. книга К.-бѣлоз. монастыря, перепис. въ 1603 г., Рук. К.-бѣлоз. мон., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1317, л. 7—8. 10—13. 16. 18—20. Составлена первоначально, какъ сказано въ началѣ ея, при игуменѣ Ѳеодосіѣ. П. Собр. Р. Лѣт. III, 174; нашей Истор. VI, 297.

здравіе свое и своего семейства 500 р.), архіереи (наприм., митроп. Данилъ далъ вкладу въ Іосифо-волоколамскій монастырь, за преп. Іосифа и за себя, 590 рублей), настоятели монастырей и простые монахи и вообще люди всѣхъ званій и состояній (³⁷⁷).

3. Пожертвованія хлѣбомъ и разными другими вещами. Такъ, въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь еще в. кн. Иванъ III велѣлъ ежегодно отпускать рожь изъ княжескихъ запасовъ, хотя неизвѣстно, въ какомъ количествѣ, и въ тоже время бѣлозерскіе князья ежегодно отпускали для храмовыхъ праздниковъ сыръ, масло, рыбу (³⁷⁸); князь Владиміръ Андреевичъ съ своею матерью, въ пять лѣтъ, начиная съ 1553 г., пожаловали: 3900 четвертей ржи, 3250 четвертей овса, 178 четвертей пшеницы, 30 четвертей ячменя, 20 — коноплянаго сѣмени и 16 — гречневыхъ крупъ; царь Иванъ Васильевичъ въ 1571 г. прислалъ 100 пудовъ меду, а въ 1582 г. подарилъ 10 коней. Здѣсь же можно упомянуть и о тѣхъ драгоцѣнностей, которыя жертвовали князья, княгини и другія лица, если не на содержаніе самихъ монастырей, то на содержаніе и украшеніе ихъ храмовъ и богослуженія, каковы: иконы въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями; золотые сосуды церковные съ такими же украшеніями, золотые блюда, кубки, чары; богато-

(³⁷⁷) Кормов. кн. Тр. Сергіев. лавры, № 821, л. 76. 96 и друг.; Вклады книг. К.-бѣлоз. мон., № 1317, л. 55 и др. Опись книгъ Іосифо-волоц. мон., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, VII, отд. IV, 8. По Малютѣ Скуратовѣ, Григоріѣ Лукьяновичѣ и его родѣ въ Іосифо-волоколамскій монастырь внесено вкладовъ до 1500 рублей (Чтен. М. Истор. Общ. 1863, IV, отд. V, 2).

(³⁷⁸) Доп. А. И. I, №№ 191. 192. 199.

украшенные плащаницы, воздухи, пелены къ иконамъ, покровы-на мощи святыхъ; церковныя облаченія, колокола. Наприм., царь Иванъ Васильевичъ однажды пожаловалъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь полное облаченіе на игумена и полное облаченіе на діакона, украшенныя жемчугомъ, яхонтами и другими камнями, и эти два облаченія стоили 6000 р.; а одинъ старецъ-постриженникъ Сергіева монастыря Варсоноѣй Якимовъ пожертвовалъ въ этотъ монастырь колоколъ въ 200 пудовъ, цѣною въ 520 рублей. Новгородскимъ архіепископомъ Θεодосіемъ пожертвованы въ Іосифо-волоколамскій монастырь, по современному сказанію: «образы божественныя, окладныя златомъ и серебромъ, и святыя книги, числомъ 21, и блюда серебряныя 2, да панагея серебряная и золочена, да три колокола, да паникадило большое, да четыре паникадильца малы, да 75 рублей денегъ» ⁽³⁷⁹⁾.

4. Торговля, таможенныя и пятенныя пошлины. Экономіи нѣкоторыхъ нашихъ монастырей несомнѣнно вели торговлю, иногда весьма значительную, разными хозяйственными произведеніями и припасами, особенно же солью и рыбою, во многихъ городахъ Россіи, какъ мы уже и замѣчали; а кромѣ того, жалованными грамотами князей монастыри наши нерѣдко освобождались даже отъ платежа пошлинъ правительству съ провоза и продажи своихъ товаровъ, равно какъ съ провоза и всякаго своего имущества ⁽³⁸⁰⁾. Но, не ограничиваясь этимъ, иногда князья предоставляли еще самимъ монастырямъ соби-

⁽³⁷⁹⁾ Вкладн. книг. К.-бѣлоз. мон., № 1317, л. 15. 19. 20. 29 и др.; Кормов. кн. Тр. Серг. лавры, № 821, л. 79 и друг.; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 399.

⁽³⁸⁰⁾ А. до юрид. быта Россіи I, №№ 32, 33; А.Э. I, №№ 77. 78. 97. 104.

рать въ свою пользу нѣкоторыя пошлыны, шедшія обыкновенно въ пользу казны, и, во первыхъ, взимать пошлыны *таможенныя, возничныя, помѣрныя* со всѣхъ лицъ, торговавшихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, а вовторыхъ, взимать пошлыны *пятенныя* съ людей, продававшихъ, покупавшихъ и мѣнявшихъ лошадей на извѣстныхъ торговыхъ мѣстахъ (для чего монастыри обязывались держать на торгу свое пятно, чтобы пятнать имъ тѣхъ лошадей). Наприм., Череповскій воскресенскій монастырь издавна пользовался правомъ собирать возничную и помѣрную пошлыну со всѣхъ воевъ и лодокъ, приходившихъ торговать на Бѣлоозеро, пока в. кн. Василій Ивановичъ не повелѣлъ (1512 г.), въ замѣнъ этого права, выдавать монастырю ежегодно по 50 рублей изъ таможенныхъ бѣлозерскихъ доходовъ ⁽³⁸¹⁾. А Троице-Сергіеву монастырю еще в. кн. Димитрій Ивановичъ Донской пожаловалъ «пятно ногойское и пятно московское», т. е. право пятнать своимъ монастырскимъ пятномъ лошадей ногойскихъ и русскихъ, продававшихся въ Москвѣ на площадкѣ, и за первыхъ брать пошлыны по восьми денегъ, за послѣднихъ по двѣ деньги съ лошади. Царь же Иванъ Васильевичъ предоставилъ въ 1575 г. Сергіеву монастырю собирать еще въ Казани и Свіяжскѣ съ продажи ногойскихъ и русскихъ лошадей точно такія же пошлыны, какія собиралъ монастырь въ Москвѣ ⁽³⁸²⁾.

116. 117. 126. 130. 133. 140. 146. 148. 167. 170. 203. 222. 300; Доп. А. И. I, №№ 184. 202. 204. Снес. примѣч. 354. Флетчеръ замѣчаетъ о нашихъ монахахъ: „они самыя оборотливыя купцы во всемъ государствѣ и торгуютъ всякаго рода товарами“ (О Государствѣ Русск., гл. 21, стр. 78, въ русск. перев.).

⁽³⁸¹⁾ А. Э. I, №№ 100. 153.

⁽³⁸²⁾ Кормов. книг. Тр.-Серг. лавры, № 821, л. 35; Вкладн. книг. лавр.

5. *Руга*. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ заявилъ, что отецъ его-Василій Ивановичъ, путешествуя для богомолья, давалъ монастырямъ, богатымъ и убогимъ, милостыню «въ приказъ» (единовременную)—хлѣбъ, соль, деньги, воскъ на свѣчи, медъ на кутью, пшеницу на просфоры; такъ же поступала потомъ и мать его Елена; но что по смерти ея, до возраста его-царя, многіе монастыри побрали себѣ грамоты получать ту милостыню «въ прокъ» (постоянно), въ ругу, а иные монастыри и приходскія церкви вновь достали себѣ грамоты получать ругу изъ казны, хотя у монастырей есть села и другіе доходы, да и у церквей: это обстоятельство царь предложилъ на обсужденіе собора (Стогл. гл. 5, вопр. 31). Соборъ рѣшилъ, чтобы царь велѣлъ тщательно разслѣдовать дѣло, и тѣмъ монастырямъ, большимъ и малымъ, которымъ Василій Ивановичъ давалъ милостыню въ прокъ, давать и впредь ту же милостыню въ прокъ, въ ругу; а которымъ монастырямъ давалъ милостыню только въ приказъ, то если эти монастыри имѣютъ села и иные доходы и могутъ прожить безъ руги, въ волѣ царя давать ли имъ, или отнять у нихъ, ругу; если же монастыри и церкви, доставшіе себѣ въ малолѣтство царя грамоты на полученіе казенной руги, бѣдны и прожить безъ нея не могутъ, то благочестивому царю «достойно и праведно» жаловать ихъ ругою, равно какъ и прочіе убогіе монастыри и церкви, не имѣющіе ни откуда помощи (—гл. 97). Не знаемъ, приказывалъ ли царь дѣлать такое разслѣдованіе и лишилъ ли какіе либо монастыри своей руги;

ризицы, № 3, гл. 1; А. Э. I, № 235; А. И. I, № 194. То же право дано было Сергіеву монастырю и въ другихъ мѣстахъ (А. Э. I, №№ 56. 118), а такъ же и другимъ монастырямъ (А. Э. I, № 158).

но знаемъ, что въ царствованіе его, какъ и прежде, ружныхъ монастырей у насъ было немало. Въ одномъ Новгородѣ и его пятинахъ насчитывалось (около 1577 г.) такихъ монастырей болѣе тридцати. Всѣмъ имъ выдавалась ежегодная руга деньгами, и въ одни монастыри она отпускалась только на игумена и братію или на игуменью и сестеръ, въ другіе—еще и на весь церковный причтъ, въ третьи—еще и на расходы по церкви—на вино, на просфоры, на воскъ для свѣчей, на медъ для куты, на темьянъ и ладанъ; а въ нѣкоторые—только на расходы по церкви. Вслѣдствіе этого руга отпускалась не въ одинаковомъ размѣрѣ, хотя и вообще была небольшая: во многіе монастыри отпускалось по рублю, по два, по три, по четыре; въ немногіе—отъ пяти до десяти рублей, и только въ три монастыря—больше десяти рублей (въ одинъ 11, въ другой 19 и въ третій 25 р.). Нѣкоторые монастыри получали ругу не однѣми деньгами, но и хлѣбомъ, а нѣкоторые, каковы переяславскіе Даніиловъ и Рождественскій,—только хлѣбомъ и вообще натурою ⁽³⁸³⁾.

6. Приношенія христіанъ, приходившихъ въ монастыри для богомолья. Эти приношенія, хотя обыкновенно незначительныя, нерѣдко составляли, въ совокупности, значительный доходъ особенно въ тѣхъ монастыряхъ, которые имѣли мощи святыхъ или чудотворныя иконы, и потому наиболѣе привлекали къ себѣ богомольцевъ. Такъ, царь Иванъ Васильевичъ каждый разъ, когда посѣщалъ Кирилло-бѣлозерскій монастырь для богомолья, жаловалъ монастырю иногда 100 рублей, иногда 200, или 300, или 400, а иногда и 600 рублей ⁽³⁸⁴⁾.

⁽³⁸³⁾ Запись о ружныхъ церкв. и монаст. въ Новгор., Времени XXIV, III, 28. 29. 34—39; А. Э. I, №№ 161. 191; Доп. А. И. I, №№ 33. 227.

⁽³⁸⁴⁾ Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 396.

Для содержанія бѣлаго духовенства источниками служили:

1. Небольшіе участки церковной земли, которые существовали почти при каждой приходской церкви и раздѣлены были между членами причта. Часть земли находилась подъ ихъ усадьбами и жилищами, а вся остальная—подъ ихъ пашнею, иногда и сѣнокосомъ. Этими небольшими земляными участками члены причта обыкновенно пользовались сами. Только немногія и преимущественно городскія церкви владѣли значительными пространствами земли—пустошами, деревнями, селами и разными угодьями, которыя и отдавали на оброкъ. О всемъ этомъ мы уже сказали прежде.

2. Добровольныя приношенія прихожанъ за церковныя службы и требосправленія. Такія приношенія принимались за совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ: крещеніе, исповѣдь, браки; за отправленіе молебновъ, за отпѣваніе усопшихъ, панихиды, сорокоусты и проч. Кромѣ того, священники, по крайпей мѣрѣ, четыре раза въ годъ подъ великіе праздники или на праздники обходили дома своихъ прихожанъ съ крестомъ, св. водою и молитвословіями, и въ каждомъ домѣ получали за то большую или меньшую плату, смотря по достатку хозяина. Наиболѣе дохода членамъ церковнаго причта приходилось во дни храмовыхъ праздниковъ приходской церкви, когда въ ней собирались, кромѣ собственныхъ прихожанъ, многіе христіане и изъ окрестныхъ мѣстъ и совершалось иногда такое множество молебновъ, что мѣстные священники принуждены бывали приглашать себѣ на помощь сосѣднихъ священниковъ. Правительство, церковное и гражданское, наблюдало, чтобы плата прихожанъ духовенству за требы была именно добровольная, а не вынужденная, и иногда находило

нужнымъ прямо обозначать эту плату. Приходы церковные, какъ и всегда, были неодинаковой величины, а потому и доходы приходскаго духовенства были различны. Но, приблизительно, священники получали съ своихъ прихожанъ въ годъ, какъ слышалъ Флетчеръ, около 30 или 40 рублей, изъ которыхъ, будтобы, десятую часть платили своему епархіальному архіерею (³⁸⁵).

3. Руга изъ казны и отъ прихожанъ. Руга изъ казны назначалась преимущественно на городскія церкви. Во всей новгородской области церквей, пользовавшихся казенною ругою, извѣстно по селамъ только семь, а въ одномъ Новгородѣ ихъ считалось до 40, иногда и до 50, и въ Старой Русѣ до пяти. Въ иныя изъ этихъ церквей руга отпускалась только на церковный причтъ; въ другія—и на церковный обиходъ, т. е. на вино, на свѣчи, на ладанъ, а въ нѣкоторыя—лишь на церковный обиходъ. Въ первомъ случаѣ руга простиралась отъ 18-ти алтынъ до 13-ти рублей на причтъ; во второмъ отъ 3-хъ до 19-ти рублей: исключеніе составляли двѣ церкви въ Новгородѣ—св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, на которую выдавалось 60 р., и Благовѣщенская на Городищѣ, получавшая 97 рублей. А въ тѣхъ, впрочемъ, весьма немногихъ случаяхъ, когда руга отпускалась только на церковный обиходъ, она восходила отъ четырехъ алтынъ до рубля (³⁸⁶). Нѣкто-

(³⁸⁵) *Герберит.* Записки о Московіи, стр. 47; *Флетч.* О госуд. Русск. гл. 21, стр. 76—77; Стоглав. стр. 211—214. 217—218; А. Э. I, № 288. Въ этой послѣдней грамотѣ царь постановилъ, чтобы съ Лопарей, вѣсто руги, священнику брать „отъ крещенья по кунцѣ, а отъ свадьбы—отъ рѣнчанья по песцу по черному или по десяти бѣловъ“.

(³⁸⁶) Запись о ружн. церк. и мон. въ Новгор., Временн. XXIV, III, 23—35. 37—39; А. Э. I, № 205, стр. 186. 187; Доп. А. И. I, № 77.

рия церкви получали казенную ругу не только деньгами, но и хлѣбомъ, каковы: церковь крестовоздвиженская въ Устюжнѣ Желѣзоборской, успенскій соборъ во Владимірѣ и софійскій соборъ въ Новгородѣ. На первую церковь ежегодно отпускалось: попу два рубля денегъ, 15 четвертей ржи и 15 четвертей овса; на просфоры двѣ четверти пшеницы; просфирнѣ двѣ четверти ржи; пономарю четыре четверти ржи и столько же овса. Въ успенскомъ владимірскомъ соборѣ получали: протопопъ десять рублей, протодіаконъ, большой попъ и ключарь по восьми рублей, пять священниковъ по шести рублей каждый; четыре діакона, каждый, по четыре съ половиною рубля; пономарь и просвирня по рублю да по десяти четвертей ржи и овса, а послѣдняя еще по 15 четвертей пшеницы на просфоры. Въ Новгородѣ на причтъ софійскаго собора, по жалованной грамотѣ 1504 г., отпускалось: протопопу 25 коробей ржи и столькоже овса; протодіакону и восемнадцати священникамъ по 15 коробей ржи, каждому, и постолькуже овса; четыремъ діаконамъ по десяти коробей ржи и овса на челоѣка, двумъ псаломщикамъ и семнадцати дьячкамъ по пяти коробей ржи и овса на челоѣка. А царь Иванъ Васильевичъ, грамотою 1556 г., велѣлъ еще отпускать ежегодно на весь причтъ по 100 рублей и, кромѣ того, по 10 рубл. и 30 алтынъ за десять, въ продолженіе года, панихидныхъ службъ по государевымъ родственникамъ, да по 7 р. и 5 алтынъ «за ужины» наканунѣ тѣхъ дней, когда совершались эти службы (³³⁷). Причты многихъ московскихъ церквей получали

(³³⁷) А. И. I, № 128; *Муханов*. Сборн., изд. 2, № 319. Упомянутая грамота 1504 г. напечатана въ Чтен. М. И. Общ. 1866, III, отд. V, 5—7, и помѣщена

«годовое государево жалованье» сукномъ, цѣною отъ нѣсколькихъ алтынъ до двухъ рублей (Доп. А. И. I, № 131, стр. 203—208). Но бывали приходы, какъ городскіе, такъ и сельскіе, въ которыхъ сами прихожане назначали отъ себя опредѣленную ежегодную ругу, хлѣбомъ или деньгами, своимъ церковнымъ причтамъ, и съ этою цѣлю заключали съ ними «порядныя записи», которыя обязывались исполнять (³⁸⁸).

4. Торговля. Этимъ средствомъ приобрѣтенія пользовались, подобно нѣкоторымъ монастырямъ, по всей вѣроятности, только весьма немногія церкви, владѣвшія значительнымъ количествомъ земли, каковъ былъ дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. Въ грамотѣ 1515 г., данной духовенству этого собора и неразъ подтверждавшейся впоследствии, между прочимъ, сказано: «а коли тѣ попы и діаконы поѣдутъ къ Москвѣ, или въ иные мои города, о церковныхъ дѣлѣхъ и съ *торгомъ*, и мытчики и всѣ пошлинники мыта и иныхъ на которыхъ пошлинъ на нихъ не емлютъ» (А. Э. I, № 159).

5. Пошлины. Источникъ—еще болѣе частный, который былъ доступенъ лишь причтамъ кафедральныхъ соборовъ. Мы уже упоминали, что въ числѣ пошлинъ, собиравшихся въ каждой епархіи, не всѣ шли на одного архіерея, а нѣкоторые назначались и на его свиту, въ частности на его соборянъ. Къ пошлинамъ послѣдняго рода принадлежали: а) пошли-

почти вся, равно какъ и грамота 1556 г., нами упомянутая, въ грамотѣ царя Михаила Федоровича 1641 года (А. Э. III, № 306, стр. 452—454).

(³⁸⁸) А. Юрид. № 185; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 294; VI, 218. 299. Въ послѣднемъ мѣстѣ сказано, что въ Новгородѣ одному священнику назначили ругу по три рубля въ годъ.

ны ставленыя: объ нихъ, равно какъ и о назначеніи ихъ на соборянъ, нами сказано прежде; б) *соборная куница*, т. е. куница на соборный клиръ: объ ней упоминается, по крайней мѣрѣ, по ростовской епархіи (А. Э. I, № № 176. 202. 293). в) *Пошлины за освященіе церквей* и антиминсы. До Стоглаваго собора размѣръ этихъ пошлинъ не былъ опредѣленъ и «о антиминсѣхъ продажу чинили великую» (Стогл. гл. 5, вопр. 2). Въ Новгородѣ, напимѣръ, причтъ софійскаго собора, по грамотѣ 1504 г., бралъ съ сельскихъ церквей, въ приходѣ которыхъ числилось 500—600 обожъ, за каждый антиминсъ по рублю и по полтора рубля новгородскихъ, а при освященіи церквей бралъ и всѣ тѣ приношенія, какія дѣлали христіанцы по случаю этого освященія. Но Стоглавый соборъ опредѣлилъ, чтобы за антиминсы и освященіе церквей по всѣмъ епархіямъ соборные протопопы съ причтами взимали—отъ большой церкви по полуполтинѣ, а отъ церквей теплыхъ и придѣльныхъ по пяти алтынъ; а изъ приношеній, дѣлаемыхъ христіанами по случаю освященія церквей, брали только третью часть (Стогл. гл. 47).—г) *Вѣчная* пошлина. Эта пошлина относилась къ архіерейскимъ пошлинамъ, въ каждой епархіи, но не вся: съ нѣкоторыхъ церквей или приходовъ она поступала въ причтъ каѳедральнаго собора. Такъ, во Владимірѣ со всѣхъ приходовъ на посадѣ вѣчная пошлина собиралась на причтъ городского успенскаго собора; а въ Новгородѣ она собиралась на софійскихъ соборянъ не только на посадахъ, но и въ 110 погостахъ новгородскихъ пятинъ, т. е. едва не съ половины церквей собственно новгородскаго края. Вѣчную пошлину на архіереевъ, по Стоглаву, собирали поповскіе старосты и

десятскіе священники, а на соборы «свою вѣнечную пошлину» вѣзали сами соборные протопопы и священники (—гл. 69).—д) *Проскурная* пошлина. Новгородскій софійскій причтъ бралъ проскурную пошлину съ посадскихъ церквей и съ 90 монастырей «съ иного монастыря до гривны новгородской, съ иного больше того, а съ иного меньше». Существовала ли эта пошлина въ другихъ епархіяхъ, неизвѣстно.—е) *Праздничныя гривны*. Когда въ монастыряхъ и посадскихъ церквяхъ Новгорода случался храмовый праздникъ, то софійскій протопопъ посылалъ туда, для участія въ богослуженіи, соборнаго діакона, и уличане или прихожане, кромѣ благодарности лично этому діакону, читали еще софійскаго протопопа съ братією праздничными гривнами, вѣзание которыхъ подтверждено было и Стоглавымъ соборомъ. О существованіи въ другихъ епархіяхъ и этой пошлины такъ же ничего не знаемъ ⁽³⁸⁹⁾.

Былъ и еще одинъ источникъ доходовъ, которымъ, по временамъ, пользовались у насъ и архіерейскіе дома, и монастыри, и приходскія церкви: это отдача денегъ и хлѣба въ ростъ и прибыль. По словамъ Герберштейна, прихожане нашихъ церквей «иногда отдавали церковныя деньги въ ростъ, по десяти со ста, и проценты предоставляли священнику, чтобы не быть вынужденными питать его на свой счетъ»

⁽³⁸⁹⁾ Граматы 1504 и 1556 г. указаны выше въ примѣч. 387. Сборн. *Мушкова* № 319. Вмѣстѣ съ праздничными гривнами, Стоглавый соборъ подтвердилъ за софійскимъ причтомъ и вѣзание проскурной пошлины, запретивъ только брать ее съ монастырей общежительныхъ, не имѣвшихъ никакого дохода отъ мірянъ, и указавъ, взаменъ того, брать ее съ новыхъ церквей, съ выставокъ и съ ружныхъ (А. Э. I, № 229).

(³⁹⁰). Царь Иванъ Васильевичъ спрашивалъ на Стоглавомъ соборѣ: «угодно ли Богу и согласно ли съ бож. писаніемъ, что изъ церковной и монастырской казны даютъ деньги въ ростъ?» (Стогл. гл. 5. вопр. 16). Соборъ отвѣчалъ: «что святительскія казенныя деньги, равно и монастырскія казенныя деньги, даютъ въ ростъ и хлѣбъ «въ насны»—въ прибыль, это бож. писаніе и свящ. правила возбраняють не только епископамъ и пресвитерамъ и всему священническому и иноческому чину, но и простымъ людямъ. Посему отъняти святителямъ и монастырямъ давать деньги своимъ крестьянамъ, по своимъ селамъ, безъ росту и хлѣбъ безъ прибыли, чтобы за ними крестьяне жили и села ихъ не оставались пусты, и записывать только въ книги, сколько кому дано денегъ и хлѣба въ займы, и книги «для крѣпости» держать въ казнѣ; можно такъ же давать въ займы и другимъ нуждающимся людямъ деньги и хлѣбъ безъ росту, во «съ поруками и съ крѣпостями» и записывать въ казенныя книги; а въ ростъ денегъ не давать по свящ. правиламъ (Стогл. гл. 76). Изъ документовъ послѣдующаго времени видно, что дѣйствительно хлѣбъ въ займы отпускался монастырями крестьянамъ безъ насны, и деньги изъ монастырской и архіерейской казны выдавались въ займы разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, и возвращались безъ росту (³⁹¹).

(³⁹⁰) *Гербершт.* Записки о Москвитин, стр. 47. Снес. стр. 93.

(³⁹¹) А. Э. I, № 258, стр. 285; А. Юрид. №№ 245. 248. 250. Въ приходной книгѣ новгород. архіер. дома за 1577 г. записано: „Генваря въ 16 день взято на Полянскомъ поитѣ на Васили съ товарищы заемныхъ денегъ, по кабалѣ, три рубли, что онъ занялъ изъ архіепископскаго казны въ прошломъ въ 84-мъ

Если значительными представляются доходы нѣкоторыхъ нашихъ архіереевъ и монастырей, то не незначительны были и ихъ расходы. Каждый архіерей долженъ былъ содержать не одного себя, но и всю свою свиту, состоявшую изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, и всѣхъ своихъ служителей и дворовыхъ людей, которыхъ, наприм., у новгородскаго владыки было до 126-ти, и если не всѣ, то многія изъ этихъ лицъ, наприм., священники и причетники домовыхъ архіерейскихъ церквей, пономари и звонари кафедральнаго собора, пѣвчіе дьяки и подьяки и всѣ дворовые люди, проходившіе опредѣленныя службы при архіерейскомъ домѣ, получали изъ архіерейской казны ежегодное жалованье ⁽³⁹²⁾. А наши монастыри, богатые средствами, почти всегда были богаты и монахами, и Троице-сергіеву, наприм., монастырю недешево, конечно, обходилось, чтобы только одѣвать и кормить своихъ 700 братій и пѣлую стаю монастырскихъ прислужниковъ. Не менѣе, если даже не болѣе, требовалось издержекъ отъ архіереевъ и монастырей на построеніе и содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ келлій, на устройство и под-

году, и память ему въ тѣхъ деньгахъ выдана... Феврала въ 23 день взято у Осифовскаго слуги у Семена заемныхъ денегъ 22 рубля и 22 алтына, а заимовалъ тотъ Семень Спировъ съ товарищи тѣ денги изъ архіепископи казны... Апрѣли въ 21 день взято у подьячаго у пятго у Кюршина, изъ Старые Русы, заемныхъ денегъ десять рублей, а занялъ онъ тѣ денги у архіепископа на Москвѣ въ нынѣшнемъ же въ 85 году..... Августа въ 27 день взять рубль на Нежданки на Власевѣ, на пѣвчемъ дьяки, что данъ былъ ему займы, и память ему выдана"... (Рукоп. Кирил.-бѣлоз. монастыря, въ с.п.б. дух. акад., № 1548, л. 4. 5. 7. 17).

⁽³⁹²⁾ Такъ было, по крайней мѣрѣ, у новгородскаго владыки (Отрывки изъ расход. книгъ соф. дома за 1548 г., Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 41—45). Въ числѣ 126-ти дворовыхъ людей находилось: плотниковъ — 6, дружинниковъ — 10, поваровъ — 8, хлѣбниковъ — 7, погребныхъ стряпчихъ — 10, сушильныхъ подклучниковъ — 11, конюховъ — 9 и проч.

держку разныхъ другихъ экономическихъ зданій и заведеній, на поддержаніе и улучшеніе всего архіерейскаго и монастырскаго хозяйства, и особенно на созиданіе и содержаніе храмовъ Божіихъ не только при самихъ архіерейскихъ кафедрахъ и въ самыхъ монастыряхъ, но и въ принадлежавшихъ имъ вотчинахъ,—а такихъ храмовъ въ вотчинахъ, наприм., Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, какъ мы видѣли, было до 80-ти. На построеніе и украшеніе своихъ церквей нѣкоторые наши архіереи и настоятели монастырей жертвовали съ большимъ усердіемъ и любовію и не щадили никакихъ издержекъ⁽³⁹³⁾.

Но «церковное богатство—нищихъ богатство»: эту мысль создавали сами наши духовные землевладѣльцы и повторяли, когда отстаивали свои недвижимыя имущества⁽³⁹⁴⁾. Она же выражалась и въ монастырскихъ уставахъ и ясно выражена

⁽³⁹³⁾ Изъ *архіереевъ*, наприм., митрополитъ Іона соорудилъ каменный придѣлъ во имя Похвалы Пресв. Богородицы къ своему кафедральному успенскому собору (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 147), митр. Геронтій—каменную церковь, Рязоположенскую, на своемъ митрополищемъ дворѣ (тамъ же 215; Никон. Лѣт. VI, 119. 121), архіепископъ Макарій богато украсилъ повгор. софійскій соборъ (тамъ же VI, 285. 291), епископъ тверскій Акакій воздвигъ послѣ пожара и разукрасилъ свой кафедр. соборъ (*Максим. грек.* Соч. II, 293). Изъ *настоятелей монастырей*—чудовскій архимандритъ Геннадій построилъ въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя свитителя Алексія (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 215), ново-спасскій архимандритъ Аванасій—въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя Преображенія Господня (тамъ же 221), хутынский игуменъ Θεодосій—въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя св. Григорія, просвѣтителя Арменіи (тамъ же VI, 296); преп. Пафнутій боровскій, Іосифъ волоколамскій, Давидъ переяславскій, Александръ свирскій и другіе такъ же соорудили, въ основанныхъ ими обителяхъ, каменные храмы (нашей Истор. Р. Церкви VI, 110; VII, 7. 13. 37).

⁽³⁹⁴⁾ „Правило о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о судѣхъ епископскихъ, и о мѣригѣхъ градскихъ“,— напеч. у *Калачов.* о значеніи Кормчей, стр. 122. Снес. нашей Истор. Р. церкви VI, 128.

въ самомъ Судебникѣ царя Ивана Васильевича IV ⁽³⁹⁵⁾. И при многихъ нашихъ церквахъ и монастыряхъ, по нелживому свидѣтельству писцовыхъ книгъ, несомнѣнно существовали богадѣльни и страннопріимницы, въ которыхъ нищіе, безпріютные и пришельцы находили для себя пріютъ и прокормленіе. А въ Троице-сергіевомъ монастырѣ существовалъ обычай пропитывать на свой счетъ весь народъ, какой стекался въ монастырь ежегодно въ извѣстные дни для богомолья ⁽³⁹⁶⁾. Съ нѣкоторыхъ имѣній, завѣщанныхъ въ монастыри, весь доходъ даже не записывался въ монастырскія книги, а прямо употреблялся на раздачу нищимъ и на поминаніе жертвователей, согласно съ ихъ волею ⁽³⁹⁷⁾. Особенно обнаруживалась благотворительность нѣкоторыхъ нашихъ оби-

⁽³⁹⁵⁾ Наприм., въ уставѣ преп. Евфросина псковскаго сказано: „когда придутъ къ вамъ странники, иноки ли или міряне, заботьтесь ихъ принять и успокоить; каждый странникъ можетъ оставаться у васъ три дня, и не принуждайте его ни на какое дѣло, ни скажите ему тяжкаго слова, а отпуская, дайте страннику милостыню по силѣ“ (нашей Истор. VII, 63). Въ Судебникѣ: „а на монастырѣхъ жити нищамъ, которые питаются милостынею отъ церкви Божіа“ (А. И. I, стр. 248).

⁽³⁹⁶⁾ См. выше примѣч. 273, вмѣстѣ съ текстомъ, и еще—*Иванов*. Систем. обзорѣніе помѣст. прав., въ Россіи существовавшихъ, М. 1836, стр. 153. 159. О Троице-Серг. монастырѣ—*Гербершт*. Записки о Московѣ, стр. 68.

⁽³⁹⁷⁾ Въ Кормовой книгѣ Троице-Сергіева монастыря, исх. XVI в., записано: „Село Ондраѣевское зъ деревнями въ Звенигородскомъ уѣздѣ пожаловалъ царь... Иванъ Василевичъ... по своему дядѣ, князѣ Юрьѣ Ивановичѣ дмитровскомъ. По княже-юрьевѣ духовной граматѣ, изъ того села привозили оброку старцы згоду на годъ по 60-ти рублевъ и по 22 алтына з денгою, и тѣхъ денегъ троецкой казначей въ приходные книги не пишетъ; давати тѣхъ денегъ на три кормы 30 рублевъ, на кормъ по десяти рублевъ, братіѣ; на двѣ милостыни роздати 20 рублевъ по князѣ Юрьѣ Ивановичѣ; за ворота дають нищимъ 5 рублевъ, какъ на братью кормъ дають, да 5 рублевъ раздадутъ нищимъ старицамъ и старцамъ кругъ монастыря—къ Покрову на Хотьково, да къ Богородицѣ подѣ Сосну, да въ Лемантіево, да въ Зубатово, да въ Дернозино, да въ Шарипово старицамъ милостыни“ (Рукоп. Тр.-Серг. лавры, № 821, л. 62—63).

телей во дни народныхъ бѣдствій. Преп. Пафнутій боровскій, съ своею обителію, прокормилъ однажды, во время голода, всѣхъ окрестныхъ жителей, стекавшихся въ нее ежедневно по тысячѣ человѣкъ и болѣе, и истощилъ на нихъ всѣ свои хлѣбные запасы. Преп. Іосифъ волоколамскій отворилъ, для прокормленія голодавшихъ поселянъ, всѣ житницы своего монастыря, и когда онѣ опустѣли, дѣлалъ даже займы, а для постоянного призрѣнія странниковъ и нищихъ построилъ особое пристанище, подъ именемъ «Богораднаго монастыря», въ которомъ обитель ежедневно кормила по шестисотъ и семисотъ человѣкъ. Преп. Даниилъ переяславскій пропиталъ однажды, во время голода, средствами своей обители всѣхъ, приходившихъ въ нее, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, пока не настала новая жатва. О Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ самъ грозный царь засвидѣтельствовалъ: «Кирилловъ доселѣ многія страны препитывалъ въ гладныя времена» ⁽³⁹⁸⁾. Наши архіереи имѣли обычай посылать милостыни узникамъ въ темницы ⁽³⁹⁹⁾.

Несвободно было наше духовенство и отъ государственныхъ податей и повинностей. Мы уже говорили, что всѣ земли, какъ митрополита и прочихъ архіереевъ, такъ и монастырей и церквей положены были правительствомъ въ сохи или въ пожни, за исключеніемъ только небольшихъ, собственно-церковныхъ и иногда монастырскихъ пашней. Поэтому и всѣ духовные землевладѣльцы, наравнѣ съ прочими, обя-

⁽³⁹⁸⁾ Нашей Истор. Р. Церкви VII, 6. 10. 14; А. И. I, № 204, стр. 383.

⁽³⁹⁹⁾ *Куприан*. Отрывки изъ расходн. книгъ новгор. Соф. дома за 1548 г., въ Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 36. 39. 41. 50.

заны были платить въ казну разныя ежегодныя дани и пошлыны соотвѣтственно количеству своихъ сохъ или пожней. Равно и всѣ священно-и-церковно-служители, которые хотя не имѣли у себя другой земли, кромѣ церковной пашни, но имѣли свои дома не на церковной, а на «черной» землѣ, должны были тянуть всякое тягло вмѣстѣ съ черными людьми ⁽⁴⁰⁰⁾. Къ числу государственныхъ повинностей и самыхъ важныхъ принадлежали «ратная» и такъ-называвшееся «городское дѣло», состоявшее въ томъ, чтобы дѣлать въ мѣстныхъ городахъ валы, ограды, кремли, возить для того камни, песокъ, известь,—и не подлежить сомнѣнію, что если не всегда, то по временамъ наше духовенство участвовало въ обѣихъ этихъ повинностяхъ. Владѣльцы духовнаго званія должны были, въ случаѣ войны, выставлять изъ своихъ селъ и деревень «даточныхъ людей», наравнѣ со всѣми другими вотчинниками, и содержать на собственный счетъ, а архіереи обязывались посылать тогда на царскую службу и своихъ боярскихъ дѣтей, и, наприм., владыка новгородскій выставлялъ иногда изъ своихъ вотчинъ особенный полкъ, называвшійся владычнымъ стягомъ и находившійся подъ начальствомъ владычнаго воеводы ⁽⁴⁰¹⁾. Въ 1495 г. псковичи хотѣли взять конныхъ людей для рати съ самихъ своихъ поповъ и вообще съ церковныхъ причтовъ, и вѣче готово было сдѣлать даже насиліе надъ нѣкоторыми священниками; къ счастью,

⁽⁴⁰⁰⁾ А. Юрид. № 209, ст. I—V; А. Э. I, № 205, стр. 188, гдѣ сказано: „съ тѣхъ дворовъ, съ попова и съ дьяконова, изстаринны тянуть всякое тягло съ черными людьми, потому что деи тѣ двory стоятъ на черной землѣ, на тяглоу, на посадкоу, и тянутъ съ черными людьми“.

⁽⁴⁰¹⁾ А. Юрид. № 215, ст. I; А. И. I, № 42; А. Э. I, №№ 9. 64; II. Собр. Р. Лѣт. III, 168; IV, 127—128.

послѣдніе успѣли убѣдить вѣче, что требуемая отъ нихъ повинность несогласна съ правилами св. отцевъ въ номоканонѣ. Но въ 1518 г., по приказанію вел. князя, духовенство псковское уже привлечено было къ этой повинности и должно было, во время похода на Полоцкъ, поставить коней и телѣги, чтобы вести «весь нарядъ пушечный» ⁽¹⁰²⁾. Такимъ же образомъ въ 1545 г. и духовенство всего новгородскаго края, попы, діаконы, причетники, просварни, вмѣстѣ со всѣми прочими жителями, должны были, по волѣ вел. князя, дать съ своихъ дворовъ извѣстное число ратныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, и извѣстное количество пороха, для предпринимаемаго похода на Казань. Государь пожаловалъ только архіепископа: не велѣлъ брать ратныхъ людей съ дворовъ—софійскаго кафедральнаго духовенства, боярскихъ дѣтей владыки и всѣхъ его служилыхъ людей, жившихъ на Чудинцевой улицѣ, за исключеніемъ, однакожъ, дворовъ, принадлежавшихъ крестьянамъ владыки, которые, слѣдовательно, не освобождались отъ этой повинности ⁽¹⁰³⁾. «Городское дѣло» до 1534 г. не было обязательнымъ для духовенства, по крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ, по свидѣтельству мѣстнаго лѣтописца, хотя извѣстно, что владыка Геннадій еще въ 1490 г. поставилъ въ Новгородѣ цѣлую треть каменнаго кремля своею казною, между тѣмъ какъ двѣ остальные части поставлены были казною вел. князя. Но въ 1534 г., когда изъ Москвы присланъ былъ приказъ поставить деревянный городъ на Софійской сторонѣ, государевы дьяки, именемъ малолѣтнаго

⁽¹⁰²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 269. 292.

⁽¹⁰³⁾ А. Э. I, № 205.

вел. князя и матери его Елены, привлекли къ этому дѣлу и новгородское духовенство, и «на самаго архіепископа Макарія урокъ учиниша, такожде и на весь священный ликъ, на церковные соборы урокъ учиниша». Тоже самое случилось тогда и въ Москвѣ, гдѣ строилась большая деревянная и земляная стѣна вокругъ Китай-города, по волѣ малолѣтнаго князя и его матери, которые, сдѣлавъ на эту постройку пожертвованіе изъ собственной казны, «повелѣша и отцу своему митрополиту вдати, елико достоитъ, такожде и всему священническому чину урокъ учиниша» (⁴⁰⁴). А псковскіе священники еще въ 1517 г., когда пало сорокъ сажень мѣстнаго кремля, должны были, по волѣ вел. князя, принять участіе въ поправкѣ этой стѣны, наравнѣ съ прочими жителями, и возили требовавшійся для того камень (⁴⁰⁵).

Не отказывалось наше духовенство жертвовать и на нужды церкви и государства, открывавшіяся по временамъ. Когда, вслѣдъ за покореніемъ Смоленска въ 1514 г., возсоединилась съ московскою митрополіею смоленская епархія и оказалось, что средства содержанія смоленскаго владыки скудны, тогда митрополитъ, архіепископы и епископы охотно согласились давать ему изъ собственной казны ежегодную пошлину, которая и доставлялась во все княженіе Василя Ивановича. Когда въ 1555 г. открыта была епархія въ Казани, то опредѣленіемъ собора, по волѣ государя, положено было, между прочимъ, собирать для новаго архіепископа, на первыхъ порахъ, пособіе, деньгами и хлѣбомъ, отъ всѣхъ архіереевъ и

(⁴⁰⁴) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 292—293; *Карамз.* VI, примѣч. 629, подъ 1490 г., изд. Эйнерл.

(⁴⁰⁵) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 290.

монастырей, — и этотъ сборъ продолжался нѣсколько лѣтъ⁽⁴⁰⁶⁾. Въ 1535 г. крымскіе татары привели въ Москву множество русскихъ плѣнниковъ и требовали за нихъ выкупа. Вел. князь, съ своею матерью, приказавъ выдать часть серебра изъ собственной казны, послалъ къ новгородскому архіепископу Макарію, чтобы и онъ пожертвовалъ отъ себя и собралъ со всѣхъ монастырей своей епархіи, въ Новгородѣ и Псковѣ, семьсотъ рублей. Макарій немедленно собралъ и доставилъ эти деньги⁽⁴⁰⁷⁾. А на Стоглавомъ соборѣ вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ царь предложилъ на обсужденіе владыкъ, говоря: «плѣнныхъ привозять изъ ордъ на выкупъ, въ томъ числѣ бояръ и боярынь, и никто ихъ не выкупаеть, и тѣхъ плѣнниковъ, мужей и женъ, опять везутъ назадъ въ бусурманство, а здѣсь надъ ними всячески издѣваются; надобно о семъ разсудить соборнѣ». Отцы собора отвѣчали, что выкупъ плѣнныхъ соотечественниковъ долженъ быть дѣломъ всей русской земли и «общею милостынею». И потому выкупать плѣнныхъ, гдѣ бы то ни было — въ Царьградѣ, въ Крыму, Казани, Астрахани, Каѣѣ, и тѣхъ, которые привозятся въ Москву греками, турками, армянами и другими купцами, слѣдуетъ изъ царевой казны, а за тѣмъ, сколько издержится въ годъ на выкупъ изъ царевой казны, раскидывать то на сохи по всей русской землѣ ровно и собирать пошлинну (Стогл. гл. 5, вопр. 10, и гл. 72). Въ этой пошлинѣ, извѣстной подъ именемъ «полоняничныхъ денегъ», участвовали и всѣ духовные землевладѣльцы, архіереи, мона-

⁽⁴⁰⁶⁾ Стогл. гл. 100, стр. 248; П. Собр. Р. Лѣт. III, 158; Никон. Лѣт. VII, 231—232; А. Юрид. № 209, ст. II.

⁽⁴⁰⁷⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 294.

стыри и церкви, и она собиралась съ нихъ ежегодно до самаго конца періода (⁴⁰⁸). По взятіи Казани множество плѣнныхъ татаръ было приведено въ Россію, и они розданы были на жительство по монастырямъ, особенно новгородскимъ, для приготовленія къ принятію христіанства, а когда крестились, то оставались въ тѣхъ же монастыряхъ, которые обязаны были «устроить ихъ и кормомъ, и одежею, и обувью, изъ монастырскіе казны» (⁴⁰⁹).

Дорого обходился нашимъ архіереямъ существовавшій тогда обычай дѣлать подарки или «поминки» государю, митрополиту и другимъ высоко-поставленнымъ лицамъ и вообще знакомымъ, насколько можно судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сохранились о новгородскомъ владыкѣ. Въ 1476 г., едва только вел. князь Иванъ Васильевичъ, пожелавшій пойти въ Новгородъ «мпромъ», вступилъ въ предѣлы новгородскіе, какъ его встрѣтилъ посланный отъ владыки новгородскаго Теофила «съ поминки». За девяносто верстъ до Новгорода встрѣтилъ князя и самъ владыка съ прочими властями новгородскими, свѣтскими и духовными, и поднесъ ему отъ себя двѣ бочки вина, одну краснаго, другую бѣлаго, тогда какъ всѣ

(⁴⁰⁸) А. Юрид. № 209, ст. V. VI; № 211. Въ приходной книгѣ новгород. архіерейскаго дома, за 1577 г., записано: «июня въ 15 день взято у архіепископихъ дьяковъ, у меньшого у Нефнева да у бакаки у Павлова, полоняничныхъ денегъ 122 рубля и 22 алтына и двѣ денги; да у архіепископихъ у Олонецкихъ крестьянъ, у Луки у Родіонова съ товарищы, полоняничныхъ же денегъ с Олонецкіе волости, съ архіепископихъ крестьянъ, взято 119 рублей и 22 алтына съ полуденгою, и всего в сей статьи взято полоняничныхъ денегъ — 242 рубля и 11 алтынъ съ полуденгою. А взяты тѣ денги въ тѣхъ денегъ мѣсто, что даны денги изъ софійскіе казны государскимъ дьякомъ, Поснику Хворощину, Данилѣ Осѣву, въ прошломъ въ 84-мъ и въ нынѣшнемъ въ 85-мъ году, за софійскую вотчину полонянникомъ на окунь» (л. 10).

(⁴⁰⁹) Доп. А. И. I, № 97; П. Собр. Р. Лѣт. III, 157.

прочіе поднесли только по мѣху вина. Когда князь прибылъ въ Новгородъ съ своею многочисленною свитою, владыка поспѣшилъ прислать ему отъ себя «кормы». Три раза пироваль государь у владыки, пока находился въ Новгородѣ, и каждый разъ владыка подносилъ ему дары. Въ первый разъ, 23-го ноября, владыка поднесъ три поставы ипскаго сукна, по 30 новгородскихъ рублей за поставъ, сто золотыхъ коробленныхъ, зубъ rybей, а проводнаго бочку вина бѣлаго и бочку красного. Во второй разъ, 14-го декабря подарилъ 150 коробленниковъ, пять поставовъ ипскаго сукна, да жеребца, а проводнаго — бочку вина и двѣ бочки меду. Въ третій разъ, 19-го января—300 коробленниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ, двѣ гривеньки, два рога, окованные серебромъ, серебряную мису, двѣнадцать гривенокъ, пять сороковъ соболей и десять поставовъ ипскаго сукна. Дары другихъ знатныхъ лицъ, у которыхъ такъ же пироваль вел. князь въ Новгородѣ, были вообще ниже даровъ владыки. Въ 1478 г., когда Иванъ Васильевичъ вошелъ въ Новгородъ, какъ покоритель, тотъ же владыка два раза подносилъ ему отъ себя дары: 29-го января, передъ обѣдомъ, на который былъ приглашенъ княземъ, поднесъ панагію, обложенную золотомъ съ жемчугами; струсово яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка; чарку сердоликовую, окованную серебромъ; серебряную мису и 200 коробленниковъ; въ другой разъ — 12-го февраля, предъ литургією, поднесъ цѣпь, двѣ чаши и ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фунтовъ; кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вызолоченные, вѣсомъ въ 31 фунтъ съ половиною, и 200 корабельниковъ. Въ 1535 г. новгородскій архіепископъ Макарій, пріѣхавъ въ Москву, сотворилъ великому кня-

зю и его матери Еленѣ «поклоненіе по государскому обычаю, и дары многи принесе». Въ 1570 г. женился царь Иванъ Васильевичъ на царевнѣ Маріи, и владыка новгородскій Пименъ послалъ къ нему два креста въ 370 рублей, два образа, обложенные серебромъ, въ 170 р., да двумъ царевичамъ по образу въ 80 р., да еще 40 золотыхъ ⁽⁴¹⁰⁾. Но всего подробнѣе говорятъ о занимающемъ насъ предметѣ уцѣлѣвшіе отрывки изъ расходныхъ книгъ новгородскаго софійскаго дома за 1547—1548 г., хотя онѣ обнимаютъ не цѣлый годъ, а только десять мѣсяцевъ (съ 1 ноября по 30 августа), и съ большими пропусками. Въ этотъ періодъ владыка Феодосій успѣлъ нѣсколько разъ отправить свои поминки въ Москву. Ноября 13-го послалъ онъ къ брату вел. князя Юрію Васильевичу, по случаю его свадьбы (3 ноября 1547 г.), съ благословеніемъ и дарами своихъ боярскихъ дѣтей, князя Оболенскаго и Бартенева, а съ ними послалъ самому князю Юрію образъ Спасовъ, обложенный серебромъ, да золотой атласъ, да пять портищъ камокъ, на 45 рублей московскихъ, а молодой княгинѣ такой же образъ Спасовъ, да князю Дмитрію Палецкому и его женѣ по образу въ серебряныхъ же окладахъ. Декабря 18-го, посылая къ государю испросить себѣ разрѣшеніе на поѣздку въ Псковъ, владыка послалъ четыре иконы, обложенныя серебромъ, брату государеву Юрію Васильевичу и его женѣ по иконѣ и Ивану Дмитріевичу Володимірову и его женѣ по иконѣ, да 17 золотыхъ боярамъ. Предъ праздникомъ Пасхи, 26-го марта, послалъ къ государю-царю «съ великоденскимъ мѣхомъ» своего боярскаго

(⁴¹⁰) П. Собр. Р. Лѣт. III, 142—143. 160; VI, 200—205. 220. 295.

сына, князя Василя Шаховскаго, а съ нимъ послалъ: самому царю мѣхъ вина бастру да 20 золотыхъ угорскихъ, его царицѣ Анастасіѣ и его брату Юрію по 10 золотыхъ угорскихъ, его тещѣ 6 золотыхъ угорскихъ; митрополиту Макарію мѣхъ вина бастру да 10 золотыхъ угорскихъ, владыкѣ тверскому золотый корабельникъ, крутицкому золотой угорскій; двѣнадцати боярамъ вел. князя и духовнику по золотому корабленнику; восемнадцати другимъ знатымъ лицамъ, князьямъ, постельничимъ вел. князя по золотому угорскому; восьми женамъ знатныхъ бояръ и князей по золотому угорскому, четырнадцати дьякамъ по золотому угорскому; архимандриту симоновскому и митрополичьимъ старцамъ—казначей, келейному, архидіакону по золотому угорскому,—а всего 103 золотыхъ угорскихъ и 14 золотыхъ корабельниковъ. Мѣсяца черезъ два или три съ половиною, 10 іюня или іюля, владыка послалъ къ государю-царю своего дворецкаго Волуева, а съ нимъ самому царю икону, обложенную серебромъ, да бураго жеребца, царицѣ такую же икону, брату государя такую же икону да сѣраго мѣрина, митрополиту гнѣдаго мѣрина, а боярамъ великаго князя и дьякамъ 25 золотыхъ угорскихъ да 9 золотыхъ корабленниковъ. Въ самомъ Новгородѣ владыка дарилъ знатныхъ особъ, при всякомъ открывавшемся случаѣ, то иконами обложенными серебромъ, то серебряными ковшами, которые нарочно для этого покупались и заготавливались въ большомъ количествѣ. Приглашалъ ли кто изъ знати на пиръ къ себѣ владыку, онъ непременно везъ съ собою нѣсколько иконъ и крестовъ, обложенныхъ серебромъ, которыми и благословлялъ хозяина, хозяйку и ихъ дѣтей; впрочемъ въ этомъ случаѣ владыку щедро от-

даривали. Угощалъ ли самъ владыка у себя новгородскаго намѣстника и другихъ сановниковъ, или прїѣзжихъ изъ Москвы отъ вел. князя и митрополита, — владыка одаривалъ и ихъ богатыми иконами и серебряными ковшами. Отъѣзжалъ ли новгородскій намѣстникъ, по волѣ государя, на другое мѣсто службы, владыка благословлялъ его на путь драгоценною иконою. Проѣзжала ли черезъ Новгородъ изъ Пскова въ Москву знатная боярыня: и ей владыка посылалъ серебромъ обложенный образъ. Когда владыка отправлялся въ Псковъ, то бралъ съ собою запасъ богато украшенныхъ иконъ и серебряныхъ ковшей, и тамъ одѣлялъ ими, какъ въ Новгородѣ, кого хотѣлъ и во время пировъ и при другихъ случаяхъ ⁽⁴¹¹⁾. Самыхъ большихъ издержекъ стоили для владыки прїѣзды въ Новгородъ государя: тогда у владыки недоставало собственной казны, и онъ входилъ въ долги, занимая то у настоятелей монастырей, то у своего псковскаго намѣстника, то у другихъ, которымъ впоследствии и выплачивалъ долги ⁽⁴¹²⁾.

⁽⁴¹¹⁾ Отрывки изъ расходн. книгъ соф. дома — въ Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 32—54. Тутъ ясно обозначено, что нѣкоторыя иконы, ковши и золотые, какіе дарилъ владыка, шли „изъ архіепископли кельи“, а другіе, и большая часть, „изъ архіепископли казны“. Эта казна архіепископли или софійская существовала издавна и накоплялась постепенно стараніемъ владыкъ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 228. 233). Въ 1480 г. в. кн. Иванъ III, прогнѣвавшись на архіеп. Теофила, послалъ его въ Москву, а „казну его взявъ, множество злата и серебра и сосудовъ его“ (—VIII, 204). Но в. кн. Василій Ивановичъ въ 1524 г., когда архіепископомъ въ Новгородъ поставленъ былъ Макарій, отдалъ или возвратилъ ему „всю казну старыхъ архіепископовъ“ (—IV, 296), и эта казна оставалась при софійскомъ соборѣ до 1570 г., когда, по волѣ грознаго царя, казнившего Новгородъ, вновь совершенно разграблена и отправлена въ Москву (—III, 257. 259; IV, 343).

⁽⁴¹²⁾ Въ означенныхъ (прим. 411) Отрывкахъ читаемъ: „тогоже дни (генв. 10) заплачено долгу Стольнику Телегѣ 10 рублевъ въ московское число, по архіепископлю приказу, что у него занято было къ великаго князя прїѣзду. Тогожъ мѣсяца въ 15 день заплачено долгу на Свѣтную гору игумену Юнѣ 200 рублевъ

ГЛАВА VIII.

ВѢРА И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

I.

Русскіе XV—XVI вѣка были необычайно привержены къ своей вѣрѣ, по свидѣтельству иностранцевъ, и считали ее только одну истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣръ⁽⁴¹³⁾. Но русскіе тогда почти не знали своей вѣры, по край-

въ московское число, а заимованы тѣ деньги къ вел. князя пріѣзду... Тогожь дни (20 генв.) заплачено долгу Неудачѣ Цыплатеву (псковскому намѣстнику владыки) 100 рублей въ моск. число, что онъ заимовалъ на архіепископа къ вел. князя пріѣзду.... Тогожь мѣсяца (апрѣля) въ 16 день заплачено долгу бывшему игумену никольскому Макарію Цвѣтному 100 рублей и 50 рублей въ москов. число, а заимовалъ онъ тѣ деньги на архіепископа къ вел. князя пріѣзду“ (тамъ же 39. 40. 50). Упоминаемый здѣсь пріѣздъ вел. князя въ Новгородъ и за тѣмъ въ Псковъ былъ въ 1547 году (П. Собр. Р. Лѣт. III, 151).

(⁴¹³) Изъ числа этихъ иностранцевъ *Герберштейнъ* говоритъ: „московиты хвалятся, что они одни только христіане, а насъ осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ св. установленій“ (Записки о Московіи, стр. 68); *Павелъ Іовій*: „Moscovitae eos religionis ritus, quos a graecis doctoribus acceperunt, iisdem sensibus et sincerrima quidem fide sequuntur“ (De legat. Moscow., apud Starczew. I, p. 10); *Фаберъ*: „constantiori animo (Moscovitae), quam plerique nostrum, in hac prima fide perseverare solent, quam ab apostolo Andrea suisque successoribus sanctisque patribus didicerunt“ (Moscov. relig., apud Starczew. I, p. 6); *Адамъ Климентъ*: nos semichristianos esse contendunt, sese autem sinceros ac genuinos (Anglorum navig. ad Moscow., ibid. I, 12); *Кобенцель*: (Moscovitae) nunquam discesserunt ab ea religione, quam acceperunt et dedicerunt ab ecclesia graeca, quamque in hodiernum usque diem cum maximo zelo et fervore servant ita, ut vix credi possit (De legat. ad Moscow., apud Starczew. II, 13); *Флетчеръ*: „они отдають предпочтеніе своей церкви предъ всѣми прочими, утверждая, что у нихъ сохраняются са-

ней мѣрѣ, отчетливо и основательно. Невѣжество не только не уменьшалось въ Россіи, а еще увеличивалось: школы если и существовали кое-гдѣ, то самыя жалкія, и не было между ними даже такихъ, какія бывали прежде въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сами пастыри церкви, въ большинствѣ, едва умѣли читать и писать, и въ кругу архипастырей встрѣчались лица, которыя не въ состояніи были отвѣчать, сколько было евангелистовъ, и под. (44). Такіе пастыри не могли сами проповѣдывать вѣры, и дѣйствительно не проповѣдывали ее, справедливо опасаясь, чтобы, при своемъ невѣжествѣ, не впасть въ какую либо ересь, а обязывались только читать въ церквахъ на поученіе православнымъ христіанамъ готовыя книги: *Толковое евангеліе*—въ древнемъ славянскомъ переводѣ, едва понятномъ для народа; *Златоустъ*—сборникъ изъ сочиненій Златоуста и другихъ св. отцевъ, въ томъ числѣ, и изъ подложныхъ; *Прологъ* и вообще *житія святыхъ*—безъ всякой провѣрки и разбора (45). Для людей грамотныхъ и съ здравымъ природнымъ смысломъ существовала, конечно, и тогда полная возможность изучать и знать истины православія: были у насъ на родномъ языкѣ и Слово Божіе, и книга Кормчая, и разныя творенія вселенскихъ учителей—Василія великаго, Григорія богослова, Іоанна златоустаго, и бо-

мыя истинныя и справедливыя преданія, сообщенныя апостолами греческой церкви, а отъ нея полученныя ими“ (О госуд. русскомъ, гл. 23, стр. 86).

(44) Стоглав. гл. 25; *Флетчеръ*—о русскомъ духовенствѣ и, въ частности, о епископѣ вологодскомъ, съ которымъ лично бесѣдовалъ и которому самъ предлагалъ вопросы (О русск. госуд. гл. 21, стр. 75. 79).

(45) Стогл. гл. 6, стр. 81. *Герберштейнъ*: „у нихъ нѣтъ проповѣдниковъ; они думаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать Евангеліе, посланія и слова другихъ учителей, которыя читаетъ

гословіе Іоанна Дамаскина, и сочиненія многихъ другихъ отцевъ и учителей церкви. И мы видѣли въ исторіи нашей духовной литературы за настоящій періодъ нѣсколько такихъ лицъ, обладавшихъ обширною богословскою начитанностію, которые правильно понимали и раскрывали православные догматы—о пресв. Троицѣ, о таинствѣ воплощенія и искупленія, о свящ. преданіи, о почитаніи святыхъ, о поклоненіи иконамъ и пр. Видѣли, однакожъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и эти люди, болѣе другихъ образованные, но лишенные всякихъ пособій науки, не были чужды важныхъ недостатковъ въ области вѣры и богословія: не умѣли различать существеннаго въ дѣлахъ вѣры отъ несущественнаго, болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и совсѣмъ неважнаго, догматическихъ преданій отъ обрядовыхъ; съ одинакимъ уваженіемъ относились и къ свящ. писанію, и къ писаніямъ св. отцевъ, и къ житіямъ святыхъ, и къ сказаніямъ разныхъ патериковъ, и вообще къ сочиненіямъ всякаго рода, болѣе или менѣе касавшимся вѣры и благочестія, и все называли «божественнымъ писаніемъ», изъ всего старались черпать для себя мысли и доказательства для своего ученія; наравнѣ ставили и правила св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, и толкованія на эти правила, явившіяся впоследствии, и даже градскіе законы греческихъ императоровъ, вошедшіе, вмѣстѣ съ другими дополнительными статьями, въ составъ Кормчей, и все считали неизмѣняемымъ,

священнослужитель на отечественномъ языкѣ. Сверхъ того, они думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которыя большею частію рождаются отъ проповѣдей“ (Записк. о Московіи, стр. 67). Тоже говорятъ—Павель Іовій (apud Starczew. I, 10), Гваньини (ibid. I, 19), Флетчеръ (О русск. госуд. пл. 21, стр. 75) и Антоній Поссевиизъ (apud Starczew. II, 280).

неприкосновеннымъ, и, наконецъ, что всего важнѣе, не имѣли средствъ распознавать подложныя сочиненія отъ подлинныхъ, и съ одинаковымъ довѣріемъ пользовались тѣми и другими. А подложныхъ сочиненій, подъ именами то пророковъ, то апостоловъ, то св. отцевъ, особенно Златоуста, Григорія богослова, Ефрема Сирина, Θεодорита, вращалось у насъ немало, и умноженію ихъ несомнѣнно способствовали тогда, по свидѣтельству современника, наши домашніе «лжесловесники», которые, составляя разныя сказанія, по своему суемудрію, намѣренно прикрывали ихъ именами отцевъ, чтобы удобнѣе распространять въ народѣ (¹¹⁶).

Но если вредными могли быть подложныя сочиненія, которымъ верѣдко слѣдовали, по незнанію, даже образованные наши пастыри, то несравненно вреднѣе были сочиненія завѣдомо *ложныя, отреченныя, апокрифическія*, противъ которыхъ всегда вооружались наши духовныя власти и образованные писатели. Эти *лживыя книги* или, вѣрнѣе, тетрадки, обыкновенно небольшія по объему, но наполненныя всякаго рода баснями и бреднями, историческими, миеологическими, астрологическими, и самими дѣтскими, нерѣдко крайне дикими понятіями о разныхъ предметахъ вѣры, приходились, какъ разъ, по вкусу нашему невѣжественному духовенству и народу, и служили для нихъ любимымъ чтеніемъ. Напрасно наши архипастыри повторяли въ своемъ святительскомъ поученіи священникамъ, вдругъ по рукоположеніи ихъ: «лживыхъ книгъ не почитайте», и въ руководство издавали индексъ или перечень ихъ, равно какъ и «книгъ истинныхъ», которыя ре-

(¹¹⁶) См. выше примѣч. 141.

комендовали для чтенія; напрасно такъ много и сильно гримилъ апокрифическія писанія Максимъ грекъ, — число ихъ не только не уменьшалось, но еще увеличилось въ настоящій періодъ, и вліяніе ихъ болѣе и болѣе распространялось и усиливалось ⁽⁴¹⁷⁾. Царь Иванъ Васильевичъ жаловался на Стоглавомъ соборѣ: «злыя ереси—рафли, шестокриль, воронограй, остромій, зодѣй, звѣздохеты, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія многихъ людей прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ и погубляютъ». И хотя соборъ, выслушавъ это, просилъ царя издать въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ грозную царскую заповѣдь, а всѣмъ святителямъ повелѣлъ заповѣдать и запретить каждому въ своемъ предѣлѣ, съ великимъ духовнымъ запрещеніемъ, чтобы православные христіане такихъ богоотреченныхъ и еретическихъ книгъ не держали у себя и не читали, и другихъ не учили и не прельщали, а которые и впредь начнутъ держать у себя такія книги и читать, и другихъ прельщать, тѣмъ быть въ великой опалѣ отъ царя и въ конечномъ отлученіи отъ святителей (Стогл. гл. 41, вопр. и отв. 22); но, безъ сомнѣнія, и эта мѣра не въ состояніи была поправить дѣло, иско-

(⁴¹⁷) А. И. I, № 109, стр. 160. Кромѣ индекса книгъ, ложныхъ и истинныхъ, изданнаго митрополитомъ Зосимомъ отъ лица собора (Опис. рукоп. Моск. Синод. библиот. II, 3, 600), сохранилось нѣсколько другихъ такихъ же индексовъ XVI в., въ которыхъ количество ложныхъ книгъ все возрастало (въ томъ же Опис. стр. 600. 640. 679 736. 743. Еще—Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис., вып. I, отд. I, 33—50). Курбскій свидѣтельствуетъ: „у насъ а ни десятиа части учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣнія властей нашихъ; бо нынѣшняго вѣку мнящіеся учителя болше въ болгарскіе басни, або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумѣхъ наслаждаются“ (Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 242).

ренишь зло. И суевѣріе, самое грубое суевѣріе, во всѣхъ возможныхъ видахъ, господствовало въ массахъ русскаго духовенства и народа, и потемняло, подавляло въ сознаніи какъ пастырей, такъ и пасомыхъ, тѣ немногія, истинныя и здравыя, понятія, какія могли они имѣть о догматахъ своей православной вѣры. «Волхвы и чародѣйники, говорилъ царь на Стоглавомъ соборѣ, кудесы бьютъ, и въ аристотелевы врата и въ рафи смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ глядятъ, и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ» (Стогл. гл. 41, вопр. 17). Весьма многіе еще вѣрили въ волхвовъ, знахарей, чародѣевъ, и думали, что они имѣютъ сношенія съ злыми духами, знаютъ таинственныя силы природы, настоящее и будущее, что они могутъ портить людей и исцѣлять ихъ, наводить на людей и на скотовъ всякія болѣзни и врачевать ихъ, насылать народныя бѣдствія и удалять ихъ, могутъ предсказывать судьбу человѣка, удачу или неудачу его предпріятій, могутъ заговаривать его отъ огня, меча, потопленія. И не только простой народъ, сами князья, въ томъ числѣ, какъ извѣстно, и великіе — Василій Ивановичъ и Иванъ IV, обращались къ этимъ вѣдунамъ и волшебникамъ, просили ихъ совѣта и помощи, пользовались ихъ нашептываніями, заговорами, чарованіями, заклинаніями, брали отъ нихъ лечебныя зелья, коренья, камни и проч. «Да по погостамъ, и по селамъ, и по волостемъ,—говорилъ такъ же царь на Стоглавомъ соборѣ,—ходятъ лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отрастивъ и распусти, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ запо-

вѣдати христіаномъ каноны завѣчивати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать и женамъ не прясти и платья не мыти и каменья не разжигати, и иныя заповѣдаютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ божественныхъ писаній» (Стогл. гл. 41, вопр. 21). Были и «невѣгласы попы», которые, по суевѣрію, клали въ великій четвергъ соль подъ престолъ и держали ее тамъ до седмаго четверга по пасхѣ, а потомъ давали на врачеваніе людямъ и скотамъ (—гл. 41, вопр. 26); принимали отъ мірянъ сорочки, въ которыхъ дѣти рождаются, и тѣ сорочки клали на престолъ на шесть недѣль (—гл. 41, вопр. 2); принимали такъ же, по желанію прихожанъ, мыло, которое они приносили на освященіе церкви, и держали на престолѣ до шести недѣль (—гл. 41, вопр. 3).

Только при такомъ состояніи религіозныхъ вѣрованій, при такомъ глубокомъ невѣжествѣ и преобладаніи суевѣрій въ средѣ духовенства и мірянъ могло случиться у насъ то странное, доселѣ небывалое явленіе, какое представила собою ересь жидовствующихъ. Нѣкто жидовинъ, наученный «всякому чародѣйству и чернокнижію, звѣдозаконію и астрологіи», составлявшимъ тогда наиболѣе господствовавшій видъ суевѣрія, случайно прибылъ въ Новгородъ и началъ дерзко говорить противъ христіанства, отвергалъ троичность Лицъ въ Богѣ, божество Христа, таинство искупленія и вообще всѣ собственно-христіанскіе догматы и установленія, а въ замѣнъ христіанства предлагалъ свою жидовскую вѣру. И что же? Тотчасъ нашелъ себѣ послѣдователей.... Въ комъ? Въ новгородскихъ полахъ. Они несъумѣли ничего сказать въ защиту самыхъ основныхъ истинъ своего православнаго исповѣданія,

«прельстились». чарованіями и темными знаніями жидовина, отверглись отъ Христа и приняли іудейство съ своими семействами. А потомъ? Они же, эти жалкіе попы, сдѣлались фанатическими проповѣдниками новой ереси, т. е. совершеннаго отреченія отъ христіанства, и среди народа. Двое изъ нихъ, самые главные, научившіеся отъ жидовина чернокнижію и чародѣйству, вскорѣ переселились въ Москву, и тамъ успѣли тайно распространить ересь и въ бѣломъ духовенствѣ, и между иноками, и въ высшихъ слояхъ, и даже въ семействѣ вел. князя. Наконецъ, ересь явилась-было на самой каѳедрѣ первосвятительской въ лицѣ несчастнаго Зосимы..... Страшныя казни, постигшія еретиковъ къ концу XV-го и въ началѣ XVI в., повидимому, прекратили ересь, но не могли уничтожить ея послѣдствій. Возбужденное ею вольнодумство о предметахъ христіанской вѣры продолжало скрытно дѣйствовать и въ кругу бояръ и среди иноковъ нѣкоторыхъ заволжскихъ монастырей, и черезъ полстолѣтіе, подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, проникшихъ къ намъ черезъ Литву, вновь проявилось съ силою въ ересяхъ Башкина и особенно Ѳеодосія Косаго. Но «нѣтъ худа безъ добра». Эта такъ-называемая ересь жидовствующихъ, съ ея позднѣйшими проявленіями, увлекшая нѣкоторыхъ и, можетъ быть, даже многихъ во всѣхъ слояхъ нашего общества, пробудила и ревнителей православія и вызвала ихъ на труды, какихъ именно недоставало для русской церкви: у насъ явилась въ одномъ составѣ полная славянская библія; явились, одно за другимъ, два обширныхъ сочиненія, написанныхъ русскими людьми, съ возможною для того времени ученостію и основательностію,

въ защиту истинъ православія отъ еретиковъ, и сдѣлавшихся для соотечественниковъ надолго надежнымъ руководствомъ и пособіемъ въ области вѣры.

II.

Малознакомые, по своей необразованности и неразвитости, съ возвышенными догматами своей православной вѣры, русскіе знали ее преимущественно въ ея обрядахъ и во всемъ томъ, что составляетъ ея внѣшнюю, видимую сторону, какбы осязательную для каждаго, и на этой-то сторонѣ вѣры сосредоточивали ту горячую къ ней привязанность, которой не разъ изумлялись иностранцы. По словамъ этихъ послѣднихъ, русскіе глубоко чтили свои храмы. Никто не проходилъ мимо церкви или монастыря, чтобы не остановиться, не обнажить главы своей и не помолиться; а если въ церкви совершалась служба, то заходили и въ церковь, становились на колѣна и клали земные поклоны. Лица, считавшія себя нечистыми и недостойными, не дерзали входить въ самую церковь, а становились внѣ ея у дверей и оттуда слушали богослуженіе (⁴⁴⁸). Люди простые, бѣдные, постоянно занятые работами, рѣдко посѣщали церкви; но люди достаточные, горожане и вообще свободно располагавшіе своимъ временемъ, никогда не опускали церковныхъ службъ, когда онѣ совер-

(⁴⁴⁸) *Гербершт.* Записки о Москвитин, стр. 63; Павелъ Іовій: *religiosissime templa venerantur adeo, ut ea neque viros neque feminas veneris pollutos complexibus intrare fas sit, nisi prius privatis balneis abluantur...* (De legat. Moscovit. у *Старчев.* I, 11); *Кобенцель*: De legat. ad Moscovit. (у *Старч.* II, 14); *Одербон.* De Russ. relig. (тамъ же II, 38).

шались. Въ дни же воскресные, какъ только около четырехъ часовъ утра раздавался благовѣстъ, матери и мужья, мальчики и дѣвочки оставляли свои постели, одѣвались и спѣшили въ церковь. Самъ вел. князь, а по примѣру его и многіе другіе ежедневно бывали въ церкви на всѣхъ службахъ и не принимали пищи, не выслушавъ божественной литургіи (⁴¹⁹). Въ церквахъ, во время богослуженій, обыкновенно стояли съ величайшимъ благоговѣніемъ и усердіемъ, несмотря на то, что русская литургія казалось вдвое, даже втрое продолжительнѣе латинской,—хотя бывали и исключенія. Нѣкоторые позволяли себѣ разговаривать и глумиться въ церкви, по крайней мѣрѣ, во время чтеній, когда они происходили невнятно и безтолково. Самъ царь Иванъ Васильевичъ разговаривалъ, за литургіей, съ своими боярами и военачальниками, выслушивалъ ихъ доклады и отдавалъ имъ свои приказанія (⁴²⁰). И во дни этого царя, по его собственнымъ словамъ на Стоглавомъ соборѣ, безстрашіе до того вошло-было въ людей, что нѣкоторые стояли въ церкви въ табѣяхъ, въ шапкахъ и съ посохами, и здѣсь, какъ на торжищѣ или на пиру, вели между собою громкія бесѣды и споры, и произносили всякія праздныя и срамныя слова, заглушая богослу-

(⁴¹⁹) *Гербершт.* тамъ же 64; *Фаберъ*: frequentes conveniunt in ecclesiis... (Moscovit. relig., у *Стар.* I, 11); *Одербон.* De Russ. relig. (у *Старч.* II, 38); *Посседин.* De rebus Moscovit. (тамъ же II, 277. 279); *Флетчер.* О госуд. Русск. гл. 26, стр. 95.

(⁴²⁰) *Фаберъ*: est autem missa eorum ter prolixior, quam si ea, quae apud latinos communis habetur... Devotis mentibus accedunt illam populi... (тамъ же, 7—8); *Кобенцель*: vidi eorum sacra celebrari cum ea devotione, qua major dici vix ulla potest... Sacrum vel missa ipsorum longior est, quam duae nostrae (тамъ же 14); *Адамъ Климента*, Anglorum navig. ad Moscov. (у *Старч.* I, 12); (*Флетч.* гл. 26, стр. 96.

женіе (Стогл. гл. 5, вопр. 21. 22),—что́ тогда же и запрети́лъ соборъ князьямъ и боярамъ и прочимъ вельможамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, подтвердивъ приходскимъ священникамъ поучать своихъ духовныхъ чадъ, чтобы они къ церквамъ Божиимъ приходили съ женами и дѣтьми, и стояли при богослуженіи со страхомъ и трепетомъ, съ великимъ вниманіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ, а шептавія, и празднословія, и повѣстей, и иныхъ неподобныхъ дѣлъ отнюдь себѣ не позволяли (Стогл. гл. 38 и 39).

Съ почтеніемъ къ храмамъ Божиимъ русскіе соединяли глубочайшее почтеніе къ св. иконамъ и другимъ свящ. предметамъ. Иконами украшали не только свои храмы, но и свои жилища: въ каждомъ домѣ, въ каждой комнатѣ дома непременно находились одна или нѣсколько св. иконъ и на самомъ почетномъ мѣстѣ, а у царя и у многихъ другихъ были еще особыя комнаты—молебни, въ которыхъ всѣ стѣны увѣшаны были иконами и крестами. Ставили такъ же иконы и кресты на площадяхъ, на большихъ дорогахъ, надъ вратами городскихъ стѣнъ и на другихъ открытыхъ мѣстахъ. Съ усердіемъ украшали иконы и кресты серебромъ, золотомъ и разными драгоценными камнями; ставили и возжигали предъ иконами, во время домашней молитвы, а особенно во время богослуженія въ церквахъ, восковыя свѣчи, иногда въ огромномъ количествѣ и толщиною въ человѣческую руку. Если кто приходилъ въ домъ другаго, то прежде всего устремлялъ взоръ на иконы въ домѣ и молился предъ ними, а потомъ уже видѣлся съ хозяиномъ; предъ выходомъ изъ этого дома такъ же сначала обращался съ молитвою къ иконамъ и затѣмъ прощался съ хозяиномъ. Проходя мимо иконъ и кре-

ство́въ, стоящихъ на открытыхъ мѣстахъ, или встрѣчая проносимыя иконы, всегда останавливались, обнажали голову и творили крестное знаменіе и поклоны. Особенно чествовали иконы чудотворныя, какова была, напримѣръ, икона Николая чудотворца въ Можайскѣ, къ которой стекались богомольцы со всѣхъ сторонъ и куда самъ царь ежегодно присылалъ богатыя приношенія ⁽⁴²¹⁾. И мы видѣли, до какой степени простиралось это чествованіе чудотворныхъ иконъ: когда изъ Владиміра, Вятки и другихъ мѣстъ нужно было перенести нѣкоторыя изъ такихъ иконъ въ Москву для поповленія, ихъ встрѣчала и потомъ провожала вся Москва, со всѣми духовными и свѣтскими властями, и на мѣстѣ встрѣчи устрояемы были храмы. Книгу Евангелія полагали на самомъ почетномъ мѣстѣ, какъ святыню; не прикасались къ ней, не осыная прежде крестомъ и не воздавъ ей чести наклоненіемъ главы, и брали въ руки съ величайшимъ благоговѣніемъ. Глубоко читили мощи святыхъ; предпринимали путешествія для поклоненія имъ, особенно къ мощамъ преп. Сергія-чудотворца въ Троице-Сергіевъ монастырь, и на нетлѣніе ихъ указывали иноувѣрцамъ, какъ на живое свидѣтельство истинности и спасительности своей вѣры. ⁽⁴²²⁾.

Немало поражала иностранцевъ любовь русскихъ къ молитвѣ и употребленію крестнаго знаменія. Русскіе молились такъ часто, что не легко было найти подобныхъ, а кре-

⁽⁴²¹⁾ Гербершт. тамъ же 63—64. 86; Фабер. тамъ же 10—11; Адамъ Климент. тамъ же 11; Гваньини: *Moscoviae Descriptio*, у Старчев. I, 18. 19; Кобенц. тамъ же 14. 15; Ульфельдъ, *Legatio Moscovit.*, у Старч. I, 11; Флетчер. тамъ же 81. 87. 92.

⁽⁴²²⁾ Гербершт. 64; Фабер. 7. 11; Ульфельд. 11; Гваньин. 18.

ствомъ знаменіемъ осѣнялись почти непрестанно. Каждый, пробудившись отъ сна воцнаго, первымъ долгомъ считалъ помолиться предъ домашними иконами, и никто не выходилъ изъ дома, не помолившись; а проводшіе ночь внѣ дома обращались къ какому либо храму и, взирая на возвышавшійся надъ нимъ крестъ, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и совершали свою утреннюю молитву. Всякое дѣло и работу, важныя и неважныя, начинали молитвою, осѣняли себя крестомъ и призывали имя Пресв. Троицы. Садясь за столъ для вкушенія пищи, крестились и молились; вставая изъ-за стола, повторяли тоже; въ продолженіе стола осѣняли крестомъ каждое новое кушанье и питье, осѣняя въ тоже время и себя, какъ поступалъ и самъ царь. Молитвою же всегда и оканчивали день, отходъ я ко сну. Собираясь путешествовать, плыть моремъ, пахать землю, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, призывали священниковъ и просили ихъ служить молебствія. Люди грамотные и достаточные приобрѣтали себѣ книги, въ которыхъ переписаны были молитвы, одобренныя церковію, и по нимъ молились; не имѣвшіе такихъ молитвенниковъ и неграмотные читали только молитву Господню и немногія другія, которыя знали наизусть; а весьма многіе, не знавшіе никакихъ молитвъ, молились безмолвно, повторяя одно: «Господи, помилуй». Во время своихъ молитвъ, русскіе постоянно осѣняли себя крестомъ, преклоняли голову, били себя въ грудь, падали на колѣна, повергались на землю, и все это совершали съ такимъ жаромъ, усердіемъ, благоговѣніемъ, что, казалось, невозможно было религіознѣе чтить Бога. При молитвѣ обыкновенно держали въ рукахъ своихъ четки, которыя всегда носили съ собою какъ царь, такъ и дворяне и простой

народъ, не только въ церкви, но и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, при торжественныхъ собраніяхъ, судахъ, совѣщаніяхъ и под. ⁽⁴²³⁾.

Постъ, какъ и вообще подвиги, направленные къ умерщвлению плоти и страстей, находились у русскихъ въ величайшемъ уваженіи. Кромѣ поста въ среду и пятокъ каждой недѣли, они имѣли еще ежегодно четыре продолжительные поста, доселѣ содержимые православною церковію. Съ особенною строгостію проводили постъ великій, который обыкновенно посвящали на покаяніе и исповѣдываніе своихъ грѣховъ. Въ продолженіе этого поста не вкушали не только ничего мяснаго и молочнаго, но даже рыбнаго, и никакого вина. Нѣкоторые принимали пищу только въ два дня каждой недѣли—субботу и воскресенье, а въ остальные дни воздерживались отъ всякой пищи; другіе принимали пищу въ воскресенье, вторникъ, четвергъ и субботу, а въ прочіе три дня не ѣли ничего; весьма многіе, если и не воздерживались совершенно въ понедѣльникъ, среду и пятокъ отъ пищи, то довольствовались кускомъ хлѣба съ водой. Были и такіе, которые въ продолженіе великаго поста не вкушали ничего горячаго, приготовленнаго на кухнѣ, и такіе, которые принимали

⁽⁴²³⁾ *Фаберъ*: in qua (oratione) frequentenda non facile similes reperiri censeo... (10); *Ульфельдъ*. 11; *Гваньини*; 21; *Кобенцель*: omnia sua negotia actionesque auspicantur ab invocatione sanctissimae et individuae Trinitatis tanta cum religione, ut vestra Dominatio credere vix queat (—14. 16); *Одербонъ*: non video, quali sub sidere homines Dei numen religiosius adoraturi, quam hi... (—38); *Доссесъ*, 279. 280; *Флетч.* гл. 21. 23. 25, стр. 77. 87. 92: „сами себя они безпрестанно осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ....; приступая къ какому либо дѣлу, ничтожному или важному, вооружаются прежде всего знаменіемъ креста“... Объ употребленіи русскими четокъ тоже говорится и въ *Домостроѣ* (гл. 13).

пищу только по закатѣ солнца. Прочіе посты проводили не съ такою суровостію; но и тогда до крайности строго воздерживались отъ всякой мясной и молочной пищи, считая ее для себя оскверненіемъ, такъ что скорѣе согласились бы умереть, нежели съѣсть кусокъ мяса или яйцо, даже въ тяжелой болѣзни, для подкрѣпленія своихъ силъ. Недовольствуясь соблюденіемъ постовъ, обязательныхъ для каждого сына церкви, нѣкоторые налагали на себя еще посты добровольные. Постились, напримѣръ, три дня въ недѣлю, вмѣсто двухъ, прибавляя къ средѣ и пятницу понедѣльникъ. А иные отказывались отъ скоромной пищи на значительные періоды или навсегда: такъ, князь Семенъ Ѳеодоровичъ Курбскій съ юности велъ жизнь необыкновенно воздержную и суровую, и втеченіе многихъ лѣтъ не употреблялъ въ пищу мяса, даже рыбою питался только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ (⁴²⁴). При такомъ взглядѣ на значеніе постовъ, особенно поста великаго, соединеннаго съ покаяніемъ и продолжительными молитвами, легко понять, какъ должны были русскіе смотрѣть на монашество и монаховъ, дававшихъ обѣты постничества, сокрушенія о грѣхахъ и молитвеннаго служенія Богу не на нѣсколько только дней или мѣсяцевъ, а на всю жизнь. И русскіе, дѣйствительно, думали, что ничѣмъ нельзя болѣе угодить Богу, какъ если кто, отказавшись отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, приметъ, вмѣстѣ съ именемъ монаха, строгія правила и святѣйшія обязанности монашеской жизни (⁴²⁵). Видѣли, конечно, примѣры худой жизни и между ино-

(⁴²⁴) Герберит. 66. 120; Фабер. 10; Адамъ Клим. 12; Кобенц. 16; Одербон. 204; Флетч. II, 23. 25, стр. 88. 94.

(⁴²⁵) Monachatum et fratrum collegia tantis encomiis ornant, ut nihil Divino

ками, соблазнялись ими, иногда обличали ихъ; но тѣмъ не менѣе не переставали глубоко чтить самое монашество, стремились къ нему, готовы были оставить своихъ женъ, семейства, чтобы сдѣлаться иноками,—и нужно было объяснять и доказывать, что черныя одежды сами по себѣ не спасутъ человѣка, что можно угодить Богу и въ мірѣ, въ быту семейномъ, живою вѣрою и добрыми дѣлами ⁽¹²⁶⁾. Многіе даже изъ людей образованныхъ и знатныхъ, сами вел. князья Василій Ивановичъ и Иванъ IV, принимали монашество, по крайней мѣрѣ, предъ своею кончиною: обычай древній, сохранявшійся во всей силѣ. Особый видъ монашества или подвижничества представляли собою *юродивые*, которые и пользовались особымъ уваженіемъ въ народѣ, называвшемъ ихъ *блаженными*. Они поражали народъ не столько внутреннимъ значеніемъ своего высокаго подвига—отреченія отъ собственнаго разума Христа ради, сколько внѣшнимъ образомъ своей жизни. Ходили обыкновенно нагіе и босые, лѣтомъ и зимою, въ самые жестокіе морозы, съ длинными, распущенными по плечамъ, волосами, едва прикрытые спереди какими нибудь лохмотьями; часто носили, на шеѣ или на срединѣ тѣла, вериги; проводили время, большею частію, во храмахъ и на папертяхъ церковныхъ и, подъ прикрытіемъ юродства, смѣло говорили правду даже сильнымъ міра. Если обличалъ кого юродивый, ему не возражали, а со смиреніемъ принимали обличеніе; если, проходя мимо лавки купца, бралъ изъ нея

numini gratius esse statuunt, quam si quis rebus terrenis prorsus abrenunciet et, arduas vivendi regulas amplexus officiaque sanctissima professus, religiosi monachi nomen usurpet (Одербон. 203).

(¹²⁶) Максим. грек. Сочин. II, 231 и др.

что нибудь, купецъ радовался и считалъ себя угоднымъ Богу и Его святому. Во дни царя грознаго наиболѣе славились два юродивыхъ: въ Москвѣ Василій блаженный и въ Псковѣ Никола Салось. Когда скончался первый въ 1552 г., его отпѣвалъ самъ митрополитъ съ соборомъ, а несъ на плечахъ къ могилѣ самъ государь, несмотря на то, что, при жизни своей, этотъ юродивый часто вопилъ на стогнахъ о его жестокости и притѣсненіяхъ. А Никола Салось предложилъ царю, прибывшему на второй недѣли св. čtyредесятницы казнить псковитянъ и посѣтившему его келлію, кусокъ сыраго мяса, и когда Іоаннъ замѣтилъ, что не можетъ ѣсть мяса въ постъ, сказалъ ему: «да развѣ Ивашка думаетъ, что съѣсть постомъ кусокъ мяса какого либо жѣвотнаго грѣшно, а нѣтъ грѣха ѣсть столько людскаго мяса, сколько онъ уже съѣлъ?». И этимъ смѣлымъ обличеніемъ заставилъ царя одуматься и пощадить городъ ⁽¹²⁷⁾.

Давились иноземцы и тому, какъ читли русскіе благословенный хлѣбъ и святую воду. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ принимали они въ церкви изъ рукъ священника кусочки просфоры или благословеннаго хлѣба и несли домой, чтобы раздѣлить съ тѣми, кто не былъ въ церкви. Герберштейнъ рассказываетъ, что однажды, когда вел. князь, послѣ охоты, пригласилъ его къ себѣ, вмѣстѣ съ другими, на обѣдъ въ раскинутую палатку, и всѣ сѣли уже за столъ, отъ внезапнаго потрясенія палатки упалъ на землю Богородичный хлѣбъ

⁽¹²⁷⁾ Флетч. гл. 21, стр. 79—80. Кромѣ двухъ названныхъ, извѣстны были въ настоящій періодъ еще слѣдующіе юродивые: Іоаннъ устюжскій, Лаврентій калужскій, Тимоѣей псковскій, Василій инокъ Спасо-каменнаго монастыря (см. объ нихъ въ Словарѣ Истор. о Святыхъ, прослав. въ церкви русской, изд. 2).

(панагія), который русскіе почитали и вкушали, какъ священный, и хранили въ своихъ жилищахъ на высокомъ мѣстѣ. Князь и всѣ присутствовавшіе съ трепетомъ встали, сильно пораженные этимъ случаемъ. Немедленно позванъ былъ священникъ, который и подобралъ упавшій хлѣбъ съ травы съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ (¹²⁸). Освященіе воды совершалось у русскихъ не только въ сосудахъ, но и въ рѣкахъ, и послѣднее освященіе, въ день крещенія Господня и 1-го августа, происходило съ особенною торжественностію и при чрезвычайномъ стеченіи народа. Какъ только оканчивалось это освященіе, тотчасъ множество мушкетеровъ, несмотря ни на какой холодъ и морозъ и на присутствіе стороннихъ, совершенно нагѣе, бросались въ рѣку и трижды погружались въ ней, чтобы освятиться, а женщины точно такъ же погружали своихъ дѣтей или и сами погружались въ одеждахъ. Въ то же время всѣ спѣшили съ ведрами и другими сосудами чтобы зачерпнуть освященной воды, которую тутъ же пили и уносили въ свои жилища. Св. воду русскіе хранили, какъ святыню, по временамъ вкушали ее, окроплялись ею, окропляли свои иконы и свои дома, давали ее больнымъ, какъ спасительное лекарство. Къ царю каждое утро, какъ только онъ оканчивалъ свою утреннюю молитву, являлся его духовникъ съ чашею св. воды, и окроплялъ ею сперва образа царской молельни, потомъ самого царя. Эта вода каждый день приносилась новая или свѣжая: ее присылали царю, какъ свящ. подарокъ, вмѣстѣ съ просфорою, изъ разныхъ селъ и городовъ, даже весьма отдаленныхъ, наприм., изъ Нов-

(¹²⁸) Гербершт. 64. 199; Фабер. 8; Кобенцел. 14.

города, Пскова, отъ церквей, соборовъ, монастырей, гдѣ она освящаема была по случаю храмовыхъ праздниковъ, почему и называлась *праздничною* св. водою. Наболѣе уважалась св. вода, освященная не чрезъ погруженіе только въ ней св. креста, но вмѣстѣ и чрезъ омовеніе въ ней св. мощей. Когда въ 1552 г. пришла въ Москву вѣсть, что въ Свіяжскѣ свирѣпствуетъ цынга, похищающая множество жертвъ, и что нѣкоторые тамъ предаются содомскому грѣху, митрополитъ Макарій торжественно освятилъ воду погруженіемъ животворящаго креста и омовеніемъ въ ней св. мощей, находившихся въ благовѣщенскомъ соборѣ, и послалъ ее въ Свіяжскъ, чтобы ею окропили весь городъ и всѣхъ его жителей. Равно и въ 1557 г. тотъ же митрополитъ, посылая въ Новгородъ богомольную грамоту объ отправленіи молебствія по случаю голода, послалъ вмѣстѣ и св. воду, освященную въ Москвѣ точно такимъ же образомъ, и велѣлъ архіепископу соединить ее съ тою, которую онъ освятитъ самъ въ софійскомъ соборѣ, и разослать по всей епархіи для окропленія этою водою всѣхъ православныхъ отъ мала до велика (⁴²⁹).

Правда, сообщая намъ всѣ такого рода свѣдѣнія о привязанности нашихъ предковъ къ обрядовой сторонѣ ихъ вѣры, иностранцы говорятъ объ этомъ не только безъ сочувствія, но часто съ пренебреженіемъ, съ насмѣшкою, даже съ пря-

(⁴²⁹) *Пав. Іовій*, 11; *Ульфельд.*, 10; *Кобениц.* 14; *Поссевин.* 280; *Флетчер.* гл. 25—26, стр. 92—93. 96. О праздничной св. водѣ, присылавшейся государю изъ разныхъ мѣстъ, см. такъ же Доп. А. И. I, № 131; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 293. О водѣ, освящавшейся чрезъ омовеніе въ ней св. мощей,—нашей Истор. VI, 211—212; Доп. А. И. I, № 221; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 295.

мымъ осужденіемъ ⁽⁴³⁰⁾. Да иначе и не могло быть: они были иновѣрцы и преимущественно протестанты, и, естественно, смотрѣли на всю нашу обрядность съ своей точки зрѣнія. Но нельзя не согласиться съ тѣми изъ нихъ, которые замѣчали, что приверженность русскихъ къ обрядности доходила до крайности, что они приписывали обрядамъ слишкомъ большую важность и что въ обрядахъ какбы полагали самую сущность своей вѣры. Къ сожалѣнію, изучая исторію настоящаго періода, мы неразъ встрѣчались съ разительными фактами, подтверждающими это. Ростовскій архіепископъ Θεодосій въ навечеріе Крещенія Господня, случившееся въ воскресенье, разрѣшилъ постъ, ради воскреснаго дня, и дозволилъ мірянамъ вкушать мясо, а монахамъ рыбу,—и митроп. Іона съ соборомъ архіереевъ присудилъ—было лишить архіепископа за такой поступокъ свящ. сана. Чудовскій архимандритъ Геннадій въ такой же точно день дозволилъ своей монастырской братіи вкушать св. воду послѣ принятія пищи,—и митрополитъ Геронтій назвалъ это оскверненіемъ св. воды и велѣлъ заковать архимандрита и бросить на ледникъ подъ палаты. Самъ Геронтій, при освященіи успенскаго собора въ Москвѣ, совершилъ крестный ходъ вокругъ церкви не по солнцу, а противъ солнца,—и это подняло цѣлую бурю. Вел. князю внушили, что митрополитъ нарушилъ обрядъ; князь прогнѣвался и сказалъ, что за такія дѣла постигаетъ гнѣвъ Божій; начались жаркіе споры, о томъ, по-солонь или про-

(430) Исключеніе составляютъ Фабержъ, Павелъ Іовій и Кобенцель. Но первые два сами не были въ Россіи, а писали о русскихъ только со словъ русскихъ пословъ; а послѣдній намѣренно представляетъ русскихъ близкими по вѣрѣ латинянамъ, чтобы показать, какъ легко было бы обратить Россію въ католичество.

тивъ солнца слѣдуетъ ходить вокругъ церкви, не приведшіе ни къ какому рѣшенію; князь продолжалъ обвинять митрополита и гнѣвался на него нѣсколько лѣтъ; митрополитъ не хотѣлъ уступить и собирался уже отказаться отъ своей кathedры, пока князь не смирился предъ нимъ и не испросилъ у него прощенія. А исправленіе богослужебныхъ книгъ Максимомъ грекомъ? Едва только онъ приступилъ къ дѣлу, какъ послышались голоса: «ты, человѣче, своими исправленіями досаждаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ чудотворцамъ; они сицевыми книгами благоугодили Богу и по нимъ спаслись». Но такой безразсудной привязанности къ самой буквѣ богослужебныхъ книгъ, по крайней мѣрѣ, не раздѣляли тогда высшія власти, духовная и свѣтская, по порученію которыхъ Максимъ и принялся-было за это дѣло. А пресловутый вопросъ объ аллилуіи, изъ-за котораго предпринималось путешествіе въ Царьградъ, происходили такіе ожесточенные споры въ Псковѣ, являлась будтобы какому-то безымянному иноку во снѣ сама Пресв. Богородица, и который порѣшилъ, наконецъ, Стоглавый соборъ, заповѣдавъ всѣмъ двоять аллилуію и назвавъ трегубую аллилуію латинскою ересью? А еще болѣе пресловутое постановленіе Стоглаваго собора: «аше кто не крестится двумя персты, да будетъ проклятъ?» Прибавимъ къ этому и ученіе о бородѣ, которому сдѣлали у насъ придать религіозный характеръ. Еще къ концу XV и въ началѣ XVI вѣка ино-вѣрцы укоряли русскихъ за то, что они бритье бороды и усовъ признавали смертнымъ грѣхомъ и ересью (⁴³⁴). На

(⁴³⁴) Sacran. Elucid. errorum ritus Ruthen., err. 28; Johann. de Lasco, Ruthen. nation. cum error. eorum, in Histor. Russiae Monum., I, pag. 127.

Стоглавомъ соборѣ государь говорилъ: «по грѣхамъ нашимъ слабость и нерадѣніе вошли въ міръ въ нынѣшнее время; нарицаются христіанами, а въ тридцать лѣтъ и старѣе брѣютъ головы, и браду, и усы, и платы и одежды иновѣрныхъ земель носить: почему познати христіанина?» (Стогл. гл. 5, вопр. 25). И соборъ, назвавъ брадобрітіе латинскою ересью и ссылаясь на подложное правило св. апостоловъ и одинадцатое правило трульскаго собора, которое гласитъ совсѣмъ о другомъ предметѣ, объявилъ, будтобы св. апостолы и св. отцы строго запретили брить бороду и усы, и тѣхъ, которые брѣютъ, прокляли и отлучили отъ церкви (—гл. 40). А вскорѣ послѣ Стоглаваго собора, бывшій предсѣдатель его, митр. Макарій, какбы въ поясненіе, почему такъ строго запрещено брадобрітіе, писалъ въ своемъ извѣстномъ посланіи въ Свіяжскъ: «о, злое произволеніе! Сотворилъ насъ Богъ по своему образу и подобію, и явились неблагодарные, стали ходить по плоти..., накладываютъ бритву на браны свои... Не подобаетъ такъ поступать находящимся въ православной вѣрѣ: ибо это дѣло латинской ереси, и творящій это дѣлаетъ поруганіе образу Бога, создавшаго его по своему образу»... Такими-то предметами занималась богословствующая мысль русскихъ людей и самихъ іерарховъ въ настоящемъ періодѣ; такимъ-то мнѣніямъ и ученіямъ усвоили величайшую важность! Эта неумѣренная и неразумная привязанность къ обрядамъ и вообще къ внѣшней сторонѣ религіи, столь свойственная людямъ простымъ и необразованнымъ во всѣ времена, существовала у насъ и прежде; но никогда не достигала она такой степени, какой достигла теперь; по крайней мѣрѣ, никогда не проявлялась такъ, какъ проявилась на Стоглавомъ соборѣ, который не затруднился

возвестъ на степень догматовъ мнѣнія о двуперстіи для крестнаго знаменія, о сугубой аллилуйи, о небритіи браны и усовъ. По истинѣ, это догматы новыя и русскаго изобрѣтенія, которыхъ никогда не знала церковь греческая, а съ нею и русская, — скорбныя памятники религіознаго невѣжества, господствовавшаго у насъ въ XVI столѣтіи, остающіеся и доселѣ излюбленными догматами русскаго раскола!

III.

Принесши столько вреда въ области вѣры, слѣпая привязанность къ обряду сопровождалась едва ли еще не болѣе гибельными послѣдствіями въ области нравственности. Были, безъ сомнѣнія, и тогда русскіе, которые хорошо повимали, въ чемъ должна состоять нравственность христіанина, которые, исполняя, какъ должно, и церковную обрядность, заботились вмѣстѣ объ очищеніи своей души отъ грѣха, объ исправленіи своего сердца, объ искорененіи въ немъ худыхъ влеченій и привычекъ, объ утвержденіи себя въ христіанскомъ самоотверженіи и любви. Нельзя, на примѣръ, безъ сочувствія читать той исповѣди, какую изложилъ въ извѣстномъ уже намъ посланіи къ сыну попъ Сильвестръ, призывая самаго же сына во свидѣтеля правдивости своихъ словъ: тутъ видѣнъ человѣкъ, который, мало того, что никогда отъ юности не пропускалъ церковныхъ службъ, но никогда никого не осуждалъ, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; всѣ обиды переносилъ съ христіанскимъ терпѣніемъ и смиреніемъ Господа ради и никому не мстил; а если въ чемъ согрѣшалъ, тотчасъ каялся и со слезами испо-

вѣдывалъ свой грѣхъ предъ духовникомъ; никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, посѣщалъ больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, выкупалъ плѣнниковъ и должниковъ, кормилъ голодныхъ; освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ и надѣлилъ ихъ, выкупалъ и чужихъ рабовъ и отпускалъ на свободу; многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ, а потомъ и попристроилъ; многихъ дѣвицъ бѣдныхъ, при содѣйствіи своей жены, воспиталъ въ страхѣ Божіемъ, научилъ рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, выдавалъ замужъ; никому ни въ чемъ не лгалъ, никого не обманывалъ, всегда былъ вѣренъ данному слову и во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми водился одною правдою, ласкою и любовію. На святительскихъ кафедрахъ того времени встрѣчаемъ мужей высокой нравственности и истинно-святой жизни: въ Москвѣ—Іону и Филиппа, въ Новгородѣ—Евѣимія, Іону и Серапіона, въ Казани—Гурія и Германа, въ Твери—Варсонофія, въ Перми—Питирима и Іону. При жизни они были истинными свѣтильниками для своихъ паствъ, и по смерти достойно чтутся въ ликѣ святыхъ. Но большинство русскихъ смотрѣли тогда на нравственность односторонне, и какъ вѣру свою полагали почти исключительно въ обрядахъ, такъ и благочестіе—въ исполненіи обрядовъ. Усердно соблюдали посты, праздники и другія постановленія церкви, много молились и въ домахъ своихъ и въ храмахъ Божіихъ, служили акаѣисты, молебны, участвовали въ крестныхъ ходахъ, ходили по богомольямъ, подавали милостыню, дѣлали пожертвованія на церкви и монастыри, старались вообще располагать жизнь свою по церковному

уставу, и думали, что уже исполнили свой христіанскій долгъ, угодили Богу; а о внутреннемъ благочестіи, обузданіи страстей, обновленіи сердца, усвоеніи духа христіанской любви, вовсе не заботились. Это было благочестіе по преимуществу вѣйшее, обрядовое, фарисейское, противъ котораго съ такою силою вооружался Максимъ грекъ (⁴³²). Оно было распространено и глубоко чтилось во всѣхъ слояхъ нашего общества, между тѣмъ какъ тамъ же господствовали самые тяжкіе пороки и почти совершенная безнравственность.

Образецъ такого благочестія и вмѣстѣ порочности представлялъ собою царь Иванъ Васильевичъ. Онъ былъ величайшимъ ревнителемъ церковныхъ уставовъ, каждый день посѣщалъ всѣ церковныя службы и окроплялся св. водою, каждое дѣло начиналъ крестнымъ знаменіемъ, а въ слободѣ Александровской, вмѣстѣ съ своими опричниками, старался выполнять даже монашескій уставъ: носилъ иноческую одежду, выстаивалъ продолжительныя богослуженія, самъ звонилъ и читалъ житія святыхъ за братскою трапезой и молился такъ часто и такъ усердно, что на лбу его отъ земныхъ поклоновъ были шишки. Но въ душѣ, казалось, у него, не было ничего не только христіанскаго, даже человѣческаго, ни искры христіанской любви, чистоты, справедливости. Какъ лютый звѣрь, жаждалъ онъ крови человѣческой, услаждался пытками и страданіями своихъ несчастныхъ жертвъ, измучилъ и истерзалъ тысячи невинныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предавался самому грубому-невоздержанію, самому безобразному распутству, семь разъ былъ женатъ; пожираемый ненасытнымъ сребролюбіемъ,

(⁴³²) Максим. Сочин. II, 213. 241. 260.

грабилъ всѣхъ и все, и церкви, и монастыри. Многочисленные опричники царя выбивались изъ силъ, чтобы подражать во всемъ своему высокому образцу, и дѣйствительно являлись достойными его послѣдователями и по безчеловѣчю, и по распутству, и по грабительству, оставаясь совершенно безнаказанными. Надобно, однакожъ, сознаться, что не только при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, но и прежде его, при его отцѣ и дѣдѣ тотъ же духъ жестокосердія и безчеловѣчія, своекорыстія и всякаго рода насилій былъ господствующимъ духомъ и во всемъ нашемъ высшемъ классѣ: этому немало благопріятствовали какъ примѣръ самихъ вел. князей, такъ и устройство тогдашней администраціи и суда. Князья, бояре и другія лица, которыхъ посылалъ вел. князь своими намѣстниками въ разные города и области, получали ихъ не для управленія только, но и для собственнаго «кормленія». Потому не столько заботились о томъ, чтобы творить судъ и правду людямъ, сколько о томъ, чтобы отъ нихъ нажитися, и не было пощады ни горожанамъ, ни поселянамъ. Дѣяки, тіуны и многіе другіе мелкіе чины, окружавшіе намѣстниковъ и бывшіе исполнителями ихъ распоряженій, въ свою очередь преслѣдовали преимущественно ту же цѣль собственнаго кормленія; каждый заботился, какъ бы побольше себѣ пріобрѣсть, и горе было поселянамъ, когда въ ихъ села и деревни наѣзжали съ своими требованіями эти представители власти. Судъ былъ грозенъ и страшенъ: при производствѣ его допущены были закономъ правезъ и пытки, а по окончаніи—разные виды смертной казни, особенно для поселянъ. И эта грозность суда еще болѣе способствовала взяточничеству, кото-

рое и безъ того не знало мѣры (⁴³³). Князья и бояре, владѣвшіе вотчинами отъ своихъ предковъ, дѣти боярскіе и служилые люди, получавшіе помѣстья отъ государя себѣ въ кормленіе, такъ же, большею частію, угнетали бѣдный народъ—своихъ крестьянъ и позволяли себѣ всякія насилія и грабежи. Какъ ни страшно казнили иногда государь своихъ намѣстниковъ и другихъ чиновниковъ за взятки, притѣсненія народа, грабительство; но эти казни мало производили вліянія на людей, которые хотя называли себя православными христіанами и свято выполняли уставы церкви, были однакожь чужды духа Христова и не знали въ сердцѣ, что такое правда и братская христіанская любовь ко всѣмъ людямъ, безъ всякаго различія (⁴³⁴).

(⁴³³) „Страсть іудейскаго сребролюбія и лихоиманія, говоритъ Максимъ грекъ, до такой степени овладѣла судьями и начальниками, посылаемыми отъ благовѣрныхъ царей по городамъ, что они приказываютъ слугамъ своимъ вымышлять разныя вины на зажиточныхъ людей, подбрасываютъ въ дома ихъ чужія вещи; или—притащатъ трупъ человѣка и, бросивши на улицѣ, а потомъ, какбудто отыщая за убитого, начнутъ истязать не только одну улицу, но всю часть города, по поводу этого убійства, и собираютъ себѣ деньги такимъ несправедливымъ и богомерзкимъ образомъ. Слышалъ ли кто когда отъ вѣка о такомъ гнусномъ способѣ лихоиманія, между язычниками, какой придумали нынѣ наши власти? Разжигаемые неистовствомъ неситаго сребролюбія, они обижаютъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имущество вдовицъ и сиротъ, вымышляютъ всякія обвиненія на невинныхъ, не боятся Бога, страшнаго отмстителя за обидимыхъ, не срамятся людей, окрестъ ихъ живущихъ, ляховъ и нѣмцевъ, которые хотя и латынники по ереси, но управляютъ подчиненными имъ съ правосудіемъ и человѣколюбіемъ“ (Сочин. II, 199—201).

(⁴³⁴) *Герберитъ*. Записки о Моск. 84; *Флетчеръ*. О госуд. Русскомъ, гл. 13, стр. 40. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „что касается до земель, движимаго имущества и другой собственности простаго народа, то все это принадлежитъ ему только по названію, и на самомъ дѣлѣ нисколько не ограждено отъ хищничества и грабежа какъ высшихъ властей, такъ даже и простыхъ дворянъ, чиновниковъ и воиновъ. Кромѣ податей, пошлей, конфискацій и другихъ публичныхъ взысканій, налагаемыхъ царемъ, простой народъ подверженъ такому гра-

Объ іерархахъ нашихъ передають иностранцы, что всѣ они избирались изъ монашествующихъ за святость жизни, всѣ воздерживались постоянно отъ мясной пищи и, нося на себѣ образъ благочестія, пользовались общимъ уваженіемъ, а многіе до того воспламенялись любовію къ Богу и ревностію въ служеніи Ему, что еще при жизни, потомъ и по смерти творили чудеса, — за что и причтены къ лику святыхъ (⁴³⁸). И мы уже перечислили имена этихъ достойнѣйшихъ святителей, служившихъ украшеніемъ нашей церкви въ настоящій періодъ. Но и между іерархами бывали лица, далеко не соотвѣтствовавшія своему высокому призванію: въ родѣ, напримѣръ, митрополита Зосимы, открытаго еретика и предававшагося чревоугодію и пьянству; или въ родѣ того епископа, котораго обличалъ своими посланіями митрополитъ Давидъ за его сребролюбіе, невоздержаніе и нерадѣніе къ пастырскому долгу; или въ родѣ тѣхъ архіереевъ, которые, по словамъ князя-старца Вассіана и князя Курб-

бежу и такимъ поборамъ отъ дворянъ, разныхъ властей и царскихъ посольныхъ по дѣламъ общественнымъ, особенно въ такъ-называемыхъ ямахъ и богатыхъ городахъ, что вамъ случается видѣть многія деревни и города, въ полмилю или въ дѣлю милю длины, совершенно пустыя, — ибо народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурнаго съ нимъ обращенія и насилій“.

(⁴³⁵) *Фаберъ*: ea abstinentia est, quae nunquam satis laudari poterit, insignis admodum et magna, tum archiepiscopi, tum reliquorum episcoporum, cibi atque potus, nec minor vero quam monachis, qui quidem ea lege obstricti abstinentiae, ut nunquam in perpetuum carnibus vesci liceat (*у Старч.* I, 6). *Кобенцель*: ad episcopatum nunquam aliquis assumitur nisi ex monachis, qui eo magis satagunt exemplariter vivere, ut eiusmodi dignitatem consequi possint. Unde mihi fuit affirmatum pro re certissima, quod multi ex ipsis amore et servitio divino usque adeo incenduntur et exardescunt, ut et vivi et mortui miracula edant, et tales postea canonizantur (*у Старч.* II, 15). *Антоній Поссевинъ*: episcopi omnes ex monachis, tanquam perfectioris vitae hominibus, eliguntur. Quare nec uxores habent, nec unquam carnes edunt..., et sanctitatem prae se ferentes, apud omnes in veneratione habentur (тамъ же II, 275).

скаго, любили окружать себя множеством прислуги, отличались безчисленными одеждами и пиршествами и угнетали своих крестьянъ. Главный же недостатокъ у нашихъ владыкъ былъ тотъ, что они,—какъ прямо сказалъ имъ въ глаза ростовскій попъ Скрипица,—назирали за священниками, «по царскому чину», чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тиуновъ, доводчиковъ, которые иногда до того притѣсняли духовенство своимъ неправымъ судомъ, своимъ вымогательствомъ, взяточничествомъ, грабительствомъ, что «отъ ихъ великихъ продажъ», какъ сознались на Стоглавомъ соборѣ вмѣстѣ съ царемъ сами архіереи, многія церкви стояли пусты и безъ поповъ (Стогл. гл. 5, вопр. 7; гл. 68. 69). Условія быта нашего бѣлаго духовенства (о нравственномъ состояніи нашего монашества сказано нами въ другомъ мѣстѣ) были таковы, что нечего удивляться, если объ немъ сохранились одни лишь недобрые отзывы. Всѣ наши пастыри не только сельскіе, но и городскіе были едва грамотные, малообразованные или вовсе необразованные и круглые невѣжды; они не понимали, какъ слѣдуетъ, ни той вѣры, которой должны были учить народъ, ни священнодѣйствій, которыя должны были совершать, ни уставовъ и узаконеній церкви, ни самой важности своего пастырскаго служенія. А съ другой стороны, это были люди, большею частію, бѣдные, удрученные нуждою, всегда зависимые отъ своихъ прихожанъ, люди тяглые на своихъ архіереевъ, находившіеся подъ гнетомъ архіерейскихъ чиновниковъ. Чего же можно было ожидать отъ такихъ пастырей? И вотъ мы видимъ между ними цѣлый рядъ преступленій противъ обязанностей пастырскихъ. Нѣкоторые до того были лѣнны и небрежны, что совершали божественную

литургію только черезъ пять, шесть недѣль, даже черезъ полгода (Стол. гл. 41, вопр. 31); или, получая изъ казны исправно свою годовую ругу, такъ же деньги молебныя, панихидныя, праздничныя, пшеницу на просферы, воскъ на свѣчи, отправляли литургію только однажды въ годъ на свой храмовый праздникъ, а ни молебновъ, ни панихидъ и викарихъ другихъ церковныхъ службъ никогда не служили (—гл. 5, вопр. 30). Другіе, если и не лѣнились совершать богослуженій, то совершали ихъ не сполна и не по уставу (—гл. 5, вопр. 1), иное опускали (—гл. 41, вопр. 9. 10. 12), иное низвращали (—гл. 9), пѣли въ церквахъ безчинно вдвое и втрое (—гл. 5, вопр. 22); позволяли вносить въ св. алтарь, вмѣстѣ съ ладономъ, свѣчами, просфорами, «кутью и капунъ за здравіе и за упокой, и на великъ день пасху, сыръ, яйца и ряби печены, и во иные дни колачи, пироги, блины, короваи и всякіе овощи» и проч. (—гл. 5, вопр. 35). Еще нѣкоторые, по невѣжеству, а можетъ быть, и по корысти, разрѣшали и благословляли, наприм. въ Бѣлозерскѣ и Устюжнѣ, четвертые и пятые браки, а на Вяткѣ вѣнчали даже до шести, седми и десяти разъ, такъ же въ роду, въ племени, въ сватовствѣ и кумовствѣ; дозволяли мужьямъ безъ вины отпускать своихъ женъ и жениться вновь, а отпущенныхъ женъ вѣнчали съ другими мужьями ⁽⁴³⁶⁾. Еще важнѣе и непригляднѣе были нравственныя преступленія духовенства и пороки. Главнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать пьянство и «упиваніе безмѣрное», которому предавались, какъ причетники, такъ діаконы и священ-

(436) А. И. I, №№ 64. 97. 261. 267. 298.

ники. Въ пьяномъ видѣ они являлись повсюду, на приходѣ и даже въ церкви. Здѣсь они безчинствовали, говорили всякія неподобныя рѣчи, бранились, бились и дрались между собою (—гл. 5, вопр. 15. 22). Къ этому пороку, бывшему источникомъ и многихъ другихъ, вдовы священники и діаконъ присоединяли еще распутство. Многие изъ нихъ открыто держали у себя наложницъ и вообще вели такую безчинную и зазорную жизнь, на соблазнъ міру (—гл. 5, вопр. 18), что въ Псковѣ, напримѣръ, сами священники сочли нужнымъ удалить ихъ отъ совершенія церковныхъ службъ, не говоримъ уже объ извѣстныхъ распоряженіяхъ соборовъ. «Священники мои, наставники новаго израиля (—такъ представляетъ Максимъ грекъ самаго Бога говорящимъ къ пастырямъ русской церкви—)! Вы должны быть свѣтомъ міру, солю земли, образцами цѣломудреннаго житія; а нынѣ вы сдѣлались наставниками всякаго безчинія и соблазномъ для вѣрныхъ и невѣрныхъ; объѣдаетесь, упиваетесь, досаждаете другъ другу и отъ многого винопитія возбуждаете суетные споры; во дни божественныхъ праздниковъ моихъ, когда вамъ надлежало бы вести себя трезво и благочинно и показывать другимъ примѣръ, вы предаетесь пьянству, безчинству... Моя вѣра и божественная слава дѣлается предметомъ смѣха у язычниковъ, видящихъ ваши нравы и ваше нечестивое житіе»... (Сочин. II, 269. 271).

Каково было высшее сословіе въ государствѣ, таковы и прочія; каковы духовные пастыри, такова и паства. Отсутствіе христіанской любви, жестокость, насилія и грабительства, замѣченныя нами въ высшемъ классѣ, рѣзко отражались и проявлялись и во всемъ русскомъ народѣ, среди го-

рожанъ и поселянъ. «Видя грубые и жестокиѣ поступки съ ними,—пишетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ,—всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они такъ же безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими; самый убогій крестьянинъ, унижающійся и ползающій передъ дворяниномъ, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ либо власть. Отъ этого бываетъ здѣсь множество грабежей и убійствъ; жизнь человѣка считается ни по чемъ. Часто грабятъ въ самыхъ городахъ на улицахъ, когда кто запоздаетъ вечеромъ, но на крикъ ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ дому подать помощь, хотя бы и слышалъ вопли. Я не хочу говорить о страшныхъ убійствахъ, какія здѣсь случаются: едва ли кто повѣритъ, чтобы подобныя злодѣйства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называютъ себя христіанами» ⁽⁴³⁷⁾. А въ глуши, вдали отъ городовъ, свидѣтельствуемъ Стоглавъ, «по дальнимъ странамъ ходили скоморохи большими ватагами, до шестидесяти, семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ ѣли и пили насильно, и изъ клѣтѣй животы грабили, и по дорогамъ разбивали» (—гл. 41, вопр. 19). Чувственные пороки—блудъ, прелюбодѣйство, даже содомскій грѣхъ весьма распространены были въ народѣ, да и во всѣхъ сословіяхъ. Самъ царь и отцы Стоглаваго собора открыто исповѣдали, что эти-то «скверныя, зазорныя и скаредныя» дѣла, особенно

⁽⁴³⁷⁾ *Флетч.* О госуд. русск. гл. 28, стр. 103. Еще съ большимъ изумленіемъ говорить иностранцы о крайнемъ безчеловѣчїи и жестокости русскихъ по отношенію къ своимъ несчастнымъ плѣнникамъ (*Ульфельд.* Legatio Moscovit., у *Старчев.* I, 19. 21).

содомство, кромѣ того, что служили «на смятеніе, и на соблазнъ, и на погибель многимъ людямъ», наиболѣе привлекали гнѣвъ Божій и казни на отечество, и давали поводъ иновѣрцамъ изрекать «поношеніе и укоризну нашей православной вѣрѣ христіанской» (Стогл. гл. 5, вопр. 29 и гл. 33) ⁽⁴³⁸⁾. Чувства цѣломудренности и стыда до того были заглушены, что, напримѣръ, въ Псковѣ, мылись въ баняхъ мужи и жены, чернецы и черницы въ одномъ мѣстѣ, безъ всякаго зазору (—гл. 41, вопр. 18). Въ частности, противъ содомскаго грѣха еще прежде вооружался старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоеѣй, который умолялъ вел. князя Василя Ивановича искоренить въ православномъ царствѣ русскомъ этотъ грѣхъ, умножившійся не только въ простомъ народѣ, но и въ прочихъ классахъ (нашей Истор. VII, 401). Черезъ годъ послѣ Стоглаваго собора, митрополитъ Макарій, въ своемъ посланіи къ воинамъ и жителямъ города Свіязска, такъ же укорялъ ихъ за содомскій грѣхъ и другія блудныя дѣла, и угрожалъ нечестивцамъ гнѣвомъ Божиимъ, попавившимъ Содомъ и Гоморру, и затѣмъ гнѣвомъ царскимъ и отлученіемъ отъ церкви (тамъ же 414). Съ злыми и безнравственными дѣлами соединялись такія же и слова: ложь, брань, призываніе имени Божія всуе. «Клянутся, — читаемъ въ Стоглавѣ, — именемъ Божиимъ во лжу всякими клятвами, и лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами неподобными и богомерзкими рѣчами, иже не

⁽⁴³⁸⁾ И дѣйствительно, иновѣрецъ Ульфедъ, наприм., видѣлъ въ Новгородѣ своими глазами такое нравственное безобразіе и цинизмъ, что назвалъ этихъ людей самыми грубыми и распутнѣйшими изъ всѣхъ людей, ничѣмъ почти не отличающимися отъ скотовъ (Legat. Moscov., у Старчев. I, 9).

подобаетъ христіаномъ, и во иновѣрцехъ такое безчиніе не творится» (—гл. 5, вопр. 27. 28); а «всего злѣе» было то, что многіе «преступали крестное цѣлованіе и накривъ цѣловали св. крестъ и св. иконы» (—гл. 38). «Что касается до вѣрности слову,—замѣчаетъ Флетчеръ,—то русскіе, большею частію, считаютъ его ни по чемъ, какъ скоро могутъ что нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ можно сказать (какъ вполне извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ), что отъ большаго до малаго, за исключеніемъ весьма немногихъ, всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но за то и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться» ⁽⁴³⁹⁾. Нѣкоторые народные обычаи, частію остатки еще языческой старины, хотя и потерявшіе свой прежній смыслъ и приуроченные къ христіанскимъ днямъ и праздникамъ, а частію сложившіеся вновь подъ вліяніемъ грубаго невѣжества толпы, были или только непристойны для христіанъ, суевѣрны и безчинны, или вмѣстѣ и безнравственны. Вотъ какъ изображаетъ эти обычаи Стоглавъ: «на мірскихъ свадьбахъ играютъ органники, гусельники и смѣхотворцы и поютъ бѣсовскія пѣсни, и какъ пойдутъ въ церковь вѣнчаться, священникъ ѣдетъ съ крестомъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми бѣсовскими играми рыщутъ» (—гл. 41, вопр. 16). «Въ великій четвертокъ рано утромъ палаты со-

⁽⁴³⁹⁾ Флетчер. О госуд. русск. гл. 28, стр. 103. Ульфелдъ такъ же говоритъ о русскихъ: *homines sunt adeo mendaciis addicti atque a veritatis tramite ita deflectentes, ut nulla illis fides possit adhiberi, rationem promissionum nullam habent, nec turpe ducunt fallere, mentiri et furari...*, ita ut mihi sane persuadeam, nullum genus hominum extare, quod magis omnem pudorem ac veresundiam exuerit (Legat. Moscov., у Старчев. I, 7).

лону и кличутъ мертвыхъ» (—вопр. 26). «Въ Троицкую субботу, по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутъ на гробахъ съ громкимъ воплемъ, а когда начнутъ играть скоморохи, гудники и перегудники, то, переставъ плакать, начинаютъ скакать и плясать, и бить въ ладони, и пѣть сатанинскія пѣсни на тѣхъ же кладбищахъ» (—вопр. 23). «Въ ночь подъ праздникъ рождества св. Іоанна Предтечи и на самый праздникъ во весь день и ночь, равно и въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія, въ городахъ и селахъ, мужи и жены, отроки и дѣвицы собираются вмѣстѣ и со всякими скоморошествами, съ гусями и сатанинскими пѣснями, съ плясками и скаканіемъ, ходятъ по улицамъ и по водамъ, предаются различнымъ играмъ и пьянству, и—бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе; а подъ конецъ ночи спѣшать къ рѣкѣ съ великимъ крикомъ, какъ бѣсныя, и умываются водою, и когда начнутъ звонить къ заутрени, отходятъ въ дома свои и падаютъ, какъ мертвые отъ великаго клокотанія» (—вопр. 24 и гл. 92). «Въ пасхальную недѣлю совершаютъ *радунницы* (происходили на могилахъ и соединялись сначала съ плачемъ по умершихъ, а потомъ съ ширшествомъ, при бубнахъ, пѣсняхъ, пляскахъ) и всякое на нихъ бѣснованіе» (—гл. 41, вопр. 25). «Въ первый по-недѣльникъ Петрова поста ходятъ по селамъ, по погостамъ, по рѣкамъ и по рощамъ на игрища и творятъ бѣсовскія потѣхи» (—вопр. 27 и гл. 92).

Излишне было бы присовокуплять, что противъ всѣхъ этихъ многообразныхъ недостатковъ и пороковъ, какъ въ духовенствѣ такъ и въ народѣ, заявленныхъ самимъ царемъ

на Стоглавомъ соборѣ, соборъ изложилъ въ своихъ постановленіяхъ и поученія, и убѣжденія, и соотвѣтствующія правила изъ Кормчей, и, гдѣ находилъ нужнымъ, даже угрозы наказаніями, не только церковными, но и царскими.

ГЛАВА IX.

ОТНОШЕНІЕ ВОСТОЧНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ И ИСПОВѢДАНІЯМЪ.

I.

Восточно-русской церкви или московской митрополіи, съ самаго начала настоящаго періода, суждено было занять особенное положеніе въ кругу другихъ православныхъ церквей, и это не потому, что она сдѣлалась фактически независимую и одною изъ автокефальныхъ, даже первую послѣ іерусалимскаго патріархата, а вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ паденіемъ Константинополя, греческая имперія пала окончательно; пали за нею и юго-славянскія царства. И всѣ православныя церкви, восточныя и юго-славянскія, подверглись владычеству злѣйшихъ враговъ христіанства—магометанъ и всякаго рода притѣсненіямъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ. Одна церковь русская оставалась сравнительно - благоденствующею. Россія не только успѣла свергнуть съ себя монгольское иго и искоренить внутреннюю свою язву—удѣльную систему, но съ каждымъ новымъ царствованіемъ болѣе и болѣе укрѣплялась, расширялась и возвышалась. А государь русскій былъ единственный, вполне самостоятельный, православный

государь во всемъ мірѣ. Очень естественно, если на Россію, на церковь русскую, на русскаго государя устремлялись теперь взоры всѣхъ православныхъ, бѣдствовавшихъ подъ иновѣрнымъ игомъ, съ мольбою и надеждою на помощь, и если, съ другой стороны, сыны русской церкви считали себя какбы обязанными, по чувству христіанской любви, а такъ же по чувству уваженія и благодарности къ старѣйшимъ церквямъ востока, дѣлать для страждущихъ своихъ по вѣрѣ братьевъ все, что было возможно. Правда, въ началѣ періода въ Россіи усомнились-было въ самомъ православіи грековъ и даже открыто высказывалась мысль, какъ извѣстно изъ псковскихъ споровъ объ аллилуйи, что греки на флорентійскомъ соборѣ «къ своей гибели отъ истины свернулися», что «развращеннымъ грековомъ» вѣрить не должно, что и въ перво-святительской церкви цареградской «мерзость и запустѣніе»; а въ началѣ XVI в. была въ ходу и другая мысль, противъ которой счелъ нужнымъ писать Максимъ грекъ, будто самыя св. мѣста востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія подъ властію невѣрныхъ, и будто потому не должно принимать поставленія ни на митрополію, ни вообще на владычество отъ цареградскаго патріарха, какъ живущаго «во области безбожныхъ турковъ поганаго царя» (*Максим. Сочин. III, 154. 156*). Но объ эти мысли, какъ неосновательныя, скоро были забыты и не препятствовали русскимъ относиться къ грекамъ, какъ къ своимъ единовѣрцамъ. Случалось и теперь, какъ прежде, что русскіе предпринимали путешествія въ Царьградъ, Іерусалимъ и другія св. мѣста собственно для поклоненія святынь, или на Аѳонъ для изученія монашеской жизни. Случалось, что и къ намъ при-

ходили оттуда такія лица, какъ сербъ—Пахомій Логоветъ и Максимъ грекъ, которые много потрудились для нашей церкви. Случалось, что какой либо первосвятитель востока присылалъ нашему первосвятителю, въ духѣ братской любви, привѣтствіе, благожеланія и благословеніе всей его паствѣ (А. И. № 89). Но подобныя сношенія между русскими и между греками и южными славянами были теперь крайне рѣдки. А главные и постоянныя сношенія ихъ состояли именно въ томъ, что страдавшіе подъ иновѣрнымъ игомъ православные обращались къ Россіи съ своими просьбами, а сыны русской церкви простирали братьямъ—страдальцамъ руку помощи.

Мы уже знаемъ, что еще при вел. князѣ Василю Васильвичѣ первый, по паденіи Царяграда, тамошній патріархъ Геннадій присылалъ къ нашему митрополиту Іонѣ свою грамоту, и что Іона послалъ ему матеріальное пособіе, какое могъ, и обѣщалъ посылать и впредь, а вел. князь отправилъ къ патріарху и своего посла—Ивана Владиміровича и затѣмъ еще два раза посылалъ кирилло-бѣлозерскаго игумена Касіана. И какъ цѣлѣю этихъ посольствъ было исходатайствовать у цареградскаго и прочихъ патріарховъ грамоту на независимое поставленіе нашего митрополита въ Россіи и самостоятельное управленіе имъ своею митрополіею, то очень естественно предположить, что и самые дары нашего князя патріархамъ были очень нескудны. Тогда же, по всей вѣроятности, получилъ свое начало и тотъ обычай, по которому русскіе государи, въ продолженіе настоящаго періода, высылали цареградскому патріарху ежегодную дань или жалованье, про-

стиравшееся къ концу XVI в. до пятисотъ золотыхъ ⁽⁴⁴⁰⁾. Кромѣ этого, черезъ годъ по паденіи Царяграда, мы видимъ у себя какого-то цареградскаго, т. е. прибывшаго изъ Царяграда (не отъ самаго ли патріарха?), митрополита Игнатія, который цѣлый мѣсяцъ собиралъ пожертвованія въ Псковѣ и затѣмъ переѣхалъ въ Новгородъ, и еще какого-то грека Димитрія, о которомъ самъ митрополитъ Іона сдѣлалъ слѣдующее воззваніе ко всѣмъ князьямъ, архіепископамъ и епископамъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ вообще православнымъ: «дѣти мои, этотъ человѣкъ, христіанинъ православный, по имени Димитрій, грекъ, пришелъ къ намъ отъ великаго православія, изъ царствующаго Константинограда, и повѣдалъ намъ, что, попущеніемъ Божиимъ, грѣхъ ради нашихъ, тотъ великій Константиноградъ взяли безбожные турки, св. Божіи церкви и монастыри разорили, св. мощи сожгли, старцевъ и старицъ, иноковъ и инокинь и всѣхъ грековъ многолѣтнихъ предали мечу и огню, а юныхъ и молодыхъ отвели въ плѣнъ. Тогда же и онъ, грекъ Димитрій, съ женою и чадами, немилостиво отведенъ былъ, и имѣніе его, говоритъ, все взято, такъ что ему не чѣмъ себя, жены и дѣтей выкупить изъ горькаго плѣненія. Положа упованіе на великое Божіе человеколюбіе и слыша о великой вашей вѣрѣ къ Богу, онъ пришелъ просить милостыни, чтобы выкупить себя и семью изъ плѣ-

(440) Нашей Ист. VI, 20—22. О существованіи ежегодной дани патріарху свидѣтельствуютъ — въ началѣ XVI в. Фаберъ: *Ruthenorum imperator... quotannis Constantinopolitano patriarchae in hanc usque horam... eleemosynamittere consuevit* (у *Старч.* I, 6); а къ концу XVI в. — Антоній Поссевиный: *licet a Constantinopolitano patriarcha confirmatio mitropolitae haud petatur, ei audio quingentos avreos nummos in eleemosynam singulis annis a principe numerari* (у *Старч.* II, 275).

на. И я благословляю васъ, своихъ дѣтей, что кому Богъ положить на сердце, ради спасенія вашихъ душъ, подайте ему милостыню, помня слово самаго Христа: *блаженіи милостивіи, яко тии помиловани будутъ*»...и проч. Если выраженіе митр. Іоны понимать такъ, что грекъ Димитрій повѣдалъ ему первый о взятіи Царяграда турками, то надобно допустить, что этотъ грекъ пришелъ къ намъ нѣсколько прежде и цареградскаго митрополита Игнатія и грамоты цареградскаго патріарха Геннадія (⁴⁴¹). Можно думать, что отправлялъ нашъ вел. князь Василій Васильевичъ свою милостыню и въ Іерусалимъ: иначе трудно понять, по какому поводу іерусалимскій патріархъ Іоакимъ прислалъ ему «прощенную» грамоту, въ которой, похваляя его православіе, благочестіе и покорность церкви, преподалъ ему разрѣшеніе отъ всѣхъ его грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ (⁴⁴²).

Въ княженіе Ивана Васильевича III, этотъ іерусалимскій патріархъ Іоакимъ самъ уже обращался къ Россіи за помощію. Въ Іерусалимѣ случилось страшное землетрясеніе, отъ котораго многія мечети сарацинскія совершенно разсыпались, а славный христіанскій храмъ воскресенія Христова разсѣлся сверху до низу и куполь его упалъ. Тогда сарацины хотѣли отнять у христіанъ этотъ храмъ и обратить въ мечеть, и

(⁴⁴¹) Митрополитъ Игнатій находился въ Псковѣ весь іюнь 1454 г. (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 216); а грекъ Димитрій, хотя грамота о немъ митрополита написана въ томъ же году, могъ прибыть къ намъ гораздо прежде іюня (А. И. I, 264).

(⁴⁴²) А. И. I, № 72. Впрочемъ, эту грамоту Іоакимъ могъ прислать в. кн. Василю Васильевичу чрезъ своего протосинкелла Іосифа, не зная, что Василій Васильевичъ уже скончался (См. слѣдующее примѣчаніе и текстъ, къ которому оно относится).

патріархъ едва могъ умолить египетскаго султана, чтобы не отнималъ церкви и не обращалъ ея въ мечеть. Султанъ потребовалъ за то десять тысячъ венеціанскихъ золотыхъ, но наконецъ согласился уступить, когда патріархъ обязался выплатить ему шесть тысячъ золотыхъ, отдалъ подъ залогъ всѣ церковные сосуды и представилъ восемнадцать надежныхъ поручителей изъ христіанъ. Принявъ на себя такое тяжкое обязательство, глубокій старецъ-патріархъ рѣшился самъ отправиться въ дальнюю Россію, для сбора пожертвованій. Но на пути, въ Каѳъ, скончался, успѣвъ, однакожъ, предъ кончиною написать въ Россію три грамоты: къ вел. князю, къ митрополиту и ко всѣмъ русскимъ. Въ этихъ грамотахъ, сказавъ о высокомъ значеніи св. града - Іерусалима для всего христіанскаго міра, о бѣдствіи, постигшемъ храмъ гроба Господня, и о томъ, что прежде, пока еще поддерживалось христіанство въ Царьградѣ, «св. гробу помогали и болгарская, и сербская земля, и трапезунтская, и иныя земли, а нынѣ всѣ онѣ оскудѣли отъ поганныхъ», патріархъ продолжаетъ, что вслѣдствіе всего этого онъ и предпринялъ путешествіе въ Россію, но что на пути опасно заболѣлъ и, не надѣясь остаться въ живыхъ, посылаетъ, вмѣсто себя, въ Россію своего великаго протосинкелла Іосифа, уже нареченнаго на митрополию Кесаріи Филипповой, и въ заключеніе проситъ русскихъ, чтобы они принимали Іосифа, какъ бы самаго патріарха, и подавали ему милостыню на гробъ Господень. Митрополиту Θεодосію, кромѣ грамоты, патріархъ прислалъ еще письменную довѣренность, которою просилъ и уполномочивалъ его рукоположить Іосифа во епископа-митрополита Кесаріи Филипповой. И нашъ первосвятитель, по благословенію и

уполномоченности отъ патріарха, дѣйствительно рукоположилъ этого Іосифа въ санъ епископа-митрополита (4-го марта 1464 г.), а вслѣдъ затѣмъ написалъ окружное посланіе, въ которомъ, повторивъ все, изложенное въ грамотахъ патріарха, убеждалъ и умолялъ своихъ духовныхъ чадъ, чтобы они «безбоязненно, съ вѣрою и любовію, подавали милостыню Іосифу, митрополиту кесарійскому, каждый, сколько хочеть, по силѣ своей, на искушеніе Христова гроба и на созидавіе св. матери церкви—Сіона, отколѣ возсіяла радость и свѣтъ—Христосъ». Посланіе имѣло успѣхъ, и Іосифъ «пойде назадъ, много собравъ милостынъ», но только будтобы «не дойде своя земля», такъ что неизвѣстно, достигла ли собранная имъ милостыня своей цѣли (⁴⁴³).

Въ 1497 г. къ вел. князю Ивану Васильевичу приходили, милостыни ради, съ св. горы аеонской игумень Паисій и три старца Пантелеимонова монастыря, и князь пожаловалъ имъ довольно милостыни и съ ними послалъ милостыню и въ иные аеонскіе монастыри: ибо «тотъ монастырь св. Пантелеимона, прибавляетъ лѣтопись, изстарины баше строеніе

(⁴⁴³) О грамотахъ патр. Іоакима къ вел. князю и митр. Θεοδοσίῳ упоминаетъ самъ Θεοδοσίῳ въ своемъ посланіи (А. И. I. № 78). Грамота же Іоакима ко всѣмъ русскимъ еще не напечатана и находится въ Сборн. новгор. Соф. библ., нынѣ Спб. дух. акад., первой половины XVI в., № 1454, л. 445 об.—449. Здѣсь патріархъ, говоря о св. мѣстахъ Іерусалима, между прочимъ, замѣтилъ, что эти мѣста „иже и *отъ вашихъ странъ мнози* прихождаху, знаютъ и вѣдаютъ“; а относительно своего протосинкелла Іосифа выражался: „имѣйте его, какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему власть имѣти, юже самъ имѣхъ отъ Духа Святаго, рѣшати и вязати....., и повелѣніемъ нашимъ Іосифъ, нареченный на митрополию Кесарія Филипповы, да дастъ прощеніе грѣховъ требующимъ отъ него и *грамоту отпустную*, еже о грѣсѣхъ, челоувѣкомъ“. О рукоположеніи Іосифа во епископа-митрополита и о сдѣланныхъ имъ сборахъ—П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 151; Ник. Лѣт. VI, 2.

прежнихъ вел. князей русскихъ отъ великаго Владимира». Иванъ III согласился даже принять на себя имя ктитора этой обители, вслѣдствіе чего въ ней устроена была ктиторская чаша его имени, изъ которой, по существовавшему обычаю, пила за трапезой вся братія за его здоровье, пока онъ былъ живъ, а потомъ на память ему, когда онъ скончался ⁽⁴⁴⁴⁾. Около тогоже времени приходилъ въ Россію и изъ другаго аеонскаго монастыря, по имени Ксиропотамона, отъ лица игумена и всей братіи старецъ Герасимъ просить милостыни «на прокормленіе и на подможеніе» той честной обители, ограбленной турками. Великій князь надѣлилъ и этого старца и отпустилъ въ св. гору; но на пути онъ былъ ограбленъ и взятъ въ плѣнъ татарами, потомъ проданъ въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, откуда выкупили его русскіе и привезли въ Москву. Здѣсь митрополитъ Симонъ (1495—1505) принялъ въ немъ живое участіе и написалъ окружное посланіе, въ которомъ, изложивъ все, случившееся съ этимъ старцемъ, призывалъ сыновъ Россіи подавать старцу милостыню, какъ на содержаніе его обители, такъ и на уплату тѣмъ, которые выкупили его изъ плѣна ⁽⁴⁴⁵⁾. Присылалъ, хотя неизвѣстно въ какомъ году, и бѣлградскій митрополитъ изъ Сербіи двухъ старцевъ, Анастасія и Іоаннікія, съ просьбою о милостыни, и Иванъ Васильевичъ не только принялъ ихъ милостиво и одарилъ, но еще пожаловалъ имъ

⁽⁴⁴⁴⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 41—42; VIII, 233; Никон. Лѣт. VI, 149. О кти-торствѣ и ктиторской чаши Ивана III говорятъ иноки этого монастыря въ своей граматѣ 1509 года (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. I, стр. 14, с. п. б. 1858).

⁽⁴⁴⁵⁾ А. И. I, № 103.

отъ себя грамату, чтобы и впредь, когда захочетъ, сербскій митрополитъ могъ присылать съ нею въ Россію за сборомъ милостыни.

Въ княженіе Василя Ивановича эти же самые старцы, дѣйствительно, еще два раза приходили въ Россію, сперва отъ митрополита Григорія, потомъ (въ 1509 г.) отъ преемника его Теофана. Разказавъ новому государю, что сдѣлалъ для нихъ его отецъ, они просили Василя Ивановича, чтобы и онъ оказалъ милость бѣлградской митрополичей обители, принявъ на себя званіе ея ктитора и выдалъ имъ новую грамату на проѣздъ въ Россію, о чемъ говорилось такъ же и въ грамотахъ сербскаго митрополита и сербскаго деспота Іоанна, которыя они представили нашему вел. князю. Съ этими старцами въ 1509 г. прибыли изъ Сербіи еще два старца: Евгеній отъ вдовы сербскаго деспота Стефана, инокини Ангелины, просившей пособія на построеніе новой церкви, и Іоанникій отъ преображенскаго Сысоева монастыря въ Кучайнѣ. Великій князь благосклонно принявъ всѣ просьбы и послалъ: бѣлградскому митрополиту Теофану, извѣщая его и о прежней своей милостынѣ его предмѣстнику—Григорію, три сорока соболей, три тысячи бѣлокъ, новую грамату на проѣздъ его иноковъ въ Россію и серебряный ктиторскій ковшъ или чашу для извѣстнаго употребленія въ обители; вдовѣ бывшаго деспота Ангелинѣ—четыре сорока соболей и четыре тысячи бѣлокъ; преображенскому Сысоеву монастырю на горѣ Кучайнѣ сорокъ соболей и триста бѣлокъ (¹⁴⁶). Гораздо чаще обращались къ намъ за помощію аѳонскіе иноки.

(¹⁴⁶) Сношен. Россіи съ Восток. I, 14—22.

Въ 1507 г. приходили отъ всей горы аеонской изъ Пантелеимонова монастыря архидіаконъ Пахомій и монахъ Іаковъ, и государь послалъ съ ними своему Пантелеимонову монастырю пять сороковъ соболей, пять тысячъ бѣлокъ и серебряную чару, а на прочіе монастыри Аѳона сто шестьдесятъ золотыхъ. Черезъ два года протъ Паисій со всѣми иноками Аѳона и игуменъ пантелеимоновскій Савва прислали къ Василию Ивановичу благодарственныя грамоты за эту милостыню и новыя просьбы о вспоможеніи. Государь и въ этотъ разъ отправилъ Пантелеимонову монастырю пять сороковъ соболей и пять тысячъ бѣлокъ и проту Паисію такое же количество соболей и бѣлокъ на всѣ восемнадцать монастырей Аѳона (⁴⁴⁷). Въ 1515 г. Василій Ивановичъ послалъ на Аѳонъ чрезъ боярина своего Василия Копыля, по завѣщанію своего отца и матери, большую милостыню на тысячу рублей и столько же отъ себя для раздачи по всѣмъ монастырямъ, да кромѣ того въ лавру св. Аѳанасія и въ монастырь Ватопедскій по серебряной чарѣ, камчатыя ризы и пелены къ иконамъ св. Аѳанасія и Благовѣщенія, и собору всѣхъ монастырей св. горы жалованную грамоту на пріѣздъ ихъ иноковъ въ Россію для сбора подаяній (⁴⁴⁸). Черезъ три года пришли въ Москву изъ Ватопедскаго монастыря старцы—Максимъ грекъ, Неофитъ грекъ, да Лаврентій болгаринъ съ грамотами, въ которыхъ игуменъ и братія извѣщали нашего князя и митрополита о полученіи милостыни, посланной чрезъ

(⁴⁴⁷) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 247; Ник. Лѣт. VI, 177; Сношен. Россіи съ Восток. I, 12—14. 20.

(⁴⁴⁸) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 257; VIII, 259; Ник. Лѣт. VI, 203. 205; Сношен. Россіи съ Восток. I, 22—23.

Копыля, рекомендовали ученаго Максима грека, и просили, когда онъ окончить свое дѣло, отпустить всѣхъ трехъ старцевъ назадъ съ милостынею. Вмѣстѣ съ ними пришли и изъ Пантелеимонова монастыря, который при этомъ прямо называется въ лѣтописяхъ *рускимъ*, проигумень Савва и еще два брата, такъ же съ грамотами къ государю и митрополиту: здѣсь игумень и братія просили вел. князя, чтобы обновилъ св. Пантелеимоновъ монастырь—«свою отчину и дѣдину», такъ какъ алтарь великой церкви разсѣлся и падаетъ, и нужно перекрыть всю церковную крышу, а митрополита просили жаловать и миловать монастырь, напоминая, что прежній, почившій митрополитъ русскій миловалъ его. Всѣхъ этихъ аеонскихъ старцевъ, равно какъ и прибывшаго за годъ прежде нихъ изъ Ксиропотамскаго монастыря священноинока Исаію Сербина, государь отпустилъ (1520 г.), кромѣ Максима грека, съ богатыми дарами и пожаловалъ не только деньгами, но и иконами, и одеждами, и другими потребными вещами (⁴⁴⁹). Вообще же пожертвованія изъ Россіи на Аѳонъ, во дни в. кн. Василія Ивановича, были такъ часты и значительны, что въ 1525 г. иноки всѣхъ обителей св. горы, скитяне и киновяне, благодарили чадъ русской церкви «за подаваніе имъ, нищимъ, въ откупъ бусурманскому царю, во вся лѣта тысящу тысящъ, и за сосуды златы и серебряны, и воздуси, украшени драгимъ камыщемъ и бисеромъ, и ризное церковное служеніе, и оклады образомъ», и говорили: «аще бы не великій государь въ подмогу давалъ намъ, сво-

(⁴⁴⁹) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 261; VIII, 263. 269; Ник. Лѣт. VI, 212. 224; А. И. I, *ММ* 122. 123; Снош. Россіи съ Восток. I, 26—32.

имъ богомольцамъ, и въ потребу своего благочестія, и только бы не его государское жалованье было великое къ намъ во св. обители, то во святѣй бы горѣ, во обителѣхъ, мало иноковъ житія ихъ бывало, понеже вси бы изгнани были отъ нечестивыхъ турокъ, по повелѣнію нечестиваго бусурманскаго царя» (⁴⁵⁰).

Бывали при вел. кн. Василіѣ Ивановичѣ, пожертвованія изъ Россіи и патріаршему престолу въ Царьградѣ. По смерти бывшаго патріарха Симеона (въ 1490 г.), турки не только взяли имущество его въ казну султана, но и похитили множество богато-украшенныхъ церковныхъ книгъ, иконъ, кандильницъ и прочей утвари, всего на 180000 астровъ. Вслѣдствіе этого одинъ изъ преемниковъ Симеона, патріархъ Пахомій обратился въ Россію за добротными подаяніями и получилъ щедрую милостыню, особенно отъ тверскаго епископа Нила (1509—1521), который выслалъ ему, кромѣ цѣнныхъ иконъ, ризъ, стихарей и другихъ вещей церковныхъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, 45 соборей, 740 горностаевъ, соболью шубу подъ бархатомъ, 19 шубъ бѣличьихъ, 2000 бѣлокъ дѣланыхъ, 440 хомяковъ, нѣмецкіе часы съ звономъ, ковшъ и двѣ чары серебряныя, множество гребней, ножей, рыбаго зуба, шапокъ лисьихъ, серебряныхъ пуговицъ и проч. Преемникъ Пахомія Θεодитъ присылалъ въ 1518 г. отъ себя въ Россію митрополита Григорія, который пробылъ у насъ полтора года и повезъ патріарху отъ государя «милостыню довольну», а такъ же и

(⁴⁵⁰) См. „Посланіе св. горы инокъ“—въ Выписи изъ Государ. грамоты о сочетаніи втораго брака (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, № 8, отд. IV, 5—8).

отъ митрополита Варлаама, къ которому привезъ грамату отъ патріарха, св. мѣра и частицы мощей ⁽⁴⁵¹⁾. Въ томъ же году прѣѣзжалъ къ Василию Ивановичу старецъ и съ отдаленнаго Синая, по имени Климентъ, и привезъ грамату отъ своего игумена Данила, въ которой изображались крайнія притѣсненія синайской обители отъ безбожныхъ агарянъ, и вел. князь послалъ этой обители милостыню на шестьсотъ золотыхъ соболями, бѣлками, лисицами, рыбьимъ зубомъ и другими вещами. Въ 1533 г. обратился къ нашему государю съ просительною граматою и александрійскій патріархъ Іоакимъ, изображая въ ней бѣдствія своей церкви подъ владычествомъ невѣрныхъ, и прислалъ въ Россію трехъ старцевъ за милостынею; но не знаемъ, застали ли они въ живыхъ Василія Ивановича, скончавшагося въ концѣ этого года ⁽⁴⁵²⁾.

Въ царствованіе Ивана Васильевича IV пособія восточнымъ христіанамъ изъ Россіи еще умножились и увеличились. Онъ помогалъ всѣмъ четыремъ патріархамъ. «Мы много разъ,— писалъ къ нему въ 1556 г. цареградскій патріархъ Діонисій,—обращались къ твоему царству о благодатной милостыни, и ты не только тогда, но и всегда присылаешь къ намъ свою милостыню и помощь. Нынѣ же мы находимся въ тѣснотѣ: монастырь нашъ вмѣстѣ съ великою

⁽⁴⁵¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 260—261; VIII, 263—269; Ник. Лѣт. VI, 212—224; А. Э. I, № 289, стр. 339; А. И. I, № 121. Грамата тверскаго епископа Нила къ В. Андр. Коробову, отправлявшемуся въ Царьградъ, содержавшая перечень вещей, посылаемыхъ патріарху Пахомію, напеч. въ Продолжен Дрвн Росс. Виблію. ч. VI.

⁽⁴⁵²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 262; VIII, 265; Ник. Лѣт. VI, 216; Сношен. Россіи съ Восток. I, 33—42; А. И. I, № 133.

церковію огражденъ только досками и въ разореніи; не имѣемъ ни келлій, ни даже масла деревяннаго для лампадъ». И царь съ честію принималъ патріаршаго посла, митрополита кизическаго и египтискаго Іоасафа, и послалъ чрезъ него (въ генв. 1557 г.) преемнику Діонисію, вскорѣ за тѣмъ скончавшагося, Іоасафу II на сооруженіе ограды и на церковныя потребности соболями на 2000 золотыхъ, а братъ царя Юрій отъ себя—на 200 рублей, митрополитъ Макарій—100 рублей и князь Владиміръ Андрѣевичъ—100 рублей. Да тутъ же послалъ царь и помянникъ всѣхъ своихъ предковъ, князей и княгинь русскихъ для вписанія ихъ въ синодикъ великой цареградской церкви, и отправилъ суздальскаго архимандрита Ѳеодорита, чтобы испросить себѣ у патріарха благословенную грамоту на царство. Въ слѣдующемъ году, патріархъ увѣдомилъ государя своею грамотою, что получилъ его щедрую милостыню, записалъ имена всѣхъ русскихъ князей въ синодикъ великой церкви для поминовенія, его же царское имя велѣлъ поминать не только въ великой церкви, но и во всѣхъ епархіяхъ патріархата, какъ прежде поминались имена греческихъ царей, и обѣщалъ прислать ему, чрезъ своего повѣреннаго, благословенную грамоту на царство. А въ сентябрѣ 1562 г. извѣстилъ царя, что на присланныя имъ деньги не только соорудилъ у себя каменную ограду и новыя каменные келліи, но и завелъ училище, въ которомъ обучаются иноки и міряне всякаго возраста, грамматикѣ, риторикѣ, піитикѣ и другимъ наукамъ, и дѣйствительно прислалъ обѣщанную грамоту, подписанную какъ имъ самимъ-патріархомъ, такъ и всѣми подвѣдомыми ему святителями, которою благословлялъ нашего государя быть и именоваться царемъ закон-

нымъ, благочестивѣйшимъ и право-вѣнчаннымъ. Иванъ Васильевичъ на этотъ разъ (1565 г.) отправилъ 1300 рублей на одному патріарху, но и для раздачи всѣмъ подписавшимъ благословенную грамоту святителямъ. Къ сожалѣнію, милостыня эта не достигла своего назначенія: такъ какъ приходившій къ намъ митрополитъ кизическій и евгріпскій, съ которымъ она была послана, скончался на пути въ Грузію и былъ ограбленъ. Наконецъ, преемнику патріарха Іоасафа, Митрофану, просившему и царя и митрополита нашего Кирилла о вспомошествованіи, первый послалъ (1571 г.) двѣсти рублей на поминъ своей царицы Анастасіи и сто рублей на поминъ своего брата Юрія, да пятьсотъ рублей на муровареніе, которое уже около 50-ти лѣтъ, за скудостію, не совершалось въ Константинополѣ, а митр. Кириллъ приложилъ отъ себя сто рублей такъ же на муровареніе ⁽⁴⁵³⁾. Что касается до прочихъ патріарховъ, то, кромѣ небольшой милостыни въ 1550 г. іерусалимскому (30 рублей самому патріарху и 50 р. ко гробу Господню на свѣчи и ладанъ), Иванъ Васильевичъ отправилъ ко всѣмъ имъ значительныя пожертвованія въ 1559 г. чрезъ новгородскаго софійскаго архидіакона Геннадія и купца Василя Позднякова. Іерусалимскому—Герману послалъ на четыреста золотыхъ венгерскихъ рухляди и бархатную соболью шубу, да еще на четыреста золотыхъ

(⁴⁵³) Ник. Лѣт. VII, 273. 274. 278; Сношен. Россіи съ Восток. I, 71—88. 104—112. 118—121. 123—126. Снес. А. Э. I, № 289, стр. 348. 349; Доп. А. И. I, № 221, стр. 368. Подлинная Соборная грамота 1561 года, утверждающая санъ царя за вел. кн. Иваномъ Васильевичемъ IV, напечатана, въ видѣ особой книги, княземъ *Оболенскимъ* (Москв. 1850). Тамъ же въ примѣч. 3-мъ напечатана изъ Статейнаго списка и вся переписка царя и патріарха по этому случаю, равно какъ и инструкція, какая дана была архимандриту Теодориту.

рухляди въ даръ гробу Господню и на двѣсти золотыхъ для церкви голгоеской; антiохiйскому—Иоакиму на двѣсти золотыхъ рухляди и бархатную соболью шубу; александрийскому Иоакиму—на тысячу золотыхъ рухляди и бархатную соболью шубу (такая же шуба послана была тогда и константинопольскому Иоасафу). Вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ государь и синайскому архіепископу Макарію на тысячу золотыхъ рухляди для обновленія синайскаго монастыря и бархатную шубу, и въ лавру св. Саввы Освященнаго игумену Иоасафу двѣсти рублей денегъ на монастырское строеніе. Въ другой разъ послалъ (1571 г.), чрезъ купца Семена Барзунова, александрийскому патріарху Сильвестру и синайскому архіепископу Евгенію по полутора ста рублей на поминовеніе своей царицы Анастасіи и брата Юрія. А вилеемскому митрополиту Иоакиму пожаловалъ (1582—1584 г.) для обновленія храма сперва пятьдесятъ, потомъ, когда митрополитъ самъ прибылъ въ Москву, сто восемь рублей и сорокъ кунѣцъ ⁽⁴⁵⁴⁾.

Изъ аеонскихъ монастырей Иванъ IV наиболѣе благодѣтельствовалъ Пѣнтелеимонову, называвшемуся русскимъ и ктиторіей русскаго государя, и сербской Хиландарской лаврѣ. Въ 1543 г. онъ пожаловалъ первому монастырю грамоту, въ которой приказывалъ не только давать его старцамъ свободный проѣздъ по Россіи и не брать съ нихъ на пути никакихъ пошлинъ, но и доставлять имъ кормъ и подводы.

⁽⁴⁵⁴⁾ Сношен. Россіи съ Восток. I, 56—59. 95—97. 123. 126. 128—134. Архидіаконъ новгородскій Геннадій посланъ былъ на востокъ не для раздачи только милостыни, но чтобы и „общее во странахъ тѣхъ писати ему“ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 159). Къ сожалѣнію, онъ въ Константинополѣ скончался (Сношен. Россіи съ Восток. I, 98).

По этой-то, конечно, грамотѣ приходили къ намъ въ 1547 г. изъ Пантелеимонова монастыря строитель Савва и три другіе брата просить милостыни «на прокормленіе, вспоможеніе и искупленіе» своей обители, и послѣ того, какъ государь «почтилъ ихъ и удовлетворилъ» изъ собственной казны, митрополитъ Макарій написалъ еще окружное воззваніе ко всѣмъ сынамъ русской церкви, приглашая ихъ жертвовать, по мѣрѣ силъ, на ту же обитель. Въ 1550 г., извѣщая государя о полученной отъ него милостынѣ, братія обители извѣщали такъ же, что на деньги, присланныя его покойнымъ отцемъ, они построили лишь половину монастырской ограды, а другая половина рассыпалась, что монастырь задолжалъ 600 рублей и терпитъ насилія не только отъ турокъ, но и отъ грековъ, отнявшихъ у него многія его земли, и умоляли вновь пособить имъ и написать объ нихъ турецкому султану. Иванъ Васильевичъ не отказалъ въ пособіи и дѣйствительно написалъ турецкому султану, прося Пантелеимонову монастырю «защищенія и облегченія дани». Въ 1554 г. царь приказалъ выдать старцу этого монастыря Евѣимію грамоту на безпрепятственное путешествіе по Россіи для сбора пожертвованій, а въ 1571 г., чрезъ купца Барзунова, послалъ въ этотъ монастырь двѣсти рублей по царицѣ своей Анастасіи, сто пятьдесятъ по братѣ Юріѣ и серебряную чашу по царицѣ Маріи (⁴⁵⁵).

Не менѣе, если даже не болѣе, участія принималъ царь въ судьбѣ сербской Хиландарской лавры. Въ 1550 г. прибылъ

(⁴⁵⁵) А. до юрид. быта Россіи I, № 40; А. И. I, №№ 296. 300; Сношен. Россіи съ Восток. I, 60—62. 68—69. 127.

изъ нея въ Москву игумень Паисій съ грамотою къ царю отъ всѣхъ своихъ братій, въ которой они горько жаловались на бѣдственное положеніе своей обители и притѣсненія не только отъ турокъ, но и отъ греческихъ монастырей. «Нынѣ, писали старцы, монастырь нашъ обветшалъ и келліи всѣ порушились; церковные сосуды, золотые и серебряные, честные кресты, св. евангелія, кадила, рипиды и иная церковная утварь заложены у турокъ и жидовъ за полторы тысячи рублей, а помощи монастырю ни откуда нѣтъ... Плачемся тебѣ, царю и государю, умилосердись, пошли до турецкаго султана свое царское слово, чтобы не бралъ съ насъ дани и пошлинъ и велѣлъ возвратитъ намъ пашни, которыя отняли у насъ греки; они богаты и даютъ туркамъ великіе посулы, отнимая у нашихъ монастырей пашни, а намъ нечего давать туркамъ... Нынѣ наши монастыри Словенскаго языка въ греческой землѣ пребываютъ въ чуждогосударствіи, и мы алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ безъ своихъ царей и ктиторовъ у безбожныхъ Агарянъ. Сотвори милость съ нами». Государь немедленно послалъ (1551 г.) свое ходатайство турецкому султану и о Хиландарскомъ монастырѣ. За тѣмъ, (1554—1556 г.) выдалъ монастырю жалованную грамоту на свободный пріѣздъ его старцевъ въ Россію за милостынею; принялъ монастырь и всѣхъ его иноковъ подъ свое особое покровительство, выражаясь въ своей грамотѣ: «хотя они и не подъ нашимъ обрѣтаются начальствомъ, но видя ихъ скорбь, и утѣсненіе, и смиренное припаданіе къ нашему царству, мы приняли ихъ, во имя государства нашего, для вспоможенія и пропитанія ихъ во всякихъ бѣдахъ», — пожаловалъ монастырю въ Москвѣ подворье со всѣми потребными хоро-

мами, въ новомъ городѣ Китаѣ, по правую сторону богоявленскаго монастыря, и позволилъ тремъ его старцамъ собирать милостыню въ Новгородѣ и по всѣмъ новгородскимъ монастырямъ. Въ 1557 г. послалъ въ монастырь, чрезъ этихъ старцевъ, триста рублей и богатую завѣсу къ царскимъ вратамъ, шитую золотомъ и унизанную жемчугомъ, — при чемъ такъ же послали отъ себя — царевичъ Иванъ серебряную, позолоченную панагію и князь Юрій Васильевичъ пятьдесятъ рублей деньгами. Въ 1559 г. послалъ архимандриту монастыря Прохору, чрезъ новгородскаго софійскаго архиіакона Геннадія, еще триста рублей. Въ 1571 г. пожаловалъ этому же архимандриту Прохору, находившемуся въ Москвѣ, пятьсотъ рублей на помянъ царицы Анастасіи и послалъ въ монастырь, чрезъ купца Барзунова, еще сто пять рублей на поминовеніе брата Юрія. А около 1580 г. послалъ архимандриту монастыря Θεодосію сто двадцать рублей. Надобно замѣтить, что въ 1571 г., кромѣ монастырей Хиландарскаго и Пантелеимонова, государь послалъ, чрезъ купца Барзунова, и къ проту и всему собору св. горы семьсотъ рублей по царицѣ и чотыреста рублей по братѣ для раздачи всѣмъ прочимъ монастырямъ Аѳона ⁽¹⁵⁶⁾.

Послѣдняя и самая значительная милостыня на востокъ отъ царя Ивана Васильевича была милостыня по убитомъ имъ сынѣ, царевичѣ Иванѣ. Съ нею онъ отправилъ въ 1582 г. разомъ два посольства: Трифона Коробейникова съ товарищами въ Царьградъ, Антиохію, Александрію, Іерусалимъ, на

⁽¹⁵⁶⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 158; Ник. Лѣт. VII, 278 - 279; Сношен. Россіи съ Восток. I, 62 — 71. 75 — 76. 97. 126 — 127; 131 — 132; А. Э. I, № 289, стр. 349.

Синайскую гору и въ Египетъ, и Ивана Мешенина съ товарищами въ Царьградъ и во св. гору. Сколько послано было съ Коробейниковымъ, неизвѣстно; замѣчено только, что къ одной великомученицѣ Екатеринѣ на Синайской горѣ назначено было пятьсотъ рублей. А отъ Ивана Мешенина сохранился подробный отчетъ о розданной имъ милостынѣ, изъ котораго видно, что цареградскому патриарху Іереміи доставлено шестьсотъ рублей и сорокъ соболей; по монастырямъ въ Царьградѣ и въ окрестностяхъ его и нищимъ роздано тысячу рублей; на Аѳонѣ — Ватопедскому монастырю дапо 820 р., Хиландарскому 700 р., Пантелеимонову, находившемуся тогда въ заустѣннѣ, 500 р., а прочимъ монастырямъ роздано, черезъ прота св. горы, 2870 р., слѣд. всего — 6490 рублей. Въ сентябрѣ 1583 г. царь послалъ еще въ Царьградъ и на Аѳонъ торговаго челоуѣка Марка Сампсонова съ милостынею по царевичѣ, хотя и незначительною, и именно патриарху послалъ сорокъ соболей, въ Пантелеимоновъ монастырь ризу и стихарь, въ Хиландарскій полное облаченіе, и въ тоже время велѣлъ отпустить милостыню по душѣ царевича въ два монастыря сербской земли, Троицкій и Вознесенскій, чрезъ находившихся въ Москвѣ старцевъ ихъ, по двадцати рублей ⁽⁴⁵⁷⁾. Всего послано было царемъ на востокъ милостыни по царевичѣ Иванѣ, какъ слышали современники-иностранцы, до 10,000 рублей и даже гораздо болѣе ⁽⁴⁵⁸⁾.

⁽⁴⁵⁷⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 263; Сношен. Россіи съ Восток. I, 134—143

⁽⁴⁵⁸⁾ Антоній Поссевинъ говоритъ о царѣ: duos Moscos ad patriarchas monasteriaque orientis misit, denis rublonum millibus (rublo paulo plus duobus coronatis censetur) ad eleemosynam filiiue demortui refrigerium procurandum

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ успѣлъ показать, еще въ первые пять лѣтъ своего царствованія, до учрежденія патріаршества въ Россіи, свою щедрость восточнымъ христіанамъ. Немедленно, по вступленіи на престоль (1584 г.), онъ послалъ въ Царьградъ съ милостынею по скончавшемся отцѣ своемъ Бориса Благова, который доставилъ самому патріарху Ѳеоклиту сорокъ соболей и шестьсотъ рублей деньгами, да роздалъ по монастырямъ цареградскимъ двѣсти девяносто рублей и нищимъ шестьдесятъ рублей. Когда Благой возвратился и привезъ государю грамоты патріарховъ цареградскаго Ѳеоклита, александрійскаго Сильвестра и іерусалимскаго Софронія, а отъ цареградскаго, вмѣстѣ съ царскимъ посломъ, пришли въ Москву еще два іерарха—архіепископъ Елассонскій Арсеній и епископъ Дирахійскій Паисій, тогда Ѳеодоръ Ивановичъ пожаловалъ этимъ іерархамъ 475 рублей и послалъ (къ концу 1585 г.) патріарху цареградскому двѣсти рублей; архіепископу синайскому, въ патріархатѣ александрійскомъ, 850 р. и еще пятьдесятъ четыре рубля на два неугасаемыя кандила, одно у Неопалимой купины, другое надъ мощами великомученицы Екатерины; и патріарху іерусалимскому 900 рублей, съ тѣмъ чтобы онъ роздалъ милостынныя деньги на всѣ церкви и монастыри своей патріархіи, да восемьдесятъ два рубля на два неугасаемыя кандила у гроба Господня и одно на Голгоѣѣ. Патріархъ антиохійскій Іоакимъ, не получившій милостыни, прибылъ (1586 г.) самъ въ Москву, и здѣсь принять былъ съ великою честью, и получилъ

datis (у Старчев. II, 293). Павелъ Одерборнъ: supra septuaginta septem avreorum nummum millia in Graeciam ad patriarchas monachosque... transmisit... (тамъ же 255).

отъ государя, послѣ первой у него трапезы, двѣсти рублей и разные другіе подарки, а предъ отъѣздомъ своимъ два портища бархата и венеціанскаго атласа, камку, сорокъ соболей, серебряную чару въ двадцать пять рублей и деньгами сорокъ рублей, да отъ Троице-Сергіева монастыря три образа въ окладѣ, сорокъ соболей, камку бобровую, серебряную чару и сорокъ рублей деньгами. Съ патріархомъ отпустилъ государь подъячаго Михаила Огаркова: онъ повезъ, вмѣстѣ съ царскими грамотами, цареградскому патріарху 375 рублей дополнительной милостыни по царѣ Иванѣ Васильевичѣ для раздачи тѣмъ монастырямъ, къ которымъ прежняя не дошла, да 160 рублей на выкупъ одной церкви въ Царьградѣ, которую владѣли турки, и александрійскому патріарху триста рублей, соболью шубу подъ камкою и большую серебряную чару, да на монастыри александрійскіе сто рублей (⁴⁵⁹). На Аеонъ посылалъ Ѳеодоръ Ивановичъ милостыню по отцѣ своемъ еще въ 1584 г. чрезъ возвращавшихся тогда изъ Москвы святогорскихъ старцевъ и, между прочимъ, Ватопедскому монастырю послалъ шестьсотъ рублей... За тѣмъ приходили съ Аеона—изъ Пантократора монастыря игуменъ Романъ и изъ монастырей Иверскаго, Ксенофскаго и Никольскаго старцы (1586 г.), изъ Зогуафскаго игуменъ Паисій (1587 г.), изъ Хиландарскаго архимандритъ Арсеній и изъ Ватопедскаго экклезіархъ Григорій (1588 г.), и всѣ возвращались съ полученною отъ царя милостынею. Замѣтнѣе стало, при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, посѣщеніе Россіи духовными лицами изъ серб-

(⁴⁵⁹) Сношен. Россіи съ Восток. I, 145—146. 163. 166. 169. 174. 178—182.

ской и болгарской земли. Въ 1585 г. были въ Москвѣ старцы изъ сербскаго вознесенскаго, Милешева, монастыря, въ которомъ почиваетъ св. Савва сербскій, и изъ сербскаго благовѣщенскаго монастыря на рѣкѣ Папаротѣ, — и въ первый монастырь царь пожаловалъ 275 р. и полное облаченіе, а въ послѣдній сто двадцать рублей. Не успѣли еще выѣхать изъ Москвы эти старцы, какъ прибылъ въ нее самъ верховный ихъ архипастырь, титуловавшій себя архіепископомъ Охриды и всея болгарскія и сербскія земли, по имени Гавріилъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ гревенскимъ Софроніемъ и многочисленною свитою, и, получивъ отъ государя щедрые дары, возвратился въ свою землю. Послѣ него къ намъ приходили: въ 1586 г. изъ болгарской земли—отъ благовѣщенскаго монастыря митрополитъ Виссаріонъ Колоссейскій, отъ великой горы Соговицы игуменъ Гервасій, да отъ монастыря архангельскаго священникъ Стефанъ, а въ 1587 г. митрополитъ Авлонскій Теофанъ съ грамотами отъ болгарскаго—Охридскаго архіепископа Теодула, сербскій епископъ Григорій изъ города Софіи и старцы изъ двухъ сербскихъ монастырей, Аккольскаго и Милешева-вознесенскаго, и изъ Селуни отъ монастыря св. Николая,—и всѣ, надѣленные милостями государя, отпущены были въ свои страны (*).

Вообще число лицъ, стремившихся въ Россію съ востока и изъ юго-славянскихъ земель съ просьбами о помощи постепенно увеличивалось и, при Федорѣ Ивановичѣ, дошло до того, что нѣкоторыхъ, по волѣ правительства, даже не пропускали въ Россію, а на границѣ, надѣливъ отъ имени царя

(*) Тамъ же I, 146—148. 164. 167—169. 182—188.

милостынею, отправляли назадъ. Всѣ приходившіе обыкновенно представляли грамоты то отъ святителей, то отъ своихъ монастырей. Но случались и обманщики съ подложными грамотами, какъ обнаружилось впоследствии; впрочемъ, извѣстенъ лишь одинъ такого рода случай ⁽⁴⁶¹⁾. Многіе просители довольствовались тѣми милостями, какія получали изъ рукъ вел. князя; но другіе предпринимали еще странствованія по Россіи для сбора добродетельныхъ подаяній. Обращаясь къ нашему государю за помощію и дарами, нѣкоторые святители и монастыри присылали или подносили и ему отъ себя поминки: то иконы, то мощи святыхъ. Такъ, царю Ивану Васильевичу—кизическій митрополитъ Іоасафъ привезъ отъ константинопольскаго патріарха Діонисія мощи св. апостола Варнавы и св. мучениковъ Георгія и Пантелеимона; вилеемскій митрополитъ Іоакимъ представилъ отъ себя руку св. мученика Елевѣрія, а старцы Хиландарскаго монастыря поднесли въ первый разъ—обложенныя серебромъ иконы св. Саввы и Симеона сербскихъ, крестъ съ животворящимъ дровомъ внутри, который носилъ на себѣ св. царь-инокъ Савва, и мощи великомученика Стефана, въ другой разъ—мозаическій на серебрянѣ образъ архангела Михаила и мощи св. исповѣдника Анѣма. Царю Ѳеодору Ивановичу прислали патріархи: цареградскій Ѳеодитъ—часть отъ главы св. Лазаря и мощи св. мученицъ Соломоніи, Параскевы и Евдокіи; александрійскій Сильвестръ—икону Пресв. Троицы, обложенную золотомъ, на золотой цѣпи, для ношенія на груди; іерусалимскій Софроній—чудную панагію съ изображеніемъ успенія пресв. Бо-

(461) Тамъ же I, 121—122. 183.

гродицы такъ же для ношенія на груди; патріархъ антiохійскій принесъ въ даръ мощи св. апостола Ананія и Игнатія Богоносца, мучениковъ Георгія, Кипріана и Іустиніи; сербскій епископъ Григорій такъ же принесъ руку отъ мощей св. Григорія Декаполита,—и присланы были отъ монастырей: Пантократорова аѳонскаго—мощи св. великомуч. Θεодора Стратилата, обложенныя серебромъ; Зографскаго аѳонскаго—мощи преп. Михаила Синадскаго и муч. Пигасія, да двѣ иконы Богоматери и великомуч. Георгія съ мощами; Аккольскаго сербскаго—образъ великомуч. Георгія и часть мощей муч. Георгія новаго и проч. (⁴⁶²). Достойно замѣчанія, что, пользуясь своими сношеніями съ цареградскимъ патріархомъ, наши государи посылали къ нему, по временамъ, молодыхъ людей для изученія греческаго языка. Напримѣръ, въ 1551 г. Иванъ Васильевичъ отправилъ къ патріарху Діонисію «паробка» Обрюту Михайлова Грекова, и просилъ патріарха держать его при себѣ, доколѣ не научится греческой граматѣ и языку; а въ 1557 г. просилъ преемника Діонисіева Іоасафа отпустить этого Обрюту, уже научившагося греческому языку, въ Россію. Въ 1583 г. тотъ же государь послалъ въ Царьградъ тридцать рублей на двухъ «ребятъ», обучавшихся тамъ греческой граматѣ при патріархѣ, а послѣдняго просилъ пристальнѣе смотрѣть за ними: такъ какъ патріархъ, находя ихъ слишкомъ взрослыми для изученія граматы, выразилъ опасеніе, чтобы они не убѣжали къ туркамъ. Въ 1585 г. находился въ Царьградѣ еще одинъ ученикъ изъ

(⁴⁶²) Никон. Дѣт. VII, 273; Сношен. Россіи съ Восток. I, 62—64. 129. 151. 155. 158. 160. 165. 173. 183. 186—188.

Россіи Грязнуша Ушаковъ, о которомъ въ слѣдующемъ году Ѳеодоръ Ивановичъ писалъ къ патріарху, чтобы отпустилъ его въ отечество, если онъ уже достаточно наученъ греческой грамотѣ, а если еще нѣтъ, то велѣлъ бы ему пристальнѣе доучиться и тѣмъ показать любовь къ своему царю-государю (⁴⁶³).

II.

Отношенія наши къ римской церкви сохраняли свой прежній характеръ. На латинянъ у насъ смотрѣли, какъ на отступниковъ отъ истинной вѣры, раскольниковъ и еретиковъ, не только простой народъ, но и люди ученые, каковъ былъ Максимъ грекъ, и сами святители (⁴⁶⁴). Латинянамъ приписывали множество ересей, даже и такихъ, въ которыхъ они вовсе неповинны и которыя не заслуживаютъ имени ереси: припоминамъ хоть слова Стоглаваго собора, будто латиняне четверять Св. Троицу, и будто брадобритіе, трегубая али-

(⁴⁶³) Тамъ же I, 69. 81. 134. 135. 151. 181.

(⁴⁶⁴) *Максимъ*. Сочин. I, 213—234; А. И. I, №№ 63. 65. 66. 272. 275. 281. Въ послѣднемъ документѣ, митрополитъ Филиппъ пишетъ къ новгородцамъ, что латинство есть „богоотметная ересь древнихъ еретиковъ Каруловыхъ“, что „въ ересѣхъ латина пребываютъ даже и до-днесь и вси ихъ папы римскыи, четверовластно держа Св. Троицу, млаголюще не тоѣмо отъ Отца Духъ Святыи исходящъ, но и отъ Сына...., и опресночная служатъ, а субботу хранить и почитать въ ню, якоже жидове, и водою кропятся по вся дени тѣмъ же обычаемъ жидовскимъ“, и присовокупляетъ: „а о прочихъ ересѣхъ латынскихъ и въ св. книгахъ поискавъ, обрящете мнози зѣло ереси ихъ“ (—стр. 516). Да и сами латинскіе писатели того времени свидѣтельствовали о русскихъ: *dicunt, omnes obedientes romanae ecclesiae veros christianos non esse, neque salvandos... Imo dominum Papam cum ecclesia romana dicunt haeticum esse de haeresi Ariana, et catholicos omnes arianos vocant, et anathematizant ipsum...* (*Histor. Russiae Monument. I, № 123, p. 124*). Снес. Примѣч. 413.

луія, троеперстіе для крестнаго знаменія суть латинскія ереси (⁴⁶⁵). Кромѣ того, что переписывались еще и употреблялись у насъ всѣ сочиненія противъ латинянъ, появившіяся у насъ въ прежнія времена, теперь появлялись у насъ въ переводахъ съ греческаго и вновь составлялись и нѣкоторыя другія сочиненія такого же рода, въ которыхъ не было латинянамъ никакой пощады (⁴⁶⁶). Самое крещеніе ихъ, чрезъ обливаніе, считалось недѣйствительнымъ, и потому латинянъ, если они принимали православіе, крестили вновь, хотя случаи такого обращенія ихъ къ православію были весьма рѣдки (⁴⁶⁷). Храмы латинянъ не хотѣли у насъ даже называть храмами или церквами, а называли божницами въ отлічіе отъ своихъ, православныхъ церквей и храмовъ. Всѣ обряды римской церкви порицали и осмѣивали, а отъ иконъ, въ ней употреблявшихся, отвращались, такъ что русскіе послы, ѣздившіе къ иностраннымъ дворамъ, всегда возили съ

(⁴⁶⁵) Болѣе подробное перечисленіе латинскихъ ересей можно видѣть въ извѣстной статьѣ „о Фрязехъ и о прочихъ латинахъ“, помѣщавшейся во всѣхъ нашихъ Кормчихъ (см. выше примѣч. 137), и въ статьѣ о преніи греческаго философа Панагіота съ латинами, обличавшаго ихъ въ 72-хъ ересяхъ, которая очень часто встрѣчается въ рукописяхъ XV и XVI в. (выше примѣч. 130).

(⁴⁶⁶) Всѣ сочиненія противъ латинянъ, прежде у насъ употреблявшіяся, разсмотрѣны, а нѣкоторыя и цѣликомъ напечатаны, въ книгѣ А. Попова: Историко-литературный обзоръ полемич. сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), М. 1875. Новые сочиненія противъ латинянъ, проникшія къ намъ въ XV—XVI в. въ переводахъ съ греческаго, суть сочиненія Григорія Паламы и Нила Кавасилы, архіепо. солунскихъ (Опис. рукоп. Москов. Синод. библ. II, 2, 471—477). А изъ русскихъ сочиненій въ этомъ родѣ можемъ указать на „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латиню“, составленное ок. 1461 г., при в. кн. Василии Васильевичѣ и митроп. Феодосіѣ (напечатано сполна въ означенной книгѣ г. А. Попова стр. 360—395).

(⁴⁶⁷) Такъ, служившій у насъ монетчиномъ Иванъ Фрязинъ, родомъ изъ Венеціи, при обращеніи въ православіе, былъ несомнѣнно крещенъ вновь нашимъ православнымъ крещеніемъ (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 176; Ник. Лѣт. VI, 50). См. такъ же далѣе примѣч. 473.

собою свои иконы, и однажды, когда въ Аринимѣ префектъ города предложилъ нашимъ посламъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, они выбросили иконы хозяина изъ комнаты, которую занимали, и на мѣсто ихъ поставили свои образа ⁽⁴⁶⁸⁾. Исповѣдниковъ римской вѣры, приходившихъ къ намъ, художниковъ, ремесленниковъ и другихъ, охотно принимали у насъ на жительство и предоставляли имъ держаться своей вѣры, безъ всякаго стѣсненія; но не позволяли имъ имѣть свои храмы, не позволяли входить и въ русскіе храмы. Въ торжественныхъ случаяхъ государь приглашалъ иногда иностранныхъ пословъ—латинянъ присутствовать при нашемъ богослуженіи, но въ другое время самъ же совѣтывалъ посламъ не входить въ русскую церковь, чтобы не подвергнуться нареканію отъ православныхъ ⁽⁴⁶⁹⁾. Наши архіереи продолжали цвѣтять, предъ рукоположеніемъ своимъ, и тотъ обѣтъ, что они не позволяютъ никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства, какъ съ армянами, такъ и съ латинами (А. Э. I, стр. 471). Эта отчужденность отъ латинянъ, эта непріязнь къ нимъ, переданная намъ греками и воспитанная историческими обстоятельствами, простиралась до того, что самое имя католика было ненавистно русскимъ, и если кто изъ нихъ желалъ другому зла, то говорилъ: «чтобъ тебѣ сдѣлаться латиняни-

⁽⁴⁶⁸⁾ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 239; *Histor. Russiae Monument.* I, p. 125; *Фабер. Moscovit. relig.*, у *Старчев.* I, 10; *Ант. Поссевин. De rebus Moscovit.*, у *Старчев.* II, 276. 298.

⁽⁴⁶⁹⁾ *Поссевин.* тамъ же II, 278. Герберштейнъ въ оба свои посольства присутствовалъ при богослуженіи въ успенскомъ соборѣ 15-го Августа, т. е. въ храмовый праздникъ (*Записки о Московіи*, 72). Но Кобенцелю государь не совѣтовалъ входить въ русскую церковь по означенной причинѣ (*De legat. ad Moscovit.*, у *Старчев.* II, 14).

номъ!», а въ лѣтописяхъ нашихъ и другихъ сочиненіяхъ встрѣчаются даже выраженія: «поганая латына», «безбожная латына», «проклятая латына» и под. (⁴⁷⁰). При такомъ отношеніи русскихъ къ римскому католичеству, легко понять, чѣмъ должны были окончиваться всѣ попытки папъ и папистовъ привлечь русскихъ къ своему исповѣданію. А эти попытки продолжались, хотя и не непрерывно, во весь настоящій періодъ.

Извѣстно, какъ поступилъ папа, когда ему не удалось ввести въ Россію флорентійскую унію чрезъ митрополита Исихора. Папа рѣшилъ съ своими клеветами, по крайней мѣрѣ, отторгнуть отъ русской церкви тѣ девять епархій, которыя находились во владѣніяхъ литовско-польскаго короля—латинянина, и подчинить ихъ особому митрополиту, поставлен-

(⁴⁷⁰) Посевинъ: cum ingens alicui malum imprecantur, utinam te, inquit, latinae fidei videam (у Старч. II, 276). Извѣстный псковскій пресвитеръ Василій, въ монастырѣ Варлаамъ, такъ начинаетъ свою Повѣсть о мученической кончинѣ св. Исидора въ Юрьевѣ ливонскомъ: „Въ лѣто 6985, полученіемъ Божиимъ на христіаны, разсвирѣпившимся безбожнымъ латыномъ и хотящимъ брань воздвигнути... на вся Христовы церкви..., христіанское служеніе... умыслиша разорити *окалннѣи* отъ латыне и въ св. церквей мѣсто восхотѣша свои *идольскіи* храмы поставити и опресночная служенія уставити, еже отъ *проклятаго* папы римскаго Петра гугниваго пріяша; послѣди... *безбожнѣи* Нѣмцы, сирѣчь латынове подтвержденіе пріяша своимъ *проклятымъ* ересемъ и своей *злочестивой* вѣрѣ отъ... папы Евгенія *еретика* суща, врага истинѣ, отъ *антихристова предтечи*, отъ *проклятаго* его собора, и восхотѣша совратити люди Божія отъ вѣры христіанскія истинныя и въ свою *проклятую* вѣру латынскую привести“. И такъ далѣе до самаго конца Повѣсти (Рукоп. Собрн. нашей библ. № 66, л. 222 об.). См. также П. Собр. Р. Лѣт. IV, 218; VI, 191. 192. Равно и Краковскій каноникъ Сакранъ свидѣтельствуетъ: haec schismatis huius Ruthenici una eademque est voluntas omnium, ut adversus Romanam ecclesiam et eiusritum odio fremant insectenturque eam maledictis suis, et fideles de obedientia eius, fide, bonis, gloria vitaeque nudare ac privare moliuntur semper,... toto nisu conantes, ut e medio fideles quosque exterminent, ut sic nomen ecclesiasticae religionis apud et inter eos abolitione prorsus interiret (Elucidar. errorum ritus Ruthenicae, anno Do. 1500 scriptus, apud Lasicium De Russorum Moscovit. et Tartaror. religione..., p. 185—186, Spiraе 1582).

ному въ Римѣ, Григорію, ученику Исидорову. Этимъ дѣло не кончилось. Король польскій нѣсколько разъ писалъ къ нашимъ вел. князьямъ Василию Васильевичу и потомъ Ивану Васильевичу, чтобы они приняли Григорія и въ Москву, и признали его власть надъ всею русскою церковію. Когда и тутъ послѣдовала неудача, самъ Григорій отправилъ своего посла въ Царьградъ къ патріарху Симону (Симеону Трапезунтскому) съ богатыми дарами и съ просьбою, чтобы патріархъ благословилъ и утвердилъ его въ званіи митрополита и надъ московскою митрополіею и послалъ о томъ своего посла къ русскому государю. Но патріархъ, несмотря на свою крайнюю бѣдность, богатыхъ даровъ не принялъ и благословенія не далъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе изъ Царьграда отъ Іосифа, митрополита Кессаріи Филипповой, поставленнаго у насъ въ Москвѣ, и опасаясь, какъ бы патріархъ не колебался, Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ своимъ митрополитомъ Филиппомъ (1465—1473) и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, рѣшилъ: патріаршаго посла, если онъ будетъ посланъ къ намъ съ благословеніемъ Григорію, не впускать въ свою землю и самого патріарха того имѣть «чужа и отречена», и написалъ новгородскому архіепископу Іонѣ († 1470), чтобы и онъ не принималъ ни патріаршаго, ни Григоріева пословъ, если они придутъ въ Новгородъ, не вѣрилъ патріаршей граматѣ и не бралъ никакихъ поминковъ отъ посла Григоріева, а оставался бы вѣренъ московскому митрополиту (⁴⁷⁴).

Между тѣмъ, какъ все это происходило, въ Римѣ созрѣвали новые замыслы противъ русской церкви. Туда, по па-

(⁴⁷⁴) Нашей Исторіи VI, 35—45; А. Э. I, № 80.

деніи греческаго царства, удалися (1460 г.) одинъ изъ братьевъ послѣдняго греческаго императора, Тома Палеологъ, деспотъ Морейскій, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, состоявшимъ изъ двухъ сыновей и дочери, по имени Софіи. Папа принялъ царственнаго пришельца и назначилъ ему на содержаніе отъ себя жалованье, которое, по смерти его (1465 г.), продолжалъ и его малолѣтнимъ дѣтямъ; но за то старался воспитать ихъ въ духѣ своей церкви. Дѣломъ завѣдывалъ пользовавшійся особымъ довѣріемъ папы Павла II-го кардиналъ Виссаріонъ, вѣкогда православный никейскій митрополитъ, но измѣнившій отеческой вѣрѣ во Флоренціи: по его инструкціи, дѣти обязаны были имѣть при себѣ латинскихъ священниковъ, ходить въ латинскія церкви и вообще навѣывать латинскимъ обычаемъ. Когда Софія пришла въ возрастъ, папа и Виссаріонъ рѣшились предложить руку ея русскому вел. князю Ивану Васильевичу, надѣясь достигнуть чрезъ то разомъ двухъ цѣлей: обратить князя и за нимъ всю Россію къ римской вѣрѣ и привлечь его къ участию, вмѣстѣ съ другими государями Европы, въ томъ крестовомъ походѣ, который подготавлилъ тогда папа, особенно по настояніямъ Виссаріона, чтобы сокрушить могущество турокъ и возстановить греческую имперію. Виссаріонъ отправилъ (1469 г.) отъ себя посла, грека—Юрія Траханіота, съ письмомъ къ нашему вел. князю и, предлагая ему руку Софіи, скрывъ отъ него, какъ она воспитывалась въ Римѣ, напротивъ утверждалъ, что она православная христіанка и уже отказала двумъ женихамъ—государямъ латинской вѣры. Такое предложеніе породниться съ императорскимъ домомъ, царствовавшимъ въ Греціи, не могло не понравиться нашему государю, и онъ, по

совѣщаніи съ митрополитомъ, съ своею матерью, братьями и боярами, послалъ въ Римъ принявшаго у насъ православіе монетчика Ивана Фрязина, родомъ венеціанца, сначала чтобы только дать отвѣтъ Виссаріону и папѣ, видѣть невѣсту и достать ея портретъ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени (16 генв. 1472 г.) уже за тѣмъ, чтобы привезть ее въ Россію. Грамата вел. князя, которую въ послѣдній разъ Фрязинъ представилъ папѣ Сиксту IV, была очень коротка: въ ней князь только кланялся папѣ и просилъ вѣрить его посламъ. А посолъ, признавшій за лучшее скрывать въ Римѣ свое православіе и выдававшій себя за латинянина, рѣшился говорить отъ имени князя, съ его ли согласія или самовольно, одну лишь ложь, угодную папѣ, чтобы достигнуть своей цѣли, конечно, понимая, что если будетъ говорить правду, то Софію и не отпустятъ въ Россію. Посолъ увѣрялъ, что русскій государь не отвергаетъ флорентійскаго собора, ревнуетъ о возсоединеніи церквей, пытается приверженность къ папѣ, какъ главѣ церкви, готовъ принять отъ него легата, который изслѣдовалъ-бы на мѣстѣ обряды русской вѣры и наставлялъ-бы заблуждающихся на путь истины, и такъ же готовъ принять участіе въ походѣ противъ турокъ. Папа повѣрилъ послу и успокоилъ кардиналовъ, сомнѣвавшихся въ правотѣ нашего государя и народа; далъ Софіи богатое вѣно и отпустилъ ее въ Россію со множествомъ грековъ, а съ нею послалъ и своего легата Антонія со множествомъ латинянъ. Но скоро для папы должны были начаться разочарованія. Первая измѣнила ему Софія. Еще на пути, въ Псковѣ, встрѣченная торжественно духовенствомъ, она приняла благословеніе отъ православныхъ священниковъ, вошла въ

Троицкій соборъ, выслушала молебствіе, приложилась ко кресту и къ чудотворной иконѣ Богородицы, и, замѣтивъ, что сопутствовавшій ей легатъ, предъ которымъ несли литое изображеніе креста, въ своей пурпуровой одеждѣ и шапкѣ, гордо вступилъ въ церковь, не поклонился предъ иконами, даже не перекрестился, велѣла ему приложиться такъ же къ иконѣ Богородицы. А когда поѣздъ уже приближался къ Москвѣ, вел. князь, до котораго дошли вѣсти, что Антоній, для большей важности, во всю дорогу ѣхалъ съ латинскимъ крыжемъ впереди, началъ совѣтоваться, можно ли допустить это и при вступленіи легата въ Москву. Одни, особенно Иванъ Фрязинъ, говорили, что можно и должно изъ уваженія къ папѣ; а другіе, что такой чести римской вѣрѣ никогда не дѣлали въ Россіи; сдѣлалъ-было Исидоръ, и самъ погибъ. Князь обратился къ митрополиту, и митрополитъ далъ отвѣтъ: «не возможно такъ легату не только войти въ городъ Москву, но и приблизиться къ ней; если же ты дозволишь это, желая почтить его, то онъ войдетъ въ одни ворота города, а я, богомолецъ твой, выйду въ другія; любить и честить чужую вѣру значило бы поругаться своей». Князь немедленно послалъ къ легату, чтобы спряталъ свой крыжъ, и легатъ принужденъ былъ уступить. Вскорѣ послѣдовала свадьба великаго князя (12 ноября 1472 г.). Легатъ представилъ ему письмо и дары отъ папы. Князь принималъ легата и прибывшихъ съ нимъ римлянъ, равно какъ и грековъ, съ великими почестями. Но когда Антоній заговорилъ о флорентійской уніи, князь предложилъ ему побесѣдовать о томъ съ митрополитомъ Филиппомъ. А митрополитъ нарочно приготовился къ этой бесѣдѣ, «много изучилъ, отъ книгъ слова емлючи», и при-

звалъ еще въ помощь себѣ книжника Никиту поповича. Виродженіе преній съ легатомъ, митрополитъ то говорилъ самъ, то приказывалъ говорить Никитѣ. Легатъ, разумѣется, дѣлалъ возраженія, защищалъ свои мысли; но какъ у насъ тогда господствовалъ обычай, въ подобныхъ случаяхъ, на все требовать «свидѣтельства отъ книгъ», безъ чего не хотѣли вѣрить никакимъ доказательствамъ,—обычай, доселѣ остающійся въ силѣ у нашихъ раскольниковъ,—то и отъ легата, вѣрно, потребовали такихъ же свидѣтельствъ въ подтвержденіе его словъ. Легатъ отвѣчалъ: «книгъ со мною нѣтъ»,—и пренія окончились ничѣмъ. Легата отпустили (26 генв. 1473 г.) изъ Москвы съ богатыми дарами папѣ; но это едвали могло утѣшить послѣдняго, тѣмъ болѣе, что не состоялся и предполагавшійся походъ противъ турокъ съ участіемъ въ немъ нашего государя (¹⁷²).

Около тогоже времени, когда въ Москвѣ происходили эти мирныя пренія о вѣрѣ между представителемъ папства и православнымъ святителемъ, въ небольшомъ городкѣ Ливоніи, находившейся нѣкогда подъ властію русскихъ князей, въ нашемъ древнемъ Юрьевѣ (Дерптѣ), совершенно ревнителями латинства страшное насиліе надъ православными. Тамъ былъ «русскій конецъ», т. е. населенный русскими, и въ немъ издавна существовали двѣ русскихъ церкви: одна во имя святителя Николая, другая во имя великом. Георгія. Не далѣе,

(¹⁷²) Все, что происходило по этому дѣлу въ Римѣ, изложено у *Райнальда* (*Annales Eccles. ad ann. 1470—1472*). Инструкція Виссаріона о воспитаніи Софіи и ея братьевъ, преподанная въ письмѣ къ ихъ учителю, напечатана у *Францы* (*Hist. Byzantin. p. 410, ed. Bonn. 1838*). Все прочее—въ II. Собр. Р. Лѣт. IV, 244; VI, 196; VIII, 154. 169. 173. 175; Ник. Лѣт. VI, 7. 37. 43. 49.

какъ въ 1463 г. юрьевскій бискупъ, посадники и ратманы вновь заключили въ Псковѣ съ вел. княземъ московскимъ договоръ, которымъ обязывались давать русскому государю пошлину «по старинѣ» и такъ же «русскій конецъ и св. церкви держать по старинѣ и по старымъ грамотамъ, а не обидѣть» (¹⁷³). Между тѣмъ въ это самое время и начали наиболѣе обнаруживаться обиды русскимъ въ Юрьевѣ, такъ что одинъ изъ русскихъ священниковъ, Іоаннъ, служившій при церкви св. Николая, напелся вынужденнымъ удалиться со всѣмъ своимъ семействомъ въ Псковъ, гдѣ, по смерти жены своей, принявъ монашество съ именемъ Іоны, положилъ основаніе псково-печерскому монастырю (ок. 1470 г.). А другой священникъ, Исидоръ, рѣшившійся не оставлять своей паствы до конца, вскорѣ долженъ былъ вкусить мученическую смерть. Въ началѣ 1472 г., на праздникъ Богоявленія, когда Исидоръ съ своими прихожанами вышелъ на рѣху Амовжу (нынѣ Эмбахъ) и совершалъ водосвятіе, на нихъ внезапно устремились, по приказанію своего бискупа, толпы ливонскихъ нѣмцевъ, схватили священника и до 72-хъ его прихожанъ, мужей и женъ, и повлекли ихъ сначала предъ лице бискупа, а потомъ въ темницу. Очень вѣроятно, что власти и жители Дерпта если и терпѣли въ своемъ городѣ православную церковь, то только подъ условіемъ, какъ это дѣлалось иногда и въ другихъ городахъ латинской вѣры, чтобы православные отправляли свои церковныя службы скромно и скрытно, а отнюдь не

(¹⁷³) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 225. Двѣ русскія церкви въ Юрьевѣ, Николаевская и Георгіевская, упоминаются и въ Описаніи путешествія митроп. Исидора, чрезъ Юрьевъ, на Флорентійскій соборъ въ 1437 г. (Древн. Русск. Визліое. VI, 29, изд. 2).

публично и не торжественно, и что потому-то крестный торжественный ходъ русскихъ на рѣку и возбудилъ въ нѣмцахъ религіозный фанатизмъ. Кромѣ того противъ Исидора еще прежде сильно вооруженъ былъ бискупъ: такъ какъ ему было донесено, что Исидоръ, при своихъ религіозныхъ собесѣдованіяхъ съ нѣмцами, съ жаромъ защищая свое исповѣданіе, смѣло порицалъ вѣру латинскую. По заключеніи Исидора въ темницу, бискупъ послалъ приглашеніе къ старѣйшинамъ города, чтобы они собрались въ ратушу. Потребовали въ ратушу и Исидора съ его прихожанами: здѣсь ихъ судили и убѣждали не упорствовать болѣе въ своемъ православіи, сдѣлаться католиками и сознаться, что они несправедливо хулили латинскую вѣру. Но Исидоръ и его духовные дѣти остались непреклонными, и всѣ, по приговору своихъ жестокихъ судей, 8-го генваря, потоплены были въ рѣкѣ Амовжѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ими устроенъ былъ іорданъ для водосвятія. Весною, по вскрытіи. Амовжи, когда спали ея разлившіяся воды, тѣла страдальцевъ найдены на берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Дерпта; всѣ въ одномъ мѣстѣ, ничѣмъ неповрежденные. Проѣзжіе православные купцы нѣкоторыхъ похоронили тутъ же, а другихъ перевезли въ Дерптъ и погребли у церкви св. Николая (⁴⁷⁴). Черезъ два года (въ

(⁴⁷⁴) Нашей Истор. VII, 41. Разсказъ о мученичествѣ Исидора съ прихожанами написанъ псковскимъ пресвитеромъ Василиемъ съ его обычнымъ многословіемъ и нечуждъ хронологической ошибки: потому что, относя это событіе къ 1472 г., а по другимъ рукописямъ — къ 1475 г. (смъ выше примѣч. 470), говорить, будто оно случилось при новгор. владыкѣ Іонѣ († 1470). Но на основаніи подобной неточности, происшедшей, можетъ быть, отъ переписчиковъ, несправедливо было бы заподозривать достовѣрность всего разсказа, который составленъ, по повелѣнію митроп. Макарія, и могъ опираться на болѣе древнее письменное документъ. Василій влагасть въ уста Исидора, на судѣ, весьма рѣзкія обличенія

1474 г.) юрьевцы снова заключили съ вел. княземъ московскимъ договоръ, въ которомъ статья первая гласила: «што св. Божіи церкви у Юрьевѣ, у рускомъ концы, и рускій конецъ, и то честному бискупу и посадникомъ юрьевскимъ и всѣмъ юрьевцомъ держати честно, по старынѣ и по крестному цѣлованью и не обидѣти» (А. Запад. Рос. I, № 69). А въ 1481 г., при возобновленіи этого договора, сказано было: «бискупу юрьевскому и посадникомъ и ратманомъ юрьевскимъ церкви Божіи св. *Николы и св. Георгия* очистить и рускій конецъ и села тыхъ церквей очистить, по крестному цѣлованью, по старынѣ» (тамъ же № 75, стр. 97).

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы навязывать свою вѣру своимъ малочисленнымъ православнымъ согражданамъ, юрьевцы желали распространять ее и внѣ предѣловъ своего города и всей Ливоніи. Около 1491 г. *стрые чернецы* (названные сѣрыми по цвѣту одежды) прислали изъ Юрьева въ Псковъ Филиппу Петрову, вѣроятно, намѣстнику новгородскаго владыки, грамоту о флорентійскомъ соборѣ, которую Петровъ заявилъ намѣстнику государеву-князю и посадникамъ. За тѣмъ «пришли въ Псковъ изъ Нѣмецъ,—такъ доносилъ владыкѣ Геннадію самъ Филиппъ Петровъ,—сѣрыя чернецы, да начали говорить о вѣрѣ; были у священниковъ, и я былъ тутъ же; а къ тебѣ, государь, итти не захотѣли. И священники много съ ними состязались, и переспорили ихъ отъ божественныхъ писаній. Чернецы говорили: «соединилъ вѣру нашъ папа съ

противъ латинянъ, а равно и увѣщанія къ нимъ, въ родѣ слѣдующаго: „О латини безумніи!.... останитесь злыя и душегубныя прелести, вѣры своея проклятыя латинскія, и примите христіанскую вѣру, и *креститесь* во имя Отца и Сына и Св. Духа“... (Сборн. нашей библ. № 66, л. 222 об.—233).

вашими на осмомъ соборѣ, да и мы и вы христіане, и вѣруемъ въ Сына Божія». Священники отвѣчали: «не у всѣхъ вѣра правая; если вы вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ послѣдуете жидамъ-богоубійцамъ, субботствуете, постясь, и приносите въ жертву опрѣсноки? Этимъ вы, богопротивно, жидовствуете. Еще вы исповѣдуете: и въ Духа Святаго..., отъ Отца и отъ Сына исходящаго, и тѣмъ вводите два начала въ Богѣ и впадаете въ ересь Македонія духоборца. И много другого у васъ совершается вопреки божественныхъ правилъ и соборовъ. А что вы говорите объ осмомъ соборѣ, который созывалъ папа Евгеній..., знаемъ мы хорошо то окаянное сборище; о немъ мы и слышать не хотимъ, оно отвержено Богомъ и четырьмя патріархами. Мы содержимъ только семь вселенскихъ соборовъ, о которыхъ сказано: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь.....* Все это,—заключаетъ Филиппъ Петровъ,—твоимъ благословеніемъ, государь, и многое иное отмолвили студнымъ латынамъ Господни священники отъ божественныхъ писаній» (А. И. I, № 286).

У вел. князя Василя Ивановича былъ любимый врачъ Николай Булевъ, долго жившій въ Россіи и считавшійся чело-вѣкомъ ученымъ, умнымъ и искуснымъ въ словѣ. Пользуясь своимъ положеніемъ и репутаціею, онъ распространялъ въ нашемъ высшемъ обществѣ астрологическія идеи и вѣсть ученіе папизма, и даже написалъ сочиненіе о соединеніи русскихъ и латинянъ. Максимъ грекъ, какъ только прибылъ къ намъ (1518 г.), поспѣшилъ опровергнуть это сочиненіе и вступилъ въ переписку съ самимъ его авторомъ. Изъ переписки видно, что Николай-нѣмчинъ, какъ называлъ его Мак-

симъ грекъ, былъ недовольно знакомъ съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ писалъ, потому что просилъ Максима объяснить ему, когда и какъ отлучились латиняне отъ грековъ; не былъ фаватикомъ-латиняниномъ, потому что просилъ Максима молиться о немъ и принималъ отъ Максима совѣты и убѣжденія отложить всякое латинское словопреніе и съ дѣтскою покорностію принять православную вѣру. Попытка Булева, очевидно, была его частнымъ дѣломъ. Но въ томъ же 1518 г. присланъ былъ въ Москву отъ самаго папы, Льва X, легатъ Николай Шомбергъ, доминиканскій монахъ. Этому послу, равно какъ магистру ливонскаго ордена Албрехту, поручено было папою—склонить нашего князя, чтобы онъ, во первыхъ, примирился съ литовскимъ королемъ и соединился съ другими государями Европы во всенародномъ ополченіи для изгнанія турокъ изъ Греціи, а вовторыхъ—принялъ единеніе съ римскою церковію. Для того, чтобы подѣйствовать на Василя Ивановича, ему представляли, что онъ въ правѣ отнять у турокъ Царьградъ, какъ свое законное наслѣдіе, будучи сыномъ греческой царицы, и что если онъ соединится съ римскою церковію, то папа увѣнчаетъ его царскою короною и титуломъ, а русскаго митрополита возведетъ въ санъ патріарха, и не только не отмѣнитъ, но еще утвердитъ своею грамотою всѣ добрые церковные обычаи въ Россіи. Шомбергъ, вѣрно, сообщилъ папѣ пріятныя вѣсти: потому что къ концу тогоже года папа выражалъ ему, грамотою, свое удовольствіе за присланное имъ донесеніе, хвалилъ его ревность, благоразуміе и труды, подающіе надежду на счастливое окончаніе дѣла, и вновь давалъ обѣщаніе возвеличить русскаго вел. князя, если онъ приметъ флорентійскую унію, королевскимъ титуломъ и всѣми

царскими украшеніями; а въ слѣдующемъ году отправилъ въ Москву еще другаго своего легата, съ грамотою къ самому вел. князю. Папа увѣдомлялъ Василия Ивановича, что, получивъ съ живѣйшею радостію, достовѣрное извѣстіе о его желаніи покориться римской церкви, отправляетъ къ нему своего тайнаго референдарія, достопочтеннаго брата, епископа гардіенскаго Захарію, чтобы чрезъ него яснѣе и полнѣе узнать намѣренія нашего князя и сообщить ему свои, а въ заключеніе повторяетъ обѣщаніе почитать его, когда онъ присоединится къ римской церкви, высокими прерогативами, какъ самага возлюбленнаго своего сына. Но литовская рада, вмѣстѣ съ своимъ королемъ Сигизмундомъ, опасаясь, чтобы нашъ вел. князь, въ самомъ дѣлѣ, не получилъ отъ папы королевскаго достоинства, какъ можно догадываться, не пропустили папскаго легата Захарію въ Россію. Не знаемъ, отвѣчалъ ли Василій Ивановичъ самому папѣ, и что отвѣчалъ, а магистру ливонскому Албрехту, чрезъ котораго такъ же дѣйствовалъ тогда Левъ X на нашего князя, послѣдній поручилъ своему послу передать слѣдующее: «государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и согласьи быти о дѣлахъ; а какъ напередъ того государь нашъ, съ Божьею волею, отъ прародителей своихъ законъ греческій держалъ крѣпко, такъ и нынѣ, съ Божьею волею, законъ свой крѣпко держати хочетъ» (⁴⁷⁵).

Несмотря однакожъ на это, государя нашего не хотѣли

(⁴⁷⁵) Нашей Истор. VII, 278—281; Переписка папъ съ Росс. государ. въ XVI в., стр. 100 и слѣд.; Hist. Russiae Monum. I, № 124, р. 128; Карамз. VII, 61 и примѣч. 191. О непропускѣ легата Захарія въ Москву литовцами—А. Запад. Россія II, № 144, стр. 172.

оставить въ покоѣ. Положеніе католицизма въ то время было самое критическое; тогда совершалась страшная Лютерева реформа, и отъ церкви римской отпадали цѣлыя государства. Ревнители папства пламенно желали вознаградить ее новыми приобрѣтеніями. Одинъ изъ такихъ ревнителей, нѣкто Кампензе, никогда не бывшій въ Россіи, но на основаніи разсказовъ своего отца и брата, долго жившихъ въ ней, написалъ письмо къ папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи. Кампензе говорилъ, что Московія страна многолюдная, и помощь ея была бы весьма важна въ борьбѣ противъ турокъ; что русскіе набожны, благочестивы, отличаются отъ латинянъ въ самыхъ маловажныхъ предметахъ вѣры и питаютъ сочувствіе къ папѣ; что обратить ихъ въ католичество было бы очень легко, тѣмъ болѣе, что вся власть надъ ними сосредоточена въ рукахъ одного вел. князя, который уже не разъ заявлялъ свои желанія быть въ единеніи съ Римомъ, и что если папа Климентъ VII обратитъ эти отдаленные народы Скиѳіи, то заслужитъ безсмертіе въ потомствѣ, а лютеране, дерзнувшіе возстать противъ римскаго престола, застонутъ и покроются вѣчнымъ стыдомъ. И Климентъ дѣйствительно сдѣлалъ новую попытку къ обращенію Россіи: въ 1525 г. онъ прислалъ къ нашему государю обширную грамоту, въ которой напоминалъ о прежнихъ сношеніяхъ съ нимъ римскаго престола, выражалъ сожалѣніе, что доселѣ не утвердился церковный союзъ Московіи съ Римомъ, и просилъ, умолялъ вел. князя не отвергать болѣе этого союза и такъ же оказать содѣйствіе, вмѣстѣ съ другими государями, для изгнанія турокъ. Василій Ивановичъ съ большою честію принималъ папскаго посла, капитана Павла, генуезца, и отпра-

вилъ съ нимъ въ Римъ своего гонца, извѣстнаго Дмитрія Герасимова, съ грамотою, которою отвѣчалъ папѣ, что желаетъ быть съ нимъ въ дружбѣ, поддерживать ее взаимными посольствами и готовъ ратовать противъ невѣрныхъ во славу христіанства. И нашего посла много честили въ Римѣ, подробно спрашивали его о Московіи, и ожидали, не объявить ли онъ на словахъ какого либо тайнаго порученія своего государя; но Дмитрій сказалъ, что такихъ порученій отъ государя для переговоровъ о дѣлахъ церковныхъ или государственныхъ не имѣетъ. Послѣ этого папа, хотя и отпустилъ въ Москву, вмѣстѣ съ Дмитріемъ, своего легата Іоанна Франциска, епископа Скаренскаго, но уже не для переговоровъ о вѣрѣ, а только для примиренія нашего вел. князя съ Польшею ⁽⁴⁷⁶⁾.

Прошла почти четверть вѣка, и изъ Рима не было никакихъ попытокъ къ обращенію Россіи въ католичество. Но вотъ новый русскій государь Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитта, въ качествѣ своего посла, чтобы пригласить оттуда въ Москву ремесленниковъ, художниковъ, врачей и вообще людей ученыхъ, и далъ ему письмо къ императору Карлу V. Предпріятіе это, какъ извѣстно, не увѣнчалось успѣхомъ; но Шлиттъ, который самъ былъ католикъ, представляясь Карлу, удостовѣрилъ его и другихъ, будто московскій князь желаетъ соединенія съ римскою церковію. Императоръ и другіе поспѣшили увѣдомить о томъ папу

⁽⁴⁷⁶⁾ *Кампензе*, Письмо къ Клименту VII въ Библіотекѣ иностр. писателей о Россіи, т. I, отд. III; *Hist. Russiae Monum.* I, № 125, р. 129. 131. 133; П. Собор Р. Лѣт. VIII, 271; А. Э. I, стр. 340; *Карамз.* VII, 85—88.

Юлія III, при чемъ наминали, будто и отецъ князя, Василій Ивановичъ, обращался въ 1527 г. съ такимъ же желаніемъ къ папѣ Клименту VII чрезъ своихъ пословъ, но тогда несумѣли удовлетворить этому желанію. Юлій III, въ 1550 г., назначилъ въ Россію двухъ своихъ нунціевъ, графа Герберштейна и Іоанна Штемберга; далъ имъ инструкцію, какъ вести переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ о присоединеніи его къ римской церкви, и написалъ къ нему письмо. Папа выражалъ свою величайшую радость, узнавъ, что нашъ князь, по примѣру своего родителя, ищетъ соединенія съ римскою церковію, и свою готовность принять его съ отверстыми объятіями, провозгласить его во всемъ христіанскомъ мірѣ царемъ, прислать ему всѣ царскія регаліи, короновать его въ Москвѣ чрезъ примаса Россіи, московскаго архіепископа, если только князь дастъ клятву сохранять вѣрность и покорность римской церкви со всѣмъ своимъ народомъ и примириться съ Польшею и Ливоніею, чтобы вмѣстѣ съ прочими христіанскими государями направить свое оружіе противъ враговъ вѣры, татаръ и турокъ ⁽⁴⁷⁷⁾. Но это посольство въ Россію отъ папы Юлія, по настояніямъ польскаго короля Сигизмунда Августа, не состоялось ⁽⁴⁷⁸⁾. Подобное случилось впослѣдствіи при папѣ Григоріѣ XIII. Въ 1575 г. былъ въ Москвѣ посломъ отъ императора Максимилиана II Кобенцель, и по возвращеніи описалъ свое посольство въ посланіи

⁽⁴⁷⁷⁾ Hist. Russiae Monum. I, №№ 130—133, pag. 134—141.

⁽⁴⁷⁸⁾ Supplement. ad Hist. Russ. Monum. № 10, pag. 20. Тотъ же король не пропустилъ въ Москву папскаго легата, котораго Пій IV посмалъ въ 1561 г. къ нашему государю, чтобы извѣстить его о постановленіяхъ тридентійскаго собора (Hist. Russ. Monum. I, №№ 141. 144, pag. 182. 199).

къ Колоцкому архіепископу Дражковичу, Кобенцель свидѣ-
 тельствовалъ, что русскіе чрезвычайно религіозны, и если
 прежде враждебно относились къ латинянамъ, то теперь вы-
 сказываютъ желаніе видѣть Римъ и поклониться его святынь,
 что ихъ легко привлечь къ римской церкви, отъ которой
 они различаются по вѣрѣ только весьма немногимъ и не
 существеннымъ, и что тогда католицизмъ пріобрѣтетъ себѣ
 второе, даже вчетверо болѣе послѣдователей, нежели сколько
 недавно потерялъ въ Германіи и Франціи. Объ этомъ, вѣ-
 роятно, доведено было до свѣдѣнія папскаго двора, и тамъ
 рѣшили (генв. 1576 г.) отправить въ Москву священника
 Рудольфа Кленхена, который и прежде бывалъ въ Россіи и
 зналъ ея языкъ и обычаи, съ письмомъ отъ папы къ нашему
 государю. Посолъ, по данной ему кардиналомъ Морономъ
 инструкціи, долженъ былъ говорить Ивану Васильевичу, что
 папа услышалъ о добромъ расположеніи его къ римской
 церкви, о его побѣдахъ, доблестяхъ, ревности по вѣрѣ; что
 ему весьма было бы полезно соединиться съ папою, кото-
 рый многихъ уже властителей удостоилъ сана и титула коро-
 левскаго; что когда признаетъ папу главою церкви, тогда
 можетъ требовать себѣ отъ него іереевъ и богослововъ,
 и проч. (⁴⁷⁹). Въ настоящій разъ отправленію папскаго по-
 сольства въ Москву воспрепятствовалъ императоръ Максими-
 лианъ, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія папской власти (⁴⁸⁰).

Настала, наконецъ, пора, что царь Иванъ Васильевичъ

(⁴⁷⁹) Кобенц. De legat. ad Moscovit., у Старчев. II, 13—14; Карамз. IX, 190 и примѣч. 564. Письмо кардинала Морона съ инструкціею Кленхену напечатано у Старчев. II, 4—9.

(⁴⁸⁰) Supplement. ad Hist. Russiae Monum. № 10, pag. 21.

самъ обратился къ папѣ и отправилъ (1580 г.) въ Римъ своего гонца Шевригина, хотя болѣе уже пятидесяти лѣтъ туда не приходили послы изъ Россіи. Царя вынудила къ тому несчастная война съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Въ письмѣ своемъ, которое представилъ папѣ Григорію XIII Шевригинъ, царь увѣрялъ, что желаетъ имѣть союзъ и постоянныя сношенія съ римскимъ владыкою, какъ и со всѣми христіанскими государями, просилъ примирить его съ Баторіемъ и для этого прислать въ Россію своего посла, давая обѣщаніе, что, по заключеніи мира съ Польшею, обратитъ свои силы, вмѣстѣ съ другими государями, противъ турокъ; а о вѣрѣ, о соединеніи съ римскою церковію, вопреки ожиданіямъ папы, не сказалъ ни слова. Но Григорій XIII не захотѣлъ упустить такого благопріятнаго случая для распространенія католицизма и послалъ въ Москву не обыкновеннаго посла, какого просилъ царь, а ученѣйшаго богослова, іезуита Антонія Поссевина, саномъ пресвитера, чтобы онъ прежде всего повелъ дѣло съ царемъ о вѣрѣ и о соединеніи его съ римскою церковію, а потомъ уже постарался примирить его съ королемъ польскимъ (⁴⁸¹). Антоній, посѣтивъ сначала Баторія въ Вильнѣ и благословивъ его на бранные подвиги, пріѣхалъ къ Ивану Васильевичу, находившемуся

(⁴⁸¹) Все это изложено въ письмѣ тогдашняго папскаго нунція Калигари къ польскому королю (Hist. Russiae Monum. I, № 213, p. 306) и въ дневникѣ папы, гдѣ именно сказано: *cum de religione nulla fiat mentio* (въ письмѣ нашего государя), *nulla de reconciliatione cum Romana ecclesia, non visum est sanctitati suae...., nisi ut mittatur aliquis ad Moschorum ducem, qui cum eo prius agat de religione et reconciliatione cum Romana ecclesia et deinde, si obtemperaverit, de componenda pace inter eum ac Poloniae regem* (ibid. № 251, p. 389).

тогда съ войскомъ въ Старицѣ, 18 августа 1581 г., былъ принятъ съ чрезвычайными почестями и представилъ письмо папы и дары: крестъ съ распятіемъ, четки съ алмазами и въ богатомъ переплетѣ книгу о флорентійскомъ соборѣ. Папа писалъ, что весьма радъ имѣть союзъ съ нашимъ государемъ и содѣйствовать примиренію и союзу его съ королемъ польскимъ, чтобы потомъ направить соединенныя дружины христіанскихъ властителей противъ невѣрныхъ, но что есть еще другой союзъ, важнѣйшій, союзъ религіозный, о которомъ онъ — папа, какъ глава церкви и намѣстникъ Христовъ, преимущественно долженъ заботиться и который всего болѣе онъ желалъ бы имѣть и съ государемъ Россіи, — для чего и посылаетъ ему книгу о флорентійскомъ соборѣ, которую просить прочесть съ особеннымъ вниманіемъ, и отличнаго богослова Антонія Поссевина, которому просить вѣрить во все. Царь Иванъ былъ очень доволенъ прибытіемъ папскаго посла; дозволилъ, по просьбѣ его, италіанскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть при себѣ своихъ священниковъ и совершать обряды своей вѣры, хотя и примолвилъ: «а церковей римскихъ въ Россіи не будетъ, какъ и прежде не бывало»; обѣщалъ объявить послу свое мнѣніе и относительно соединенія вѣръ; но прежде желалъ, чтобы Антоній отправился къ Баторію и расположилъ его прекратить войну и заключить миръ съ Россією ⁽⁴⁸²⁾. Когда миръ дѣйствительно былъ заключенъ, благодаря, впрочемъ, не столько стараніямъ Антонія,

(⁴⁸²) Современное извѣстіе о пребываніи у насъ Антонія Поссевина, написанное въ видѣ дневника, напечатано въ Древн. Россійск. Вивліое. VI, 71—107. Письмо папы Григорія XIII къ царю Ивану Васильевичу отъ 15 марта 1581 г. напечатано у *Старчев. Hist. Ruthen. script. exteri*, II, 340.

сколько храбрости царскихъ воеводъ и войска, защищавшихъ Псковъ и почти истребившихъ полчища Баторіевы, Антоній прибылъ въ Москву съ полною надеждою повести теперь дѣло и о соединеніи церквей. Сначала онъ домогался, чтобы царь хотя однажды выслушалъ его наединѣ; но бояре объявили (18 февр. 1582 г.), что это невозможно, что о такихъ важныхъ дѣлахъ царь никогда не разсуждаетъ безъ своихъ ближнихъ людей, что всякъ ревнуетъ о своей вѣрѣ, хвалить ее, и при разговорахъ о ней могутъ произойти противорѣчія, брань и затѣмъ вражда. Антоній отвѣчалъ, что надѣется не подать повода къ ссорѣ, разговаривая съ такимъ государемъ, и согласенъ вести съ нимъ бесѣду и при его сенаторахъ, если онъ того желаетъ. Тогда назначенъ былъ день (21 февр.), въ который Антоній съ тремя іезуитами явился въ тронную государеву палату, гдѣ сидѣлъ уже царь, окруженный множествомъ своихъ бояръ ⁽⁴³³⁾.

Царь сначала повторилъ Антонію тоже, что говорили ему прежде бояре, и совѣтовалъ лучше не начинать рѣчи о вѣрѣ, опасаясь, чтобы въ жару преній не произнестъ чего нибудь непріятнаго и тѣмъ не повредить дружбѣ, какая теперь

(433) Краткія замѣтки объ этихъ бесѣдахъ царя съ Антоніемъ находятся и въ означенномъ современномъ извѣстіи (Древн. Росс. Вѣст. VI, 97. 100. 102—103). Но подробно бесѣды тогда же записаны—у насъ какимъ либо дьякомъ и внесены въ Посольскія книги палатскаго двора (напечатаны, хотя не вполне, у Бантишъ—Каменскаго въ Истор. Извѣстія объ Уніи, § I, и у Карамз. IX, примѣч. 624—635), а такъ же—и самимъ Антоніемъ Поссевиномъ (De rebus Moscovit., у Старчев. II, 308—316, а равно въ Supplement. ad Histor. Russiae Monum. №№ 33—35). Эти двѣ записки не во всемъ сходны между собою, но одна другую какбы дополняютъ. Въ нашей запискѣ бесѣды изложены многословнѣе и кое-гдѣ какбудто перемѣшаны: у Антонія, который дѣлалъ свою запись послѣ, онѣ изложены скатѣе и въ болѣе примѣтномъ порядкѣ, котораго и мы будемъ придерживаться

у него, великаго государя, съ папою, и съ цесаремъ, и съ королемъ польскимъ. Затѣмъ прибавилъ: «видишь, мнѣ уже 51 годъ, недолго остается жить, и не годится перемѣнять ту вѣру, въ которой я воспитанъ. Настанетъ день суда, когда Богъ разсудитъ, наша ли вѣра истинная или латинская. Впрочемъ, я не запрещаю тебѣ, какъ посланному папою Григоріемъ XIII, для защиты римской вѣры, исполнять твой долгъ: можешь говорить, что считаешь нужнымъ». Тогда Антоній сказалъ: «Свѣтлѣйшій государь! Изъ всѣхъ великихъ милостей, тобою мнѣ оказанныхъ, самая главная та, что ты позволяешь мнѣ говорить нынѣ съ тобою о важнѣйшемъ предметѣ. Знай же, что верховный первосвященникъ вовсе не нудитъ тебя перемѣнять древнѣйшую вѣру греческую, которую проповѣдывали св. отцы и законные соборы; напротивъ, убѣждаетъ тебя, чтобы ты узналъ и понялъ ее, какою она была, и удержалъ лишь то, что осталось отъ нея цѣлымъ въ твоихъ владѣніяхъ. Когда ты сдѣлаешь это, то уже не будетъ церкви западной и восточной, а всѣ мы будемъ едино во Христѣ, и не станемъ уклоняться отъ вашихъ храмовъ, богослуженій, священниковъ, которые будутъ тогда правильно совершать таинства Божіи. Не удивляйся, что св. отецъ предлагаетъ тебѣ это: его побуждаетъ къ тому папскій долгъ заботиться о церкви Христовой. Да ты и самъ писалъ къ нему, чтобы утвердилъ союзъ твой и дружбу съ прочими государями христіанскими для одолѣнія невѣрныхъ, а ничѣмъ такъ прочно не можешь соединиться съ христіанскими государями, какъ единствомъ вѣры. Ты самъ писалъ къ королю Стефану Баторію, что это единство вѣры признали на флорентійскомъ соборѣ греческій императоръ со всѣмъ востокомъ и рус-

скимъ митрополитомъ Исидоромъ. Ты самъ сказалъ, что католики и люди римской вѣры свободно живутъ въ московскомъ государствѣ по своей вѣрѣ... Если сомнѣваешься въ дѣяніяхъ флорентійскаго собора, потребуй подлинныя писанія греческихъ отцевъ изъ Царьграда или отъ нашихъ грековъ, и я покажу тебѣ изъ нихъ истинную вѣру; или позволь мнѣ извлечь для тебя главнѣйшія свидѣтельства греческихъ отцевъ изъ той книги о флорентійскомъ соборѣ, которую я принесъ тебѣ. Если ты соединишься вѣрою съ папою и всѣми государями, то, при содѣйствіи ихъ, не только будешь на своей прародительской отчинѣ—въ Кіевѣ, но и сдѣлаешься императоромъ Царьграда и всего востока». Государь отвѣчалъ: «о вѣрѣ я къ папѣ не писалъ, да и съ тобою не думалъ говорить о ней, чтобы не причинить тебѣ чего непріятнаго, и потому, что мой долгъ—заправлять мірскими дѣлами, а не духовными. Если ты говоришь о вѣрѣ, ты присланъ на то отъ папы и самъ попъ; а намъ, безъ благословенія митрополита и всего освященнаго собора, говорить о вѣрѣ не пригоже. Впрочемъ знай, что мы вѣруемъ не въ грековъ, а во Христа. Что же—до восточной имперіи, то Господня есть земля; кому захочетъ Богъ, тому и отдастъ ее. Съ меня довольно и своего государства, другихъ и большихъ государствъ во всемъ свѣтѣ не желаю». О флорентійскомъ соборѣ и о соединеніи съ другими христіанскими государями для прогнанія турокъ царь ничего не сказалъ; но вновь обѣщалъ, что дозволить латинскимъ купцамъ въ Россіи имѣть своихъ священниковъ и исполнять свои обряды, только не дозволить строить латинскихъ церквей.

Несмотря однакожъ на отказъ царя бесѣдовать о вѣрѣ, Антоній началъ умолять его, чтобы онъ высказалъ свои мысли

по этому дѣлу. *Царь*: «мы приняли христіанскую вѣру съ самаго начала христіанства, когда апостоль Андрей приходилъ въ наши страны и отсюда отправился въ Римъ; потомъ при Владиміръ она еще болѣе у насъ распространилась. Такимъ образомъ, въ одно и тоже время, когда вы въ Италіи приняли христіанскую вѣру, приняли ее и мы; но у насъ она сохранилась неповрежденною доселѣ, а въ римской вѣрѣ нынѣ семьдесятъ вѣръ, какъ ты самъ говорилъ мнѣ въ Старицѣ».

Антоній: «въ Римѣ всегда пребываетъ та вѣра, которую проповѣдали въ началѣ Петръ и Павелъ; за нее потомъ почти триста лѣтъ проливали кровь свою преемники Петра; а послѣдующіе, хотя и жили въ болѣе покойныя времена, сохранили ее неповрежденною среди всѣхъ тревоженій. Въ Римѣ не семьдесятъ вѣръ, а одна; семьдесятъ же и еще болѣе ересей пошли отъ Лютера, и всѣ онѣ прокляты».

Царь: «то хорошо, что папы проливали кровь свою за вѣру Христову. Ибо Христосъ сказалъ: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить*».

Антоній: «вотъ и я пришелъ въ Московію смѣло во имя Божіе, а другихъ посылаетъ папа въ Индію и въ другія страны свѣта, и они переносятъ все за имя Христово».

Царь: «написано: *шедше, научите вся языки, проповѣдите Евангеліе всей твари*. Когда совершали это всѣ апостолы, ни одинъ изъ нихъ не былъ больше другаго; а

отъ нихъ пошли епископы, архіепископы, митрополиты, въ томъ числѣ и наши».

Антоній: «прочихъ апостоловъ Христосъ послалъ на проповѣдь съ одинаковою властію, но одному Петру далъ то, чего не далъ имъ,—ключи царства небеснаго, и поручилъ утверждать братію и пасти своихъ овецъ. Если и происшедшіе отъ другихъ апостоловъ епископы со-

храняють свою власть, не тѣмъ ли болѣе должно сохранять ее сѣдалище Петра, которое и врата адова не одолѣють и которое пребудетъ до скончанія вѣка, по обѣтованію Христову?»

Царь: «мы признаемъ Петра и многихъ св. папъ, Климента, Силвестра, Агаѳона, Льва, Григорія и другихъ. А послѣдующіе за тѣмъ папы — какіе они пріемники Петра? Живя нечестиво, съ такою же ли властію они сѣдятъ на сѣдалищѣ Петра?» *Антоній*: «Безъ сомнѣнія, съ такою же, потому что они постоянно слѣдовали писанію, канонамъ и ученію тѣхъ древнихъ папъ, которыхъ и вы признаете. А что до нравственности, то сила таинства и управленіе церковію, представленное папамъ, зависать не отъ жизни людей, но отъ непреложнаго установленія Христова. Да и не все то правда, что говорятъ про папъ отдѣлившіеся отъ тѣла Христова... Ты, конечно, законный наслѣдникъ князя Владиміра святаго и его преемникъ: чтожъ, если бы кто вздумалъ отвергать твою наслѣдственную власть, или твоихъ предковъ, ради того, что они совершили что либо по немощи человѣческой? Развѣ не слѣдовало бы такого обличить, не говорю, подвергнуть наказанію?» Эти слова взволновали царя, и онъ, почти поднявшись, сказалъ: «знай, что папа не пастырь». «А если не пастырь, отвѣчалъ Антоній, то за чѣмъ же ты посылаешь къ нему о твоихъ дѣлахъ, и развѣ ты и твои предмѣстники не всегда называли его пастыремъ церкви?» Тогда царь вышелъ изъ себя, вскочилъ съ мѣста, и всѣ думали, что онъ поразить Антонія своимъ жезломъ; но царь только сказалъ: «тебя, вѣрно, мужики на площади научили говорить со мною, какъ съ мужикомъ».

Антоній старался успокоить царя лъстивыми словами и, къ

изумленію всѣхъ, дѣйствительно успокоилъ, такъ что онъ снова сѣлъ на свое мѣсто, и сказалъ: «не хотимъ говорить съ тобою о большихъ дѣлахъ по вѣрѣ, чтобъ тебѣ не въ досаду было, а вотъ малое дѣло: у тебя борода подсѣчена, а подсѣкать и подбривать ее не вѣлно, ни попу, ни мірскимъ людямъ». Антоній отвѣчалъ, что онъ бороды не сѣчетъ себѣ и не брѣтетъ, а еслибы и брилъ, то ничего бы худого не было, потому что это дѣлали и святые, и прежніе папы, какъ свидѣлствуютъ ихъ сохранившіяся изображенія. Царь продолжалъ: «сказывалъ намъ нашъ паробокъ, Истома Шевринъ, что папа Григорій сидитъ на престолѣ, и носятъ его на престолѣ, и цѣлуютъ его въ ногу, а на сапогѣ у него крестъ, на крестѣ распятіе Господа: пригожее ли то дѣло? У папы Григорія ведется то вопреки уставу св. апостоловъ и св. отцевъ, и отъ гордыни такой чинъ уставленъ». Антоній объяснялъ, что папа садится на престолѣ не по гордости, а чтобы удобнѣе благословлять народъ въ торжественныхъ случаяхъ; что кланяются папѣ въ ноги, по примѣру того, какъ кланялись христіане апостоламъ, а на ногѣ у папы крестъ для того, чтобы лобызающіе его понимали, что честь, воздаваемая ими папѣ, относится къ самому Христу. Затѣмъ говорилъ: «папѣ воздается честь по его достоинству и величеству; онъ всѣмъ государямъ отецъ, и учитель, и глава; онъ сопрестольникъ Петру и Павлу, а Петръ сопрестольникъ Христу; папа царствуетъ въ Римѣ, гдѣ лежатъ мощи апостоловъ Петра и Павла, Андрея и другихъ, мощи вселенскихъ учителей и многихъ мучениковъ. Такого ли великаго государя, папу Григорія, сопрестольника Петра и Павла, всѣмъ намъ не величать и не славить?.... Вотъ и ты—госу-

даръ великій въ своемъ государствѣ, и васъ, государей, какъ намъ не величать, не славить и не повергаться предъ вами?» При этомъ Антоній дѣйствительно поклонился Ивану Васильевичу въ ноги. Но царь отвѣчалъ: «твои хвалебныя слова о папѣ Григоріѣ ты говоришь отъ своего мудрованія, а не по преданію апостольскому. Святителямъ не подобаетъ такъ гордиться, а подобаетъ ему смиренномудрствовать и подражать Петру во всемъ по заповѣди Христовой.... Насъ, государей, пригоже почитать по царскому величеству; а святителямъ, ученикамъ апостоловъ, должно показывать смиреніе, а не возноситься выше царей гордостію; царямъ—царская честь, а святителямъ—святительская. ... Мы чтимъ своего митрополита и требуемъ его благословенія, но онъ ходитъ по землѣ, и мы не поклоняемся ему, какъ Богу..... Папа велитъ носить себя на престолѣ и величается сопрестольникомъ Петру, а по Петрѣ и самому Христу. Но папа не Христосъ, и престолъ, на которомъ носятъ папу, не облако, и носящіе его не ангелы; не слѣдуетъ папѣ Григорію уподоблять себя Христу, да и Петра, верховнаго ученика Христова, хотя онъ творилъ всѣ дѣла по заповѣдямъ Христовымъ, не подобаетъ равнять Христу... Который папа живетъ по Христову ученію и по апостольскому преданію, тотъ—сопрестольникъ великимъ папамъ и апостоламъ; а который папа начнетъ жить не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, а не пастырь». Тутъ Антоній прекратилъ свою бесѣду, сказавъ: «коли ужъ папа волкъ, то мнѣ что и говорить?» А государь на это: «я жъ предупреждалъ тебя, Антоній, что если намъ говорить о вѣрѣ, то безъ раздорныхъ словъ не обойдется; да и волкомъ я назвалъ не настоя-

щаго вашего папу, а того, который не захотѣлъ бы жить по ученію Христову и апостольскому преданію. Но пора кончить». И положилъ государь руку на Антонія и, дважды обнявъ его, отпустилъ.

Черезъ два дня (23 февр.) собралось во дворецъ еще гораздо больше народа, чѣмъ прежде, и Антонія вновь позвали къ государю. Антоній былъ въ большомъ страхѣ и, на всякой случай, пріобщилъ даже своихъ спутниковъ св. тайнъ. Но Иванъ Васильевичъ, какъ только увидѣлъ его, пригласилъ его сѣсть и громкимъ голосомъ въ слухъ всѣхъ произнесъ: «Антоній! если я сказалъ тебѣ прошлый разъ что либо непріятное о римскомъ первосвященникѣ, то прошу меня извинить, и не пиши о томъ къ папѣ. Мы хотимъ имѣть съ нимъ, несмотря на разности по вѣрѣ, какъ и съ прочими христіанскими государями, дружбу, братство и единеніе, для чего и пошлемъ съ тобою въ Римъ нашего посла. А о всемъ прочемъ дадутъ тебѣ отъ нашего имени отвѣтъ наши бояре». Бояре разсуждали съ Антоніемъ о разныхъ политическихъ дѣлахъ; относительно же вѣры только просили его, именемъ государя, изложить на бумагѣ, чѣмъ разнятся вѣра русская и латинская, такъ какъ въ Россіи никто не умѣетъ перевести съ греческаго присланную папою кви́гу о флорентійскомъ соборѣ. Антоній обѣщалъ исполнить просьбу.

Въ послѣдній разъ Иванъ Васильевичъ имѣлъ съ Антоніемъ рѣчь о вѣрѣ четвертаго марта. То было первое воскресенье великаго поста. Позвавъ къ себѣ Антонія, въ присутствіи многочисленныхъ сановниковъ и царедворцевъ, государь сказалъ ему: «нынѣ мы идемъ въ соборную церковь; пойдѣ и ты,—мыѣ сказали, что ты этого желаешь,—и посмотри, какъ

мы поклоняемся Пресв. Троицѣ, и Богородицѣ, и всѣмъ Святѣмъ, какъ чтимъ нашего отца и богомольца митрополита, но не обожаемъ его, не носимъ на престолѣ, какъ вы носите своего папу и цѣлуете его въ ногу: то гордость, а не святительское дѣло. Ты называешь папу намѣстникомъ ап. Петра; но Петръ такъ не дѣлалъ, его не носили на престолѣ, а ходилъ пѣшъ и босъ». Антоній, озадаченный новыми нападками на папу, хотя царь въ нихъ уже извинялся, отвѣчалъ, что желанія идти въ русскую церковь никому не выражалъ, что знаетъ чинъ ея службы и не можетъ присутствовать при служеніи митрополита, пока онъ не утвержденъ папою, а въ защиту папы повторялъ прежнія свои слова и, подъ конецъ, сказалъ: «какъ намъ всѣмъ не чтить и не величать папы? Онъ всѣмъ отцамъ отецъ. А вотъ и у тебя, государя, митрополитъ, и ты какую ему честь воздаешь? Умоетъ онъ въ службѣ руки свои, и тою водою ты мажешь свои очи». Государь: «называешься учителемъ и сказываешь, что пришелъ насъ учить, а и того не знаешь, что говоришь; читалъ ли ты толковую обѣденную службу (толкованіе на литургію)?» Антоній отвѣта не далъ, и государь продолжалъ: «коли не знаешь, я тебѣ скажу: тою водою, которою митрополитъ на обѣднѣ умываетъ руки, какъ онъ самъ, такъ и мы всѣ просвѣщаемъ очи свои; она знаменуетъ страсти Господни». Послѣ того Антоній сказалъ: «чтобы не утруждать тебя болѣе, государь, прошу принять вотъ эту рукопись, которую я написалъ по твоему приказанію, о различіи между католическою церковію и греческою. Тутъ ты найдешь, когда пожелаешь, отвѣты на всѣ такого рода вопросы о

вѣрѣ» (⁴⁸⁴). Принявъ рукопись, царь велѣлъ боярамъ идти въ церковь вмѣстѣ съ Антоніемъ; но Антоній, когда бояре оставились предъ церковію въ ожиданіи государя, успѣлъ незамѣтно уйти. Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Россіи, Антоній снова просилъ, чтобы позволено было пріѣзжимъ латинянамъ, имѣть въ ней свои церкви, и въ третій разъ получилъ отказъ. Бояре, именемъ государя, отвѣчали: «пріѣзжіе люди римской вѣры могутъ невозбранно имѣть у насъ своихъ поповъ, но толькобъ они своего ученія русскимъ людямъ не плодили; а костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставить. Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ: живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ; а церковей еще по сіе время ни которыя вѣры въ нашемъ государствѣ не ставили». Отпуская Антонія, царь Иванъ послалъ съ нимъ въ Римъ своего гонца и грамату къ папѣ, въ которой извѣщалъ, что принялъ его посла съ благодарностію и любовію, выражалъ свою готовность быть въ союзѣ съ христіанскими государями противъ турокъ, касательно же вѣры писалъ: «а что еси прислалъ къ намъ съ Антоніемъ книгу собора флорентійскаго, печатную греческимъ письмомъ, и мы тое книгу у посла твоего велѣли взяти; а что еси писалъ къ намъ и рѣчью намъ посолъ твой говорилъ о вѣрѣ, и мы о томъ съ Антоніемъ говорили» (⁴⁸⁵).

(⁴⁸⁴) Рукопись содержала три небольшія статьи: 1) *Capita, quibus Graeci et Rutheni a Latinis in rebus fidei dissenserunt*; 2) *Errores alii Ruthenorum, qui orientale schisma secuti sunt*; 3) *Interrogationes et responsiones de processione Spiritus Sancti a Patre et Filio* (Supplement. ad Hist. Russiae Monum. №№ 36-37; такъ же у *Старч.* 316—325. 330).

(⁴⁸⁵) Древн. Росс. Библ. VI, 104—106; *Бантышъ-Каменск.* Истор. Изв. объ Уніи § I; *Карамз.* IX, примѣч. 635 Здѣсь, между прочимъ, сказано, что

Съ горькими чувствами долженъ былъ Антоній выѣхать изъ Россіи. Мало того, что онъ не достигъ главнѣйшей цѣли своего посольства, не обратилъ русскаго государя и его подданныхъ къ своей вѣрѣ, онъ понялъ, что эта цѣль едва ли когда можетъ быть достигнута, что достиженіе ея, но крайней мѣрѣ, соединено съ величайшими трудностями, которыя онъ и изложилъ въ своемъ «Комментаріѣ» къ папѣ, указывая мѣстѣ и средства къ устраненію ихъ. Антоній увидѣлъ, до какой степени русскіе убѣждены въ превосходствѣ своей вѣры, считая себя только однихъ истинными христіанами, а всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и католиковъ, заблуждающими, еретиками, нечистыми (*). Увидѣлъ и убѣдился, въ частности, до какой степени русскіе не любятъ латинской вѣры и настроены противъ папства. Кромѣ этихъ рѣзкихъ отзывовъ о папѣ, неразъ произнесенныхъ публично самимъ царемъ, которыя пришлось выслушать Антонію, онъ узналъ нѣчто, едва ли еще не болѣе прискорбное. Въ то самое время,

царь, отпуская свое посольство въ Римъ, далъ наказъ: „если вамъ будутъ говорить, что государь вашъ называлъ папу *волкомъ и хищникомъ*, вы отвѣчайте, что не слышали“. Знакъ, что царь дѣйствительно такъ называлъ папу, хотя Антоній объ этомъ умалчиваетъ. Письмо государя къ папѣ, въ латинскомъ переводѣ, напечатано у *Старчевскаго* II, 81—82. Достоинно замѣчанія, что въ то самое время когда царь велъ религиозныя бесѣды съ Антоніемъ Поссевиномъ, и митрополитъ Діонисій созывалъ (1 марта 1582 г.) соборъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, на которомъ „совѣтовали и уложили о утвержденіи православныя вѣры греческаго закона въ отвѣтъ на письмо Антонія Поссевина“. Мы не встрѣчали нигдѣ этого соборнаго уложенія; но составители извѣстныхъ *поморскихъ отвѣтовъ* не только ссылаются на него неразъ, но и приводятъ изъ него отрывокъ въ подтвержденіе своего излюбленнаго ученія о двуперстіи (въ Отв. 5, Рукоп. нашей библ. № 36, л. 21 об.).

(*) У *Старчев.* II, 276. 281—286. 315. Въ послѣднемъ мѣстѣ Антоній говоритъ: *hanc a teneris annis Mosci opinionem imbuerunt, sese ut solos veros Christianos existiment, reliquos (licet Catholicos) immundos, haereticos aut errantes putent.*

когда онъ исполнялъ свое посольство въ Россіи, англійскіе купцы доставили царю книгу, въ которой доказывалось, что папа есть антихристъ, и царь тотчасъ же велѣлъ перевести ее на русскій языкъ, такъ что Антоній счелъ нужнымъ подать царю, въ опроверженіе ея, свою записку (⁴⁸⁷). Такую враждебность русскихъ ко всему латинскому и усиленіе ея Антоній приписывалъ преимущественно влиянію на нихъ лютеранъ и калвинистовъ, которые, проникая въ Москву изъ Германіи и Англіи по дѣламъ торговли и другимъ, распространяли здѣсь самые нелѣпые слухи о папѣ и латинянахъ, и утверждалъ даже, что во время самыхъ разговоровъ его, Антонія, съ царемъ о вѣрѣ какіе-то англійскіе еретики и голландскій медикъ, анабаптистъ, возбуждали царя противъ папы (⁴⁸⁸).

III.

Идеи лютеранства, явившагося въ первой четверти XVI в. и быстро распространившагося въ разныхъ странахъ западной Европы и въ сосѣднихъ намъ Польшѣ, Литвѣ и Ливоніи, начали проникать къ намъ очень рано и, на первый разъ, могли встрѣтить у насъ сочувствіе со стороны тѣхъ, которые еще продолжали тайно держаться нѣкоторыхъ началъ ереси жидовствующихъ. Еретикъ Башкинъ, осужденный со-

(⁴⁸⁷) Напечатана у *Старч.* II, 326—330.

(⁴⁸⁸) Тамъ же II, 281. 311.

боромъ въ 1553 г. и сознавшійся, что свое злое ученіе онъ принялъ отъ аптекаря Матеея, родомъ литвина, да отъ Андрея Хотѣва, которыхъ Курбскій справедливо признаетъ лютеранами, сознался вмѣстѣ, что «утверждали его въ томъ» лжеученіи заволжскіе старцы, издавна извѣстные своею расположенностію къ жиновствующимъ. Максимъ грекъ († 1556 г.) увидѣлъ нужду написать сочиненіе и «на люторы», хотя ограничился въ немъ только защитою православнаго иконопочитанія ⁽⁴⁸⁹⁾. Послѣдователи лютеранства и вообще протестантскихъ сектъ нерѣдко приходили въ Россію изъ Литвы, Ливоніи, Германіи, Даніи, Голландіи, Англіи, въ качествѣ посланниковъ отъ своихъ государей, а еще чаще по дѣламъ торговли, и проживали въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ; иные вызываемы были изъ-за границы нашимъ правительствомъ, какъ искусные мастера и художники; еще иные переселялись къ намъ сами и занимались разными ремеслами, или поступали на государеву службу. Всего же болѣе разсѣялось по Россіи *нѣмцевъ* (какъ называли у насъ тогда преимущественно лютеранъ и прочихъ протестантовъ) изъ Ливоніи, въ продолженіе счастливой ливонской войны: ихъ выводили, въ качествѣ плѣнныхъ, цѣлыми тысячами, и продавали или раздавали даромъ въ Новгородѣ, Твери, Москвѣ и гдѣ приходилось; а въ 1565 г. царь вывелъ изъ Дерпта даже всѣхъ нѣмцевъ и сослалъ во Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній Новгородъ, съ женами и дѣтьми. Въ Москвѣ нѣмцы селились въ новой нѣмецкой слободѣ, на берегу

(⁴⁸⁹) Нашей Истор. VI, 251; VII, 275.

Язуы (⁴⁹⁰). Сначала приняли у насъ протестантовъ довольно благосклонно: въ нихъ видѣли, прежде всего, рьяныхъ враговъ папства, и слѣд. какбы своихъ союзниковъ противъ ненавистныхъ латинянъ. Лютеранамъ и калвинистамъ царь позволялъ имѣть въ Москвѣ двѣ церкви; съ уваженіемъ относился къ дерптскому пастору Веттерману, переселившемуся съ своими прихожанами въ Россію, приказавъ открыть для него царскую библіотеку; любилъ слушать проповѣди голштинскаго пастора Христіана Бокгорна и открыто высказывалъ, что лютеранское ученіе, по видимому, близко къ истинѣ и что его можно было бы терпѣть, еслибы Лютеръ, нападая съ неудержимою силою краснорѣчія на папское иго, не низпровергалъ древняго церковнаго чина и не помрачилъ своихъ познаній въ свящ. писаніи постыднымъ отступничествомъ, свергнувъ съ себя монашескія одежды и клобукъ и женившись на монахинѣ. Нѣкоторые лютеране и калвинисты, приходившіе изъ Германіи и Англіи, или находившіеся при государѣ на службѣ, пользовались особеннымъ его благоволеніемъ и довѣріемъ. Онъ часто бесѣдовалъ съ ними о вѣрованіяхъ и обрядахъ у иностранныхъ народовъ и съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ то, что сообщали ему о новыхъ христіанскихъ сектахъ, ихъ ученіи и различіи ихъ между собою. Одинъ изъ этихъ любимцевъ царя (Эберфельдъ) будтобы пытался даже склонить его къ принятію Аугсбургскаго исповѣданія (⁴⁹¹). Но когда царь близко узналъ духъ и характеръ про-

(⁴⁹⁰) Ульфелдъ, *Legat. Moscovit.*, у *Старч.* I, 19. 21; II. Собр. Р. Лѣт. IV, 316; *Карамз.* IX, 15—17. 52. 261 и др.

(⁴⁹¹) *Одербон.* Ioannis Basilid. Vita, у *Старч.* II, 204; *Поссевин.* De rebus Moscovit., тамъ же II, 278. 300; *Карамз.* IX, 52. 261; нашей *Истор.* VII, 117.

тестантскихъ исповѣда ній, когда русскіе увидѣли и услышали, что протестанты отвергаютъ посты, почитаніе иконъ, призываніе святыхъ, монашество и проч., тогда взглядъ на протестантовъ у насъ совершенно измѣнился: ихъ начали считать еретиками, злыми еретиками, и царь, опасаясь ли того, чтобы они не заразили своимъ ученіемъ русскихъ и не ввели въ Россіи разныхъ сектъ, или недовольный тщеславіемъ и наглостію протестантовъ, приказалъ (въ 1579 г.) сжечь обѣ ихъ церкви въ Москвѣ, хотя черезъ пять лѣтъ, по ходатайству англійскаго посла Горсея, если вѣрить ему, вновь разрѣшилъ имъ построить церковь за городомъ ⁽¹⁹²⁾.

Въ началѣ 1570 года, Иванъ Васильевичъ имѣлъ торжественную бесѣду о вѣрѣ съ однимъ изъ членовъ общины чешскихъ и моравскихъ Братьевъ, Иваномъ Рокитою, приходившимъ къ намъ при послахъ польскаго короля Казимира, въ качествѣ ихъ пастора,—и въ этой бесѣдѣ царя, со всею ясностію, обнаружилось, какъ понимали тогда въ Россіи лютеранство и однородныя съ нимъ религіозныя секты. Бесѣда происходила въ палатахъ государевыхъ, на особо устроенномъ и богато украшенномъ возвышеніи, въ присутствіи не только польскихъ пословъ и множества русскихъ бояръ, но и въ присутствіи русскаго духовенства. Первое слово принадлежало царю, и онъ, обращаясь къ Рокитѣ, сказалъ: «Вы привыкли хвалиться своею евангелическою вѣрою; но на дѣлѣ между вами постоянно происходятъ шумныя раздѣленія, и вы

(192) На первую изъ предполагаемыхъ причинъ къ сожженію протестантскихъ церквей указываетъ Поссевиусъ (у *Старч.* II, 278); на послѣднюю—Моржеретъ (*Устрялос.* Сказан. современ. о самозванцѣ, III, 28—29); *Горсея*, *The travels*, въ Сборникѣ *Бонди*, pag. 182, Лондон. 1856.

своими новыми догматами перевернули почти всю Европу, такъ что нельзя было бы тому и вѣрить, еслибы до насъ не доходили, къ великому изумленію, почти ежедневныя о томъ вѣсти. Мы знаемъ, что мнѣнія вашей секты заключались въ лжеученіяхъ еще древнихъ еретиковъ, и давно уже разсмотрѣны и строго осуждены многими соборами и христіанскими учеными. Но какъ не подивиться, что вы проповѣдуете и неизвѣстныя прежде ереси, приписывая оправданіе человѣка одной вѣрѣ, когда сказано, что придетъ Господь судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому награду по дѣламъ его? Если одна вѣра доставляетъ вѣчное блаженство, то для чего нуженъ судъ, и за чѣмъ такъ часто въ новомъ завѣтѣ усвоится достоинство нашимъ дѣламъ? Гуссъ и Лютеръ, эти опустошители древней церкви, ни отъ кого не получили законной власти учить и не совершали чудесъ, какія, по обѣтованію Спасителя, творили истинные Его ученики: такъ и ты не имѣешь законнаго права учить, не можешь совершать чудесъ, не долженъ считаться проповѣдникомъ Евангелія. Помнимъ слова треблаженнаго Павла: *како проповѣдаютъ, аще не послани будутъ* (Рим. 10, 15)? Подумай же теперь, Рокита, своимъ умомъ, кто васъ, бѣдныхъ, послалъ на проповѣдь; подумай, наконецъ, что вы проповѣдуете; подумай, какими недостойными способами вы разрушаете драгоцѣнный союзъ Христова стада? Живете вы неводержно, уподобляясь свиньямъ; осуждаете и отвергаете, по ненависти къ церкви, посты, которые служатъ къ здоровью тѣла и души, тогда какъ Господь заповѣдалъ намъ бдѣть и воздерживаться... Ненавидите вы и Святыхъ на небѣхъ, порицаете ихъ, разрушаете ихъ храмы и алтари; а они, между тѣмъ, обитая въ не-

бесномъ свѣтѣ, могли бы много приносить вамъ пользы своимъ ходатайствомъ предъ Богомъ, который, еще во дни земной ихъ жизни, изгонялъ, по молитвамъ ихъ, демоновъ, воскрешалъ мертвыхъ. Св. иконамъ вы не только не воздаете никакой чести, но выбрасываете ихъ изъ вашихъ храмовъ и жилищъ, тогда какъ ими слѣдовало бы украшать всѣ стѣны всякихъ зданій. Такое злодѣйство тѣмъ болѣе должно считаться важнымъ, что вы тутъ неистовствуете и противъ самаго Бога»... Это и многое другое говорилъ Іоаннъ, и затѣмъ приказалъ Рокитѣ отвѣчать смѣло и свободно, безъ всякихъ опасеній, обѣщаясь слушать его съ полнымъ вниманіемъ и снисхожденіемъ. Тогда Рокита, который звалъ славянскій языкъ, произнесъ весьма обширную и краснорѣчивую рѣчь, давая въ ней, по порядку, отзывы на всѣ тѣ мысли, какія высказаны были царемъ противъ протестантовъ: раскрывалъ ученіе ихъ объ оправданіи вѣрою и значеніи добрыхъ дѣлъ; доказывалъ, что Лютеръ имѣлъ право учить, какъ имѣютъ тоже право и прочіе протестантскіе учителя, хотя и не совершаютъ чудесъ; объяснялъ, какъ понимаютъ протестанты постъ, почему не признаютъ ходатайства Святыхъ, почему отвергаютъ почитаніе иконъ и монашество. Ораторъ говорилъ съ большою энергіею и, по мѣстамъ, не только смѣло, но слишкомъ дерзко, стараясь, впрочемъ, направлять свои слова противъ римской церкви и умалчивая о греческой или даже выражая къ ней удивленіе. Грозный царь сдержалъ свое обѣщаніе: онъ слушалъ рѣчь внимательно, терпѣливо, и нисразу ее не остановилъ, хотя въ ней было немало такого, что могло возмутить его душу. Онъ даже объявилъ, что рѣчь

Рокиты ему понравилась; но приказалъ изложить ее на бумагѣ и прибавилъ, что напишетъ на нее опроверженіе (⁴⁹³).

Въ маѣ тогоже 1570 года, царь дѣйствительно доставилъ Рокитѣ обѣщанное опроверженіе на его рѣчь. Это любопытное опроверженіе, сохранившееся, къ сожалѣнію, только въ латинскомъ переводѣ, какъ и все предшествовавшее собесѣдованіе царя съ Рокитою, состоитъ изъ 14-ти главъ, которыя, впрочемъ, большею частію, очень кратки и, по содержанію своему, могутъ быть подведены подъ два отдѣла. Въ однѣхъ главахъ, царь высказываетъ свои мысли о Лютерѣ и о послѣдующихъ проповѣдникахъ лютеранства. Лютеръ, говоритъ царь, какъ по своей жизни, такъ и по своему имени, на нашемъ языкѣ, былъ человекъ *лутый*, сварѣный. Устремившись на Христа, онъ ниспровергъ Его установленія, низвернулъ ученіе апостоловъ и св. отцевъ и далъ свящ. писаніямъ не тотъ смыслъ, какой они заключаютъ въ себѣ, а какой внушилъ ему его испорченный разумъ (гл. 1). Какъ сатана, съ своими демонами, повсюду обольщаетъ людей, такъ и вы являетесь способниками ему въ этомъ коварствѣ: Лютеръ не имѣлъ законнаго права учить, не былъ ни апостоломъ, ни епископомъ и ни отъ кого не былъ посланъ на учительство (гл. 9). Подобно Лютеру, и прочіе проповѣдники лютеранства не суть законные учителя: они не имѣютъ посланничества отъ Христа, низвращаютъ Слово Божіе, от-

(⁴⁹³) Всѣ обстоятельства этой бесѣды и обѣ рѣчи, какъ царская, такъ и Рокиты, помѣщены въ соч. *Одербона* о жизни Ивана Васильевича (у *Старч.* II, 204-213). Помѣщена такъ же эта бесѣда и въ Сборникъ *Лазуцкаго*: *De Ruseorum Moscovit. et Tartar. relig...*, p. 1—10, Spiraе 1582; но только здѣсь она изложена въ формѣ краткихъ вопросовъ со стороны царя и столько же краткихъ отвѣтовъ со стороны Рокиты, подъ заглавіемъ: *Colloquium de religione magni ducis Moscorum cum Rohita....* ап. 1570.

вергаютъ все, преданное св. отцами. Къ нимъ прилагаетъ царь разныя мѣста свящ. писанія, въ которыхъ говорится о лжепророкахъ и лжеучителяхъ, о волкахъ, татяхъ и разбойникахъ, и восклицаетъ: «о вы, погибшіе, которые, по своей прихоти, низвращаете Писаніе!... Оставивъ законныхъ пастырей, учителей и самихъ апостоловъ, вы низпровергаете заповѣдь Христа и вновь распинаете Его въ васъ самихъ.... И мы, по всей справедливости, поражаемъ васъ, враговъ истины, громомъ проклятія. Вы антихристы: потому что антихристъ тотъ, кто возстаетъ противъ Христа» (гл. 2. 4. 8). Въ частности, Рокиту, а въ лицѣ его и вообще лютеранъ, царь не соглашается называть даже христіанами, потому что они слѣдуютъ ученію не Христа, а Лютера,—и называетъ ихъ врагами креста Христова и собаками (гл. 3. 7). Въ другихъ главахъ, Иванъ Васильевичъ разбираетъ ученіе лютеранъ и ихъ отступленія отъ истины: опровергаетъ ихъ ученіе объ оправданіи ученіемъ апостола Іакова о дѣлахъ и примѣрахъ добродѣтелей ветхозавѣтныхъ праведниковъ (гл. 6); обличаетъ лютеранъ за то, что они не почитаютъ Божіей Матери и другихъ Святыхъ, въ частности апостоловъ и отцевъ церкви, не призываютъ угодниковъ Божіихъ въ молитвахъ и рѣдко совершаютъ у себя литургію и таинство евхаристіи (гл. 6. 11. 12); отстаиваетъ церковные посты (гл. 10) и иконопочитаніе, и при этомъ объясняетъ, что извѣстныя изреченія о кумирахъ, приводимыя изъ десятословія и вообще изъ ветхаго завѣта, относятся къ идоламъ, а не къ свящ. изображеніямъ, и указываетъ на древнѣйшія иконы отъ временъ апостольскихъ и на чудеса, совершающіяся отъ св. иконъ (гл. 5. 13); наконецъ, съ жаромъ защищаетъ мона-

шество и, между прочимъ, говоритъ: «ни Христосъ, ни апостолы не имѣли женъ. Если у Петра были теща и жена, то это было прежде, нежели онъ послѣдовалъ за Христомъ; равно и всѣ апостолы, какъ только сдѣлались послѣдователями Христа, жили въ чистотѣ, и тещи стали для нихъ матерями, а жены сестрами..... Для сохраненія чистоты, лучше воздерживаться отъ супружества и употребленія мяса; но тѣ, которые не дали такого обѣта, могутъ жить въ супружествѣ и ѣсть мясо, лишь бы исполняли заповѣди Христовы, которыя даны равно и для монаховъ и для мірянъ» (гл. 14). Нельзя сказать, чтобы сочиненіе нашего государя, такъ любившаго заниматься религіозными вопросами и преніями, отличалось раздѣльностью понятій, послѣдовательностію и основательностію; но оно проникнуто самою живою ревностію о православіи и нескрываемою непріязнію къ лютеранизму, и переполнено множествомъ текстовъ изъ свящ. писанія, которое царь зналъ очень подробно. Подъ конецъ послѣдней главы своего сочиненія, онъ обратился къ Рокитѣ съ слѣдующими словами: «ты въ моихъ глазахъ еретикъ, потому что все твое ученіе превратно и совершенно противно христіанскому и церковному ученію; и не только ты еретикъ, но и слуга антихристовъ, воздвигнутый діаволомъ. Не одинъ ты лютеранинъ, есть и другіе, еще худшіе тебя. Потому мы запрещаемъ тебѣ распространять свое ученіе въ нашихъ владѣніяхъ» (194).

(194) Все опроверженіе царя напечатано въ томъ же Сборникѣ *Лазичкаго*, подъ заглавіемъ: *Huius colloquii, litteris mandati, ab eodem duce refutatio*, an. 1570 Calend. Maii. На каждую изъ 14-ти главъ этого царскаго опроверженія Лазичкій, который самъ былъ членомъ Евангелической общины, напечаталъ въ томъ же Сборникѣ свои опроверженія, давъ имъ общее названіе: *Verae reli-*

Несправедлива мысль, встрѣчающаяся у протестантскихъ писателей, будто Иванъ Васильевичъ предпочиталъ протестанство католицизму, хотя и правда, что нѣкоторыхъ протестантовъ онъ особенно приближалъ къ себѣ и нерѣдко увлекался ихъ совѣтами (⁴⁹⁵). Если онъ рѣзко отзывался о папѣ, то еще болѣе рѣзко—о Лютерѣ и другихъ проповѣдникахъ лютеранства. Если латинянь называлъ еретиками, то лютеранъ не хотѣлъ называть даже христіанами. Если латинянамъ не дозволилъ имѣть свою церковь въ Россіи, а протестантамъ дозволилъ построить новую послѣ того, какъ велѣлъ сжечь двѣ прежнія ихъ церкви, то дозволилъ изъ вниманія къ ходатайству англійскаго посла, а отнюдь не изъ какого либо расположенія къ самому протестантскому исповѣданію. За то, съ другой стороны, позволялъ иногда латинянамъ входить въ русскую церковь, а протестантамъ не позволялъ, водясь, конечно, тою мыслию, что первые, подобно православнымъ, признаютъ и призываніе Святыхъ въ молитвахъ и поклоненіе иконамъ, а послѣдніе не признаютъ: самъ пригласилъ, на прим., Антонія Поссевина въ успенскій соборъ и тутъ же присовокупилъ: «только смотри, Антоній, не введи съ собою въ церковь кого либо изъ лютеранъ» (⁴⁹⁶). Если, при завое-

gionis apologia, falsae confutatio (pag. 11—196). Опроверженія Лазицкаго несравненно обширнѣе царскихъ.

(⁴⁹⁵) Одерборн. у *Старч.* II, 204; *Петрея* Исторія о вел. княжествѣ Москов., въ переводѣ *Шемакина*, стр. 431.

(⁴⁹⁶) *Поссевин.* у *Старч.* II, 300. 315: vide, Antoni, ne lutheranum aliquem in ecclesiam inducas. Ульфелдъ, протестантъ, приѣзжавшій посломъ датскаго короля къ нашему государю въ 1575 г., такъ же рассказываетъ о себѣ, что когда онъ въ Псковѣ пожелалъ войти въ одну монастырскую церковь, то его не впустили, какъ недостойнаго (*Legat. Moscovit.* у *Старч.* I, 6). См. такъ же выше примѣч. 469.

ваніи Ливоніи, разрушала всѣ латинскія церкви и выгоняла всѣхъ латинскихъ священниковъ, то точно такъ же поступала и съ лютеранскими церквами и священниками (⁴⁹⁷). Сами латиняне и протестанты несомнѣнно старались дѣйствовать на Іоанна во вредъ другъ другу и въ пользу своихъ исповѣданій. Любимцы царя изъ протестантовъ сильно настроивали его противъ папы и папскаго посла Антонія, и подъ ихъ-то, можетъ быть, вліяніемъ царь и не согласился дозволить латинскихъ церквей въ Россіи, несмотря на всѣ просьбы Антонія. А послѣдній, именемъ папы, просилъ, чтобы царь не держалъ у себя «магистровъ люторскихъ, нѣмецкихъ, которые не знаютъ Пречистыя Богородицы и Святыхъ Божіихъ, а чтобы держалъ правдивыхъ священниковъ вѣры римскія». Но Антонию на это сказано было тоже самое, что неразъ говорили ему: въ русскомъ государствѣ живутъ многіе люди всякихъ вѣръ, и живутъ всѣ своимъ обычаемъ; ихъ не стѣсняютъ, не преслѣдуютъ; но только никому изъ нихъ не позволяютъ совращать русскихъ въ свою вѣру (⁴⁹⁸). Русскіе,—повторимъ вслѣдъ за самими иностранцами, посѣщавшими тогда наше отечество,—только однихъ себя признавали истинными христианами, а всѣхъ прочихъ христіанъ, въ томъ числѣ и протестантовъ и латинянъ, считали еретиками, даже не лучшими турокъ, и всѣхъ не только католиковъ, но равно и протестантовъ и другихъ, перекрещивали, въ случаѣ принятія ими православія (⁴⁹⁹).

(⁴⁹⁷) *Посевин.* у *Старч.* II, 281; *Никон.* Лѣт. VII, 308; *Карамз.* VIII, 167 и др.

(⁴⁹⁸) *Древн. Росс. Вивлію.* VI, 98. 102.

(⁴⁹⁹) См. выше примѣч. 413. 486. *Флетчеръ* протестантъ: „Русскіе пере-

Говорили мы объ отношеніяхъ нашей восточно-русской церкви и къ православнымъ церквамъ востока и юга, и къ церкви римской, и къ исповѣданіямъ протестантскимъ; но доселѣ еще не сказали объ отношеніяхъ ея къ самой близкой и родственной ей церкви, составлявшей съ нею нѣкогда одно,—къ православной церкви западно-русской, литовской. Это потому, что и сказать-то объ нихъ, объ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ, почти нечего. Русскіе московскаго государства, естественно, питали живое сочувствіе къ своимъ братьямъ по крови и по вѣрѣ, жившимъ во владѣніяхъ иноземнаго, иновѣрнаго и почти всегда враждебнаго намъ государя, и когда опустошали литовскія страны, то старались, по крайней мѣрѣ, иногда щадить православные храмы и отпускать на свободу попадавшихся въ плѣнъ единовѣрцевъ, а когда слышали о притѣсненіяхъ, какимъ подвергалось въ Литвѣ православіе, то, въ защиту его, смѣло возвышали свой голосъ, и Іоаннъ III объявлялъ даже войну польскому королю Александру. Русскіе литовскаго государства точно такъ же сочувственно относились къ русскимъ, жившимъ въ Москвитин, даже молились объ успѣхахъ ихъ оружія противъ

крещиваютъ всѣхъ христіанъ, не принадлежащихъ къ греческой церкви, какъ скоро они переходятъ въ русскую вѣру, потому что почитаютъ ихъ отдѣленными отъ истинной церкви, которая, по мнѣнію русскихъ, есть только церковь греческая.... Всѣхъ другихъ христіанъ они считаютъ никакъ не лучше турокъ въ сравненіи съ собою“ (О госуд. русск., гл. 23. 25, стр. 88. 92). Онъ же свидѣтельствуетъ, что изъ плѣнныхъ ливонцевъ многіе соглашались креститься въ другой разъ по русскому обряду, чтобы пользоваться болѣею свободою и пріобрѣсть себѣ что либо на прожитокъ, получая обыкновенно при этомъ награду отъ цари; а изъ англичанъ съ тѣхъ поръ, какъ они начали пріѣзжать въ Россію, рѣшился перекреститься въ русскую вѣру только одинъ Ричардъ Рельфъ (тамъ же гл. 22, стр. 84).

литовско-польскаго короля, иногда просили себѣ изъ Москвы свящ. книгъ (князь Константинъ Острожскій) и т. под. (°°°). Но сношеній собственно между самими митрополіями, московскою и литовскою, послѣ окончательнаго раздѣленія ихъ, когда въ Москвѣ отвергнуты были всѣ притязанія перваго литовскаго митрополита Григорія, не происходило никакихъ въ продолженіе всего настоящаго періода. Западно-русская церковь жила совершенно отдѣльною жизнію, имѣла свою особую судьбу и имѣетъ свою особую исторію.

(°°°) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 293; VIII, 238—239; Ник. Лѣт. VI, 160—162; Карамз. VI, 184, изд. Эйнерл.; Suplem. ad Hist. Russiae Monum. № 2.